

ISSN 2220-2404 (печать)

ISSN 2221-1373 (on-line)

№ 1

2026

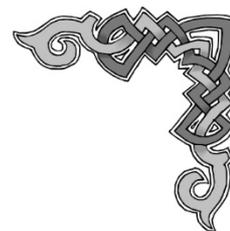
**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

**HUMANITIES,
SOCIAL-ECONOMIC
AND SOCIAL SCIENCES**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**ООО «Наука и образование»;
ФГБОУ ВО «Адыгейский
государственный университет»**

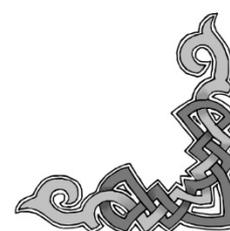
16+

**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

**Научный журнал
www.online-science.ru**

**№ 1
2026**

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Сетевое издание / Online edition

№ 1 от 23.01.2026

Выходит 12 раз в год

www.online-science.ru

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 248-12/2025 от 03.12.2025 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Харитонов Евгений Михайлович, академик Российской академии наук, доктор социологических наук, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, профессор кафедры истории и политологии Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина

ШЕФ-РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, директор издательства ООО «Наука и образование»

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Хунагов Рашид Думаличевич, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института комплексных проблем Адыгейского государственного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВО

«Адыгейский государственный университет»

ИЗДАТЕЛЬ:

ООО «Наука и образование»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

ООО «Наука и образование»; 350005, Краснодарский край, г. Краснодар, переулок Народный, д. 2/1, оф. 6

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета –

Осипов Геннадий Васильевич, академик Российской академии наук, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета, Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник учебно-методического управления Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

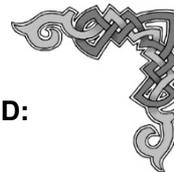
Гапоненко Владимир Федосович, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный сотрудник МВД России, действительный член Международной академии наук ООН информационных систем и технологических процессов, действительный член Академии военных наук РФ, награжден Почетным знаком «Международное признание», Академия управления МВД России;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения учебно-образовательного центра Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин Ессентукского института управления, бизнеса и права;

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и регионального управления Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Иванцов Сергей Вячеславович, доктор юридических наук, профессор, ученый секретарь ученого совета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

EDITORIAL BOARD:

Chairman of the Editorial Board –

Gennady V. Osipov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

Members of the Editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State University of Economics, Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetsky, Doctor of Law, Professor, Head of the Educational and Methodological Department of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Vladimir F. Gaponenko, Doctor of Economics, Candidate of Technical Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia, full member of the International Academy of Sciences of the United Nations of Information Systems and Technological Processes, full member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation, awarded the Honorary Badge «International Recognition», Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Zinaida T. Golenkova, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Center for the Study of Social Structure and Social Stratification of the Educational Center of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Vladimir N. Grishai, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of General Humanitarian and Natural Sciences of the Essentuki Institute of Management, Business and Law;

Alexander V. Dyatlov, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Regional Management of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Sergey V. Ivantsov, Doctor of Law, Professor, Academic Secretary of the Academic Council of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, декан факультета журналистики Кубанского государственного университета;

Каропова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, руководитель отдела оперативных исследований, заместитель руководителя Центра социологии и экономики знания Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Кочербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, и.о. декана экономического факультета Киргизско-Российского университета им. Б.Н. Ельцина, директор Международного аналитического клуба «Иссык-Куль-Большая Евразия», член Научного совета «Социально-политические и демографические проблемы формирования Евразийского экономического союза», отделения общественных наук РАН, член Секретариата координационного совета Евразийского информационно-аналитического консорциума (ЕИАК);

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимательства;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана социологического факультета, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы;

Невский Сергей Александрович, Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Образиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации;

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук, Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия;

Alexander N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminology, Moscow University of The Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after V.Ya. Kikot';

Valery V. Kasyanov, Doctor of Sociology, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of Journalism of Kuban State University;

Svetlana G. Karepova, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Operational Research Department, Deputy Head of the Center for Sociology and Economics of Knowledge of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Alexey A. Kashkarov, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Ainura A. Kocherbayeva, Doctor of Economics, Professor, Acting Dean of the Faculty of Economics at the B.N. Yeltsin Kyrgyz-Russian University, Director of the Issyk-Kul-Greater Eurasia International Analytical Club, Member of the Scientific Council on Social, Political, and Demographic Issues in the Formation of the Eurasian Economic Union, Department of Social Sciences at the Russian Academy of Sciences, and Member of the Secretariat of the Coordination Council of the Eurasian Information and Analytical Consortium (EIAC);

Stanislav I. Konovalov, Honored Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Professor of the Rostov Institute for the Protection of Entrepreneurship;

Nikolay P. Narbut, Doctor of Sociology, Professor, First Deputy Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Department of Sociology of the Peoples' Friendship University of Russia. Patrice Lumumba;

Sergey A. Nevsky, Honored Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Research Center № 1;

Konstantin V. Obrazhiev, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Pan Dawei, Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences, People's Republic of China;

Yuri E. Pudovochkin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Russian State University of Justice;

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Инна Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры финансового и HR-менеджмента Ростовского государственного экономического университета (РИНХ);

Сапрыкина Людмила Николаевна, доктор экономических наук, доцент, директор филиала Российского общества «Знание» в Донецкой Народной Республике;

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Снимщикова Ирина Викторовна, Заслуженный деятель науки Кубани, академик РАЕН, Почетный работник АПК России, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры институциональной экономики и инвестиционного менеджмента Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, курс-лидер по направлению «Уголовное право» Югорского государственного университета;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, Российская академия естествознания;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, руководитель Центра международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал».

Vitaly S. Pusko, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor;

Anna I. Romanova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics and Management in Urban Economy of Kazan State University of Architecture and Civil Engineering;

Inna N. Rykova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Industrial Economics of the Research Financial Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Sergey I. Samygin, Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Financial and HR Management of Rostov State University of Economics (RINH);

Lyudmila N. Saprykina, Doctor of Economics, Associate Professor, Director of the branch of the Russian Society «Knowledge» in the Donetsk People's Republic;

Anatoly N. Silin, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the West Siberian branch of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

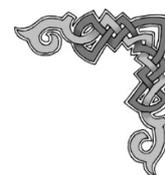
Irina V. Snimshchikova, Honored Scientist of Kuban, Academician of the Russian Academy of Sciences, Honorary Worker of the Agro-Industrial Complex of Russia, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Institutional Economics and Investment Management of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Alexey V. Sumachev, Doctor of Law, Professor, Course Leader in Criminal Law at Yugra State University;

Andrey R. Tuzikov, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Industrial Policy and Business Administration of Kazan National Research Technological University;

Ivan V. Uporov, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law, Professor, Russian Academy of Natural Sciences;

Insur Z. Farkhutdinov, Doctor of Law, Head of the Center for International Legal Studies of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «Eurasian Legal Journal».

ОГЛАВЛЕНИЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аверин А.Н., Понеделков А.В., Вакула И.М. Роль среднего профессионального образования в подготовке специалистов среднего уровня, квалифицированных рабочих и служащих	13
Гасайниева У.Б. Культура страха и доверия: как общество воспринимает медицинских инженеров	19
Исмаилова С.Ф. Реформы постсоветского периода: оценка и восприятие в общественном сознании дагестанского населения (по результатам социологического опроса)	24
Кун Чуан Философские основы традиционных культурных ценностей Китая	32
Куракова Т.В., Косивченко Е.В. Управление вопросами безопасности и рисков «умного города»	37
Медведев С.В. Оценка готовности граждан к реализации гражданских инициатив через социально-сетевое взаимодействие с органами власти: социологический анализ	44
Плотников В.В., Чернова И.Б. Тактильность сакрального, обустройство пространства и микросоциальные практики в повседневном микрокосме православной кофейни	50
Тужба Э.Н., Круглик Н.В. Автомобилизация как генератор социальных рисков	59
Турдимурадова Г.Р. Семейные узы вдали от дома: как мигранты строят свои брачные стратегии в России	65
Фурсов А.В. От финансовой грамотности и финансовой культуры к финансовой агентности: социологическая теоретико-методологическая модель	71

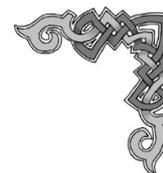
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аверин А.Н., Чапурко Т.М., Клименко Т.М. Террористические акты в современной России	85
Гаевой А.И., Мезина В.В. Современное предварительное следствие как форма досудебного производства по уголовному делу: его свойства и отличительные черты	91
Гаевой А.И., Селяметов Г.О. Результаты оперативно-разыскной деятельности в контексте современной парадигмы уголовного судопроизводства в России	99
Гюлбанкян А.А. Объективный и субъективный эксцесс соучастника преступления	104
Карпов А.В., Ганеев А.Р., Булаева Н.А. Методический инструментальный экспертный мониторинг для оценки эффективности реализации государственных программ в сфере образования и гуманитарного сотрудничества	110
Меньщикова В.И., Лаврик Т.М. Интеллектуальная собственность в цифровой экономике: правовые барьеры и драйверы роста для творческого предпринимательства	119

Озимок Д.В. Санкционные механизмы ООН и их влияние на суверенитет государств: правовые и политические противоречия	128
Прошин В.М. Занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ): генезис криминального развития	135
Симонова Т.А. Противодействие коррупции в органах государственной власти	141
Чесебиева К.Ю. Противоречия и вызовы уголовно-правового противодействия коррупционным преступлениям: анализ эффективности наказаний	148

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Андреев Л.А. Экономическая несостоятельность санкционной политики стран коллективного Запада (на примере Ирана)	155
Ганеев А.Р., Булаева Н.А., Чечелева В.Н. От «человеческого фактора» к цифровой объективности: трансформация экспертной роли в анализе результатов исполнения контрактов и договоров	162
Джалили А.К. Алгоритм внедрения блокчейна в отдельные бизнес-сегменты «Нового Кабул Банка» Афганистана	173
Кроер Е.В. Проблемы обеспечения роста доходов организации в сфере образования	180
Романов Е.Ю. Методические подходы к анализу городской транспортной системы: систематизация и классификация	191
Серпер С.А. Институционально-финансовые механизмы управления персонализированной адаптивной физической культурой в регионе	199
Снимщикова И.В. Дуализм влияния институционализации потребления в современной России на экономический рост	204
Таранов П.В., Рощина Л.Н. Мировая экономика в условиях инноватизации социально-экономического развития	211

CONTENTS

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Alexander N. Averin, Alexander V. Ponedelkov, Ivan M. Vakula The role of secondary vocational education in the training of mid-level specialists, skilled workers and employees	13
Ubaidat B. Gasaynieva A culture of fear and trust: how society percepts medical engineers	19
Sabina F. Ismailova Perception in the public consciousness of the dagestani population (according to the results of a sociological survey)	24
Kong Chuang Philosophical foundations of traditional chinese cultural values	32
Tatyana V. Kurakova, Ekaterina V. Kosivchenko Management of security and risks in a smart city	37
Sergey V. Medvedev Assessing the readiness of citizens to implement civic initiatives through social network interaction with government bodies: a sociological analysis	44
Vladimir V. Plotnikov, Irina B. Chernova Sacred tactility, spatial arrangement, and microsocial practices in an orthodox cafe microcosm	50
Emir N. Tuzhba, Natalya V. Kruglik Automobilization as a generator of social risks	59
Gulmira R. Turdimuradova Family ties away from home: how migrants build marriage strategies in Russia	65
Andrey V. Fursov From financial literacy and financial culture to financial agency: a sociological theoretical and methodological model	71

JURISPRUDENCE

Alexander N. Averin, Tatyana M. Chapurko, Tauzhan M. Klimenko Terrorist acts in modern Russia	85
Alexander I. Gaevoy, Valeria V. Mezina Modern preliminary investigation as a form of pre-trial proceedings in a criminal case: its properties and distinctive features	91
Alexander I. Gaevoy, German O. Selyametov Results of operational-investigative activities, their legal nature, place and role in criminal proceedings: modern problems of theory and practice	99
Aram A. Gulbankyan Objective and subjective excesses of an accomplice to a crime	104
Andrei V. Karpov, Aleksei R. Ganeev, Natalia A. Bulaeva Methodological toolkit for expert monitoring to assess the effectiveness of government program implementation in the field of education and humanitarian cooperation	110
Vera I. Menshchikova, Tatiana M. Lavrik Intellectual property in the digital economy: legal barriers and growth drivers for creative entrepreneurship	119
Dmitry V. Ozimok Un sanctions mechanisms and their impact on the sovereignty of states: legal and political contradictions	128

Vladimir M. Proshin

Occupying a high position in a criminal hierarchy
(Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation):
the genesis of criminal development 135

Tatiana A. Simonova

Countering corruption in public authorities 141

Ksenia Yu. Chesebieva

Contradictions and challenges in criminal law counteraction to corruption crimes:
an analysis of punishment effectiveness 148

ECONOMIC SCIENCES

Lev A. Andreev

Economic Insolvency of the sanctions policy of the collective West
(on the example of Iran) 155

Aleksei R. Ganeev, Natalia A. Bulaeva, Vera N. Checheleva

From the «human factor» to digital objectivity:
transforming the expert role in the analysis of contract performance results 162

Abdul Q. Jalili

Blockchain implementation algorithm in separate business segments
of New Kabul Bank of Afghanistan 173

Ekaterina V. Kroer

Problems of ensuring income growth in educational organizations 180

Egor Yu. Romanov

Methodological approaches to the analysis of urban transport systems:
systematization and classification 191

Sergey A. Serper

Institutional and financial mechanisms
for managing personalized adaptive physical culture in a region 199

Irina V. Snimshchikova

Dualism of the influence of institutionalization of consumption
in modern Russia on economic growth 204

Petr V. Taranov, Lidia N. Roshina

The world economy in the context of innovative social and economic development 211

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-1-1>

УДК 377

Attribution

cc by

РОЛЬ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ СРЕДНЕГО УРОВНЯ, КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ

Аверин А.Н.¹, Понеделков А.В.², Вакула И.М.³

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,

²Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства

и государственной службы при Президенте Российской Федерации,

³Ростовский юридический институт МВД России

Аннотация. Актуальность темы исследования определяется существующим дефицитом специалистов среднего уровня и квалифицированных рабочих, служащих, обновлением системы и увеличением престижа среднего профессионального образования. Цель статьи – рассмотреть значение среднего профессионального образования в подготовке специалистов среднего уровня, квалифицированных рабочих и служащих. Объектом исследования являются образовательные организации среднего профессионального образования. Основные методы исследования – статистический метод, сравнение, анализ и синтез, дедукция и индукция. Полученные результаты. Использованы федеральный закон «Об образовании», Доклад о реализации плана деятельности Министерства просвещения Российской Федерации по реализации документов стратегического планирования за 2023 год, официальные статистические данные. В статье рассмотрена и проанализирована численность государственных, муниципальных и частных организаций среднего профессионального образования, студентов очной, очно-заочной, заочной форм обучения по программам подготовки специалистов среднего звена, подготовки квалифицированных рабочих, служащих, численность персонала по уровню образования, среднемесячная заработная плата. Показаны центры карьеры, Всероссийское чемпионатное движение по профессиональному мастерству, реализация федерального проекта «Профессионалитет». В качестве основного вывода можно утверждать об обновлении системы среднего профессионального образования, которое проявляется в изменении учебного процесса в образовательных организациях, в их совместной работе с работодателями, увеличении спроса на программы среднего профессионального образования. В обзоре литературы важно отметить такие работы, как структура и параметры сценариев развития среднего профессионального образования в Российской Федерации до 2035 года, маркетинговые решения организаций среднего профессионального образования, развитие профессионального образования в регионах, модульная технология формирования профессиональной компетентности студентов среднего профессионального образования, формирование конкурентоспособности студента в социальном партнерстве техникума с работодателями, формирование предпринимательской культуры студентов учреждений среднего профессионального образования, социально-профессиональная адаптация студентов в учреждениях среднего профессионального образования. Следует также указать на такие публикации, как научно-методические основы организации учебных занятий в системе среднего профессионального образования, системы внутреннего контроля учебно-производственной работы в среднем профессиональном образовании, интерактивные методы обучения как средство формирования профессиональных компетенций, обучающихся в профессиональной образовательной организации, воспитательная деятельность в среднем профессиональном образовании.

Ключевые слова: бюджет, выпуск, доклад, закон, заработная плата, образовательная организация, поступление, программа, проект, сотрудник, среднее профессиональное образование, трудоустройство, центр карьеры, чемпионат.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE ROLE OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION IN THE TRAINING OF MID-LEVEL SPECIALISTS, SKILLED WORKERS AND EMPLOYEES

Alexander N. Averin¹, Alexander V. Ponedelkov², Ivan M. Vakula³

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

²South-Russian Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

³Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The relevance of the research topic is determined by the existing shortage of mid-level specialists and skilled workers, employees, updating the system and increasing the prestige of secondary vocational education. The purpose of the article is to consider the importance of secondary vocational education in the training of mid-level specialists, skilled workers and employees. The object of this research is educational institutions of secondary vocational education. The main research methods are the statistical method, comparison, analysis and synthesis, deduction and induction. Results. The Federal Law on Education, the Report on the Implementation of the Action Plan of the Ministry of Education of the Russian Federation for the Implementation of Strategic Planning Documents for 2023, and official statistics were used. The number of state, municipal and private organizations of secondary vocational education, students of full-time, part-time, part-time forms of education under the programs of training mid-level specialists, training of qualified workers, employees, the number of personnel by level of education, the average monthly salary are considered. Career centers, the All-Russian Championship Movement in Professional Skills, the implementation of the federal project «Professionalism» are shown. As the main conclusion, it can be stated that the system of secondary vocational education is being updated, which is manifested in changes in the educational process in educational organizations, in their joint work with employers, and an increase in demand for secondary vocational education programs. In the literature review, one can note such works as the structure and parameters of scenarios for the development of secondary vocational education in the Russian Federation until 2035, marketing solutions of secondary vocational education organizations, the development of vocational education in the regions, modular technology for the formation of professional competence of students of secondary vocational education, the formation of student competitiveness in the social partnership of a technical school with employers, the formation of an entrepreneurial culture of students of secondary vocational education institutions, the social and professional adaptation of students in secondary vocational education institutions. It is also necessary to mention such publications as the scientific and methodological foundations of the organization of training sessions in the system of secondary vocational education, the organization of the system of internal control of educational and production work in the organization of secondary vocational education, interactive teaching methods as a means of forming professional competencies in a professional educational organization, educational activities in secondary vocational education.

Keywords: budget, issue, report, law, salary, educational organization, admission, program, project, employee, secondary vocational education, employment, career center, championship.

Funding: Independent work.

Введение.

Среднее профессиональное образование направлено на решение задач интеллектуально-го, культурного и профессионального развития человека. Его целью является подготовка квалифицированных рабочих, служащих, специалистов среднего звена по основным направлениям общественно полезной деятельности в соответствии с потребностями общества и государства, удовлетворение потребностей личности в углублении и расширении образования [1].

К обучению допускаются люди, имеющие образование не ниже основного общего или среднего общего образования. Получение среднего профессионального образования на базе основного общего образования осуществляется с одновре-

менным получением среднего общего образования в пределах соответствующей образовательной программы среднего профессионального образования. Прием на обучение за счет бюджетных ассигнований федерального и региональных бюджетов, местных бюджетов является общедоступным по профессиям и специальностям, требующим у поступающих наличия определенных творческих способностей, физических и психологических качеств, осуществляется на основании результатов вступительных испытаний.

Учитываются и индивидуальные достижения поступающих. К ним относятся прохождение военной службы по призыву, контракту, мобилизации в Вооруженных Силах, пребывание в добровольческих формированиях в соответствии с

контрактом о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы или войска Национальной гвардии в ходе специальной военной операции. Обучающиеся, не имеющие среднего общего образования, имеют право пройти государственную итоговую аттестацию, которой завершается освоение образовательных программ среднего общего образования. При успешном прохождении выдается аттестат о среднем общем образовании. Они проходят государственную итоговую аттестацию бесплатно.

Результаты. Обсуждение.

На начало 2023/2024 учебного года в России насчитывалось 3196 образовательных организаций, имеющих 636 филиалов, 376 образовательных организаций высшего образования, реализующие программы среднего профессионального образования, 445 филиалов [2]. Государственных, муниципальных и частных организаций было, соответственно, 2780 и 416; 534 и 102; 325 и 51; 399 и 46. Численность студентов – 3711087 чел., в том числе по очной форме – 3239584 чел., очно-заочной – 93155 чел., заочной – 378348 чел. Принято на обучение 1219057 чел., выпущено 818413 чел. По программам подготовки специалистов среднего звена обучались 3133872 студента, принято – 1006933 чел. выпущено – 650587 чел., по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих – 577215 чел.; 212124 чел.; 167826 чел. Обучались за счет средств федерального бюджета 294 510 чел. (7,9 % к общему числу студентов), региональных бюджетов – 2084506 чел. (56,2 %), местных – 181 чел., с полным возмещением стоимости обучения – 1331890 чел. (35,9 %). Получали государственные академические стипендии 1448969 студентов очной формы обучения, государственные социальные стипендии – 334730 чел., стипендии Правительства – 6025 чел., именные стипендии – 11144 чел., стипендии, назначенные юридическими лицами – 9546 чел., стипендии, назначенные физическими лицами – 498 чел., получающие другие формы материальной поддержки – 252394 чел.

В образовательных организациях среднего профессионального образования работали 364876 сотрудников. Среди них имели высшее образование 248568 чел., среднее профессиональное образование по программам подготовки специалистов среднего звена – 65484 чел., по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих – 21848 чел. Педагогических работников было 200720 чел., преподавателей – 147212 чел., мастеров производственного обучения – 19780 чел., учебно-вспомогательного персонала – 32113 чел.

Следует отметить низкий уровень средней заработной платы в организациях среднего профессионального образования. Так, средняя заработная плата преподавателей и мастеров производственного обучения образовательных организаций государственной и муниципальной

форм собственности за январь-март 2024 года составила 55985 рублей, в том числе по формам собственности организаций: федеральная – 58889 руб., субъектов Российской Федерации – 55383 руб., муниципальная – 33674 руб. Отношение средней заработной платы по категории к оценке среднемесячной начисленной заработной платы наемных работников в организациях, у индивидуальных предпринимателей и физических лиц равно 90,9 %; 95,7 %; 90 %; 54,7 %. Среднемесячная начисленная заработная плата наемных работников в организациях, у индивидуальных предпринимателей и физических лиц за этот период была равна 61564 руб. [3].

Используя Доклад о реализации плана деятельности Министерства просвещения Российской Федерации по реализации документов стратегического планирования за 2023 год, рассмотрим обучение студентов в среднем профессиональном образовании [4].

В 2023 году доля выпускников образовательных организаций, реализующих образовательные программы среднего профессионального образования, занятых по виду деятельности и полученным компетенциям, составила 87,58 %.

В 3 тыс. профессиональных образовательных организациях функционируют центры карьеры, которые оказывают студентам старших курсов и выпускникам адресную поддержку в трудоустройстве, консультируют по различным вопросам занятости, в том числе по вопросам осуществления предпринимательской деятельности, участвуют во взаимодействии образовательной организации с работодателями.

Центры карьеры выступают в качестве посредника между выпускником и работодателем, являются инструментом регионального исполнительного органа, осуществляющего государственное управление в сфере образования, по решению задач, связанных с обеспечением трудоустройства выпускников и закрытия кадровой потребности ключевых предприятий, инструментом профессиональной образовательной организации по сбору информации от работодателей о качестве образования.

Реализуются меры по обеспечению синхронизации системы среднего профессионального образования с кадровыми потребностями экономики регионов.

Основными мерами являются:

- обновление образовательных программ; производственная практика, в том числе практика с заключением срочного трудового договора;
- трудоустройство студентов с переводом на индивидуальный учебный план;
- проведение профессиональных ориентационных мероприятий для абитуриентов, студентов и выпускников, включая экскурсии на производство;

- привлечение представителей работодателей в качестве экспертов на промежуточную или итоговую аттестацию студентов, в том числе в форме демонстрационного экзамена;
- развитие чемпионатного движения; закрепление наставников за обучающимися;
- профессиональное обучение в рамках освоения среднего профессионального образования; совместная рекламная-информационная кампания по привлечению выпускников к трудоустройству, организация и проведение ярмарок вакансий, собеседований.

Доля обучающихся, прошедших демонстрационный экзамен профильного уровня, составила 69,68 %.

Всероссийское чемпионатное движение по профессиональному мастерству включает в себя чемпионат по профессиональному мастерству «Профессионалы» и чемпионат высоких технологий. Чемпионаты проводятся в рамках федерального проекта «Профессионалитет».

Чемпионаты по профессиональному мастерству позволяют создавать условия и систему мотивации, способствующие повышению значимости и престижа рабочих профессий, обеспечивают профессиональный рост молодежи посредством гармонизации лучших практик и профессиональных стандартов организаций реального сектора экономики и системы среднего профессионального СПО.

На площадках чемпионатов представлены компетенции, внедренные в образовательный процесс по инициативе работодателей в рамках федерального проекта «Профессионалитет», компетенции, разработанные по заказу российских предприятий специально для чемпионатов. Такая практика обеспечивает разработку национальных стандартов, востребованных экономикой, трансляцию лучших образовательных практик, передового профессионального опыта.

Число участников финала чемпионата, включая мероприятия соревновательной, деловой и профессиональной ориентационной программ составило 64 042 человека, в том числе 679 участников соревновательной программы, 42 иностранных конкурсантов из 9 стран, 58 104 участника деловой программы, из них 6 580 чел. – в очной форме, 609 волонтеров, 573 эксперта 4 тыс. участников профессиональной ориентаци-

онной программы. Соревнования прошли по 35 компетенциям в основной категории и 20 компетенциям в категории «Юниоры».

В чемпионате высоких технологий очно приняли участие 2816 человек, в том числе конкурсанты, эксперты, участники деловой, выставочной и профессиональной ориентационной программ, дистанционно – 69186 чел. Соревнования прошли по 8 компетенциям в основной возрастной категории и 2 компетенциям в категории «Юниоры». Были созданы 1062 мастерские, оснащенные современным оборудованием за счет средств региональных и местных бюджетов, в 428 образовательных организациях. В рамках федерального проекта «Профессионалитет» созданы 140 образовательно-производственных центров, кластеров и 60 образовательных кластеров за счет средств федерального бюджета.

В 2023 году в заведения среднего профессионального образования поступили 1,2 млн чел. – 60 % девятиклассников и 30 % одиннадцатиклассников. 75 % выпускников колледжей и техникумов трудоустраиваются в первый год после получения диплома [5].

В 2024 году можно поступить на обучение в 3,8 тыс. учебных заведений. Выделено 740 тыс. бюджетных мест по программам среднего профессионального образования, которое включает 368 профессий и специальностей [6].

Реализуется федеральный проект «Профессионалитет», предназначенный для качественного обучения наиболее востребованным профессиям. 45,9 млрд рублей выделено из федерального бюджета на модернизацию материально-технической базы и оснащение их современным оборудованием. Софинансирование от предприятий-партнеров составило 5 млрд руб. Создано 370 кластеров – образовательно-производственных центров, объединений колледжей и предприятий [7].

Заключение.

В системе среднего профессионального образования происходит обновление учебного процесса и материально-технической базы образовательных организаций, свидетельством чему являются внедряемые в нашей стране государственные программы по подготовке специалистов рабочих профессий и среднего звена руководителей в этой сфере.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Система ГАРАНТ. URL : garant.ru
2. Сводный отчет по форме федерального статистического наблюдения № СПО-1 «Сведения об образовательной организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам среднего профессионального образования» на начало 2023/24 учебного года // Банк документов. URL : edu.gov.ru
3. Итоги федерального статистического наблюдения в сфере оплаты труда отдельных категорий работников социальной сферы и науки за январь-март 2024 года // Росстат – Рынок труда, занятость и заработная плата. URL : rosstat.gov.ru
4. Доклад о реализации плана деятельности Министерства просвещения Российской Федерации по реализации документов стратегического планирования за 2023 год URL : docs.edu.gov.ru
5. Мамонова Е. Дело техникума // Российская газета. 2024. 26 июня.
6. Калматский М. Кадровый молот // Российская газета. 2024. 26 июня.
7. Агранович М. Рабочий? Класс! // Российская газета. 2024. 26 июня.

References:

1. Federal Law of December 29, 2012, № 273-FZ «On Education in the Russian Federation» // GARANT System. URL : garant.ru
2. Consolidated report on federal statistical observation form № SPO-1 «Information on the educational organization implementing educational activities under secondary vocational education programs» at the beginning of the 2023/24 academic year // Document Bank. URL : edu.gov.ru
3. Results of the federal statistical survey on wages for certain categories of social and scientific workers for January–March 2024 // Rosstat – Labor Market, Employment, and Wages. URL : rosstat.gov.ru
4. Report on the implementation of the activity plan of the Ministry of Education of the Russian Federation for the implementation of strategic planning documents for 2023. URL : docs.edu.gov.ru
5. Mamonova E. «The Technical School Case» // Rossiyskaya Gazeta. June 26, 2024.
6. Kalmatsky M. «The Personnel Hammer» // Rossiyskaya Gazeta. June 26, 2024.
7. Agranovich M. «Worker? Class!» // Rossiyskaya Gazeta. June 26, 2024.

Информация об авторах

Аверин Александр Николаевич

доктор философских наук,
профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ORCID: 0009-0009-0579-8545
anaverin1947@mail.ru

Понеделков Александр Васильевич

доктор политических наук,
профессор,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
lab-gmu-uriu@ranepa.ru

Вакула Иван Михайлович

доктор философских наук,
профессор,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Ростовский юридический институт МВД России
ORSID: 0000-0002-5292-6978
imvakula@mail.ru

Alexander N. Averin

Doctor of Philosophy,
Professor,
Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
ORCID: 0009-0009-0579-8545
anaverin1947@mail.ru

Alexander V. Ponedelkov

Doctor of Political Sciences,
Professor,
South-Russian Institute of Management,
a branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
lab-gmu-uriu@ranepa.ru

Ivan M. Vakula

Doctor of Philosophy,
Professor,
Professor of the Department of Humanitarian
and Socio-Economic Disciplines,
Rostov Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
ORSID: 0000-0002-5292-6978
imvakula@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.12.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.01.2026.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.01.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-1-6>

УДК 316.42.61

Attribution

cc by

КУЛЬТУРА СТРАХА И ДОВЕРИЯ: КАК ОБЩЕСТВО ВОСПРИНИМАЕТ МЕДИЦИНСКИХ ИНЖЕНЕРОВ

Гасайниева У.Б.

Волгоградский государственный медицинский университет

Аннотация. Актуальность. Восприятие профессии медицинского инженера в условиях цифровизации здравоохранения обуславливает необходимость изучения не только технологических, но и гуманитарных запросов общества.

Цель – выявить разрыв между техническими и гуманитарными качествами в восприятии профессии медицинского инженера.

Методы исследования. Работа выполнена с применением количественных социологических методов. Проведен социологический опрос медицинских инженеров в условиях образовательной среды вуза (N = 105).

Результаты. Выявлено, что 76,2 % респондентов ассоциируют медицинского инженера с технократической ролью, акцентируя такие качества, как ответственность (87,6 %) и коммуникативность (77,1 %), при этом недооценивая значимость гуманности (48,6 %) и милосердия (37,1 %). Выявлен ключевой барьер для внедрения инноваций – дефицит квалификации специалистов. Доминирующая мотивация студентов – участие в развитии медицины (64,8 %), а не материальный фактор (1 %).

Выводы. Интеграция гуманитарных модулей в подготовку медицинских инженеров для достижения баланса технологических и социальных аспектов профессии, позволит в будущем вырастить специалистов, которые будут не только создавать и применять инновационные технологии, но при этом сохраняют ориентир на гуманизм и эмпатию.

Ключевые слова: медицинский инженер, цифровизация здравоохранения, этические дилеммы, профессиональное образование, общественное восприятие.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

A CULTURE OF FEAR AND TRUST: HOW SOCIETY PERCEPTS MEDICAL ENGINEERS

Ubaidat B. Gasaynieva

Volgograd State Medical University

Abstract. Relevance. The perception of the profession of a medical engineer in the context of digitalization of healthcare necessitates the study of not only technological, but also humanitarian needs of society.

The aim is to identify the gap between technical and humanitarian qualities in the perception of the profession of a medical engineer.

Research methods. The work was performed using quantitative sociological methods. A sociological survey of medical engineers in the educational environment of the university was conducted (N = 105).

Results. It was revealed that 76.2 % of respondents associate a medical engineer with a technocratic role, emphasizing such qualities as responsibility (87.6 %) and communicativeness (77.1 %), while underestimating the importance of humanity (48.6 %) and mercy (37.1 %). A key barrier to the introduction of innovations was identified – the lack of specialists' qualifications. The dominant motivation of students is participation in the development of medicine (64.8 %), rather than a material factor (1 %).

Conclusions. The integration of humanitarian motives

Keywords: medical engineer, digitalization of healthcare, ethical dilemmas, professional education, public perception.

Funding: Independent work.

Введение.

Востребованность медицинских инженеров в современном здравоохранении растет из года в год. С развитием медицинской технологии и постоянным улучшением оборудования, нужда в профессионалах, которые могут его обслуживать и обеспечивать его безопасность, становится все больше.

Важными областями, где медицинские инженеры наиболее востребованы, являются биомедицинская техника, медицинская физика и клиническая инженерия [1]. При этом цифровизация системы здравоохранения (роботизация, нейросети) постепенно приводит к возникновению новых профессий, таких как (ИТ-генетик, оператор медицинских роботов, таргетный нанотехнолог [2].

Повсеместное распространение нейросетей и искусственного интеллекта в медицине приводит к возникновению различных этических дилемм: их развитие, безусловно, повышает качество медицинских услуг [3]. В тоже время, перед обществом встает ряд сложных вопросов, требующих своего решения: это и проблема ответственности за медицинские ошибки, связанные с внедрением новых технологий, и конфиденциальность персональных данных. Все вышесказанное свидетельствует о необходимости изучения того, как общество воспринимает медицинских инженеров.

Цель исследования – выявить культурный дисбаланс между технической направленностью и общественными ожиданиями в восприятии профессии медицинского инженера.

Методы исследования. Работа выполнена с применением количественных социологических методов исследования в проблемном поле социологии культуры. Проведен социологический опрос медицинских инженеров в условиях образовательной среды вуза (N = 105). Математическая обработка данных проведена и использованием методов вариационной статистики.

Обсуждение. Результаты.

В исследовании приняли участие преимущественно женщины (61 из 105 человек), основная возрастная группа респондентов – 18–20 лет (42,8 %), что говорит о преобладании молодых специалистов в выборке. Оценка образовательного уровня показала, что большинство из них – это студенты вуза (21,9 % – студенты 1 курса; 13,3 % – студенты 2 курса; 17,1 % – студенты 3 курса; 13,3 % – студенты 4 курса).

Анализ основных показателей выборки исследования показал, что исследование позволяет в большей степени оценить взгляды будущих специалистов на профессию медицинского инженера.

Оценивая понятие «медицинского инженера», 76,2 % опрошенных имеют технократическое понимание профессии и определяют его как специалиста, занимающегося разработкой, проектированием, обслуживанием и технической поддержкой медицинского оборудования.

При ответе респондентов на вопрос о необходимых для медицинского инженера личностных качеств, респонденты отметили, что:

- самыми необходимыми качествами являются ответственность (87,6 %);
- коммуникативность (77,1 %);
- дисциплинированность (79 %);
- объективность (78,1 %);
- трудолюбие (83,8 %).

Важность данных показателей обусловлена спецификой деятельности медицинского инженера, в том числе необходимостью обеспечения надежности и способности принимать решения в критических ситуациях. Наименее необходимыми личностными качествами, по их мнению, являются доброта (58,1 %), честность (58,1 %), гуманность (48,6 %) и милосердие (37,1 %).

Низкая оценка данных качеств свидетельствует о том, что респонденты акцентируют внимание на более практических и профессионально ориентированных личностных качествах специалиста, нежели на гуманитарных.

Более детальное распределение ответов респондентов на данный вопрос представлено на рисунке 1.

Все вышесказанное свидетельствует о низкой значимости «человеческих качеств» для медицинского инженера. Это указывает на культурный разрыв между техническими задачами профессии и ожиданиями общества (пациентов), для которых важны эмпатия и доверие.

Анализ полученных данных также свидетельствует о том, что в общественном сознании искусственный интеллект (77,1 %) и робототехнические системы (72,4 %) рассматриваются в качестве важнейших векторов развития медицины будущего. Вместе с тем, распространение этих технологий сопровождается серьезными опасениями относительно возможной утраты гуманистической составляющей медицинской практики, то есть уменьшения значения личностного взаимодействия между врачом и пациентом.

Наиболее существенным препятствием для эффективной интеграции новых технологических решений названа недостаточная квалификация специалистов (рис. 2).

Рисунок 1 – Ответы респондентов на вопрос:
«Какие личные качества необходимы для медицинского инженера?»

Рисунок 2 – Ответы респондентов на вопрос:
«Какие барьеры Вы видите для внедрения новых технологий в медицинскую практику?»

Недостаток соответствующих знаний и умений не только затрудняет процесс внедрения инноваций, но и снижает уровень доверия к их надежности со стороны обоих ключевых участников медицинского процесса – пациентов и медицинских работников.

Оценка респондентами важности образовательных программ в профессии медицинского инженера показала доминирование технических компонентов: подавляющее большинство программ

акцентируют внимание на информатике (92,4 %) и вопросах безопасности (91,4 %). На фоне этого этические дисциплины остаются на периферии учебных приоритетов, что отражает недооценку влияния работы медицинских инженеров на социальную сферу и взаимоотношения внутри общества.

Вопросы профессиональной мотивации специалистов также демонстрируют неоднозначность (рис. 3).

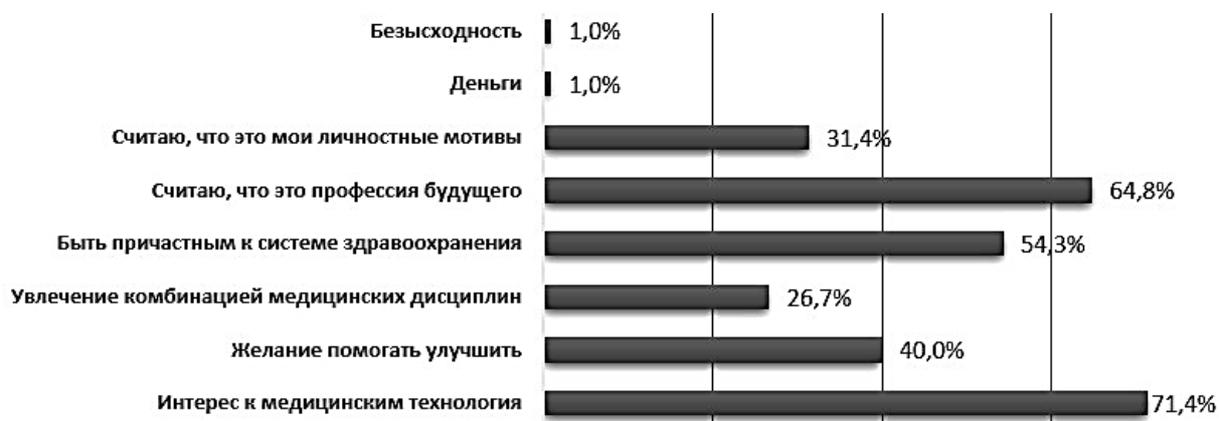

Рисунок 3 – Ответы респондентов на вопрос:
«Что Вас лично мотивирует в профессии медицинского инженера?»

Так, предпочтение профессии как возможности для развития и участия в формировании будущего выбрало 64,8 % опрошенных, тогда как

фактор материального вознаграждения оказался значимым лишь для 1 % респондентов.

Возникает напряжение между общественными ожиданиями самоотверженного служения и ориентацией инженеров на личное профессиональное становление и внедрение новых технологий. Подобный дисбаланс в ценностных ориентирах указывает на необходимость переосмысления содержания образования, чтобы подготовка кадров соответствовала как техническим, так и гуманитарным требованиям современной медицинской сферы.

Результаты исследования указывают на то, что негативный фон, формирующийся вокруг профессии медицинского инженера, во многом связан с укрепившимся стереотипом о них как о сугубо технических кадрах, недостаточно учитывающих личностную сторону лечебного процесса. Это восприятие способствует росту опасений по поводу отдаленности инженеров от гуманистических ценностей здравоохранения.

Доверие к работе медицинских инженеров существенно ослабляется сразу по двум направлени-

ям: с одной стороны, наличием барьера квалификации профессии, с другой – отсутствием в образовательных траекториях курсов, посвященных этическим вопросам. Оба этих фактора формируют у общества представление о неполной профессиональной состоятельности представителей специальности.

Заключение.

Таким образом, сохраняющийся запрос со стороны общественности на усиление гуманитарной составляющей профессии свидетельствует о стремлении видеть в медицинском инженерере не только технического эксперта, но и профессионала с глубоким пониманием этических и социальных нюансов медицины. Для достижения такого баланса требуется обязательное внедрение гуманитарно-этических дисциплин в программы подготовки, что позволит вырастить специалистов, способных не только создавать и применять инновационные технологии, но и сохранять при этом ориентиры на гуманизм и эмпатию.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Гасайниева У.Б. Роль и востребованность медицинских инженеров в современном здравоохранении // Менеджмент в здравоохранении: вызовы и риски XXI века: Сборник материалов VIII международной научно-практической конференции, Волгоград, 16–17 ноября 2023 года. Волгоград : Волгоградский государственственный медицинский университет, 2023. С. 97–98. EDN: EGYDZB
2. Гасайниева У.Б. Формирование профессиональной культуры медицинских инженеров в условиях образовательной среды // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2024. № 4. С. 53–58. EDN: XRAQKP
3. Медицинская кибернетика. Врач и инженер в одном лице. От настоящего к будущему / А.Б. Халяпина, [и др.] // VI Пироговский форум травматологов-ортопедов, посвященный 50-летию кафедры травматологии, ортопедии и медицины катастроф МГМСУ имени А.И. Евдокимова: Сборник материалов форума, Москва, 21–22 октября 2021 года. Казань : ООО Издательский дом «Практика», 2021. С. 141–142. EDN: CFJJYV

References:

1. Gasainieva U.B. The role and relevance of medical engineers in modern healthcare // Healthcare management: Challenges and risks of the 21st century: Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference, Volgograd, November 16–17, 2023. Volgograd : Volgograd State Medical University, 2023. P. 97–98. EDN: EGYDZB
2. Gasainieva U.B. Formation of professional culture of medical engineers in an educational environment // Economic and humanitarian studies of the regions. 2024. № 4. P. 53–58. EDN: XRAQKP
3. Medical cybernetics. A doctor and an engineer in one person. From the present to the future / A.B. Khalyapina [et al.] // VI Pirogov Forum of Orthopedic Traumatologists, dedicated to the 50th anniversary of the Department of Traumatology, Orthopedics and Disaster Medicine of the Moscow State Medical University named after A.I. Evdokimov: A collection of forum materials, Moscow, October 21–22, 2021. Kazan : Praktika Publishing House, LLC, 2021. P. 141–142. EDN: CFJJYV

Информация об авторе

Гасайниева Убайдат Буньяминовна

аспирантка кафедры философии,
биоэтики и права,
заместитель начальника отдела сопровождения
научно-исследовательских работ,
Волгоградский государственный
медицинский университет
ORCID: 0009-0005-3844-4605
ubayydat@mail.ru

Ubaydat B. Gasaynieva

Postgraduate Student of the Department
of Philosophy, Bioethics and Law,
Deputy Head of the Department
for Support of Scientific Research Work,
Volgograd State Medical University
ORCID: 0009-0005-3844-4605
ubayydat@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 25.12.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.01.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.01.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-1-9>

УДК 316

Attribution

cc by

РЕФОРМЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА: ОЦЕНКА И ВОСПРИЯТИЕ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ ДАГЕСТАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА)

Исмаилова С.Ф.

филиал Дагестанского государственного технического университета (ДГТУ), г. Дербент

Аннотация. Анализ итогов реформ постсоветского периода российской истории актуализирован на фоне происходящих в современном российском обществе преобразований. В статье анализируются оценки дагестанским населением достижений и неудач реформирования социально-экономической и политической основ Российского государства. Эмпирический материал свидетельствует о приоритетности отрицательного восприятия осуществленных реформ с доводом ухудшения социального самочувствия, уровня жизни и благосостояния населения. Позитивным итогом реформ является предоставление возможности для населения в осуществлении религиозной практики. Однако в современном дагестанском обществе религиозное возрождение сопровождается радикализацией сознания и активизацией деятельности исламских институтов, что воспринимается неоднозначно определенной частью дагестанского социума. Положительным итогом реформ дагестанское население считает появление частного сектора экономики, простор для осуществления предпринимательской деятельности. Траекторию дальнейшего развития российского общества дагестанское население определяет через призму возрождения мощи Российской армии, ее Вооруженных Сил, экономического процветания, решения социально-экономических, политических, мировоззренческих проблем при консолидации общества.

Ключевые слова: реформы, социально-экономическая сфера, политическая сфера, дагестанское общество, материальное благополучие, общественно-политическая жизнь, преобразования, консолидация, конфликтный потенциал.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

PERCEPTION IN THE PUBLIC CONSCIOUSNESS OF THE DAGESTANI POPULATION (ACCORDING TO THE RESULTS OF A SOCIOLOGICAL SURVEY)

Sabina F. Ismailova

branch of the Dagestan State Technical University (DSTU), Derbent

Abstract. The analysis of the results of the reforms of the post-Soviet period is updated against the background of the transformations taking place in modern Russian society. The article analyzes the assessments of the Dagestani population of the achievements and failures of reforming the socio-economic and political foundations of the Russian state. The analytical material indicates the priority of the negative perception of the implemented reforms with the argument of deterioration of social well-being, standard of living and well-being of the population. A positive outcome of the reforms is the provision of broad opportunities for the population to practice religion. However, in modern Dagestani society, religious revival is accompanied by radicalization of consciousness and activation of Islamic institutions, which is perceived ambiguously by a certain part of Dagestani society. The Dagestani population considers the emergence of the private sector of the economy and the scope for entrepreneurial activity to be a positive outcome of the reforms. The Dagestani population determines the trajectory of further development of Russian society through the prism of the revival of the might of the Russian army and its Armed Forces, economic prosperity, and solving socio-economic, political, and ideological problems while consolidating society.

Keywords: reforms, socio-economic sphere, political sphere, Dagestan society, material well-being, socio-political life, transformations, consolidation, conflict potential.

Funding: Independent work.

Введение.

Распад Советского Союза и последовавшие за ним преобразования социально-экономической, идеологической основ государства, закономерное изменение социальной стратификации, ориентация на рыночные отношения и т.д. имели разные векторы развития – позитивный и негативный.

Прошедший период времени заставляет по-разному оценивать осуществленные реформы, и больше в общественном сознании превалирует отрицательная характеристика, соответственно, и итоги преобразований постсоветского периода рассматриваются как деструктивные.

Если обратиться к недавней нашей истории, вполне логичным является негативное восприятие перестройки, затронувшей все социальные сферы, ибо:

– во-первых, разрушилась экономическая основа;

– во-вторых, снизился уровень жизни населения, особенно остро на себе это ощутили старшее поколение, целые группы населения потеряли свой социальный статус и вынуждены были менять работу, чтобы обеспечить семью и «оставаться на плаву»;

– в-третьих, в массовое сознание внедрялись либерально-демократические ценности, которые не воспринимались поколением, выросшем при социалистическом строе.

Огромным ударом для нашего государства является снижение рождаемости, и в настоящее время не только демографы и фамилисты А.И. Антонов [1], В.Н. Архангельский [2], Л.Л. Рыбаковский [3,4] и др., но и власть открыто говорят о демографическом кризисе и «демографической яме».

Несмотря на предпринимаемые меры по повышению рождаемости (материнский капитал, детские пособия), заметных улучшений в демографической сфере не наблюдается. Видимо, необходимо кардинально менять демографическую политику, ибо одним материальным стимулированием решить ситуацию не представляется возможным.

Разумеется, советское общество требовало перемен, видимо, их осуществление должно было быть поэтапным с учетом различного рода издержек, ибо «динамика запроса россиян на перемены в обществе позволяет понять, насколько путь, по которому идет Россия, соответствует устремлениям тех, кто хочет преобразований, и тех, кому необходимо сохранение стабильности, то есть насколько консолидировано внутренне поддерживающее его большинство» [5, с. 404].

Иными словами, сложная ситуация в стране способствует появлению множества точек зрения и

оценок от позитивных до констатации негативного сценария развития: «положение в стране не ухудшается, но для населения во многих ключевых отношениях оно и не улучшается. И параллельно развиваются те тенденции, которые могут в принципе сыграть в минус даже при улучшении экономической ситуации: меняется ситуация на рынке труда, возникают проблемы с социальной защищенностью работников и т.д.» [6, с. 26].

Таким, образом, изучение отношения населения к реформам постсоветского периода представляется актуальной проблемой, ибо позволяет через призму прошлого прогнозировать будущее: ряд реформ в российском обществе был воспринят негативно, например, введение Болонской системы и ЕГЭ. Несмотря на критику педагогического сообщества, ЕГЭ стал индикатором измерения знаний выпускников, сейчас активно обсуждается отказ от него. И таких преобразований, которые без учета исторически сложившейся в России системы в разных общественных сферах, вводились с ориентацией на «ценности западного общества» подвергаются ревизии и пересмотру.

Эмпирическая часть исследования. Изучение отношения дагестанского населения к реформам было проведено в 2024 г. методом «снежного кома», в городах и районах Дагестана: Махачкала, Буйнакск, Дербент, Каспийск, Гунибский, Дахадаевский, Кизлярский. N = 511.

Обсуждение результатов исследования. По мнению В.В. Петухова, «затяжной экономической и институционально-управленческий кризис, новые вызовы, с которыми сталкивается сегодня Россия, повлияли на социальное самочувствие и умонастроение россиян, во многом изменив вектор их ожиданий и настроений. В обществе вновь начал формироваться запрос на перемены, содержание и направленность которого, однако, не вполне очевидны и могут различаться в представлениях разных групп и слоев общества в весьма широком диапазоне – от стремления к коррекции проводимой государством экономической и социальной политики до требований радикальных изменений в большинстве сфер жизни общества, включая реформирование политической системы» [7, с. 40].

Как характеризует дагестанское население реформы перестроечного периода, какие позитивные и негативные траектории развития респонденты выделяют? Каким россияне видят будущее нашей страны, какие деструктивные тенденции существуют?

Данные вопросы представляются важными в настоящее время на фоне происходящих в нашем обществе процессов. Как известно, «взаимодействие и взаимовлияние процессов, происходящих в различных сферах жизнедеятельности людей, – важнейшая закономерность функционирования современного общества. В особых формах данная закономерность проявляется в условиях социальных трансформаций со свойственными им переходными общественными состояниями.

Для постсоветской России это имеет принципиальное значение, поскольку первое десятилетие реформ было связано с радикальной ломкой устоявшихся в прежние периоды экономических, социальных, политических и духовно-нравственных отношений, резким падением

уровня жизни населения, периодически возникающими проявлениями массового недовольства» [8, с. 7].

С целью установления отношения дагестанского населения к реформам постсоветского периода, был задан следующий вопрос (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете реформы российского общества?»
(можно отметить несколько вариантов ответов, %)

Варианты ответов	%
Положительно, появилась возможность зарабатывать без ограничений	31,2
Положительно, идет насыщение рынка товарами	25,8
Положительно, появилась возможность ездить за границу	11,0
Положительно, прекратились гонения на религию	69,3
Положительно, повысился уровень жизни населения	15,1
Положительно, появился частный бизнес	14,3
Положительно, появилась многопартийность, свободные выборы	12,1
Положительно, появилась свобода слова	14,6
Положительно, появились большие возможности для самовыражения и личной карьеры	16,7
Отрицательно, появился слой очень богатых людей на фоне обнищания большого пласта населения	56,8
Отрицательно, разрушили прежнюю систему, которая учитывала потребности всех социальных групп населения (дети, старики и т.д.)	67,4
Отрицательно, усилилась роль религии и религиозных институтов в обществе	11,2
Отрицательно, ухудшились взаимоотношения между народами	8,9
Отрицательно, усилилась коррупция	73,2
Отрицательно, появилась организованная преступность	66,8
Отрицательно, в обществе превалирует культ денег, люди стремятся только к получению материального богатства	71,5
Отрицательно, мы утратили свою культуру, в обществе господствуют либерально-демократические ценности	49,8

Полученный социологический материал показывает превалирование в общественном сознании респондентов отрицательной оценки реформ с разной мотивацией, в основном с экономическим аспектом. Так, подавляющая часть опрошенных подчеркивает социальное расслоение общества на «очень богатых людей на фоне обнищания большого пласта населения», разрушение «прежней системы, которая учитывала потребности всех социальных групп населения (дети, старики и т.д.)», «усиление коррупции», «появление организованной преступности», «превалирование культа денег, люди стремятся только к получению материального богатства». Одна вторая часть опрошенного дагестанского населения отмечает утрату «своей культуры, в обществе господствуют либерально-демократические ценности».

Последний тезис в полной мере проявляется в российском обществе; ее отголоски чувствуются и в Дагестане: ранее было отмечено существование демографической проблемы, а чем она обусловлена? Только ли экономическими факторами, невозможностью обеспечить качественную жизнь? Разумеется, материальный компонент довлеет над иными причинами, но психозомональные факторы не менее важны, более того, в наше общество проникают западные ценности, которые не соответствуют нашим традиционным представлениям о семье, семейных отношениях и традициях [9, 10].

Мы являемся свидетелями распространения в российском обществе идеи добровольной без-

детности, особенно среди молодого поколения, что вынудило Государственную Думу принять законодательный акт о запрете пропаганды идеологии чайлдфри [11]. В законе прописаны наказания, в частности, «за пропаганду отказа от детей граждане будут наказываться штрафом до 100 тыс. руб., должностные лица до 200 тыс. руб., юридические лица – до 1 млн руб. либо приостановкой деятельности на срок до 90 суток. В случае, если распространяемая информация направлена на несовершеннолетних, штраф для граждан составит до 200 тыс. руб., для должностных лиц до 400 тыс. руб., для юридических лиц до 4 млн руб. Максимальным штрафом в размере до пяти миллионов рублей будут наказывать юрлиц, пропагандирующих чайлдфри среди детей и подростков, используя интернет или средства массовой информации. Гражданам при аналогичных обстоятельствах придется заплатить до 400 тыс. руб., а должностным лицам до 800 тыс. руб.» [12].

Среди отрицательных последствий реформ респонденты отметили коррупцию. Порой складывается впечатление, что коррупция – это исключительно «новое» явление в истории российского общества. История показывает, что коррупция существовала при советском строе, старшее поколение (речь идет о Дагестане) хорошо помнит коррупционную составляющую, которая практиковалась при поступлении в учебные заведения и трудоустройстве.

Среди положительных итогов реформ опрошенное дагестанское население выделяет возмож-

ность открыто соблюдать культовую практику, появление возможности получать религиозные знания, обучаться в религиозных учебных заведениях, широко праздновать конфессиональные праздники и т.д. Однако исламское возрождение тоже не всегда положительно рассматривается в современном дагестанском обществе: взрослое поколение, выросшее при господстве атеистической идеологии, неоднозначно воспринимает проникновение исламских активистов в образовательную и политическую сферы – в первой они пытаются ориентироваться на религиозное объяснение природных явлений, во втором – активно участвуют в избирательной кампании, на муниципальной уровне становятся депутатами.

Далее, положительным результатом реформ одна треть опрошенных считает «возможность зарабатывать без ограничений». Да, развитие частного сектора экономики создает потенциал для улучшения положения экономически активного населения, однако, здесь тоже имеются сложности:

1. Жесткий контроль со стороны власти, порой создающей препоны для эффективности малого бизнеса.
2. «Нечестное ведение бизнеса», уклонение от уплаты налогов, стремление скрыть объем реально получаемых доходов.

Оба фактора являются деструктивными явлениями в экономическом развитии российского общества. Можно согласиться с позицией, что «если бы реформаторы 1990-х гг. в свое время сумели предложить и реализовать специальные адаптационные программы для людей предпенсионного возраста, возможно, развитие страны пошло каким-то иным путем и социальное самочувствие старшего поколения россиян было бы не столь пессимистичным» [13, с. 11].

Проведение Специальной военной операции заставило наше общество по-новому взглянуть на будущее Российского государства: мы столкнулись с возрождением нацизма на постсоветском пространстве; в бывших союзных республиках была провозглашена политика декоммунизации, когда уничтожались памятники героям

Великой Отечественной войны, мемориалы, варварски ликвидировались братские могилы и это происходило в субъектах, которые в историческом плане в недалеком прошлом существовали в едином государственном пространстве.

Разумеется, россияне не могли понять и осознать такое агрессивное отношение к историческому наследию, жертвам нацизма. Более того, например, Прибалтийские государства вели, впрочем, и ведут откровенно враждебную нашей стране политику, русское население было лишено многих прав, в последние годы началась откровенное выдавливание их из страны.

К странам Прибалтики присоединились Молдавия и Украина: одновременно получая энергоресурсы из России, при этом осуществляя антироссийскую политику.

Перечисленное только поверхностно характеризует весь негатив, который демонстрируют в отношении России и ее населения европейские государства, в свое время входившие в Варшавский Договор и Совет экономической взаимопомощи (СЭВ); следовательно, они были тесно связаны экономическими и военными обязательствами.

Иными словами, «политические события конца 2021 – начала 2022 гг. перевели динамику мировых процессов в формат так называемого режима с обострением и практически мгновенно нарушили относительно плавное течение истории. Произошло кардинальное смещение, казалось бы, уже вполне определившейся перспективы социально-исторического развития, драматически усилилось значение факторов риска и неопределенности, на что российское общество немедленно отреагировало резким повышением уровня тревожности. В подобных ситуациях всегда возникают новые ожидания, тем самым способствуя пересмотру сложившихся социальных представлений и возникновению запроса на формирование новых образов будущего» [14, с. 230].

В этой ситуации закономерным является установление перспективы развития нашего государства и видение политики главы России (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Какие меры должен предпринять В.В. Путин для укрепления основ Российского государства?» (можно отметить несколько вариантов ответов, %)

Варианты ответов	%
Закончить СВО и одержать победу	81,2
Положить конец коррупции в органах власти	56,7
Добиться порядка во власти, реорганизовать государственный аппарат	59,3
Ограничить влияние на политическую и экономическую жизнь страны тех, кого называют олигархами	15,1
Восстановить смертную казнь за самые тяжкие преступления	14,3
Ужесточить валютный контроль с целью прекращения вывоза капитала за рубеж	12,1
Увеличить расходы на оборону в целях усиления безопасности России	74,6
Пересмотреть итоги приватизации государственных предприятий, собственности	39,7
Провести реформу в жилищно-коммунальной сфере	56,9
Осуществить расследование деятельности бывшего президента Б. Ельцина и его ближайшего окружения	37,4
Начать активно преодолевать бедность и нищету в стране	81,9
Положить конец коррупции в органах власти	74,2

Приведенный в таблице материал показывает актуальность позиций «закончить СВО и одержать победу» и «начать активно преодолевать бедность и нищету в стране» (больше половины опрошенных).

Третье ранговое место занимает позиция о необходимости повысить расходы на оборону в целях усиления безопасности России.

Не меньшее беспокойство у опрошенных дагестанцев вызывает коррупция, о которой ранее было сказано. Поэтому респонденты надеются на принятие Президентом жестких мер, направленных на укрепление правового поля и недопущение экономических преступлений.

Обращает внимание акцент респондентов на существовании коррупции в органах власти. Наряду с коррупцией, опрошенные отмечают существование бюрократизма и отсутствие эффективной работы властных структур; соответственно, они обозначают необходимость их реорганизации, которая позволит навести «порядок», то есть наладить связь между властью и населением.

Проблема в ЖКХ беспокоит россиян не одно десятилетие; несмотря на повышение тарифов, ситуация в данной сфере по-прежнему остается сложной. Особенно остро с проблемами в жилищно-коммунальном хозяйстве сталкивается городское население Дагестана: это постоянное отключение электричества, мусорный коллапс, который стал бичом для столицы республики, отсутствие чистой воды, низкий уровень предоставляемых коммунальных услуг (отопление, вывоз мусора, неубранные придомовые территории и т.д.).

Анализ показывает, что респондентов больше волнуют экономические вопросы, безопасность государства и кризис в системе ЖКХ, что требует активизации работы ответственных лиц на решение возникающих вопросов, а также в определении мер на обеспечение качественных услуг в будущем.

Далее, в исследовании был задан вопрос, позволяющий определить вектор развития российского общества (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Каким должно быть будущее развитие России?»
(можно отметить несколько вариантов ответов, %)

Варианты ответов	%
Россия должна быть великой державой, с мощными вооруженными силами и влиять на все политические процессы в мире	83,1
Россия не должна стремиться к укреплению державной мощи, лучше позаботиться о благосостоянии собственных граждан	8,9
Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны	7,1
Политика России должна быть ориентирована на развитие отношений с ближайшими соседями	31,3
Политика России должна быть направлена на союз с ведущими странами Запада, прежде всего, с Европой	8,6
России необходима «твердая рука», которая наведет в стране порядок	71,5
Политические свободы, демократия – это то, от чего нельзя отказаться ни при каких обстоятельствах	11,8
Политика России должна быть направлена на союз с ведущими странами Востока (Индия, Китай и др.)	47,8
При всех своих недостатках нынешняя власть в России заслуживает поддержки	56,3

Результаты опроса показывают, что подавляющая часть опрошенных ключевым для полноценного развития России считает важность обеспечения ее статуса мировой державы, которая должна обладать «мощными вооруженными силами и влиять на все политические процессы в мире» и данная точка зрения с большим преимуществом доминирует над остальными суждениями. О чем это свидетельствует? В первую очередь, о том, что дагестанское население осознает важность независимости и суверенитета нашей страны. Специальная военная операция показала, что отстаивать свои национальные интересы мы можем только сплотившись, при консолидации всего социума в решении стоящих перед Россией сложных вопросов национальной безопасности.

Вместе с тем, следует отметить, что в российском обществе в первые дни осуществления СВО имели место протесты в центральных городах; не остался в стороне и Дагестан, правда,

здесь люди вышли на улицы после объявления частичной мобилизации. По результатам опроса, проведенного М.М. Шахбановой, «у 18,2 % опрошенных тревогу вызывает «проведение Специальной военной операции», среди них 16,9 % мужчин и 20,5 % женщин, с возрастом увеличивается доля таковых с 13,6 % в разрезе 15–17 лет до 20,4 % 26–35 лет, с 14,6 % имеющих базовое среднее образование до 21,3 % с высшим образованием» [15, с. 277]. Однако, эмпирика на вопрос: «Как Вы относитесь к проведению Россией Специальной военной операции (СВО) на территории Украины?», показывает доминирование в общественном сознании респондентов позитивной оценки с целым спектром мнений: «если бы Россия не начала СВО, то НАТО построила бы военные базы на границе с Россией и угрожала бы ее национальной безопасности. Поэтому Россия начала демилитаризацию Украины» (40,6 %); «нужно отстаивать национальные интересы Российского государ-

ства» (37,4 %); «на Украине национальными героями стали нацистские преступники (Бандера и Шухевич).

Под лозунгами нацистской идеологии на исторически русских землях начался геноцид русского населения, поэтому Россия вынуждена проводить денацификацию» (25,5 %), «благодаря СВО, мы увидели реальное отношение многих писателей, поэтов, певцов, артистов к нашей стране и россиянам» (22,3 %); «на Украине правит недружественный России режим и он угрожает национальной безопасности нашей страны» (19,7 %); «на территории Украины шли разработки биологического оружия, которая угрожает российскому населению» (11,3 %); «внесение в Конституцию Украины статьи о ее вхождении в НАТО угрожает национальной безопасности Российского государства» (10,0 %); «Украина своей антироссийской политикой вынудила Россию начать военные действия» (9,4 %) [16, с. 398].

Можно с полным основанием утверждать, что, «хотя проведение специальной военной операции на Украине породило в российском обществе дополнительную линию размежевания, в целом матрица установок и предпочтений, задающая модель его идейно-политической сегментации, принципиально не изменилась.

По-прежнему в основе этой сегментации лежит выбор между двумя принципиально разными стратегиями развития России, одна из которых ориентирована на следование западным образцам, а другая – на самобытный опыт, собственные ценности и, возможно даже, некую историческую миссию, отличную от той, которую олицетворяет и реализует Запад» [17, с. 231].

Заключение.

Реформы перестроечного периода советской эпохи рассматриваются как своего рода «революционные преобразования», их встречали с воодушевлением; можно вспомнить, какая агитация приватизации и ее перспектив проводилась в нашем обществе: людям разъяснялось, как они станут «владельцами» крупных предприятий, как повысится уровень их жизни и благосостояния, обозначалось «процветание семьи и перспективы для детей» и т.д.

Реалии оказались чудовищными – полный развал экономики, нищета, население было поставлено на грань выживания при одновременном «процветании» экономической преступности, рейдерского захвата, убийства конкурентов.

В настоящее время переоценка итогов реформ констатирует, что в тот период законодательная и правоохранительная власти были просто парализованы, они не могли противостоять мощным преступным кланам, которые просто разграбили богатства России при обнищании большого пласта населения.

Поэтому эмпирический материал показывает однозначно негативную оценку результатов реформирования российского общества, существование социального недовольства, протестного потенциала.

Более того, можно утверждать, что осуществление реформ происходило при полном игнорировании интересов и потребностей россиян, поэтому и отношение к ним отрицательное. В массовое сознание населения активно внедрялась идея, что реформы постсоветского периода, несмотря на противоречивость, негативные последствия и т.д. способствовали «процветанию России», «демократическому развитию», «соблюдению прав человека», свободе вероисповедания. При этом упускается из виду, что экономические кризисы кардинально ухудшили материальное положение российского населения, загоняли его в нищету, отражаясь на психоэмоциональном состоянии каждого человека.

Да, есть позитивные итоги реформирования советского общества, но на фоне отрицательных результатов первые блекнут.

Кроме того, при обозначении важности демократических принципов в российском обществе, наблюдается переосмысление содержания демократии; в данном случае, речь идет о том, что при желательности оппозиции власти, население хочет видеть оппозицию не как силу, противостоящую официальной власти, а пытающуюся через критику обеспечить прогрессивное развитие страны.

Очень часто эксперты, рассуждая об улучшении жизни россиянина, указывают на возможность путешествовать, ездить за границу, то чего был лишен советский человек. Однако никто не задается вопросом: «Кто и как часто ездит на отдых и в какие страны?». Можно предположить, что статистика будет не очень позитивной.

Проведение Специальной военной операции показало, что государства, с которыми у нас были «дружеские отношения», тесные экономические связи в одночасье отказались от многих проектов, начали осуществлять политику «отмены российской культуры»; то есть, вступили с нашей страной в жесткую конфронтацию.

У россиян возмущение вызывает отношение представителей культуры и их высказывания в адрес России, российской власти и россиян в целом, поэтому встречаются сравнения с политикой политического руководства Советского Союза, характерный в недавнем прошлом критический настрой и обвинения несколько снизились.

Резюмируя, отметим, что в настоящее время российское общество должно консолидироваться, чтобы обеспечить национальную безопасность государства.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Антонов А.И. Демографические процессы в России XXI века / А.И. Антонов, В.М. Медков, В.Н. Архангельский. М. : ИД «Грааль», 2002. 167 с.
2. Архангельский В.Н. Репродуктивное и брачное поведение // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 129–136. EDN: PWUQRT
3. Демографическое будущее России / Под ред. Л.Л. Рыбаковского, Г.Н. Кареловой. М. : Права человека, 2001. 53 с.
4. Рыбаковский Л.Л. Депопуляция и её этнические аспекты в России // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 18–28. EDN: TRRQJL
5. Седова Н.Н. Мировоззренческие установки россиян: опыт эмпирического анализа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 6. С. 402–415. DOI: 10.14515/monitoring.2022.6.2361 EDN: IMCHWC
6. Демиденко С.Ю. Российское общество: взгляд в будущее (материалы «круглого стола») // Социологические исследования. 2017. № 6. С. 25–43. DOI: 10.7868/S0132162517060034 EDN: YTMFMH
7. Петухов В.В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 40–53. DOI: 10.31857/S013216250002784-5 EDN: YPHVOP
8. Российское общество и вызовы времени. Книга первая / М.К. Горшков [и др.]; Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова; Институт социологии РАН. М. : Издательство «Весь Мир», 2015. 336 с.
9. Загирова Э.М. Добровольная бездетность: отношение и оценка в общественном сознании дагестанского населения // Caucasian Science Bridge. 2023. № 6(1). С. 41–50. DOI: 10.18522/2658-5820.2023.1.4 EDN: WZKRAY
10. Загирова Э.М. Гендерный аспект демографического поведения (на примере Дагестана) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 3. С. 52–55. DOI: 10.23672/SAE.2023.69.51.001 EDN: XEOUHX
11. В России вступает в силу запрет «пропаганды чайлдфри». Кому теперь грозят миллионные штрафы и за что именно? URL : <https://lenta.ru/articles/2024/12/04/childfree> (дата обращения 19.01.2025).
12. Госдума приняла закон о миллионных штрафах за пропаганду чайлдфри. URL : <https://lenta.ru/news/2024/11/12/gosduma-prinyala-zakonoproekt-o-millionnyh-shtrafah-za-propagandu-chayldfri> (дата обращения 19.01.2025).
13. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров) Аналитический доклад. М., 2011. 304 с.
14. Российское общество и вызовы времени. Книга шестая / Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М. : Издательство «Весь Мир», 2022. 284 с.
15. Шахбанова М.М. Дагестанская молодежь: этноконфессиональная идентичность и жизненные стратегии. Махачкала : ФОРМАТ, 2024. 400 с. ISBN: 978-5-907837-85-0 EDN: FGGTRG
16. Шахбанова М.М. Специальная военная операция: восприятие и оценка в общественном сознании дагестанского населения / М.М. Шахбанова; Сост. А.М. Шахбанов, М.М. Шахбанова // Специальная военная операция (СВО) и гражданское общество: социальное самочувствие, оценка, адаптация. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Махачкала-Кизляр, 29 февраля 2024 г.). Махачкала : ДГУ, 2024. С. 396–404. EDN: HUTDMF
17. Российское общество и вызовы времени. Книга шестая / Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М. : Издательство «Весь Мир», 2022. 284 с.

References:

1. Antonov A.I. Demographic processes in Russia of the XXI century / A.I. Antonov, V.M. Medkov, V.N. Arkhangelsky. M. : Grail Publishing House, 2002. 167 p.
2. Arkhangelsky V.N. Reproductive and marital behavior // Sociological research. 2013. № 2. P. 129–136. EDN: PWUQRT
3. Demographic future of Russia / Edited by L.L. Rybakovsky, G.N. Karelova. M. : Human Rights, 2001. 53 p.
4. Rybakovsky L.L. Depopulation and its ethnic aspects in Russia // Sociological research. 2015. № 4. P. 18–28. EDN: TRRQJL
5. Sedova N.N. Ideological attitudes of Russians: the experience of empirical analysis // Monitoring public opinion: economic and social changes. 2022. № 6. P. 402–415. DOI: 10.14515/monitoring.2022.6.2361 EDN: IMCHWC

6. Demidenko S.Y. Russian society: a look into the future (materials of the round table) // Sociological research. 2017. № 6. P. 25–43. DOI: 10.7868/S0132162517060034 EDN: YTMFMH
7. Petukhov V.V. Dynamics of social sentiments of Russians and the formation of a demand for change // Sociological research. 2018. № 11. P. 40–53. DOI: 10.31857/S013216250002784-5 EDN: YPHVOP
8. Russian society and the challenges of the time. The first book / M.K. Gorshkov [et al.]; Ed. M.K. Gorshkova, V.V. Petukhova; Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. M. : Publishing House «The Whole World», 2015. 336 p.
9. Zagirova E.M. Voluntary childlessness: attitude and assessment in the public consciousness of the Dagestani population // Caucasian Science Bridge. 2023. № 6(1). P. 41–50. DOI: 10.18522/2658-5820.2023.1.4 EDN: WZKRAY
10. Zagirova E.M. The gender aspect of demographic behavior (on the example of Dagestan) // Humanities, socio-economic and social sciences. 2023. № 3. P. 52–55. DOI: 10.23672/SAE.2023.69.51.001 EDN: XEOUHX
11. A ban on «childfree propaganda» comes into force in Russia. Who is now facing millions in fines and for what exactly? URL : <https://lenta.ru/articles/2024/12/04/childfree> (date of application 19.01.2025).
12. The State Duma passed a law on million-dollar fines for childfree propaganda. URL : <https://lenta.ru/news/2024/11/12/gosduma-prinyala-zakonoproekt-o-millionnyh-shtrafah-za-propagandu-chayldfri> (date of application 01/19/2025).
13. Twenty years of reforms through the eyes of Russians (the experience of many years of sociological measurements) Analytical report. M., 2011. 304 p.
14. Russian society and challenges of the time. The sixth book / Edited by M.K. Gorshkov and N.E. Tikhonova. Moscow: Publishing house «The Whole World», 2022. 284 p.
15. Shakhbanova M.M. Dagestani youth: ethno-confessional identity and life strategies. Makhachkala : FORMAT, 2024. 400 p. ISBN: 978-5-907837-85-0 EDN: FGGTRG
16. Shakhbanova M.M. Special military operation: perception and assessment in the public consciousness of the Dagestani population / M.M. Shakhbanova; Compiled by A.M. Shakhbanov, M.M. Shakhbanova // Special military operation (SVO) and civil society: social well-being, assessment, adaptation. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Makhachkala-Kizlyar, February 29, 2024). Makhachkala : DSU, 2024. P. 396–404. EDN: HUTDMF
17. Russian society and the challenges of the time. The sixth book / Edited by M.K. Gorshkov and N.E. Tikhonova. M. : Publishing house «The Whole World», 2022. 284 p.

Информация об авторе

Исмаилова Сабина Фейтулаховна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры естественнонаучных, гуманитарных,
общепрофессиональных и специальных дисциплин,
филиал Дагестанского государственного
технического университета (ДГТУ), г. Дербент
ORCID: 0009-0003-6628-1247
sabi.ahmadowa@yandex.ru

Sabina F. Ismailova

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Natural Sciences, Humanities,
General Professional and Special Disciplines,
branch of the Dagestan State Technical University
(DSTU), Derbent
ORCID: 0009-0003-6628-1247
sabi.ahmadowa@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 03.01.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.01.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.01.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-1-12>

УДК 316.752

Attribution

cc by

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ КИТАЯ

Кун Чуан

Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация. В статье рассматривается философская основа китайских традиционных ценностей и их внутренняя структура, исходя из четырех основных философских традиций: конфуцианства, даосизма, буддизма и легизма. В статье утверждается, что китайская ценностная система не является продуктом единой философии, а была сформирована в процессе исторического развития через взаимодействие и синтез различных философских ресурсов. Конфуцианство заложило основные рамки социальной организации через этические отношения и моральное сознание; даосизм, благодаря пониманию гармонии с природой и целостности космоса, добавил гибкость и принцип масштаба в систему ценностей; буддизм углубил духовную составляющую ценностей через размышления о природе человеческой души, желаниях и смысле жизни; легизм обеспечил реальную поддержку системе ценностей через институты, власть и нормы, что позволило внедрить принципы в социальную организацию и государственное управление. Эти четыре философские школы поддерживают структуру смысла китайской культуры с разных точек зрения: этики, человеческой природы, космоса и института, и в процессе их взаимодействия сформировалась стабильная и адаптивная ценностная система. Изучение этой многогранной философской основы помогает глубже понять китайские социальные модели поведения, современные организационные принципы и политическую культуру.

Ключевые слова: китайская традиционная культура, ценности, философская основа, конфуцианство, даосизм, буддизм, легизм.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF TRADITIONAL CHINESE CULTURAL VALUES

Kong Chuang

Saint Petersburg State University

Abstract. This article explores the philosophical foundation of Chinese traditional values and their internal structure, based on four main philosophical traditions: Confucianism, Daoism, Buddhism, and Legalism. The article argues that the Chinese value system is not the product of a single philosophy, but was formed through the historical development via the interaction and synthesis of various philosophical resources. Confucianism established the basic framework for social organization through ethical relations and moral consciousness; Daoism, by understanding harmony with nature and the integrity of the cosmos, added flexibility and the principle of scale to the value system; Buddhism deepened the spiritual dimension of values through reflections on the nature of the human soul, desires, and the meaning of life; Legalism provided practical support to the value system through institutions, authority, and norms, enabling the implementation of principles in social organization and state governance. These four philosophical schools support the structure of meaning in Chinese culture from different perspectives: ethics, human nature, the cosmos, and institutions, and through their interaction, a stable and adaptive value system was formed. Studying this multifaceted philosophical foundation helps deepen our understanding of Chinese social behavior patterns, contemporary organizational principles, and political culture.

Keywords: Chinese traditional culture, values, philosophical foundation, Confucianism, Daoism, Buddhism, Legalism.

Funding: Independent work.

Введение.

Китайские традиционные культурные ценности являются духовным ядром длительного развития китайской цивилизации и важной основой стабильного продолжения социального порядка, норм поведения и философской системы. Эти ценности не были сформированы одной философией, а постепенно создавались в ходе долгого исторического процесса через взаимовлияние и синтез различных философских традиций.

Среди множества философских ресурсов конфуцианство, даосизм, буддизм и легизм составляют основную философскую основу китайской традиционной культуры. Каждая из этих философий предлагает свои ценности, мировоззренческие позиции и логику поддержания социального порядка, которые вместе сформировали глубокое понимание китайской культуры в таких вопросах, как «как существует человек», «как функционирует общество», «как поддерживается порядок» и «как обрести душевное спокойствие».

Несмотря на различия, эти философии также дополняют друг друга, и их многолетнее взаимодействие сделало китайскую ценностную систему одновременно стабильной и адаптивной.

В данной статье рассматривается, как эти четыре философские школы формируют философскую основу китайской традиционной ценности и их коллективное влияние на значимый мир китайской культуры.

Материалы и методы исследования.

В данном исследовании использовались классические философские тексты китайских учений, а также современные исследования, посвященные китайской системе ценностей. Основным методом исследования – контент-анализ ключевых философских источников и их современного осмысления. Дополнительно применялся сравнительный анализ для выявления общего и различного влияния этих философий на китайскую культуру и общественные практики.

Обсуждение. Результаты.

Исходя из конфуцианской философии, основой китайских ценностей является этическое понимание «человека» и его отношений. Конфуцианство строит свою систему ценностей на идеализированном понимании человеческой природы, полагая, что человеческие чувства, ответственность и моральное сознание могут быть развиты и улучшены. Таким образом оно подчеркивает важность этического воспитания для достижения гармонии между индивидуумом и обществом. Конфуцианство ориентируется на упорядочивание межличностных отношений и укрепление социальной структуры, придавая китайской культуре ценности, которые подчеркивают важность ответственности, ролей и норм. Можно сказать, что важнейшие характеристики китайской цен-

ностной системы, такие как «центричность отношений» и «моральная сознательность как основа порядка», глубоко связаны с конфуцианской этикой [7].

Конфуцианство стало культурным мейнстримом не из-за абстрактных моральных наставлений, а потому, что оно предложило целостную логику, объединяющую личные добродетели, семейные отношения и управление государством. В представлении конфуцианства человек не является изолированной личностью, а находится в сети отношений, где самосовершенствование, укрепление семьи, управление государством и установление мира в мире (修身, 齐家, 治国, 平天下) представляют собой непрерывный процесс раскрытия ценностного порядка.

Таким образом, личные добродетели, семейные обязанности и управление государством не являются отдельными стадиями, а составляют тесно связанные элементы единой системы. Независимо от изменений в обществе, конфуцианство всегда предоставляло основной каркас для сочетания нравственного воспитания и социальной стабильности [3].

Подобное построение порядка по принципу «от внутреннего к внешнему» фактически дает ответ на вопрос о «моральной легитимности социального устройства». Конфуцианская философия исходит из того, что идеальное общество должно опираться не на насильственное принуждение, а на высокую степень самоидентификации членов общества со своими социальными ролями. Данный акцент на «субъективной осознанности» (или моральном самосознании) наделяет систему китайских ценностей эндогенной жизнеспособностью, превращая её в механизм саморазвития, а не в результат простого внешнего принуждения.

В отличие от конфуцианства, даосизм предлагает китайской ценностной системе другую философскую основу – целостное понимание происхождения мира и его функционирования. Даосизм рассматривает вселенную как процесс спонтанного возникновения и самобалансировки, подчеркивая принципы «следования естественным процессам» (顺其自然), «умеренности», «неискаженности» и «не разрушения общего ритма». Под влиянием этой мировоззренческой традиции китайская ценностная система сформировала ориентированность на гибкость, избегание крайностей и подчеркивание принципа соразмерности. Даосизм не отвергает важности порядка, но утверждает, что он должен создаваться в соответствии с естественными законами вещей, а не навязываться силой извне.

Под влиянием даосизма китайская ценностная система развивает важность «гармонии» (和谐) и «целостности» (整体), полагая, что отношения между человеком и природой должны быть гармоничными, а не насильственно регулируемые. Даосизм предоставляет китайской культуре цен-

ностную рамку, основанную на уважении к природным законам, подчеркивая важность гармонии с миром как путь к осмысленному существованию [4, с. 1].

Буддизм дополнил китайскую систему ценностей философским измерением, которое связано с поиском смысла жизни, внутренним состоянием человека и духовным пробуждением. Буддийское влияние на китайскую ценностную систему в большей степени направлено внутрь, особенно в контексте размышлений о природе человеческой души, желаниях и смысле жизни.

Буддизм не ставит своей целью установление общественного порядка или объяснение структуры вселенной, а фокусируется на том, как человек справляется со своим страданием и ограничениями. Через учение о причинности, перерождении и просветлении буддизм предлагает альтернативную философию жизни, отличную от конфуцианства и даосизма: ценность поступков не определяется только результатами, видимыми в внешнем мире, но также зависит от изменения внутреннего состояния человека.

После своего прихода в Китай буддизм постепенно адаптировался и стал частью местной культурной структуры, его сложная философия была интегрирована в китайское мировоззрение, став важной основой для понимания китайцами добра и зла, восприятия страданий и стремления к духовному совершенствованию. Данное духовное совершенствование не является изолированной ментальной практикой, а эволюционирует в глубинный механизм социально-психологической стабильности.

В более широком социальном контексте, внедрение буддийской философии фактически создало внутри китайской культуры особую метафизическую систему балансировки.

В то время как конфуцианство фокусировалось на мирских достижениях, а даосизм — на следовании естественному порядку, буддизм предложил широким массам логическое объяснение страданий и несправедливости через «закон кармы» (因果规律), или причинно-следственную связь. Эта философская основа служит не только для индивидуального освобождения, но и на макроуровне трансформируется в китайское понятие «воздаяния» (报应), которое незримо действует как мощная неформальная сила социального сдерживания.

Особого внимания заслуживает тот факт, что локализованная философия чань-буддизма (禅宗) значительно упростила сложную схоластическую логику, превратив «просветление» (觉悟) в искусство повседневной жизни. Её принцип «обыденный ум есть путь» (平常心即是道) формирует систему ценностей, позволяющую китайцам перед лицом резких социальных изменений или превратности личной судьбы с помощью

внутреннего «спокойствия духа» (内心平和) преодолевать тревогу.

Можно сказать, что если конфуцианство сформировало рамки социальной этики, а даосизм направил размышления о взаимосвязи человека и природы, то буддизм углубил китайские представления о духе и существовании [10, с. 9].

В отличие от конфуцианства, даосизма и буддизма, философия легизма предоставляет ценностной системе институциональную и авторитарную основу. Легизм часто воспринимается как более строгий и реалистичный, чем другие философские школы, и часто находится на периферии философских систем Китая, таких как конфуцианство, даосизм и буддизм. Тем не менее, его роль в формировании китайских ценностей нельзя недооценивать.

Легизм сосредотачивается на вопросах о том, как система может поддерживать порядок, как власть может эффективно функционировать и как общество может избежать хаоса из-за сложности человеческой природы. Легизм не ставит моральное сознание в качестве основного исходного пункта, а утверждает, что социальная стабильность должна поддерживаться через нормы, вознаграждения, наказания и организационные структуры. С учетом долгосрочной практики централизованного управления в Китае, философия легизма стала неотъемлемой частью государственного управления.

В аспекте глубинной логики вклад легизма в систему китайских ценностей заключается в исключительной приверженности принципам «объективности» и «публичности». Легистская мысль утверждает, что социальный порядок не может опираться на неконтролируемую частную мораль; напротив, он должен основываться на органическом сочетании «закона» (法), «метода» (术) и «власти» (势). Данный философский фундамент фактически заложил политическую основу концепции «Великого единения» (大一统) на протяжении двух тысячелетий, утвердив легитимационную логику системы централизованной власти.

Несмотря на то, что легизм часто подвергался критике со стороны конфуцианства за суровую гипотезу о «злой природе человека» (人性本恶), именно легистская инструментальная рациональность послужила «жестким носителем» для реализации конфуцианского «идеала гуманного правления» (仁政思想).

Структура «внешнего конфуцианства и внутреннего легизма» (儒表法里) разрешила противоречие между моральным идеализмом и политическим реализмом. Созданная легистами бюрократическая система и стандартизированное управление позволили китайской цивилизации реализовать единство мер и весов, письменности и даже системы ценностей на обширных территориях.

В ходе исторического развития это сознание правил тесно переплелось с конфуцианскими этическими чувствами, сформировав уникальную для Китая «этику правопорядка» (法度伦理) – систему, в которой теплое моральное стремление облечено в строгие институциональные рамки.

Легизм позволяет китайской ценностной системе не только иметь теоретическую нормативность, но и быть реализованной на практике через систему институтов и правил [5, с. 8].

Заключение.

Через комплексный анализ учений конфуцианства, даосизма, буддизма и легизма мы видим, что устойчивость и стабильность традиционных китайских ценностей исходят от взаимодействия и взаимодополнения множества философских ресурсов.

Конфуцианство заложило этическую основу ценностной системы, что позволило социальной жизни строиться на ответственности, ролях и моральном сознании.

Даосизм предложил целостное восприятие структуры мира, что позволило китайской куль-

туре развить уважение к природным ритмам, стремление к гармонии и избегание крайностей.

Буддизм углубил духовное измерение ценностной системы, позволив людям понимать смысл жизни через внутреннее пробуждение и самосовершенствование.

Легизм построил институциональную и авторитарную основу, что позволило ценностям не только оставаться на этическом и духовном уровне, но и быть реализованными и поддерживаемыми через институциональные структуры.

Эти философские школы в совокупности создали культурную структуру, которая не только стабильна, но и адаптивна. Эта структура придает традиционным китайским ценностям прочность через века и продолжает оказывать влияние на современное общество и управление организациями.

Понимание этих философских основ не только помогает нам лучше осознать логику формирования традиционных китайских ценностей, но и предоставляет важный взгляд для дальнейшего обсуждения социальных моделей поведения и теории управления в современном Китае [6, с. 2].

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Литература:

1. Варова Елена Игоревна. Роль даосизма в современном китайском обществе // Общество и государство в Китае. 2013. № 2. С. 90–94. EDN: YPPUCF
2. Кузнецова Е.В. Источники формирования китайского менталитета // СибСкрипт (до февраля 2023 г. – Вестник Кемеровского государственного университета). 2014. № 1(57). С. 187–190.
3. Ли Сяосюань. Роль конфуцианства во внутренней политике современного Китая // Россия в глобальном мире. 2022. № 25(48). С. 91–106. DOI: 10.48612/RG/RGW.25.6 EDN: KSLYSH
4. Ли ЕВ. Философско-нравственное учение даосизма // ORIENSS. 2023. № 21. С. 474–477.
5. Моисеева О. Древнекитайская политико-правовая мысль о наградах и наказаниях / О. Моисеева, О. Блинова // Юрислингвистика. 2022. № 24(35). С. 26–31. DOI: 10.14258/leglin(2022)2405 EDN: DJCDIJ
6. Мяо Цзин. Основные этапы формирования традиционной китайской культуры // Социология. 2024. № 1. С. 87–96. EDN: FDTAXG
7. Хаймурзина М.А. Интерпретация специфики конфуцианской религии в работах современных философов-конфуцианцев // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 64. С. 19–25. EDN: SKHHPH
8. Цун Фэнлин. Ключевые понятия легизма и их трансформация в современной китайской лингвокультуре / Цун Фэнлин, О.В. Дубкова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 9(877). С. 162–168. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_9_877_162 EDN: JHYPYN
9. Чебунин А.В. Формирование буддийского образования в Китае // Философия и культура. 2019. № 4. С. 4–60. DOI: 10.7256/2454-0757.2019.4.28623 EDN: ZXDPVB
10. Янгутов Л.Е. О категориях китайского буддизма // Философская мысль. 2017. № 12. С. 122–126. EDN: YMAUWE

References:

1. Varova Elena Igorevna. The role of Taoism in modern Chinese society // Society and the state in China. 2013. № 2. P. 90–94. EDN: YPPUCF

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

2. Kuznetsova Elena Vladimirovna. Sources of the formation of the Chinese mentality // SibScript (until February 2023 – Bulletin of Kemerovo State University). 2014. № 1(57). P. 187–190.
3. Li Xiaoxuan. The role of Confucianism in the domestic politics of modern China // Russia in the global world. 2022. № 25(48). P. 91–106. DOI: 10.48612/RG/RGW.25.6 EDN: KSLYSH
4. Li E.V. Philosophical and moral teaching of Taoism // ORIENSS. 2023. № 21. P. 474–477.
5. Moiseeva O. Ancient Chinese political and legal thought about rewards and punishments / O. Moiseeva, O. Blinova // Legal linguistics. 2022. № 24(35). P. 26–31. DOI: 10.14258/leglin(2022)2405 EDN: DJCDIJ
6. Miao Jing. The main stages of the formation of traditional Chinese culture // Sociology. 2024. № 1. P. 87–96. EDN: FDTAXG
7. Khaimurzina Marina Akhatovna. Interpretation of the specifics of Confucian religion in the works of modern Confucian philosophers // Bulletin of Amur State University. Series: Humanities. 2014. № 64. P. 19–25. EDN: SKHHPH
8. Tsung Fengling. The key concepts of legalism and their transformation in modern Chinese linguoculture / Tsung Fengling, O.V. Dubkova // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities. 2023. № 9 (877). P. 162–168. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_9_877_162 EDN: JHYPYN
9. Chebunin A.V. The formation of Buddhist education in China // Philosophy and Culture. 2019. № 4. P. 49–60. DOI: 10.7256/2454-0757.2019.4.28623 EDN: ZXDPVB
10. Leonid Yevgrafovich Yangutov On the categories of Chinese Buddhism // Philosophical Thought. 2017. № 12. P. 122–126. EDN: YMAUWE

Информация об авторе

Кун Чуан

аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет
ORCID: 0009-0005-9338-8968
chuankun@mail.ru

Kong Chuang

Postgraduate Student,
Saint Petersburg State University
ORCID: 0009-0005-9338-8968
chuankun@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 13.12.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 29.11.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.12.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-1-13>

УДК 316.016:330.342

Attribution

cc by

УПРАВЛЕНИЕ ВОПРОСАМИ БЕЗОПАСНОСТИ И РИСКОВ «УМНОГО ГОРОДА»

Куракова Т.В., Косивченко Е.В.

Кубанский государственный технологический университет

Аннотация. В статье рассматривается развитие концепции «умного города» как комплексной модели цифровой трансформации городской среды, сочетающей технологические, социальные и управленческие аспекты. Особое внимание уделяется анализу рисков, возникающих при внедрении интеллектуальных систем, включая киберугрозы, уязвимость инфраструктуры, организационные и социальные факторы. Эмпирическую базу исследования составляет пилотажный социологический опрос 147 жителей российских регионов, позволивший оценить уровень информированности населения, готовность к использованию «умных» сервисов и отношение к ключевым угрозам безопасности. Выявлено, что, несмотря на преимущественно позитивное восприятие цифровизации, респонденты демонстрируют высокую настороженность в отношении кибератак, утечки данных и человеческого фактора, а также скептически оценивают реальную готовность к внедрению технологий «умного города». Обосновывается необходимость риск ориентированного подхода, основанного на сочетании технических, институциональных и социально коммуникационных мер управления безопасностью.

Ключевые слова: цифровая трансформация, городская безопасность, управление рисками, киберугрозы, цифровая грамотность, городская инфраструктура, риск ориентированный подход.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

MANAGEMENT OF SECURITY AND RISKS IN A SMART CITY

Tatyana V. Kurakova, Ekaterina V. Kosivchenko

Kuban State Technological University

Abstract. The article examines the development of the «smart city» concept as a comprehensive model of digital transformation of the urban environment, integrating technological, social, and managerial aspects. Special attention is given to the analysis of risks arising from the implementation of intelligent systems, including cyber threats, infrastructure vulnerabilities, organizational, and social factors. The empirical basis of the study is a pilot sociological survey of 147 residents of Russian regions, which allowed assessing the population's level of awareness, readiness to use «smart» services, and attitudes toward key security threats. It was found that, despite the predominantly positive perception of digitalization, respondents demonstrate high caution regarding cyberattacks, data leaks, and the human factor, and are skeptical about the real readiness for implementing «smart city» technologies. The need for a risk-oriented approach is substantiated, based on a combination of technical, institutional, and socio-communicative security management measures.

Keywords: digital transformation, urban security, risk management, cyber threats, digital literacy, urban infrastructure, risk-oriented approach

Funding: Independent work.

Введение.

Развитие информационного общества и электронных систем государственного управления стало предпосылкой для появления нового социального явления – концепции «умных городов». Этот этап рассматривается как основа в формировании инфраструктуры будущего.

Понятие «smart city» вошло в активное употребление с середины 1990 х годов, когда технологии начали оказывать существенное влияние на городское планирование, учитывая перспективы устойчивого развития. Первые эксперименты в этом направлении проводились на отдельных пилотных площадках, однако, мировой финансо-

© Куракова Т.В., Косивченко Е.В.

вый кризис 2008 года временно притормозил процесс. Позже, с бурным ростом цифровых технологий, интерес к созданию «умных городов» возродился с новой силой.

Единого определения термина «умный город» в научной литературе не существует. В ходу встречаются и синонимичные понятия – «цифровой город», «интеллектуальный город». Однако все исследователи подчеркивают, что речь идёт не просто о внедрении технологий. «Умный город» – это комплексное явление, включающее технические, социальные, экологические, политические и интеллектуальные компоненты.

В рамках настоящего исследования, под «умным городом» будет пониматься подход к развитию города, использующего цифровые инструменты для повышения уровня жизни, качества услуг и эффективности управления при обязательном удовлетворении потребностей настоящего и будущих поколений во всех актуальных аспектах жизни.

Таким образом, акцент делается не только на технологическом измерении, но и на долгосрочной устойчивости и ориентации на интересы горожан [1].

Безопасность городской среды обычно связывают с состоянием защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, включая преступность, чрезвычайные ситуации и техногенные инциденты. При этом в современных исследованиях подчёркивается различие между «объективной» городской безопасностью и субъективным чувством безопасности, которое связано с восприятием пространства, социальными эмоциями и доверием к социальным институтам [2].

Наиболее распространённое понимание сводится к тому, что «умный город» – это система, где информационные и коммуникационные технологии интегрированы в управление городской инфраструктурой, от школ и больниц до транспорта, энергоснабжения, водных ресурсов и переработки отходов. Основная цель внедрения инноваций – рациональное использование ресурсов, улучшение качества жизни, повышение эффективности труда, и охрана окружающей среды [3].

С технической точки зрения, «smart city» представляет собой единую сетевую систему, где данные о состоянии городской инфраструктуры и работе служб обновляются в реальном времени. Это позволяет органам управления иметь целостную картину происходящего и принимать своевременные решения.

Таким образом, технологии становятся не конечной целью, а инструментом создания комфорта и безопасности в городской среде.

В июне 2017 года специалисты компании PwC организовали исследование, в рамках которого опросили жителей десяти крупнейших мегаполисов мира. Его целью было выяснить, насколько население готово к внедрению инноваций и технологических перемен. Одновременно эксперты оценивали, какие возможности сегодня имеют эти города для применения современных решений в таких сферах, как здравоохранение, образование, безопасность и градостроительная политика. При анализе учитывались такие аспекты, как состояние инфраструктуры, наличие технологической и нормативной базы, а также степень социальной готовности жителей использовать технологии будущего.

По итогам исследования в пятерку самых подготовленных городов вошли Сингапур (62 %), Лондон (59 %), Шанхай (55 %), Нью-Йорк (53 %) и Москва (53 %).

В итоге была выявлена тенденция, что, несмотря на ускоряющиеся темпы внедрения smart-технологий, большинство жителей мегаполисов мира пока не ощущают себя полностью готовыми к жизни в так называемых «умных городах» [4].

Развитие информационных технологий превратило идею «умного города» из научной фантазии в реальность, где все элементы городской жизни – от транспорта до коммунальных служб – связаны в единую цифровую систему. Благодаря этому город может эффективнее управлять ресурсами и создавать комфорт для жителей.

Однако, несмотря на быстрый рост технологий и попытки сделать города более современными и удобными, многие, привыкшие к традиционному образу жизни люди, пока не готовы полностью принять такие перемены. Это порождает целый ряд рисков, связанных с ожиданиями, доступностью технологий и социальным равенством, которые важно учитывать при дальнейшем развитии концепции «умного города».

Обсуждение.

В современном развитии концепции «умного города» особое внимание уделяется не только внедрению передовых технологий, но и комплексному анализу связанных с этим рисков, которые могут существенно повлиять на безопасность и качество жизни горожан.

Понятие «риск» рассматривается по-разному. Так, Е.В. Духанина риск определяет широко: от акцента на вероятности наступления неблагоприятного события до понимания риска как сочетания вероятности и величины возможного ущерба.

В контексте управления городским развитием, риск, по её мнению, целесообразно рассматривать как возможность наступления нежелательного события, способного причинить ущерб жизненно важным интересам населения и функцио-

нированию городской инфраструктуры, в том числе в цифровой среде [5].

Обобщая подходы различных авторов, риски «умных городов» можно сгруппировать в три укрупнённые категории:

— к технологическим рискам относятся уязвимости устройств Интернета вещей, ошибки программного обеспечения, сбои телекоммуникационной инфраструктуры, а также риски, связанные с применением таких технологий, как большие данные, искусственный интеллект и блокчейн;

— организационные риски связаны с управлением цифровой инфраструктурой и облачными сервисами, недостаточной квалификацией персонала, отсутствием процедур реагирования на инциденты и неэффективным распределением ответственности между ведомствами;

— риски внешней среды, включающие в себя экономические, правовые, политические и социальные факторы, такие как нестабильность финансирования, отставание законодательства, зависимость от иностранных технологий, а также изменения в ожиданиях и поведении граждан [6; 7].

Сегодня современные системы безопасности в умных городах строятся на использовании передовых технологий, которые помогают эффективно следить за городом и быстро реагировать на любые проблемы. Одной из ключевых технологий стал искусственный интеллект (ИИ), который анализирует огромные потоки данных в режиме реального времени и выявляет любые подозрительные ситуации или аномалии. К примеру, системы компьютерного зрения в умных камерах позволяют распознавать лица, отслеживать подозрительное поведение и сами же автоматически оповещать полицию или службы экстренной помощи. Благодаря этому удается существенно снизить уровень преступности и повысить скорость реагирования на чрезвычайные ситуации.

В Москве, например, к 2024 году установлено более 225 тысяч камер видеонаблюдения. Из них около 30 % оснащены возможностями распознавать лица, что позволяет постоянно контролировать самые важные городские места и быстро принимать меры при необходимости. Такие технологии в паре с сетями нового поколения 5G обеспечивают мгновенную передачу данных, что дает возможность использовать дроны и мобильные устройства для мониторинга труднодоступных или опасных для людей зон.

Сегодня в области кибербезопасности умных городов всё чаще применяются принципы многоуровневой защиты, известные как «нулевое доверие» (Zero Trust) и «глубокая защита» (Defense in Depth). Концепция «нулевого доверия» предполагает, что ни одному элементу системы, будь то устройство, пользователь или сервис, не доверяется по умолчанию, даже если

он находится внутри периметра сети. Каждое обращение или запрос тщательно проверяется и должен строго соответствовать политике доступа.

Ключевым элементом управления рисками – способность системы быстро изолировать отдельные компоненты в случае выявления угрозы или инцидента. Это минимизирует распространение атаки и повреждений по городской сети. Важной практикой является также обеспечение резерва и возможности восстановления функций вручную, если автоматизированные системы оказываются временно недоступны.

Примеры национальных стратегий, таких как в Шанхае и Сингапуре, демонстрируют комплексный подход к безопасности умных городов.

В России развитие концепции «умного города» осуществляется в рамках ведомственного проекта по цифровизации городского хозяйства «Умный город», реализуемого с 2018 года в составе национального проекта «Жильё и городская среда» и национальной программы «Цифровая экономика». В утверждённой Концепции проекта «Умный город» зафиксировано, что умный город – это подход к развитию города, использующего цифровые инструменты для повышения уровня жизни, качества услуг и эффективности управления при обязательном учёте потребностей настоящего и будущих поколений [8].

Российская модель умного города, таким образом, близка к стратегическим подходам Шанхая и Сингапура, но реализуется с опорой на национальное регулирование, систему индикаторов и приоритеты, связанные с повышением конкурентоспособности городов и формированием безопасной и комфортной среды.

Результаты.

С целью анализа управления вопросами безопасности и рисков «умного города», в ноябре 2025 года было проведено пилотажное социологическое исследование.

Выборочную совокупность составили жители 9 регионов Российской Федерации в численности 147 человек из 11 российских городов с разной численностью: малые города, средние, крупные и мегаполисы.

Гипотезой исследования стало предположение, что эффективность управления возможна в случае роста цифровой грамотности и открытости городской цифровой среды, способствующих укреплению доверия граждан к системе управления и повышению их удовлетворённости качеством городской инфраструктуры.

Для успешного развития проектов «умного города» важно сочетать технологические решения с образовательными инициативами, надёжной системой киберзащиты и налаженной обратной связью между жителями и городскими службами.

Только при разумном балансе между техническими инновациями и социальными потребностями можно создать по-настоящему безопасное, удобное и доступное цифровое пространство для жизни.

По результатам знакомства респондентов с технологиями умного города можно сделать вывод о том, что большинство участников опроса уже имеют представление о ключевых «умных» сервисах.

Наиболее часто респонденты отмечали системы видеонаблюдения и безопасности (77,6 %), онлайн сервисы ЖКХ (67,3 %) и умное уличное освещение (57,1 %), что свидетельствует о высокой заметности именно тех решений, которые напрямую связаны с повседневной городской инфраструктурой и безопасностью.

Менее распространёнными оказались приложения для обратной связи с органами власти (40,8 %) и интеллектуальное управление транспортом (42,9 %), а о пилотных или менее известных технологиях упомянул лишь единственный респондент (2 %), что указывает на необходимость дальнейшего информационного сопровождения и разъяснительной работы при реализации проектов умного города.

Большинство респондентов в целом положительно относятся к идее «умного города» и связывают её с возможностью улучшения качества жизни (46,9 %); ещё 49 % «скорее согласны», то есть относятся к этой идее позитивно, но с определённой долей осторожности; лишь небольшая доля опрошенных сомневается (2 %) или не согласна с этим утверждением (2 %), что говорит о достаточно высоком уровне доверия к цифровым городским решениям в целом.

При этом, когда респондентам предложили выбрать, какие именно технологии они считают приоритетными для повышения эффективности города, чаще всего они называли автоматизированный сбор мусора (67,3 %) и «умные» остановки и парковки (65,3 %), что отражает запрос на удобство повседневной городской среды. Чуть реже, но всё равно довольно часто, отмечались энергосберегающие системы (51 %), что показывает интерес людей к рациональному использованию ресурсов и экономии, в том числе финансовой. Менее популярными оказались электронные госуслуги (10,2 %) и системы видеонаблюдения (2 %).

Наиболее востребованным инструментом защиты в умном городе, респонденты выбрали шифрование и анонимизацию данных (67,3 %), что отражает высокий уровень тревоги по сохранности персональной информации. 53,1 % респондентов считают важным повышение цифровой грамотности граждан, тем самым признавая, что безопасность зависит не только от технологий, но и от поведения самих пользователей. Ограничение доступа к критическим системам (40,8 %) и регулярный аудит ИТ инфраструктуры (38,8 %)

также воспринимаются как значимые, но уже более «профессиональные» меры, требующие участия специалистов.

При оценке конкретных технологий, которые помогают повысить безопасность жителей в умном городе, респонденты, в первую очередь, обращают внимание на быстроту реагирования и управление движением.

На первом месте оказались системы быстрого реагирования – их указали 61,2 % человек, что показывает ожидание оперативной помощи в чрезвычайных ситуациях.

Почти столь же важными респонденты считают «умные» светофоры, регулируемые трафиком (59,2 %), то есть безопасность на дорогах и снижение аварийности.

Технологии распознавания лиц и номерных знаков набрали 44,9 %, а автоматическое освещение улиц – 38,8 %, что говорит о готовности людей поддерживать использование наблюдательных и осветительных систем ради повышения порядка и личной безопасности, хотя к тотальному контролю относятся осторожнее.

Вопрос: «Какие риски, по Вашему мнению, наиболее серьезны для умных городов?», показал, что участники опроса довольно трезво оценивают возможные угрозы.

Наибольшие опасения вызывают кибератаки и сбои в работе систем, то есть 87,8 % опрошенных. Чуть реже, но также очень часто, упоминалась утечка данных – 79,6 %, что подчёркивает высокую чувствительность людей к вопросам конфиденциальности и защите персональной информации, это может быть связано с частым мошенничеством в современном мире. 46,9 % указывает на уязвимость устройств Интернета вещей и энергетической инфраструктуры, а треть (34,7 %) видит серьёзные экологические риски, связанные с ростом энергопотребления и нагрузкой на окружающую среду. Зависимость от иностранных технологий отметили 20,4 % респондентов, а угрозу потери городской аутентичности и культурной самобытности – лишь 8,2 %.

Интересно, что на фоне довольно высокой тревожности по поводу рисков участники довольно сдержанно оценивают готовность своих городов к внедрению технологий умного города. Почти половина опрошенных (46,9 %) считает уровень готовности низким, ещё 28,6 % оценивают его как средний, то есть видят какие-то отдельные подвижки, но не воспринимают ситуацию как системную. Лишь 16,3 % респондентов дали оценку «высокий» и совсем небольшая часть отметила «очень высокий» (6,1 %) или «очень низкий» уровни (2 %), что говорит об отсутствии крайних оценок и, скорее, осторожном скепсисе.

Большинство респондентов показали, что для них важно не только само внедрение технологий умного города, но и то, как с ними выстраивается

коммуникация. Более половины респондентов (53,1 %) считают прозрачность и информирование жителей о целях и последствиях проектов «очень важными», ещё 40,8 % оценивают их как просто «важные» и 6,1 % «средне важные». То есть, более 90 % опрошенных ожидают от города понятных объяснений целей и последствий проектов, тогда как единоличное принятие решений без учета мнения граждан воспринимается как недостаточное.

Респонденты выявили, какие факторы способны снизить гражданскую активность в условиях умного города. На первом месте оказалось недоверие к технологиям; этот вариант 71,4 % опрошенных, что говорит о сильной настороженности по отношению к цифровым системам и их возможным сбоям или злоупотреблениям. Почти половина респондентов (42,9 %) указала на такой фактор, как недостаток прозрачности, а 40,8 % – на чрезмерный контроль со стороны властей, что отражает страх перед тотальным наблюдением и ощущением потери частной жизни. Реже респондентами назывались: отсутствие понимания механизмов работы сервисов (34,7 %) и цифровое неравенство (20,4 %), которые также воспринимаются как значимые барьеры участия горожан в цифровой среде.

Готовность респондентов впускать цифровые технологии в повседневную жизнь выглядит более осторожной, чем их интерес к самой идее умного города. Полностью готовыми себя считают 20,4 % опрошенных, ещё 49 % отвечают, что «в основном готовы», то есть в целом позитивно относятся к умным домам, цифровому транспорту и новым форматам работы, но всё же сохраняют некоторую осторожность. При этом 22,4 % занимают нейтральную позицию, а 8,2 % скорее не готовы к таким изменениям, что отражает наличие заметной группы людей, которым нужны дополнительные гарантии безопасности.

Респонденты обращают внимание не только на технические, но и на «человеческие» и институциональные риски умного города. Наиболее недооценённым они считают человеческий фактор – ошибки, недоверие и возможные злоупотребления отметили 65,3 % опрошенных. 49 % респондентов указала на отставание законодательства и 46,9 % зависимость от технических систем, что отражает опасения по поводу того, что нормативная база и инфраструктура не успевают за темпами цифровизации. Психологическое восприятие рисков «пока не произошло – не страшно» назвали 44,9 %, а технократический подход без учёта потребностей граждан – 42,9 %, что говорит о страхе быть исключёнными из процесса принятия решений.

На вопрос: «Кто должен нести основную ответственность за цифровую безопасность города?», большинство участников возложили её на государственные органы, этот вариант выбрали 61,2 % респондентов. При этом почти треть опрошенных (30,6 %) выступила за модель совместной

ответственности, предполагающей участие государства, бизнеса и самих граждан, а частные IT компании как единственных «главных» ответственных назвали лишь 8,2 %. Такая структура ответов показывает, что респонденты ожидают от государства ведущей роли в обеспечении безопасности, но одновременно осознают необходимость распределения обязанностей между разными акторами и не снимают ответственности с общества и бизнеса.

Заключение.

По управлению вопросами безопасности и рисков «умного города», можно отметить, что переход к цифровой модели городской среды воспринимается населением преимущественно позитивно, но сопровождается высоким уровнем настороженности.

Горожане видят в «умном городе», прежде всего, возможность повышения качества жизни, улучшения ЖКХ, транспорта и безопасности, однако, одновременно они указывают на угрозы кибератак, утечек данных, технических сбоев, зависимости от сложной инфраструктуры и возможного злоупотребления технологиями со стороны как злоумышленников, так и властей. Это подтверждает, что безопасность в умном городе должна рассматриваться не только как технический, но и как социальный, институциональный и культурный вопрос, требующий комплексного управления рисками.

Респонденты достаточно хорошо знакомы с базовыми сервисами умного города и в целом связывают цифровизацию с повышением комфорта и эффективности городской инфраструктуры. Вместе с тем выявлено противоречие между высокой оценкой потенциала «умных» технологий и сдержанной оценкой реальной готовности городов к их внедрению, а также заметная тревога по поводу киберугроз, человеческого фактора и отставания нормативно правовой базы.

Эти результаты позволяют утверждать, что успешное управление рисками умного города возможно только при одновременном развитии трёх направлений: технологической защищённости (многоуровневая кибербезопасность, защита IoT устройств, резервирование систем), институционального обеспечения (ясное распределение ответственности, актуальное законодательство, прозрачность решений) и социальной составляющей (повышение цифровой грамотности, открытая коммуникация с жителями, учёт их ожиданий и опасений). В этом случае, «умный город» становится не просто набором технологий, а устойчивой и безопасной экосистемой, в которой цифровые решения служат интересам человека, а риск ориентированное управление обеспечивает доверие населения к системе городского управления.

Для эффективного управления рисками рекомендуется дифференцированный подход по типам городов. В малых и средних приоритет –

базовая цифровизация с фокусом на цифровую грамотность и локальные IoT-системы с ручным резервированием. В крупных – многоуровневая киберзащита (Zero Trust) и аудит инфраструкту-

ры ежегодно. В мегаполисах внедрить пилотные зоны с ИИ-мониторингом и обратной связью через apps приложения.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Тихалева Е.Ю. «Умные города»: правовое регулирование и потенциал развития // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1. № 3. DOI: 10.21202/jdtl.2023.35 EDN: DJKVSD
2. Мусин Р.Ф. Теоретические основы понятия «безопасного города» // Теория и практика современной науки. 2017. № 6(24). С. 578–581. EDN: ZCNIKV
3. Абламейко М. «Умный город»: от теории к практике / М. Абламейко, С. Абламейко // Наука и инновации. 2018. Т. 6. № 184. С. 28–34. EDN: XUENLV
4. Саркисян Е. PwC представляет индекс готовности крупнейших городов мира к внедрению технологий будущего: пресс-релиз, 05 июля 2017 г. URL : <https://www.pwc.ru/ru/press-releases/2017/cities-readiness-rating.html> (дата обращения: 03.11.2025).
5. Духанина Е.В. Анализ подходов к трактовке понятия риска, его содержания и методов управления / Е.В. Духанина, К.Ю. Кулаков, А.Т. Хаметова // Вестник евразийской науки. 2022. Т. 14. № 1. С. 24. EDN: JZDJHS
6. Утебалиева Д.Б. Управление рисками в государственных учреждениях / Д.Б. Утебалиева, С.М. Нурыйахметова // Yessenov science journal. 2024. Т. 47. № 2. С. 211–218.
7. Катаев Д.В. Рискология материального в городском пространстве / Д.В. Катаев, Епифанов // Урбанистика. 2024. № 3. С. 136–153. DOI: 10.7256/2310-8673.2024.3.69734 EDN: TNNRJA A.O.
8. Официальный сайт муниципального образования «Черемховское». URL : <https://черемховское.рф/dokumenty/formirovanie-sovremennoy-gorodskoy-sredy/62028> (дата обращения 26.11.2025).

References:

1. Tikhaleva E.Y. «Smart cities»: legal regulation and development potential // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Vol. 1. № 3. DOI: 10.21202/jdtl.2023.35 EDN: DJKVSD
2. Musin R.F. Theoretical foundations of the concept of a «safe city» // Theory and practice of modern science. 2017. № 6(24). P. 578–581. EDN: ZCNIKV
3. Ablameyko M. «Smart City»: from theory to practice / M. Ablameyko, S. Ablameyko // Science and Innovation. 2018. Vol. 6. № 184. P. 28–34. EDN: XUENLV
4. E. Sargsyan. PwC presents the index of readiness of the world's largest cities to implement future technologies: press release, July 05, 2017. URL : <https://www.pwc.ru/ru/press-releases/2017/cities-readiness-rating.html> (date of application 11/03/2025).
5. Dukhanina E.V. Analysis of approaches to the interpretation of the concept of risk, its content and management methods / E.V. Dukhanina, K.Yu. Kulakov, A.T. Khametova // Bulletin of Eurasian Science. 2022. Vol. 14. № 1. P. 24. EDN: JZDJHS
6. Utebalieva D.B. Risk management in public institutions / D.B. Utebalieva, S.M. Nuriyakhmetova // Yessenov science journal. 2024. Vol. 47. № 2. P. 211–218.
7. Kataev D.V. Riskology of the material in urban space / D.V. Kataev, A.O. Epifanov // Urbanistics. 2024. № 3. P. 136–153. DOI: 10.7256/2310-8673.2024.3.69734 EDN: TNNRJA
8. The official website of the municipality «Cheremkhovskoe». URL : [https://черемховское .Russian Federation/dokumenty/formirovanie-sovremennoy-gorodskoy-sredy/62028](https://черемховское.Russian Federation/dokumenty/formirovanie-sovremennoy-gorodskoy-sredy/62028) (date of application 11/26/2025).

Информация об авторах

Куракова Татьяна Валерьевна

кандидат философских наук,
доцент кафедры социологии
факультета экономики, управления и бизнеса,
Кубанский государственный
технологический университет
Ladomir20@mail.ru

Tatiana V. Kurakova

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department of Sociology
at the Faculty of Economics,
Management, and Business,
Kuban State Technological University
Ladomir20@mail.ru

Косивченко Екатерина Владимировна
студентка 1 курса направления подготовки
«Социология – 39.04.01»,
Кубанский государственный
технологический университет
katya.kosivchenko@mail.ru

Ekaterina V. Kosivchenko
1st year Student of the field of study
«Sociology – 04/39.01»,
Kuban State Technological University
katya.kosivchenko@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 09.01.2026.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 20.01.2026.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.01.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-1-14>

УДК 316.472.45

Attribution

cc by

ОЦЕНКА ГОТОВНОСТИ ГРАЖДАН К РЕАЛИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКИХ ИНИЦИАТИВ ЧЕРЕЗ СОЦИАЛЬНО-СЕТЕВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ОРГАНАМИ ВЛАСТИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Медведев С.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Аннотация. В статье исследуется готовность граждан к реализации гражданских инициатив через социально-сетевое взаимодействие с органами власти в условиях растущей цифровизации общества. Основное внимание уделено психологическим, социальным и практическим аспектам, влияющим на активное участие населения в цифровых платформах и социальных сетях. В результате анализа было установлено, что готовность граждан в подавляющем большинстве носит декларативный характер: несмотря на интерес и положительное отношение к идее участия, реальная активность оказывается низкой. Основные препятствия связаны с недостаточным доверием к органам власти, низким уровнем цифровой грамотности и отсутствием мотивации.

Ключевые слова: гражданское участие, гражданская активность, социальные медиа, социальные сети, гражданские инициативы, социально-сетевое пространство, социально-сетевое взаимодействие.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

ASSESSING THE READINESS OF CITIZENS TO IMPLEMENT CIVIC INITIATIVES THROUGH SOCIAL NETWORK INTERACTION WITH GOVERNMENT BODIES: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Sergey V. Medvedev

Belgorod State National Research University

Abstract. This article examines citizens' readiness to implement civic initiatives through social media interaction with government agencies in the context of increasingly digital society. The focus is on the psychological, social, and practical aspects that influence active public participation on digital platforms and social networks. The analysis revealed that citizens' readiness is overwhelmingly declarative: despite interest and a positive attitude toward the idea of participation, actual activity is low. The main obstacles are related to a lack of trust in government agencies, low levels of digital literacy, and a lack of motivation.

Keywords: civic participation, civic activism, social media, social networks, civic initiatives, social media space, social media interaction.

Funding: Independent work.

Введение.

В современном мире наблюдается стремительная цифровизация общества, которая затрагивает все сферы жизни, включая государственное управление и социальную активность граждан.

Развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), социальных сетей и платформ цифрового взаимодействия создаёт новые возможности для участия граждан в реализации

гражданских инициатив, а также для эффективного взаимодействия с органами власти.

А.А. Мерзляков, К.Э. Гусейнова, А.С. Смирнова справедливо отмечают, что «сетевое взаимодействие должно быть основано на вовлечении и равноправном участии широкого круга заинтересованных участников (стейкхолдеров), а результатом такого взаимодействия – координация сетевой коммуникации, направленная на создание эффекта сотрудничества, а не соперничества».

ства или радикальной оппозиционной конфронтации. Только в таких условиях возможно получение реального социального эффекта при выработке управленческих решений» [4, с. 89].

Цифровизация способствует более открытому и прозрачному диалогу между государством и населением, снижает барьеры в коммуникации, позволяет быстро обмениваться информацией и оперативно реагировать на общественные запросы.

Кроме того, социально-сетевое взаимодействие даёт возможность гражданам объединяться по интересам, формировать инициативные группы и совместно продвигать проекты, направленные на улучшение социальной среды и развитие территорий. Однако наряду с техническими возможностями остаются вопросы готовности самого населения к активному вовлечению в такие процессы, уровень доверия к органам власти, а также социальные и культурные факторы, влияющие на мотивацию и практики участия.

Для эффективного внедрения цифровых инструментов и повышения участия граждан важно понять, каковы основные барьеры и стимулы, какие формы взаимодействия наиболее востребованы и результативны.

Целью данного исследования является оценка готовности граждан к реализации гражданских инициатив при помощи социально- сетевого взаимодействия с органами власти.

Под готовностью граждан в данном случае понимается совокупность психологических, социальных и практических характеристик, которые определяют способность и мотивацию населения к активному участию в реализации гражданских инициатив через цифровые платформы и социальные сети.

Материалы и методы исследования.

В данной работе для анализа реализации гражданских инициатив в социально-сетевом пространстве региона была применена комплексная методологическая основа, объединяющая акторно-сетевую теорию Бруно Латура [3] и теорию новых медиа Д.К. Брекенридж [1].

Акторно-сетевая теория позволила взглянуть на социальные взаимодействия как на результат сложных отношений не только между людьми, но и между людьми и техническими элементами сети – такими, как цифровые платформы, алгоритмы и технические средства.

Теория новых медиа была использована для изучения специфики цифровизации и интерактивности, присущих современным социальным сетям и онлайн-платформам.

Эмпирическую основу исследования составили результаты социологического опроса «Практика реализации гражданских инициатив в социально-

сетевом пространстве» проведенного автором в сентябре 2025 года.

В исследовании приняли участие 600 респондентов, выбранных по квотному принципу с учётом ключевых демографических критериев – региона проживания, пола и возраста. Такой отбор обеспечил репрезентативность выборки, соответствующую структуре населения региона согласно официальным данным Белгородстата на 01 июня 2025 года. Благодаря этому подходу полученные данные отражают объективные характеристики и мнения основных социальных групп региона, что обеспечивает надёжность и валидность анализа.

Обсуждение. Результаты.

Социальные сети сегодня проникли во все сферы жизни и стали неотъемлемым элементом как повседневной коммуникации на разных уровнях – в семейных, соседских, трудовых отношениях, так и во взаимодействии с органами власти. Они выступают платформой для обмена информацией, формирования общественного мнения и организации коллективных действий.

Как обосновано, отмечают В.В. Зотов, Е.И. Боев, Л.А. Василенко: «Глобальная информационная сеть создала условия для появления наиболее гибких, интерактивных и удобных взаимодействий, возникающих на базе взаимного социального интереса и обусловленных наличием гражданской активности. Онлайн-пространство становится площадкой, где вопреки сопротивлению бюрократического аппарата сфера взаимодействия государства и гражданского общества демократизируется, наполняется элементами партиципаторной, прямой демократии» [2, с. 204].

В настоящее время в научном обороте все чаще появляются термины «цифровая демократия», «цифровое участие», «цифровая активность».

Интересным нам представляется термин «цифровая партисипация» широко раскрытый в работах В.Р. Хафизовой и А.С. Абрамовой. Авторы отмечают, что: «Процесс медиатизации политического процесса и гражданского активизма создает новое цифровое пространство общественно-политической системы, в котором мобилизация перестает быть субъект-объектным отношением власти и граждан и приобретает черты, характерные для партисипаторной модели гражданского участия.

Современные партисипативные подходы исходят из представления о том, что каждый социальный субъект выбирает свою форму и меру участия, соответствующую его личным интересам и проблемам общества (внутренней и внешней реальности). Отдельный человек принимает решение об участии как свободный и самоуправляющийся субъект, одновременно включенный в различные сообщества. В этой партисипаторной модели проблема возможности

мобилизационного влияния на гражданина приобретает особую значимость» [6, с. 95].

Оценка готовности граждан к взаимодействию с органами власти через социально-сетевое пространство играет ключевую роль в понимании процессов реализации гражданских инициатив. Такая оценка позволяет выявить уровень активности, мотивации и доверия населения к государственным институтам в цифровой среде. Кроме того, она помогает определить эффективность коммуникационных стратегий и механизмов обратной связи, что способствует развитию участия граждан в общественно значимых решениях и повышению качества публичного управления.

Переходя к анализу результатов опроса, отметим, что более 60 % респондентов выразили готовность проявлять и реализовывать инициативы через социальные сети. Вместе с тем, заявленная готовность не всегда совпадает с реальным участием – многие факторы, такие как недостаток ресурсов, ограниченность информации, низкий уровень доверия к властям или негативный опыт взаимодействия, могут снижать мотивацию к активным действиям.

Важно понимать, что готовность зачастую носит потенциальный характер и требует создания благоприятных условий и стимулов для превращения настроя в конкретные действия.

Подтверждение этому содержится в ответах на вопрос: «Приходилось ли Вам участвовать в инициации, продвижении или реализации инициатив для развития своего поселения?». Анализ показывает значительный разрыв между заявленной готовностью и фактическим вовлечением – лишь 28 % участников опроса сообщили о собственном опыте формулирования предложений или инициатив в социальных сетях, тогда как 72 % либо не участвовали, либо не помнят подобных случаев.

Основные темы предложений граждан распределились следующим образом: безопасность занимает 30 %, отражая потребность в улучшении систем оповещения, освещении улиц, организации охраны, видеонаблюдении и мерах по обеспечению порядка. На втором месте – комфорт и благоустройство с 28 % идей, включающих ремонт дворов, озеленение и создание удобств для детей и пожилых. Далее следует социальная поддержка (20 %) – помощь уязвимым группам, включая семьи, ветеранов и пострадавших. Экологические инициативы составляют 12 %, касающиеся утилизации отходов и природоохранных мер, а культура и образование – 10 %, связанные с организацией просветительских мероприятий и поддержкой местных проектов.

Мотивы, стимулирующие активность в социальных сетях, можно разбить на несколько категорий.

Гражданские мотивы основаны на ответственности за регион и стремлении влиять на решения власти.

Социальные – на заботе о безопасности и улучшении условий жизни в сообществе, а также поддержке единства среди соседей.

Практические мотивы связаны с решением конкретных проблем инфраструктуры и услуг.

Психологические мотивации включают желание быть услышанным, почувствовать свою значимость и отказаться от пассивной позиции.

Все эти факторы взаимосвязаны и вместе формируют комплексную систему стимулов для гражданской активности в цифровом пространстве.

На сегодняшний день реальная активность пользователей в социальных сетях, выражающаяся в выдвижении инициатив и предложений, остаётся сравнительно невысокой. По результатам опроса около 72 % респондентов не участвовали в подобных процессах, выступая в основном пассивными наблюдателями или, максимум, голосующими за чужие предложения. Среди основных причин такого поведения выделяются недостаток времени и занятость текущими делами, которые озвучили 35 % опрошенных. Почти треть – 28 % – не уверены, что их идеи будут услышаны и приняты во внимание. Ещё 18 % сомневаются в своей компетентности и не понимают, как правильно формулировать и выдвигать инициативы, а 12 % боятся критики или негативного отношения со стороны других пользователей. Около 7 % респондентов отмечают, что не обладают достаточной информацией о механизмах и возможностях участия в онлайн-проектах.

Следует также подчеркнуть, что большинство респондентов, а именно 62 %, считают, что интернет-участие оказывает минимальное влияние на реальные изменения и воспринимается обществом и властью в основном формально. Такой скептицизм снижает мотивацию вкладывать усилия и время в развитие собственных инициатив через социальные сети, что напрямую связано с низким уровнем вовлечённости населения в цифровой гражданский диалог.

Аналогичные выводы приводят и другие исследователи. Например, Е.О Смолина и Ю.В. Уханова, опираясь на результаты социологического опроса населения Вологодской области (выборка квотная, районированная; объем выборки 1500 чел.; ошибка выборки не более 3 %, 2021 год) обоснованно отмечают, что: «Большая часть населения имеет негативное мнение об эффективности онлайн-участия. У жителей области сложились убеждения, что с помощью Интернет-технологий только собирается информация об имеющихся проблемах, в случае Интер-

нет-участия деятельность носит имитационный характер, а онлайн-формы не способны решать общественно значимые проблемы.

Такая позиция создает риски для развития гражданского участия в регионе, так как Интернет-формат деятельности получает всё большее распространение в жизни современного общества» [5, с. 76].

Обращаясь к вопросу готовности граждан к реализации инициатив в контексте взаимодействия с властью, можно отметить, что более половины опрошенных (51,1 %) уверены в прямой связи, существующей между уровнем открытости государственных органов и социальной активностью населения в социальных сетях. Они считают, что прозрачность власти способствует тому, что граждане активнее высказываются, проявляют инициативу и участвуют в общественно-политических процессах через цифровые площадки. При этом 44,6 % респондентов занимают более взвешенную позицию, предполагая, что такая зависимость возможна, но для её подтверждения нужны дополнительные условия. Лишь незначительная часть – 4,3 % – не видят такой связи, что может свидетельствовать либо о недоверии к влиянию открытости власти на поведение граждан, либо о том, что социальная активность воспринимается ими как автономная от государственной политики.

В общем, результаты подчёркивают важность прозрачности и эффективных коммуникаций со стороны властей для стимулирования гражданской активности в цифровой среде, что напрямую связано с готовностью населения к более активному и конструктивному взаимодействию с государством.

Большинство граждан отмечают присутствие органов власти в соцсетях и оценивают их активность как полезную для информирования и обратной связи – около 45 % считают её достаточной и положительной. Это способствует росту доверия и расширяет возможности взаимодействия.

Однако примерно 30 % воспринимают такую открытость как формальную и поверхностную: контент часто декларативный, ответы на вопросы пользователей не оперативны, что снижает эффективность коммуникации и не создаёт ощущение настоящего диалога. Глубокого вовлечения общественности в принятие решений они не наблюдают.

Около 15 % респондентов скептически относятся к активности властей в соцсетях, видя в ней больше пиар, чем реальную прозрачность и подотчётность, поскольку ключевые процессы остаются закрытыми.

Оставшиеся 10 % либо затрудняются с оценкой, либо не используют соцсети для получения ин-

формации, что отражает цифровое неравенство и различные привычки.

При обращении к региональным органам власти через соцсети около 40 % имели опыт коммуникации, и многие оценили его положительно – своевременные ответы и удобство общения повышают чувство участия. В то же время, 35 % столкнулись с формальными или задержанными ответами, ощущая имитацию диалога. Ещё 15 % только следят за страницами без личного участия, оценивая открытость низко, а 10 % предпочитают традиционные каналы из-за вопросов цифровой грамотности.

Респонденты из Белгородской области продемонстрировали противоречивое отношение к достоверности информации от официальных соцсетей. Около 50 % доверяют официальным каналам, отмечая прозрачность и оперативность публикаций, важность для информирования. Вместе с тем, около 40 % сомневаются в полной правдивости данных, указывая на распространение недостоверной информации, особенно в период СВО, когда появлялись подделки распоряжений и фейковые видео с участием представителей власти. Оставшиеся 10 % испытывают сложности с критическим восприятием или полностью отвергают соцсети из-за низкой цифровой грамотности и недоверия к интернету. Таким образом, уровень доверия в регионе формируется под влиянием реальной прозрачности и одновременных информационных вызовов в условиях СВО.

Заключение.

Сегодня готовность граждан к реализации гражданских инициатив через взаимодействие с властью остаётся преимущественно декларативным и носит эпизодический, терминальный характер. Несмотря на то, что большинство граждан выражают формальную готовность участвовать; в действительности, активное вовлечение проявляет лишь около четверти населения. Это свидетельствует о наличии значительных препятствий, таких как недостаток ресурсов и информации, низкий уровень доверия к государственным структурам, а также негативный опыт взаимодействия с ними.

Мотивы, объединяющие внутренние и внешние стимулы, не находят реального отклика без создания благоприятных условий и эффективных каналов коммуникации. При этом большинство инициатив сосредоточено в сферах безопасности, благоустройства и социальной поддержки, что отражает актуальные потребности общества.

Для перехода от декларативной готовности к устойчивому реальному участию необходима системная работа по обеспечению прозрачных механизмов обратной связи, повышению доверия к власти и предоставлению ресурсной поддержки, что станет фундаментом для развития гражданской активности в цифровом пространстве.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Брекенридж Дейдра К. PR 2.0: новые медиа, новые аудитории, новые инструменты / Дейдра Брекенридж; Пер. с англ. М.В. Синельниковой. М. : Эксмо, 2009. 270 с.
2. Зотов В.В. Гражданская активность населения в социально-сетевом пространстве региона / В.В. Зотов, Е.И. Боев, Л.А. Василенко // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11. № 2. С. 203–216. EDN: WTFVXI
3. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур; Пер. с англ. И. Полонской; Под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с. ISBN: 978-5-7598-0819-0 EDN: SYZVMJ
4. Мерзляков А.А. Эффективность взаимодействия органов власти с населением в условиях реализации национальных проектов: анализ социальных сетей / А.А. Мерзляков, К.Э. Гусейнова, А.С. Смирнова // Среднерусский вестник общественных наук. 2024. Т. 19. № 1. С. 86–105. DOI: 10.22394/2071-2367-2024-19-1-86-105 EDN: BMZGNL
5. Смолева Е.О. Онлайн- и офлайн-форматы гражданского участия: возможности и риски / Е.О. Смолева, Ю.В. Уханова // Caucasian Science Bridge. 2021. Т. 4. № 3(13). С. 66–76. DOI: 10.18522/2658-5820.2021.3.6 EDN: WFRBHI
6. Хафизова В.Р. Социальная эффективность цифровой партисипации как инструмента мобилизации цифрового поколения / В.Р. Хафизова, С.Б. Абрамова // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2022. № 5. С. 95–99. EDN: UGLABJ

References:

1. Breckenridge Deirdre K. PR 2.0: new Media, new audiences, new tools / Deirdre Breckenridge; Transl. from the English by M.V. Sinelnikova. M. : Eksmo, 2009. 270 p.
2. Zotov V.V. Civil activity of the population in the social network space of the region / V.V. Zotov, E.I. Boev, L.A. Vasilenko // Proceedings of the Southwestern State University. Series: Economics. Sociology. Management. 2021. Vol. 11. № 2. P. 203–216. EDN: WTFVXI
3. Latour B. The reassembly of the social: an introduction to actor-network theory [Text]/translated from English by I. Polonskaya; Edited by S. Gavrilenko; National. research. University of Higher School of Economics. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2014. 384 p. ISBN: 978-5-7598-0819-0 EDN: SYZVMJ
4. Merzlyakov A.A. The effectiveness of government interaction with the population in the context of the implementation of national projects: an analysis of social networks / A.A. Merzlyakov, K.E. Huseynova, A.S. Smirnova // Srednerusky Bulletin of Social Sciences. 2024. Vol. 19. № 1. P. 86–105. DOI:10.22394/2071-2367-2024-19-1-86-105 EDN: BMZGNL
5. Smoleva E.O. Online and offline formats of civic participation: opportunities and risks / E.O. Smoleva, Yu.V. Ukhanova // Caucasian Science Bridge. 2021. Vol. 4. № 3(13). P. 66–76. DOI: 10.18522/2658-5820.2021.3.6 EDN: WFRBHI
6. Khafizova V.R. The social effectiveness of digital participation as a tool for mobilizing the digital generation / V.R. Khafizova, S.B. Abramova // Economic and humanitarian studies of the regions. 2022. № 5. P. 95–99. EDN: UGLABJ

Информация об авторе

Медведев Сергей Владимирович
аспирант кафедры социальных технологий
и государственной службы,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Medvedev_S@bsuedu.ru

Sergey V. Medvedev
Postgraduate Student of the Department
of Social Technologies and Public Service,
Belgorod State National Research University
Medvedev_S@bsuedu.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 24.12.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.01.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.01.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-1-17>

УДК 316

Attribution

cc by

ТАКТИЛЬНОСТЬ САКРАЛЬНОГО, ОБУСТРОЙСТВО ПРОСТРАНСТВА И МИКРОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В ПОВСЕДНЕВНОМ МИКРОКОСМЕ ПРАВОСЛАВНОЙ КОФЕЙНИ

Плотников В.В.¹, Чернова И.Б.²

¹Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,

²Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Аннотация. Цель исследования – проанализировать, как в пространстве «православной кофейни» на микроуровне сочетаются сакральные и повседневные практики. В рамках микро-социологического подхода изучаются организация пространства, сенсорная атмосфера и нормы поведения посетителей в данном гибридном пространстве, где коммерческие цели пересекаются с миссионерскими. Методология включает включенное наблюдение и анализ документов (меню, онлайн-группы кофейни). Результаты теоретического анализа показывают, что православная кофейня создает «третье место» для общины, где мирское общение органично существует с религиозной символикой. Посетители адаптируют свое поведение, привычные действия (например, пить кофе) нередко, сопровождаются микроритуалами (осенение себя крестным знаменем перед едой и др.), формируя особую общинную атмосферу. В пространстве кофейни размываются границы между сакральным и профанным, потребление (кофе, выпечка) осмысливается как элемент религиозного опыта. Таким образом, подтверждается гипотеза о том, что православная кофейня выполняет функцию «шлюза» в религиозную среду, снижая барьеры для участия в церковной жизни.

Ключевые слова: православие, повседневные практики, третье место, кофейня, религиозная идентичность, община, сакральное пространство, миссионерство.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

SACRED TACTILITY, SPATIAL ARRANGEMENT, AND MICROSOCIAL PRACTICES IN AN ORTHODOX CAFE MICROCOSM

Vladimir V. Plotnikov¹, Irina B. Chernova²

¹Plekhanov Russian University of Economics,

²V. Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The aim of this study is to analyze how sacred and everyday practices are combined at the micro-level within the space of an «Orthodox coffee shop». Using a micro-sociological approach, the study examines the organization of space, the sensory atmosphere, and the norms of behavior of visitors in this hybrid space where commercial goals intersect with missionary ones. The methodology includes participant observation and document analysis (menus, online groups of the coffee shop). The results of the theoretical analysis show that the Orthodox coffee shop creates a «third place» for the community, where secular interaction organically coexists with religious symbolism. Visitors adapt their behavior; familiar actions (e.g., drinking coffee) are often accompanied by micro-rituals (making the sign of the cross before eating, etc.), forming a special community atmosphere. In the space of the coffee shop, the boundaries between the sacred and the profane are blurred, and consumption (coffee, pastries) is understood as an element of religious experience. Thus, the hypothesis is confirmed that the Orthodox coffee shop functions as a «gateway» to the religious environment, lowering barriers to participation in church life.

Keywords: Orthodoxy; everyday practices; third place; cafe; religious identity; community; sacred space; mission.

Funding: Independent work.

Введение.

В последние годы в городской православной среде России появился новый тренд – открытие кофейни при храмах и монастырях. Подобные кофейни при приходах быстро стали точками притяжения, привлекая даже неверующую часть городских жителей [7]. Являясь одновременно и кафе, и своеобразным церковным пространством, такие «православные кофейни» представляют собой гибридные локусы, где присутствуют:

- коммерческая логика (продажа кофе, выпечки) сочетается с логикой миссии и общинного служения;
- светская культура публичного кафе сталкивается с нормами религиозной жизни;
- формируется новая, «комфортная» точка входа в религиозную среду для тех, кто не решается сразу войти в храм.

Иными словами, это не просто места досуга, а социально-религиозные вариации микрокосма, требующие специального социологического анализа.

С научной точки зрения, данное явление представляет интерес в рамках микросоциологии религии и социологии повседневности. Оно поднимает ряд вопросов:

Как конструируется пространство православной кофейни и создается ее особая атмосфера?

Какие тактильные и сенсорные аспекты (запахи, звуки, визуальные коды) формируют ощущение «сакрального» в привычной обстановке кафе?

Каковы границы допустимого поведения в таком месте, например, можно ли здесь громко смеяться, вести светские беседы, работать за ноутбуком – и каким образом персонал и завсегдатаи транслируют или корректируют нормы поведения новичков?

Кроме того, интересны микровзаимодействия и ритуалы, например, как посетители совершают обычные действия (пьют кофе, беседуют, читают) в пространстве, насыщенном религиозными символами?

Меняется ли при этом их телесность – например, осеняют ли они себя крестным знаменем перед едой, как перед трапезой?

Возникают ли спонтанные молитвы или благословения в повседневном контексте?

Немаловажным аспектом является и аудитория:

Кто приходит в такие кофейни и с какими мотивами?

Можно ли выделить типичные группы посетителей – например, постоянные прихожане, моло-

дежь, «ищущие» (интересующиеся религией) или случайные прохожие?

Наконец, интересна экономика и идея проекта:

Каким образом эти кофейни балансируют между принципом гостеприимства/миссионерства и необходимостью финансового выживания?

Не происходит ли в них коммерциализации сакрального – или, напротив, освящения повседневного потребления?

Для анализа данного феномена мы опираемся на несколько теоретических рамок.

Во-первых, социология повседневных взаимодействий Эрвинга Гоффмана позволяет рассматривать кофейню как своеобразную «сцену», на которой разыгрываются социальные роли и поддерживаются определенный «антураж» [5]. Посетители и персонал, как будет показано, фактически выступают в ролях – «гостей», «радушных хозяев», «миссионеров» или «новичков», – следуя неявному сценарию, сочетающему вежливость кафе и благоговение храмового пространства.

Во-вторых, концепция «третьего места» Р. Олденбурга полезна для понимания социальной функции православной кофейни. Третье место – это нейтральное публичное пространство вне дома и работы, где люди регулярно общаются и чувствуют себя частью сообщества [3]. Православная кофейня, как будет показано, во многом выполняет такую роль для прихожан и широкой публики, становясь посредником между церковью и городским социумом [6].

В-третьих, теория практик (Т. Шацки и др.) дает инструменты для анализа того, как материальные объекты, телесные действия и культурные смыслы интегрируются в новые практики «православной повседневности» [4]. Здесь проявляется сплетение чашки кофе, крестного знаменья, иконы на стене и мирской беседы – все они вместе образуют новую социальную практику, насыщенную религиозным смыслом.

Исходя из обозначенных рамок, в статье сформулирована следующая гипотеза: православная кофейня функционирует как «шлюз» и буферная зона, снижающая транзакционные издержки входа в религиозную среду. Она не столько напрямую обращает новичков в веру, сколько легитимизирует православную идентичность в формате современной городской культуры – делая ее более стильной, интеллектуальной и комфортной для восприятия молодым поколением.

Методология исследования.

Исследование носит качественный характер и опирается на методы включенного наблюдения и контент-анализа. На первом этапе было проведено полевое этнографическое наблюдение в трех московских православных кофейнях (Ост-

ров Пасхи, Zvon, Несвятые святые, АНТИПА). Наблюдение осуществлялось в разные дни недели и время суток, чтобы зафиксировать максимально широкий диапазон ситуаций и типов посетителей. В ходе наблюдения систематически фиксировались: планировка и обустройство пространства (расположение столиков, наличие икон, книжных полок, свечей, музыкального фона и пр.), сенсорная среда, визуальные элементы, а также характер взаимодействий между людьми. Особое внимание уделялось невербальным средствам регулирования поведения: например, как персонал или постоянные посетители реагируют на слишком громкую речь или несоответствующее обстановке поведение новичков.

Дополнительно применялся анализ документов и цифрового следа кофейни. В частности, изучалось меню на предмет особых наименований (например, наличие позиций с религиозной коннотацией – «игуменский кофе» и пр. [7]), ценовой политики (соотношение с рыночными ценами).

Анализировались информационные материалы, такие как афиши мероприятий (лекции, кинопоказы, встречи), страницы кофейни в социальных сетях и на сайте прихода. Это позволило понять, как сама кофейня конструирует свой образ в публичном пространстве; делает ли акцент на религиозности или на общекультурном формате, какие смыслы транслирует через фото, посты, рекламные тексты.

Следует отметить, что на этапе подготовки статьи эмпирические данные носят предварительный характер (преимущественно результаты наблюдений и анализ открытых источников).

Исследование носит разведывательный характер. Тем не менее, даже эти данные в сочетании с привлеченными теориями позволяют выстроить целостную картину феномена православной кофейни, изложенную в разделе результатов.

Результаты.

Анализ показал, что пространство православной кофейни сознательно оформляется таким образом, чтобы быть одновременно узнаваемым как современное кафе и в то же время нести отпечаток православной традиции.

Планировка обычно повторяет каноны уютного городского кафе (несколько столиков, стойка бариста, мягкий свет). Однако в интерьере почти всегда присутствуют религиозные маркеры – икона в «красном углу» помещения, небольшие кресты или цитаты из Священного Писания на стенах, полка с православной литературой. Например, в одной из кафе внутри монастыря на стене висит старинная икона с украшенным рушником, вместо привычных ручек на дверях – тяжелые кованые кольца, а потолок представляет собой свод, создавая атмосферу старинной трапезной. Такая архитектура смыслов формирует у посетителя ощущение, что он находится не в

обычном «кофе-пойнте», а в особом пространстве, сопряженном храму.

Сенсорные аспекты также тщательно продуманы. Фоном может негромко звучать духовная музыка или акустические церковные песнопения, заглушая городской шум. В воздухе порой смешиваются ароматы кофе и свечного воска – если кофейня примыкает непосредственно к храму, через открытую дверь могут доноситься запахи ладана или звук колокольного звона. Тем самым создается кинестетический образ, где светское и сакральное сливаются на уровне ощущений.

Важно отметить, что организаторы стремятся сделать атмосферу привлекательной для современной городской аудитории. Интерьеры часто оформлены стильно и современно, без излишней аскетичности, чтобы сломать стереотип о «скромной церковной трапезной». Кураторы подобных проектов подчеркивают, что хотели «показать молодежи, что Церковь – стильная, красивая, открытая для всех» [7].

В меню нередко можно встретить авторские напитки и блюда, не уступающие по креативности городским кафе, например, лате с тимьяном и кунжутным маслом или постные десерты современной кухни. При этом названия некоторых блюд и напитков могут отсылать к православной культуре – упомянутый «игуменский кофе» (эспрессо с какао и ванилью), пирожки по греческим рецептам и т.п.

Персонал кофейни обычно одет опрятно, в фирменные фартуки или футболки; иногда на их одежде присутствует ненавязчивая символика прихода или цитаты, но в целом внешний вид сотрудников близок к стандартам индустрии гостеприимства, чтобы не отталкивать непосвященных.

Тем не менее, от сотрудников ожидается определенная манера поведения – мягкая приветливость, готовность выслушать. Многие из них сами являются воцерковленными людьми, поэтому могут поддержать светскую беседу и одновременно ненавязчиво ответить на вопросы о вере, если гость проявит интерес.

Важным элементом атмосферности является поддержание границ дозволенного поведения. Хотя кофейня – это не храм, здесь негласно поощряется благоговейное отношение к окружающему. Громкий смех, шумные споры или бестактные выражения интуитивно воспринимаются как неуместные.

Новые посетители ориентируются на поведение завсегдатаев. Если в обычной городской кофейне кто-то может громко разговаривать или вести себя раскованно, то здесь обстановка словно сама диктует более сдержанный тон.

В случае явного нарушения «тихого режима» персонал деликатно вмешивается – например, сотрудник может подойти и тихо попросить гово-

речь чуть потише, мотивируя это тем, что рядом моленное пространство или что другим гостям хочется уединения. Однако, как правило, до прямых замечаний не доходит, социальный контроль осуществляется тонкими невербальными сигналами. Постоянные посетители рассказали, что, когда кто-то слишком оживленно жестикулировал или хохотал, достаточно было дружеского взгляда или паузы в разговоре, чтобы человек сам снизил голос.

Таким образом, нормы поведения редактируются мягко, создавая атмосферу, одновременно непринужденную и уважительную к сакральности места.

Повседневные действия посетителей в пространстве православной кофейни приобретают особенные оттенки. Так, обычай начинать трапезу с молитвы или крестного знамения сохраняется у многих даже при потреблении чашки капучино. В ходе наблюдений отмечалось, что некоторые постоянные гости, получив заказ, отходят к иконе в углу, чтобы кратко помолиться, или тихо крестятся перед тем, как попробовать первую ложку супа. Для них это естественное продолжение выученных практик православной жизни, переносимых в новый контекст. Другие посетители, менее воцерковленные, могут и не совершать явно религиозных жестов, однако, само присутствие религиозных символов влияет на стиль их общения. Например, беседы за столиком зачастую ведутся в более «приличном» регистре – с меньшим употреблением жаргона, обценной лексики; темы касаются культуры, истории, обсуждения церковных событий или книг. Нередко можно увидеть, как люди вместе просматривают и обсуждают свежий православный журнал или книгу, взятую с полки кофейни.

Таким образом, контент общения смещается в сторону духовно-интеллектуальных вопросов, хотя происходит это добровольно, по интересам самих посетителей.

В кофейне активно практикуются и новые ритуалы общения, формирующие общность. Например, устраиваются совместные просмотры и обсуждения фильмов на морально-этические темы, лекции священников или мирян на исторические и богословские темы. Эти события превращают обычное потребление кофе в ритуализированное времяпрепровождение. Гости заранее собираются, здороваются друг с другом как со старыми знакомыми, после просмотра делятся впечатлениями. В таких обсуждениях за чашкой чая возникают элементы совместного осмысления веры, но в неформальной, дружеской обстановке. Один из ярких примеров – кофейня «АНТИ-ПА» регулярно проводит публичные лекции об истории района и храма, музыкальные вечера, презентует газету собственного прихода. Вечером перед началом мероприятия столики сдвигают вместе, образуя подобие единого братского стола (при этом мозаичные орнаменты на столах складываются в общий узор), что само по себе

становится символическим действием, объединяющим людей физически и метафорически.

Присутствие священника или церковного персонала в кофейне – отдельный аспект микровзаимодействий. Часто настоятель или дежурный священник сами заходят выпить кофе и пообщаться с паствой в неофициальной обстановке. Это создает возможность для тех, кому сложно задать вопрос батюшке в храме, сделать это за соседним столиком без церемоний. Как отмечают сами миссионеры, подростку или невоцерковленному взрослому в такой обстановке «проще не чувствовать себя чужаком, да и беседа не кажется назидательной» [7].

Действительно, в кофейне стирается дистанция между клиром и мирянами. Священник здесь может быть собеседником за чашкой чая, а не только официальным лицом. Однако при всем демократизме сохраняются элементы уважения – посетители могут попросить благословение у священника перед тем, как тот сядет к ним за стол.

Таким образом, происходит интеграция религиозного этикета в повседневное общение. Люди свободно разговаривают, шутят, но в то же время не забывают об уважении к сакральному статусу собеседника.

Необходимо подчеркнуть, что через повседневные микроритуалы в кофейне постепенно формируется ощущение общины. Регулярно посещающие кофейню люди начинают узнавать друг друга, завязываются знакомства, которые затем перерастают в дружеское общение и совместные походы на службы.

Можно говорить о рождении новой приходской общности, ядро которой складывается не столько на стоянии в храме во время литургии, сколько за разговорами и совместной деятельностью после службы. По словам одного из священников, наличие такого места, где прихожане «могут пообщаться после службы», чрезвычайно важно, ведь «трапеза естественным образом является продолжением литургии» [7]. Действительно, в Деяниях апостолов описано, что первые христиане ежедневно пребывали в общении и преломлении хлеба (Деян. 2:42) – церковная кофейня во многом возрождает этот элемент христианской жизни, адаптируя его к реалиям современного города.

Можно сказать, что литургическое общение плавно перетекает в общение за общим столом, люди вместе едят и пьют, обсуждают проповедь, делятся событиями своей недели. За счет этого, церковная жизнь перестает ограничиваться формальным посещением служб и таинств – она продолжается в буднях, в неформальной обстановке, укрепляя горизонтальные связи внутри прихода. Примечательно, что даже те, кто изначально приходил в кофейню просто выпить кофе из любопытства, постепенно втягиваются в эту атмосферу совместности, их могут пригласить

присесть за общий стол, угостить чем-то, познакомиться с другими. В итоге у человека возникает чувство принадлежности («меня здесь знают и ждут»), что психологически привязывает его к данному месту и через него – к храмовой общине.

Исследование выявило несколько основных групп посетителей православной кофейни, различающихся по степени вовлеченности в церковную жизнь и по мотивации визитов.

Первая группа – воцерковленные прихожане, для которых кофейня стала естественным продолжением приходской активности. Как правило, это люди, регулярно посещающие богослужения в данном храме (или близлежащих храмах) и использующие кофейню как пространство для общения с единоверцами. Многие из них приходят сразу после воскресной литургии всей семьей или компанией друзей-прихожан, чтобы вместе позавтракать и обсудить новости прихода, проповедь, планы на предстоящие мероприятия. Для этой категории кофейня выполняет функцию привычной церковной трапезной, но в более комфортном современном формате. Они могут чувствовать себя здесь как дома, знают персонал по именам, сами предлагают помощь (например, разнести по столам приборы, убрать за собой чашки), часто жертвуют деньги сверх счета «на развитие кофейни». Их православная идентичность только укрепляется за счет того, что религиозность становится частью повседневности – в их глазах нет противоречия между молитвой и чашкой капучино, между ношением крестика и модной толстовкой с цитатой из святого отца.

Вторая группа – молодежь и студенты, в том числе креативный класс, которые тяготеют к сочетанию интеллигентного досуга и духовности. Это люди, возможно, менее строго соблюдающие церковные каноны, но разделяющие ценности православия или проявляющие к нему живой интерес. Для них кофейня привлекательна своей атмосферой «умного христианства». Здесь можно встретить сверстников, обсуждающих не только светские темы, но и богословские вопросы, литературу, историю Церкви. Неформальный стиль общения без морализаторства особенно ценится этой аудиторией. Многие отмечают, что в обычном храме им сложно подойти и задать вопрос, а за кофейным столиком это сделать легко. Кроме того, сама эстетика православной кофейни – красивый интерьер, ненавязчивая музыка, совмещение старинных элементов с современным комфортом – транслирует идею, что православие может быть модным и эстетичным.

Как сказала управляющая одной из таких кофеен, цель – «разорвать шаблон» о церковной среде и показать, что и при храмах могут быть современные пространства... что Церковь – стильная, красивая, открытая для всех. Эта идея находит отклик у образованной молодежи, они

приходят за атмосферой и остаются ради смысла. Для многих из них визиты в кофейню становятся своеобразным этапом социализации в Церкви – приобщением через культуру. Посещая лекции или кинопоказы, они получают знания о вере, знакомятся с носителями этой веры, постепенно начинают участвовать и в религиозной жизни (например, сначала пришли на фильм, потом заинтересовались и зашли на службу).

Третья условная группа – «симпатизирующие» и ищущие; то есть, люди, не считающие себя воцерковленными, но испытывающие интерес к религии или просто любопытство. Их привлекает кофейня как необязывающий способ контакта с православием. Некоторые приходят по рекомендации друзей: «Сходи, там очень уютно, и батюшка бывает, можно поговорить» (из дискуссии). Другие – случайно, увидев указатель или зайдя с улицы ради кофе, а обнаружив нестандартную обстановку, остаются из любопытства. Для такой аудитории особенно важна гостеприимная, инклюзивная атмосфера. И наблюдения, и отзывы показывают, что православные кофейни стремятся не оттолкнуть невоцерковленного человека, а наоборот, заинтересовать его. Например, в разговоре с таким гостем персонал или постоянные посетители избегают узкоконфессионального жаргона, не задают вопросов: «Вы воцерковлены?», а поддерживают светские темы – кино, музыка, общегородские события. Постепенно, если гость сам захочет, разговор может перейти к обсуждению вопросов веры, но это происходит ненавязчиво. Многие из «новичков» признаются, что ранее чувствовали барьер перед церковью, опасались осуждения или непонимания, а здесь, выпивая чай, почувствовали себя «своими». В каком-то смысле кофейня для них – психологический лифт, поднявшись на один этаж (от полного секуляризма к мягкому религиозному окружению), они могут решиться подняться и дальше – прийти на экскурсию по храму, на праздник, а затем, возможно, и на службу.

Наконец, можно упомянуть категорию городских туристов и прохожих, для которых посещение такой кофейни – культурный опыт. Например, известные монастырские кофейни (в центре Москвы при исторических обителях) привлекают внимание как часть туристического маршрута. Зайдя выпить кофе, эти люди не столько ищут религиозного общения, сколько атмосферности и экзотики. Тем не менее, и они невольно вовлекаются в диалог культур. Общаясь с персоналом, разглядывая православный декор, они получают представление о дружелюбном лице Церкви. В ряде интервью с посетителями упоминалось, что подобный опыт меняет прежние стереотипы: «Я думал, при монастыре все строго, а тут все очень радушно, даже Wi-Fi есть».

Таким образом, для внешней аудитории кофейня выполняет роль витрины Церкви, улучшая ее образ в глазах общества.

Одним из центральных вопросов, встающих перед православной кофейней, является баланс между неприбыльной миссией и финансовой устойчивостью. Как показал анализ, модели решения этого вопроса варьируются. Некоторые кофейни действуют практически как некоммерческие трапезные при храме. Цены в них установлены минимально возможные, ближе к себестоимости, а иногда и ниже среднерыночных по региону. Например, в одной из московских приходских кофейен большой стакан американо стоит менее 200 рублей, а домашняя выпечка продается по символическим ценам. Это становится возможным благодаря тому, что помещение предоставлено храмом без аренды, часть продуктов жертвуются прихожанами, а сотрудники работают как волонтеры или получают минимальную оплату. В таких местах нередко действует и система свободных пожертвований. Рядом с кассой стоит ящик для тех, кто хочет заплатить больше или, наоборот, не имеет возможности заплатить полную цену. Прибыль как цель отсутствует – любая выручка после покрытия расходов направляется на нужды прихода. Так, настоятель одного из храмов подчеркнул, что выручка кофейни идет на ремонт и содержание храма.

Данная модель позволяет сохранять дух гостеприимства – посетители чувствуют, что приходят не в коммерческое заведение, а фактически в гости к церковной общине, где главное – общение, а не деньги.

В других случаях, особенно когда кофейня задумана как миссионерский стартап в городе, может использоваться более предпринимательский подход, хотя и с оговорками. Кофейня «АНТИ-ПА» в Москве, по свидетельствам, позиционируется как социальное предприятие: цены там сопоставимы с городскими (на некоторые позиции даже выше, напр. авторская сдоба ~ 600 руб.), однако, прибыль вкладывается в развитие образовательных проектов при храме и издательскую деятельность.

Более того, вокруг бренда кофейни создан целый маркет товаров – от одежды с православной символикой до собственных медийных продуктов [6]. Молодежь охотно покупает этот мерч, воспринимая его как способ и поддержать любимое место, и одновременно стильно выразить свою принадлежность к нему. По сути, формируется бренд веры, который продается на рынке молодежной культуры. Этот казус ярко иллюстрирует двойственность явления: с одной стороны, мы видим коммодификацию (овеществление) религиозного опыта – когда символы веры становятся товаром (толстовки, кофе с христианским слоганом и пр.) [1].

С другой стороны, сами участники процесса осмысливают это как благо, покупая такой товар или дорогое угощение, они «вкладываются» в доброе дело, а употребляя их – как бы освящают свой стиль жизни.

Таким образом, православные кофейни балансируют на тонкой грани между сакрализацией потребления и секуляризацией святынь. С одной стороны, они вносят элемент рынка в церковную жизнь, с другой стороны, они дают возможность верующим перенести свою религиозность в самую обыденную сферу – еду и отдых, тем самым освящая каждодневность.

Отдельные практики – например, соблюдение постного меню в кафе, молитва перед трапезой, благотворительность через покупку – явно свидетельствуют в пользу второго процесса. Кроме того, миссионерская идеология этих проектов подчеркивает: цель не прибыль как таковая, а создание пространства встречи церкви и мира. Как заявил один священник, комментируя идею открытия кофейни, «дело совсем не в кофе» – важно, что появляется место, где человек может вдоволь поговорить, не торопясь на бегу окунуться в атмосферу мирной благодати, и через это открыться для общения с Богом (из дискуссии).

Обсуждение.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что православная кофейня является ярким примером адаптации религиозной общины к урбанистической культуре посредством создания гибридного третьего места. В соответствии с концепцией Р. Олденбурга, третьи места служат узлами социального капитала, где происходят непринужденные встречи и формируется чувство общности [3].

Наш анализ показал, что православная кофейня полностью выполняет эту функцию, она становится для прихода и окружающего сообщества площадкой регулярных контактов, платформой для диалога веры. Подобно тому, как в евангельских кафе на Западе создается атмосфера, размывающая барьеры между евангелистами и обычными посетителями [1], в православной кофейне стирается жесткая граница «церковь-мир». Это пространство выступает социальным медиатором между городом и религией, выполняя функции точки встречи, места общения и одновременно своеобразного приглашения в церковную жизнь. Тем самым подтверждается вывод Д. Остапенко о том, что прилегающая к храму территория кофейни становится светским пространством с элементами сакрального, соединяющим горожан с религией на новом уровне [6].

С точки зрения микросоциологии взаимодействий, наблюдаемая ситуация удачно описывается драматургическим подходом Э. Гофмана [5]. Можно сказать, что в православной кофейне одновременно идут две «постановки» – светская и сакральная – накладывающиеся друг на друга. Посетители играют роль клиентов кафе (они расслаблены, ведут дружеские беседы, обращаются к бариста как в любом другом заведении). Одновременно, многие из них (особенно постоянные) играют роль благочестивых мирян

(следят за речью, совершают крестное знамение, проявляют уважение к присутствующим священнослужителям).

Персонал, в свою очередь, тоже исполняет двойную роль – с одной стороны, гостеприимных хозяев, «официантов» в лучшем смысле, стремящихся угодить клиенту; с другой – неформальных миссионеров, ответственных за духовный климат. Их задача не только приготовить вкусный кофе, но и подать пример правильного поведения, ответить на возможные вопросы о вере, тонко скорректировать нежелательные проявления. Все это напоминает сложный театр повседневности, где одинаково важны и декорации (иконы, интерьер), и реквизит (чашки, книги), и игра актеров.

Гофмановские понятия «фронтальная зона» и «бэкстейдж» здесь преломляются особым образом, кофейня служит фронтальной сценой для Церкви, демонстрируя ее открытость и приветливость внешнему миру, но одновременно является бэкстейджем по отношению к самому храму – местом, где прихожане уже не стоят чинно перед алтарем, а могут отдохнуть и побыть собой, не выходя полностью из религиозного пространства.

Этот синтез фронта и закулисья порождает новый формат взаимодействия, требующий от участников умения переключать рамки (говорить на светские темы, не переставая ощущать сакральный контекст). Такое наложение рамок можно трактовать и как особый случай фрейм-анализа Гофмана, где базовые рамки («кафе» и «церковь») образуют сцепленную рамку («православная кофейня»), со своими условностями и правилами.

Если обратиться к теории социальных практик, описываемый феномен демонстрирует формирование новой практики на стыке религии и потребления.

По выражению А. Реквиц, социальная практика – это конфигурация телесных действий, вещей, знаний и значений, связанных в единое целое. В нашем случае именно так и произошло.

Телесные действия (приветствовать друзей, пить кофе, молиться перед едой), материальные объекты (кофейная посуда, пища, иконы, книги), а также ментальные и дискурсивные структуры (идея братского общения, нормы вежливости, религиозные ценности) – все объединилось в устойчивый набор практик православной повседневности в границах кофейни. Эта практика поддерживается регулярностью (многие приходят еженедельно или чаще), коллективностью (присутствует сообщество носителей) и материальной инфраструктурой (само помещение кофейни и атрибуты). В результате постепенно возникает новый социальный институт на пересечении Церкви и городского сообщества.

Интересно, что подобные институты вписываются в тенденцию брендинга религии в современном обществе [1]. Можно сказать, происходит реконтекстуализация потребительских практик –

кофе пить – действие обычное, но в другом контексте оно превращается в элемент пути ко спасению (через общение, просвещение, благотворительность). Схожие выводы сделаны и в недавних работах по антропологии городской религиозности, где отмечается, что материальная культура веры (включая еду и одежду) все чаще становится площадкой для творческой переинтерпретации сакрального в условиях модерна.

В плане идентичности, появление православных кофеен демонстрирует важный сдвиг, формируется образ православного верующего, интегрированного в современную городскую культуру. Если ранее праведность часто ассоциировалась (особенно у молодежи) с консервативным стилем жизни, отказом от светских удовольствий, то теперь мы видим модель «православного городского жителя», который может сидеть в кофейне, пользоваться ноутбуком, носить стильную одежду – и при этом оставаться воцерковленным христианином. Такие проекты, по сути, стирают границу между «церковным» и «мирским» стилем жизни. Для молодого поколения верующих это снимает внутренние конфликты идентичности, им не нужно выбирать между церковью и привычной культурой досуга, поскольку церковь сама пришла в их досуговое пространство. Более того, как показали интервью, участие в жизни православной кофейни для многих стало фактором укрепления идентичности, люди чувствуют гордость за свой приход, который «шагает в ногу со временем» и одновременно сохраняет традиции. Можно сказать, что происходит конструирование новой религиозной идентичности на пересечении субкультурных практик и конфессиональной принадлежности.

Следует также обсудить управленческие и социальные последствия появления таких пространств. С точки зрения церковного управления (управления приходом), православная кофейня – это инновационный миссионерский инструмент, который, как показывают результаты, эффективно повышает вовлеченность паствы в жизнь прихода. Она решает сразу несколько задач управления социальным капиталом общины, укрепляет внутриобщинные связи, привлекает новых членов, улучшает общественный имидж прихода, а также может частично финансово поддерживать приходские проекты. Однако возникают и сложности, в частности необходимо обучать персонал особым компетенциям (одновременно в сфере сервиса и миссии), предотвращать потенциальные конфликты (например, между ревнителями благочестия и вольно себя ведущими гостями), выдерживать баланс между открытостью и сохранением уважения к святыне. Показателен эпизод, когда одна из первых таких кофеен столкнулась с критикой: была открыта кофейня в колокольне храма, и часть верующих задавались вопросом: Уместно ли «кормить людей в колокольне?». Тем не менее, опыт показал, что проект оказался успешным и быстро завоевал популярность, что сняло остроту спора [7]. Это говорит о том, что нормы сакрального пространства не статичны, они могут пересматриваться под влиянием новых миссионерских целей. В данном случае, пространство коло-

кольни обрело новую социальную функцию, не потеряв при этом символического значения.

В сравнении с другими формами диалога Церкви и общества (миссионерские палатки, уличные акции, молодежные клубы), кофейня выглядит особенно органичной для городской культуры. Она вписывается в повседневность людей. Зайти на кофе – естественное действие, не требующее специальной мотивации. Поэтому порог входа в религиозный дискурс оказывается очень низким. Можно вспомнить концепцию Грейс Дэви «верование без принадлежности» – в нашем случае православная кофейня предлагает наоборот «принадлежность без формального верования на первых порах» [1].

Человек может почувствовать принадлежность к общине, просто разделяя с ней пространство и дружеское общение, и уже потом, постепенно, эта социальная принадлежность может перерасти в полноценное воцерковление (если сложатся условия и будет на то воля человека). В этом смысле, гипотеза о кофейне как «шлюзе» в веру получает свое подтверждение: подобно тамбуру, смягчающему переход с улицы в храм, кофейня смягчает социокультурный переход от светской жизни к церковной.

Заключение.

Настоящее исследование теоретически осмыслило феномен православной кофейни как уникального микросоциального пространства, возникшего на стыке религии и городской культуры. В ходе анализа было показано, что православная кофейня представляет собой «третье место» нового типа – полу-светское, полу-сакральное – в котором повседневные практики обретают религиозное измерение.

Организация пространства, атмосферные и символические решения создают у посетителей ощущение сакральной уютности, располагающей к тихому общению и рефлексии. Поведение людей в этой обстановке характеризуется появлением новых гибридных норм (сочетанием светской раскованности с элементами благоговения и ритуальности).

Через микроритуалы (молитва, крестное знамение, совместная трапеза) и регулярное общение формируется общинность – социальная общность, в которой участвующие ощущают себя частью церковной семьи.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Православная кофейня вносит значимый вклад в конструирование современной православной идентичности, демонстрируя, что традиционные ценности могут успешно выражаться в современных формах.

Поставленная в начале работа гипотеза нашла подтверждение: православная кофейня действительно функционирует как «шлюз» и буфер между Церковью и внешним миром, снижая барьеры для тех, кто ранее мог чувствовать отчуждение от религии. Она легитимизирует присутствие Церкви в повседневной жизни горожан, делая религиозный опыт доступным и привлекательным в привычных форматах досуга. При этом данное пространство не профанирует сакральное, а скорее освящает профанное, переводя обыденные действия в духовно-культурную плоскость.

Практическая значимость полученных результатов состоит в том, что понимание механизмов работы таких кофеен может быть использовано в миссионерской стратегии и управлении религиозными организациями. Создание комфортных «переходных» пространств, где человек может войти в церковную культуру постепенно, показывает свою эффективность. Ограничения данного исследования связаны с его предварительным, теоретико-аналитическим характером.

Полученные выводы базируются на ограниченном массиве наблюдений и вторичных источников.

Перспективой дальнейшей работы является проведение полного полевого исследования – расширенного этнографического наблюдения и серии интервью, – что позволит эмпирически проверить сделанные предположения и более глубоко понять субъективный опыт участников.

Тем не менее, уже на данном этапе видно, что православные кофейни – плодотворное поле для социологического изучения трансформаций религиозной жизни в современности. Они демонстрируют, как сакральное обретает свойство повседневности, проступая в самых привычных действиях и пространствах, и как меняется сама повседневность, впуская сакральное в свой тактильный мир.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Einstein M. Brands of Faith: Marketing Religion in a Commercial Age. New-York : Routledge, 2008. 240 p.
2. Foster K. Evangelical Third-Place Cafés that Facilitate Gospel Conversations. PhD Thesis. University of Roehampton (UK), 2023. 328 p.
3. Oldenburg R. The Great Good Place: Cafés, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Hair Salons and Other Hangouts at the Heart of a Community. New-York : Paragon House, 1989. 338 p.
4. Schatzki T. Social Practices: A Wittgensteinian Approach to Human Activity and the Social. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1996. 256 p.
5. Гофман Э. Представление себя другим в повседневной жизни. М. : Канон-Пресс-Ц, 2000. 312 с.
6. Остапенко Д. В. Стильно, модно, православно: опыт исследования кофейни «АНТИПА» // Фольклор и антропология города. 2024. Т. 6. № 3. С. 92–106. DOI: 10.22394/2658-3895-2024-6-3-92-106 EDN: CPFBLZ
7. Скуба М. Кукольный театр, игуменский кофе и листки с предсказаниями: зачем ходить в приходские кофейни? Милосердие.ru, 11.02.2025. URL : <https://www.miloserdie.ru/article/kukolnyj-teatr-igumenskij-kofe-i-listki-s-predskazaniyami-zachem-hodit-v-prihodskie-kofejni> (дата обращения 13.11.2025).

References:

1. Einstein M. Brands of Faith: Marketing Religion in a Commercial Age. New-York : Routledge, 2008. 240 p.
2. Foster K. Evangelical Third-Place Cafés that Facilitate Gospel Conversations. PhD Thesis. University of Roehampton (UK), 2023. 328 p.
3. Oldenburg R. The Great Good Place: Cafés, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Hair Salons and Other Hangouts at the Heart of a Community. New-York : Paragon House, 1989. 338 p.
4. Schatzki T. Social Practices: A Wittgensteinian Approach to Human Activity and the Social. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1996. 256 p.
5. Hoffman E. Presenting oneself to others in everyday life. M. : Canon-Press-Ts, 2000. 312 p.
6. Ostapenko D. V. Stylish, fashionable, Orthodox: the experience of researching the coffee house «ANTIPAS» // Folklore and anthropology of the city. 2024. Vol. 6. № 3. P. 92–106. DOI: 10.22394/2658-3895-2024-6-3-92-106 EDN: CPFBLZ
7. Skuba M. Puppet theater, abbot's coffee and fortune sheets: why go to parish coffee shops? Милосердие.ru, 02/11/2025. URL : <https://www.miloserdie.ru/article/kukolnyj-teatr-igumenskij-kofe-i-listki-s-predskazaniyami-zachem-hodit-v-prihodskie-kofejni> (date of application 11/13/2025).

Информация об авторах

Плотников Владимир Валериевич

доктор социологических наук,
доцент,
профессор кафедры государственного
и муниципального управления,
Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова
inkognito13@inbox.ru

Vladimir V. Plotnikov

Doctor of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Professor of the Department of State
and Municipal Management,
Plekhanov Russian University of Economics
inkognito13@inbox.ru

Чернова Ирина Борисовна

кандидат философских наук,
доцент,
доцент кафедры философии,
Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя
chibor@bk.ru

Irina B. Chernova

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of the Department of Philosophy,
V. Ya. Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
chibor@bk.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 21.12.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 12.01.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.01.2026.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-1-24>

УДК 316.4

Attribution

cc by

АВТОМОБИЛИЗАЦИЯ КАК ГЕНЕРАТОР СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ

Тужба Э.Н., Круглик Н.В.

Кубанский государственный технологический университет

Аннотация. В данной статье представлен комплекс проблем, вызванных массовой автомобилизацией в городах. Автомобиль рассматривается авторами не только как средство мобильности, но и как фактор, ведущий к фрагментации городского пространства, экологическим рискам и социальному отчуждению. Основное внимание уделено высокой аварийности как ключевой угрозе главной причине которой человеческий фактор: вождение в нетрезвом виде, превышение скорости и агрессивное поведение. На основе сравнения с успешным опытом других стран делается вывод о необходимости применения системного подхода в исследовании проблем. Решение требует одновременного воздействия на три элемента: поведение человека (воспитание и ужесточение санкций), техническую безопасность транспорта и инфраструктуры, а также гуманизацию городской среды. Снижение рисков автомобилизации – это социотехническая задача, требующая смены парадигмы в пользу культуры безопасности, взаимного уважения на дороге и приоритета качества жизни.

Ключевые слова: автомобилизация, безопасность дорожного движения, социальные риски, городская среда, урбанизация.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

AUTOMOBILIZATION AS A GENERATOR OF SOCIAL RISKS

Emir N. Tuzhba, Natalya V. Kruglik

Kuban State Technological University

Abstract. The article presents a range of problems caused by mass motorization in cities. The automobile is viewed not only as a means of mobility but also as a factor leading to the fragmentation of urban space, environmental risks, and social exclusion. The focus is on the high accident rate, the key threat of which is primarily caused by human factors: drunk driving, speeding, and aggressive behavior. A comparison with successful experiences in other countries suggests the need for a systems approach to addressing these issues. The solution requires addressing three elements simultaneously: human behavior (education and tightening sanctions), the technical safety of transport and infrastructure, and the humanization of the urban environment. Reducing the risks of motorization is a sociotechnical challenge that requires a paradigm shift toward a culture of safety, mutual respect on the road, and prioritizing quality of life.

Keywords: motorization, road safety, social security, social risks, social conflict, urbanization.

Funding: Independent work.

Введение.

Социальные риски современности характеризуются не только количественным ростом, но и качественной трансформацией. Ярким примером служит массовая автомобилизация, ставшая ключевым спутником урбанизации и источником новых, необратимых социальных последствий.

Автомобилизация представляет собой сложный социальный феномен.

С одной стороны, она выступает важным элементом социально-экономических отношений,

формирует новые культурные практики и ценности. Автомобиль стал инструментом мобильности, объектом потребления и средством конструирования социального статуса.

С другой стороны, рост числа автомобилей, обусловленный потребностями населения и структурой современных городов, порождает глубокие противоречия. Он ведет к структурным сдвигам в инфраструктуре, фрагментации городского пространства и социальному отчуждению. Интенсивное использование личного транспорта ухудшает качество городской среды: увеличиваются временные затраты на перемещения, со-

© Тужба Э.Н., Круглик Н.В.

кращается доступность общественных зон, обостряются конфликты и растет экологическая нагрузка.

Таким образом, если ранее автомобиль воспринимался как символ прогресса и свободы, сегодня он все чаще рассматривается как источник пространственных, экологических и социальных противоречий. Это снижение качества жизни стимулирует рост протестных и экологических движений, что и обуславливает пристальный интерес социальных наук к изучению культуры автомобилизации в контексте современных рисков.

Обсуждение. Результаты.

Автомобилизация и связанная с ней пространственная трансформация городов, могут быть осмыслены как проявление капиталистической логики, ориентированной на извлечение прибыли, что ведет к дегуманизации городской среды и маргинализации интересов различных социальных групп.

Урбанистическая политика, ориентированная преимущественно на интересы автовладельцев, способствует деформации историко-культурного облика городов, упрощению и стандартизации общественного пространства [1].

В. Вучик выделяет два подхода к регулированию транспортной инфраструктуры.

Первый – политика невмешательства, при которой пассивность властей ведет к доминированию автомобилей, ухудшая положение общественного транспорта и пешеходов. Это увеличивает транспортную нагрузку и снижает качество повседневных поездок для большинства горожан.

Второй подход – политика активного развития, ориентирована на создание «города для человека». Она основана на гуманистических и экологических принципах, отдавая приоритет пешеходным зонам и общественному транспорту [2].

Современное градостроительство должно учитывать не только технико-экономические, но и социокультурные, экологические факторы. Планирование городской мобильности обязано основываться на принципах устойчивого развития: децентрализации потоков, выносе транзитного транспорта за пределы центров, модернизации общественного транспорта и поддержке экологических видов перемещения.

Свой вклад в концепцию дорожного движения внес Х. Мондерман, разработавший принципы «естественного управления». Его подход предлагает заменить жесткое регулирование стимулированием взаимного уважения участников движения через их визуальное и пространственное взаимодействие.

Ключевые принципы включают:

- минимизацию дорожных знаков;
- создание архитектурной среды, направляющей поведение;
- обеспечение равного статуса и визуального доступа для водителей и пешеходов.

Дорожное пространство становится частью общего социального пространства, а не только транспортной зоной [3].

Рост свободы в дорожном движении создает дилемму: автономия повышает ответственность, но при низкой культуре увеличивает риски нарушений. Поэтому транспортная политика должна находить баланс между свободой и контролем, способствуя усвоению участниками движения правовых и этических норм, что требует использования междисциплинарного подхода для анализа противоречий между технологиями, экономикой и целями устойчивого развития.

Ключевая задача – сместить акцент с формального регулирования на развитие социальной ответственности, чтобы поведение водителя определялось не только законом, но и моральными принципами. Одновременно необходима гуманизация городской среды через создание удобных пешеходных и инклюзивных пространств. Приоритет в развитии городов должен отдаваться экологическим и социокультурным ценностям над узко экономическими, такой подход в конечном счете повысит качество жизни населения.

Помимо очевидных проблем экологии, здоровья и транспортной инфраструктуры, отдельный и социально значимый блок негативных последствий массовой автомобилизации составляют криминогенные риски. Личный транспорт, будучи инструментом мобильности, превращается и в инструмент, и в объект правонарушений, напрямую влияя на криминальную картину современного города.

Во-первых, существует целый спектр правонарушений, генерируемых самим фактом использования автомобиля. К ним относятся не только статистически массовые дорожно-транспортные происшествия, многие из которых носят характер преступной халатности, но и агрессивное поведение на дорогах, от вербальных конфликтов и угроз до актов вандализма и физического насилия. Такая повседневная агрессия не только повышает общий уровень конфликтности в обществе, но и зачастую эскалирует в более тяжкие преступления.

Во-вторых, автомобиль выступает как объект посягательств, провоцируя имущественные преступления. Угоны, кражи деталей и содержимого салона, мошенничества при продаже и страховании, все это составляет значительную долю в общей структуре городской преступности. Высо-

кая концентрация автомобилей создает постоянный криминальный соблазн и требует от правоохранительных органов значительных ресурсов для контроля.

В-третьих, личный транспорт облегчает совершение других преступлений. Он обеспечивает анонимность, скорость передвижения и быстрый отход с места преступления, что используется при грабежах, разбойных нападениях, торговле наркотиками.

Автомобилизация косвенно стимулирует и общую криминальную активность. Снижение автомобилизации, это не только транспортная или экологическая мера, но и важный компонент превентивной криминологической политики, способствующий декриминализации и общему оздоровлению городской среды.

Современная система дорожного движения отличается высокой степенью сложности и потенциальной опасности для здоровья и жизни населения. В условиях, когда дорожно-транспортные происшествия рассматриваются специалистами не как случайные инциденты, а как закономерное следствие автомобилизации, усилия профессионального сообщества направлены на минимизацию негативных последствий данных процессов.

ДТП остаются постоянным фактором риска: в 2023 году в Российской Федерации было зафиксировано 132466 ДТП с пострадавшими, каждое девятое из которых завершилось летальным исходом. В результате указанных происшествий погибло 14504 человека, а травмы различной степени тяжести получили 166500 человек.

Всего в 2024 году было зафиксировано с пострадавшими – 116190; погибло – 12748 чел.; пострадавших – 144311 чел. [4].

Следует подчеркнуть, что по уровню смертности в результате ДТП Россия продолжает опережать большинство развитых государств. Так, если в 2013 году в авариях погибло 28935 человек, то к 2023 году эта цифра сократилась вдвое; в 2024 сократилась еще на 1756 человек. Данный прогресс обусловлен улучшением качества дорожной инфраструктуры, повышением безопасности автотранспортных средств, а также снижением числа серьезных нарушений ПДД. Наиболее распространенным видом аварий остаются столкновения транспортных средств.

Несмотря на общее снижение смертности от внешних причин, ДТП продолжают составлять значительную долю – около 13 % от всех смертей, обусловленных внешними факторами.

Таким образом, вклад дорожно-транспортной аварийности в общую структуру смертности в стране остается стабильным и составляет порядка 1 % [5].

В России дорожная безопасность определена как приоритет, однако, усиление контроля за

нарушениями пока не дало значимых результатов. Эффективность доказана зарубежным опытом комплексных национальных программ (США, Япония, Европа), запущенных в 1960–70-х годах. Их успех основан на:

- четкой целевой ориентации и научном подходе;
- всестороннем регулировании, от стандартов для инфраструктуры до подготовки водителей;
- активном вовлечении общества, что повышает культуру поведения (пример Японии).

Таким образом, ключ к снижению аварийности, состоит в комплексных мерах, учитывающих человеческий фактор и подкрепленных общественной поддержкой.

В рамках разработанной У. Хэддоном концепции «эпидемиологической триады», объединившей различные существовавшие ранее подходы к анализу дорожно-транспортных происшествий (ДТП), были предложены системные механизмы снижения их числа и тяжести последствий. Автор рассматривает автомобильный транспорт как плохо организованную систему «человек – машина» и выделяет три временных этапа аварии: до, во время, и после происшествия. В данной модели взаимодействие трех факторов – человека, транспортного средства и окружающей среды, составило основу триады условий, при которых возникают ДТП. Каждый из элементов анализировался с точки зрения факторов, способствующих аварийности, и путей минимизации ее последствий [6].

Этот подход стал эффективным инструментом для систематизации и анализа причин дорожно-транспортных происшествий, охватывая параметры технического состояния транспортных средств, характеристики дорожной инфраструктуры и поведение участников дорожного движения. Формула «человек – транспорт – среда» применима и к анализу дорожно-транспортной ситуации в России, в том числе на основе доступных статистических данных.

Основной причиной аварийности остается человеческий фактор. По данным ГИБДД, в 86 % случаев виноваты водители, 14 % пешеходы. Главные причины, нарушение ПДД, вождение в нетрезвом виде, неопытность и агрессия [7].

Превышение скорости – причина возникновения большинства дорожных происшествий в Российской Федерации. Аналогичная ситуация наблюдается и в европейских странах. Однако превышение допустимой скорости в Европе обычно служит причиной 30 % ДТП со смертельным исходом, а в России в среднем 45 % [8]. В сравнении с большинством стран Европы, в России верхние пределы скоростного режима в городах выше.

Каждое четвертое смертельное ДТП связано с алкоголем. Тяжесть последствий увеличивает низкое использование ремней безопасности. Нарушения пешеходами вызывают тысячи аварий ежегодно. Безопасность также подрывает плохая инфраструктура: рост автопарка не сопровождается развитием дорог, более половины из которых не соответствуют нормативам.

Система наказаний за нарушение правил дорожного движения в РФ обладает определенной спецификой. При достаточно высоких минимальных штрафах в сравнении с развитыми странами, максимальные санкции остаются относительно мягкими. Степень дифференциации штрафов невелика, что снижает превентивный эффект. В то же время ощущение неотвратимости наказания, ключевой элемент в формировании законопослушного поведения участников дорожного движения.

Опыт стран с низким уровнем ДТП, таких как Япония, США, ряд государств Европы демонстрирует значимость устойчивых традиций в сфере обеспечения дорожной безопасности, а также постоянного совершенствования соответствующих систем. Несмотря на сопоставимый уровень автомобилизации, Россия по-прежнему уступает по большинству индикаторов.

В этой связи, реализуются две федеральные программы, основанные на программно-целевом подходе, ориентированные на повышение эффективности обеспечения безопасности дорожного движения. В статье 3 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» закреплены базовые принципы в данной сфере, включая приоритет жизни и здоровья граждан над экономическими интересами, государственную ответственность и программно-целевой подход к управлению [9].

Применение программно-целевых механизмов, а также заимствование зарубежного опыта способствовали определенному улучшению ситуации: в последние годы Россия продемонстрировала значительную положительную динамику в снижении смертности от ДТП, опередив даже такие страны, как США. Тем не менее, абсолютные показатели остаются на высоком уровне по сравнению с развитыми государствами.

Ключевым фактором повышения безопасности дорожного движения является нормативная регламентация поведения всех участников дорожного процесса, включая административную, гражданскую и уголовную ответственность. Эффективность программно-целевого подхода во многом определяется уровнем общественного сознания, которое влияет на соблюдение правил и готовность граждан к ответственному поведению. В условиях научно-технического прогресса роль технических факторов снижается, в то время как значение человеческого поведения возрастает. В этой связи, необходима системная пропаганда осознанного отношения к дорожной безопасности, в том числе с использованием

СМИ, несмотря на ограниченность воздействия такого рода мер на отдельные категории граждан.

В зарубежной практике одним из наиболее действенных механизмов, способствующих соблюдению правил дорожного движения, признается значительная материальная ответственность за их нарушение. Помимо штрафов, широко применяются экономические рычаги регулирования, включая систему поощрений и санкций, напрямую связанных с количеством штрафных баллов, что, в частности, влияет на стоимость страховых полисов.

Современная практика включает широкий спектр профилактических и воспитательных мероприятий, среди которых особое место занимают образовательные программы, социально-психологические тренинги и семинары, а также инициативы по поощрению граждан к сообщению о правонарушениях.

Значительный потенциал в сфере повышения безопасности дорожного движения (БДД) заключается в совершенствовании системы подготовки водителей. В частности, эффективность возрастает при переходе к двухэтапной модели получения водительского удостоверения. Наряду с средствами контроля (например, камерами, фото- и видео-фиксацией), используется воздушное наблюдение, информация о котором доводится до водителей посредством дорожных знаков и указателей, что оказывает дополнительное дисциплинирующее воздействие.

Программно-целевой подход к обеспечению БДД предполагает комплексное взаимодействие различных факторов:

- развитие современной, соответствующей нормативам безопасности дорожной инфраструктуры;
- использование высокотехнологичных транспортных средств; повышение качества профессиональной подготовки водителей;
- систематическое выявление и фиксация нарушений;
- применение экономических и социально-психологических механизмов стимулирования и санкционирования;
- формирование устойчивых общественных установок, способствующих соблюдению ПДД.

Научно обоснованные данные и объективные методы анализа приобретают особую значимость при разработке эффективных мер профилактики ДТП.

Таким образом, дорожно-транспортный травматизм представляет собой не только национальную проблему, но и актуальное глобальное социально-демографическое явление.

Изучение факторов, обуславливающих аварийность, требует междисциплинарного и системного подхода, поскольку дорожные происшествия затрагивают как техническую, так и поведенческую составляющие. Доминирование фрагментарного анализа, характерного для предыдущего этапа исследований, оказывается недостаточным. Центральным элементом в анализе причин ДТП выступает человеческий фактор - поведение водителя и пешехода, их навыки, установка на соблюдение или нарушение норм.

Несмотря на наличие правового регулирования, эффективность многих нормативных актов ограничена. Значительная часть населения ориентируется в своем поведении не столько на внутреннюю установку сохранения жизни и здоровья, сколько на необходимость формального соблюдения закона. Особую обеспокоенность вызывает влияние таких факторов, как управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения и систематическое нарушение скоростного режима. Эти виды правонарушений требуют ужесточения ответственности вплоть до уголовной. Также актуальной является необходимость усиления контроля за техническим состоянием автотранспорта, что позволит исключить с дорог машины, не соответствующие требованиям безопасности, тем самым снижая транспортные риски.

Хотя предложенные меры не способны в корне изменить ситуацию, они могут существенно уменьшить тяжесть последствий, поскольку главной задачей всех профилактических стратегий остается минимизация человеческих потерь.

Эффективность усилий в данной сфере предполагает реализацию комплекса условий, согласованную деятельность различных ведомств и наличие устойчивого механизма взаимодействия.

Заключение.

На основе проведенного анализа можно заключить, что массовая автомобилизация, будучи неотъемлемым спутником урбанизации, породила комплекс взаимосвязанных социальных, экологических и инфраструктурных проблем, центральной из которых остается высокий уровень дорожно-транспортного травматизма. Автомобилизация трансформирует городскую среду, со-

здавая системные противоречия. Она повышает индивидуальную мобильность, но одновременно ведет к фрагментации городского пространства, росту экологической нагрузки, ухудшению качества жизни и социальному отчуждению.

Ключевой проблемой является дорожно-транспортная аварийность, которая представляет собой серьезную социально-демографическую угрозу. Несмотря на положительную динамику в снижении смертности в России за последнее десятилетие, абсолютные показатели остаются неприемлемо высокими по сравнению с развитыми странами.

Доминирующей причиной ДТП выступает человеческий фактор (до 86 % случаев). Наиболее опасные нарушения, управление в состоянии опьянения, превышение скорости и агрессивное поведение, усугубляются недостатками в подготовке водителей, низкой культурой дорожного движения и ощущением безнаказанности.

Опыт успешных стран (Япония, ЕС) доказывает, что решить проблему можно только комплексно. Эффективная стратегия должна синхронизировать три ключевых элемента: поведение человека (через воспитание, пропаганду и суровые санкции за грубые нарушения), техническое состояние транспорта и инфраструктуры (повышение стандартов безопасности) и качество окружающей среды (развитие удобной и безопасной дорожной сети).

Необходимо перейти от фрагментарных мер и формального контроля к системному программно-целевому управлению, основанному на междисциплинарном подходе.

Задача снижения рисков автомобилизации и повышения безопасности дорожного движения выходит за рамки технических или правовых решений. Это комплексная социотехническая проблема, требующая согласованных действий власти, профессионального сообщества и общества.

Успех зависит от формирования новой культуры мобильности, в основе которой лежат ценности безопасности, взаимного уважения на дороге и приоритет качества жизни человека над узкоэкономическими интересами и стихийным развитием транспортной системы.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Харви Д. Городской опыт / Д. Харви; Пер. с англ. В.В. Вагина. URL : <https://web.archive.org/web/20130604154024/http://www.urban-club.ru/?p=105> (дата обращения 10.12.2025).
2. Вучик В. Транспорт в городах, удобных для жизни. М. : Альпина Pro, 2023. 676 с.
3. Минеев А. Изобретатель счастливого пути. URL : <https://www.babr24.news/msk/?IDE=31838> (дата обращения 18.12.2025).
4. Статистика ДТП по России. URL : <https://rusdtp.ru/stat-dtp> (дата обращения 07.11.2025).
5. Аредова А.К. Анализ смертности и травматизации от дорожно-транспортных происшествий в РФ // Молодой ученый. 2020. № 46(336). С. 466–468. EDN: RABAAO
6. Haddon W. Logical Framework for Categorizing Highway Safety Phenomena and Activity / W. Haddon, A. Jr. // Journal of Trauma. 1972. Vol. 12. P. 193–207.
7. ГИБДД официальный сайт. URL : <http://www.gibdd.ru> (дата обращения 03.04.2025).
8. Фаттахов Т.А. Дорожно-транспортный травматизм в России и его факторы // Социальные аспекты здоровья населения. 2015. № 4(44). 5 с. EDN: UTGGUD
9. Федеральный закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ (ред. от 07.07.2025) «О безопасности дорожного движения». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8585/6e5c0219993042deecf86c6a69474f6bcac96264 (дата обращения 20.11.2025).

References:

1. Harvey D. Urban experience / D. Harvey; Translated from English by V.V. Vagina. URL : <https://web.archive.org/web/20130604154024/http://www.urban-club.ru/?p=105> (date of application 10.12.2025).
2. Vuchik V. Transport in cities convenient for life. M. : Alpina Pro, 2023. 676 p.
3. Mineev A. Inventor of a happy journey. URL : <https://www.babr24.news/msk/?IDE=31838> (date of application 12/18/2025).
4. Traffic accident statistics in Russia. URL : <https://rusdtp.ru/stat-dtp> (date of application 07.11.2025).
5. Aredova A.K. Analysis of mortality and injury from road accidents in the Russian Federation // Young scientist. 2020. № 46(336). P. 466–468. EDN: RABAAO
6. Haddon W. Logical Framework for Categorizing Highway Safety Phenomena and Activity / W. Haddon, A. Jr. // Journal of Trauma. 1972. Vol. 12. P. 193–207.
7. Traffic police official website. URL : <http://www.gibdd.ru> (date of application 04/03/2025).
8. Fattakhov T.A. Road traffic injuries in Russia and its factors // Social aspects of public health. 2015. № 4(44). 5 p. EDN: UTGGUD
9. Federal Law № 196-FZ dated 10.12.1995 (as amended on 07.07.2025) «On Road Safety». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8585/6e5c0219993042deecf86c6a69474f6bcac96264 (date of application 11/20/2025).

Информация об авторах

Тужба Эмир Нодариевич

доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры социологии,
Кубанский государственный
технологический университет
emirtu@yandex.ru

Emir N. Tuzhba

Doctor of Sociology,
Professor,
Professor of the Department of Sociology,
Kuban State Technological University
emirtu@yandex.ru

Круглик Наталья Владимировна

кандидат культурологии,
доцент кафедры социологии,
Кубанский государственный
технологический университет
NataliVladimirovna@rambler.ru

Natalya V. Kruglik

Candidate of Cultural Studies,
Associate Professor
of the Department of Sociology,
Kuban State Technological University
NataliVladimirovna@rambler.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.12.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 12.01.2026.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.01.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-1-25>

УДК 316.4.06

Attribution

cc by

СЕМЕЙНЫЕ УЗЫ ВДАЛИ ОТ ДОМА: КАК МИГРАНТЫ СТРОЯТ СВОИ БРАЧНЫЕ СТРАТЕГИИ В РОССИИ

Турдимуратова Г.Р.

Северо-Кавказский федеральный университет

Аннотация. В статье рассматривается взаимодействие российского общества с мигрантами в брачно-семейной сфере. Особое внимание уделяется тому, как контакты в других сферах влияют на брачное поведение мигрантов. Также ими выделяется влияние ключевых факторов, которые определяют их поведение в брачной сфере, включая их социально-экономическое положение, культурные традиции и влияние изменений в миграционной политике. Рассматриваются межэтнические браки как один из способов объединения людей разных этнических, расовых и конфессиональных групп, а также проблемы, связанные с фиктивными браками. В то же время, изучается, как долгая разлука семей влияет на отношения в браке и семье, как пол влияет на брачную миграцию. Исследование показывает, что брачные стратегии мигрантов многогранны и сложны.

Ключевые слова: миграция, мигранты, брачные стратегии, межнациональные браки, социальная адаптация, интеграция, миграционная политика, принимающее общество.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

FAMILY TIES AWAY FROM HOME: HOW MIGRANTS BUILD MARRIAGE STRATEGIES IN RUSSIA

Gulmira R. Turdimuratova

North-Caucasus Federal University

Abstract. The article examines the interaction of Russian society with migrants in the marriage and family sphere. Particular attention is paid to how contacts in other fields affect the marital behavior of migrants. There is also the influence of key factors that determine their marital status, including their socio-economic status, cultural traditions, and the impact of changes in migration policy. Interethnic marriages are considered as one of the ways to unite people of different ethnic, racial and religious groups, as well as the problems associated with fictitious marriages. At the same time, it studies how long family separation affects marriage and family relationships, as well as how gender affects marital migration. The study shows that migrants' marriage strategies are multifaceted and complex.

Keywords: migration, migrants, marriage strategies, interethnic marriages, social adaptation, integration, migration policy, host society.

Funding: Independent work.

Введение.

В условиях глобализации и активных миграционных процессов Россия выступает в качестве одной из ключевых стран, принимающих значительные миграционные потоки. Эти потоки оказывают глубокое влияние на демографическую структуру, социальные отношения и культурный ландшафт общества.

Среди множества аспектов миграции особое место занимают брачные стратегии мигрантов – совокупность их мотиваций, практик и моделей поведения при вступлении в брачные союзы. Эти

стратегии не только отражают личные стремления мигрантов, но и служат важным инструментом социальной адаптации, легализации статуса и повышения качества жизни. Довольно многие отечественные и зарубежные ученые занимаются разными вопросами, касаемо семейно-брачного поведения мигрантов из Центральной Азии.

Актуальность изучения данной темы возрастает в свете недавних изменений в миграционной политике России, включая ужесточение законодательства в отношении фиктивных браков.

© Турдимуратова Г.Р.

За период с 2022 по 2025 годы был принят ряд мер, направленных на регулирование брачных союзов мигрантов с российскими гражданами. Это породило новую ситуацию, которая требует детального исследования, чтобы понять, как это влияет на мигрантов и принимающее общество.

Целью данной статьи является систематический и критический анализ последних исследований, посвященных брачным стратегиям мигрантов в России, для определения текущих тенденций, проблем и потенциальных путей развития.

Обсуждение.

Анализ стратегий вступления в брак мигрантов в России показывает, это многофакторное и сложное явление. Современные исследования опровергают идею брака по традиционным мотивам для мигрантов. Брак часто используется как средство реализации «стратегий успеха» или «стратегий перемещения», направленных на улучшение экономических и социальных условий и укрепление положения человека в новой среде.

Из-за нестабильности на родине, стремление улучшить материальное положение является важным фактором, способствующим брачной стратегии.

Для многих мигрантов, особенно молодых женщин, брак с гражданином России становится способом доступа к новым ресурсам, легальному трудоустройству и более стабильной жизни.

Очевидно, что неуважительное отношение к праву и закону – это один из основных деструктивных факторов развития государства и общества, требующих принятия своевременных мер для его преодоления, которое возможно только при четком понимании сути и движущей силы возникшей проблемы [5, с. 152].

Исследования подтверждают, что значительная доля неженатых мигрантов из стран Центральной Азии, таких как Таджикистан, Узбекистан и Кыргызстан, заключает браки на территории России. Эти союзы могут обеспечить упрощенное получение вида на жительство (ВНЖ) и гражданства, что существенно облегчает их адаптацию и интеграцию в российское общество.

Несмотря на прагматические мотивы, личные и семейные причины остаются фундаментальными. Многие мигранты приезжают в Россию с целью воссоединения с родственниками или создания новой семьи. По данным Игоря Ефремова, до 51 % мигрантов старше 14 лет, прибывающих в Россию, уже состоят в браке, что указывает на важность семейных связей в их миграционных траекториях [6, с. 137]. Однако политические инициативы, предлагающие ограничение на переезд семей мигрантов, могут значительно повлиять на эти традиционные брачные стратегии, вынуждая мигрантов адаптироваться к новым реалиям.

Устойчивость института семьи – это залог национальной безопасности государства. Иными словами, крепкая семья – это фундамент сильного и процветающего общества. Постулат, берущий свои истоки в работах древних философов и мыслителей, нашел свое выражение, в частности, во взглядах Конфуция, согласно которым, государство – одна большая патриархальная семья, а также, получивший свое отражение в трудах европейских ученых деятелей, которые утверждают, для того, чтобы разрушить общество, необходимо начать с разрушения семьи [5, с. 154].

Вышеупомянутые утверждения проявляются в наблюдаемых социальных преобразованиях. Преобладающая глобальная тенденция, очевидная в современном российском обществе, ставит во главу угла индивидуалистические парадигмы, в соответствии с которыми личностное развитие, самореализация и самостоятельные финансовые достижения являются основными общественными ценностями. Этот культурный сдвиг связан с уменьшением символического статуса традиционной семьи и снижением общественной легитимности супружеского союза мужчины и женщины.

Деинституционализация брака, в свою очередь, создала структурные условия, способствующие распространению браков по расчету. Такие союзы можно интерпретировать как характерную форму правового нигилизма, при которой формальные правовые институты используются как инструмент или подрываются в целях, противоречащих их нормативному социальному назначению.

Государственная политика играет решающую роль в формировании брачных стратегий мигрантов. За последние годы в России были введены значительные изменения, направленные на регулирование миграционных потоков и предотвращение злоупотреблений, в частности, в сфере фиктивных браков.

Проблема фиктивных браков, заключаемых исключительно для получения гражданства или легализации пребывания в России, стала предметом серьезного внимания законодателей. В 2024 году Государственная Дума одобрила, а затем приняла закон, устанавливающий минимальный трехлетний срок нахождения в браке с гражданином России для получения разрешения на временное проживание (РВП). Данный шаг приводит к снижению количества браков, в которых мигранты рассматривают исключительно миграционные цели, и стимулирует к формированию более прочных, устойчивых и социально допустимых союзов. Также эти меры способствуют на динамику брачного поведения, ставя в необходимость к поиску новых способов легализации статуса мигрантов, либо вступать в более действительные брачные союзы.

Активная включенность МВД России в выявлении фиктивных браков указывает на серьезность

намерений и вовлеченность со стороны государства к этому процессу, что создает для мигрантов строгие условия.

Преобладающая аналитическая система исследований в области миграции делала упор на временную трудовую миграцию мужчин и возможное возвращение их в страну происхождения. Однако в последние годы миграционные процессы претерпели значительные изменения. Заметные сдвиги включают феминизацию миграционных потоков и заметное увеличение числа мигрантов с детьми. Семья все больше понимается как стержневой элемент миграции, являющийся центральным фактором при принятии большинства решений о переезде, а также влияющий на скорость и успешность адаптации и интеграции мигрантов [3, с. 120].

По данным Международной организации по миграции (МОМ), семейную миграцию можно разделить на четыре различных типа. Это:

1. Воссоединение семьи, подразумевающее переезд членов семьи к родственнику, который уже эмигрировал.
2. Международное усыновление (удочерение), предполагающее передачу родительских прав на постоянной основе и перемещение ребенка через национальные границы.
3. Создание семей, которое происходит в результате вступления в брак с иностранным гражданином и последующего переезда одного из супругов.
4. Сопутствующая семейная миграция, связанная с перемещением ближайших членов семьи вместе с основным, сопровождающих основного мигранта.

Обсуждаются также инициативы, предлагающие ограничения на переезд семей мигрантов. Например, предложения о допуске мигрантов без семьи, как это было предложено главой СКР Бастрыкиным, могут кардинально изменить семейную динамику. Подобные меры, уже введенные в Приморье и Магаданской области в определенных сферах, могут затруднить формирование стабильных семейных отношений и привести к длительной разлуке мигрантов со своими семьями на родине.

Межэтнические и межнациональные браки играют ключевую роль в процессе социальной адаптации и интеграции мигрантов в принимающее общество. Они являются одним из наиболее ярких примеров межкультурного взаимодействия и индикатором автосоциализации общества.

В зарубежной науке и политике есть множество исследований факторов, влияющих на отношение принимающего населения к мигрантам, а также механизмов снижения конфликтности. Одним из таких механизмов, снижающих уровень негативизма и тревожности, согласно теории

контакта, является опыт личного общения [4, с. 174].

Транснациональные семьи, сформировавшиеся в результате структурного давления глобальной трудовой миграции, сталкиваются с целым рядом сложных социокультурных и психосоциальных проблем. Эти требования требуют существенной перестройки традиционных семейных парадигм, порождая новые формы взаимодействия и одновременно оказывая преобразующее давление на укоренившиеся культурные нормы и системы ценностей. Следовательно, эта динамика служит порождающим механизмом для формулирования и институционализации новых семейных практик.

Что еще более важно, большинство жителей Средней Азии живут в России без своих женщин. Ослабление семей в их родной стране разумно, это связано с отсутствием этих мужчин длительное время у себя дома. И отношения, физическая близость между супругами становятся нестабильными, а брачный союз, как уже было сказано, более виртуальным, чем реальностью.

Виртуальные звонки, видеосвязь и регулярное общение позволяют поддерживать эмоциональную близость и компенсировать физическую разлуку [2, с. 156]. Мигрант всегда поддерживает семью материально, общается только по телефону, приезжает на непродолжительное время раз в год.

Условия жизни в миграции, оторванность от семьи рождает новый тип брака, который можно охарактеризовать как «удаленный». Состоя в официальном браке со своей азиатской женой, мигрант входит в интимные отношения (новый «брак») с гражданкой России, как правило, русской, реже – тюркской национальности [1, с. 9].

Среди мигрантов отношения часто принимают форму совместного проживания. Это соглашение позволяет лицам, которые уже состоят в законном браке в своей стране происхождения, вступать в новые партнерские отношения, находясь за границей. В то же время, религиозные церемонии бракосочетания, в частности, исламский никах/никах (брак), предписанным законами шариата (религиозное право), широко практикуются в сообществах мигрантов из Центральной Азии.

Реализация российского миграционного законодательства связана с распространенной тенденцией заключения межэтнических браков среди трудовых мигрантов, при которой семья, в первую очередь, ориентирована на выполнение социальных и статусных ролей. В рамках этого аналитического подхода, статусная функция семьи концептуализируется как выполнение социальных ролей, в частности, обеспечение и воспроизводство социального положения. Эта функция основана на принципе, согласно которому каждый член семьи занимает определенный статус, тем самым способствуя воспроизводству более широкой социальной структуры. Кроме того,

она направлена на удовлетворение потребности отдельных лиц, входящих в небольшую социальную группу, в приобретении и утверждении признанного социального статуса.

С этой аналитической точки зрения, статусная функция проявляется в двух основных аспектах.

Во-первых, для женщин брак – будь то юридически зарегистрированный или по обоюдному согласию без регистрации в форме сожительства – способствует приобретению социально-признанного статуса жены.

Во-вторых, такие союзы, как правило, предполагают рождение детей, гарантируя, что дети рождаются в рамках семьи, юридически признаются отцом и наделяются отчеством и фамилией.

Такая формализация родства имеет огромное значение для женщин, которые часто направляют значительные усилия на обеспечение будущего социально-экономического статуса и жизненных возможностей своих детей. Такое внимание к перспективам детей подчеркивает стратегические аспекты формирования семьи в условиях миграции.

Следовательно, нормализация супружеских союзов, в которых санкционированная государством юридическая регистрация является второстепенной, а не главной целью, стала институционализированной чертой как социальной сферы мигрантов, так и российского общества в целом. Здесь брак выступает не как цель, а как средство достижения цели (мусульманство: многоженство, церковный союз, брак перед Богом) [1, с. 10].

В российской научной традиции термин «межэтнический брак» часто используется как синоним «межнационального» или «этнически смешанного» брака. Такие союзы способствуют ускорению ассимиляционных процессов, поскольку через них мигранты глубже интегрируются в социальные, культурные и бытовые нормы российского общества. Это подтверждается исследованиями, показывающими, что брачный выбор мигрантов из постсоветских стран тесно связан с их интеграцией.

Результаты.

Несмотря на интеграционный потенциал, межнациональные браки сопряжены с рядом вызовов. К ним относятся культурные различия, проблемы самоидентификации детей от смешанных браков, а также потенциальные социальные напряжения. Исследования показывают, что для некоторых мигрантов, таких как таджикские трудовые мигранты, взаимодействие с принимающим обществом в брачной и сексуальной сферах не всегда является положительным опытом, и они не всегда стремятся принимать российский образ жизни в отношении частной и семейной жизни. При заключении брака с представителем российского общества мигранты более склонны к применению семейных ценностей своего народа в практике их быта после заключения брака.

Брачные стратегии мигрантов неразрывно связаны с их социально-экономическим положением и имеют значительные демографические последствия как для мигрантов, так и для принимающего общества.

При изучении мнений экспертов и множества исследований на тему брачных поведений мигрантов нами были определены основные мотивы, способствующие мигрантов к заключению брака:

- любовь и личные чувства;
- создание семьи и рождение детей;
- экономическая стабильность;
- легализация статуса в новой стране;
- культурные и религиозные традиции;
- социальная интеграция.

Для наглядности, из вышеуказанного можно представить сравнительный анализ различных мотивов, ведущих к заключению браков, как для граждан России, так и для мигрантов, на основе мнений экспертов (табл. 1).

Таблица 1

Мотив	Граждане РФ (средняя оценка, 0–10)	Мигранты (средняя оценка, 0–10)	Комментарий
Любовь и личные чувства	9	7	Основополагающий мотив для обеих групп, но у мигрантов может быть смещен прагматическими целями
Создание семьи и рождение детей	8	8	Важный аспект для обеих групп, поддерживающий демографическую устойчивость
Экономическая стабильность	6	9	Для мигрантов этот мотив часто выше из-за поиска лучших жизненных условий
Легализация статуса	1	10	Ключевой мотив для многих мигрантов, отсутствующий у граждан России
Социальная интеграция	4	9	Брак как мост в новое общество для мигрантов
Культурные и религиозные традиции	7	8	Важно для сохранения идентичности, особенно в межнациональных браках

В таблице демонстрируются различия в мотивациях при заключении брака между гражданами России и мигрантами, подчеркивая уникальные драйверы, свойственные миграционному контексту.

Приведенная выше таблица сравнивает влияние различных факторов на брачные стратегии мигрантов и граждан РФ, наглядно демонстрируя отличия в приоритетах и мотивациях.

Заключение.

Брачные стратегии мигрантов в современном российском обществе представляют собой сложный и динамичный феномен, формируемый под влиянием этнических традиций, экономических факторов и миграционной политики.

Межэтнические и межнациональные браки выступают как важный механизм социальной адаптации мигрантов, способствующий их интеграции и формированию новых социальных связей в новом принимающем обществе.

Строгие правила в отношении фиктивных браков, несомненно, содействует созданию более крепких и подлинных браков среди мигрантов исключая мотивов: получение определенного социального статуса, субсидий, льгот, политического убежища, участие в государственных программах, уклонение от службы в армии, регистрация в определенном населенном пункте, решение бытовых и квартирных проблем, наследования имущества, получения пенсий, финансовая выгода, а также, легализация иностранных граждан на территории Российской Федерации.

Для достижения успешной миграционной и демографической политики в России необходимо учитывать все факторы, которые на неё влияют.

Для детального разбора и понимания этой проблемы необходимы дальнейшие исследования этой сферы, которые сочетают различные методы анализа, как количественные, так и качественные.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Литература:

1. Барсукова Т.И. Трансформация семейно-брачного поведения трудовых мигрантов / Т.И. Барсукова, Л.А. Часовская // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 7. С. 7–12. EDN: WGHUMR
2. Леденева В.Ю. Транснациональные семьи в условиях трудовой миграции: трансформация семейных ролей и динамики взаимодействия. // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11. № 1. С. 147–160. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-1-1-0 EDN: BJBZDL
3. Пешкова В.М. Семьи мигрантов из Центральной Азии в России: экспертный дискурс // Мир России. 2025. № 1. Т. 34. С. 106–129. DOI: 10.17323/1811-038X-2025-34-1-106-129 EDN: HAKXUV
4. Пешкова В.М. Отношение к бракам с мигрантами как показатель социального взаимодействия и уровня ксенофобии (на примере Москвы) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 6. С. 171–196. DOI: 10.14515/monitoring.2023.6.2476 EDN: TAESLD
5. Примакова С.В. Актуальные вопросы, связанные с регистрацией фиктивных браков между гражданами российской федерации и иностранными гражданами. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. С. 152–154. DOI: 10.23672/y0441-2647-7681-x EDN: WGXBAA
6. Рязанцев С.В. Брачное поведение женщин-мигранток из стран Центральной Азии / С.В. Рязанцев, С.Ю. Сивоплясова // Экономическая социология и демография: женщина в российском обществе. 2021. С. 136–149. DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.9 EDN: HUFCTO

References:

1. Barsukova T.I. Transformation of family and marital behavior of labor migrants / T.I. Barsukova, L.A. Chasovskaya // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2016. № 7. P. 7–12. EDN: WGHUMR
2. Ledeneva V.Y. Transnational families in the context of labor migration: transformation of family roles and dynamics of interaction. // Scientific result. Sociology and management. 2025. Vol. 11. № 1. P. 147–160. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-1-1-0 EDN: BJBZDL
3. Peshkova V.M. Families of migrants from Central Asia in Russia: expert discourse // The World of Russia. 2025. № 1. Vol. 34. P. 106–129. DOI: 10.17323/1811-038X-2025-34-1-106-129 EDN: HAKXUV
4. Peshkova V.M. Attitude towards marriages with migrants as an indicator of social interaction and the level of xenophobia (on the example of Moscow) // Monitoring public opinion: economic and social changes. 2023. № 6. P. 171–196. DOI: 10.14515/monitoring.2023.6.2476 EDN: TAESLD
5. Primakova S.V. Topical issues related to the registration of fictitious marriages between citizens of the Rus-

- sian Federation and foreign citizens. // Humanities, socio-economic and social sciences. 2022. P. 152–154.
DOI: 10.23672/y0441-2647-7681- x EDN: WGХBAJ
6. Ryazantsev S.V. Marital behavior of migrant women from Central Asian countries / S.V. Ryazantsev, S.Y. Sivoplyasova // Economic Sociology and Demography: Women in Russian Society. 2021. P. 136–149.
DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.9 EDN: HUFCTO

Информация об авторе

Турдимуратова Гулмира Рашид кизи
аспирантка кафедры социологии
и социальных инноваций
Высшей школы креативных индустрий
Северо-Кавказского федерального университета,
г. Ставрополь
gturdimuradova@gmail.com

Gulmira R. Turdimuradova
Postgraduate Student of the Department
of Sociology and Social Innovation
Higher School of Creative Industries
North Caucasus Federal University,
Stavropol
gturdimuradova@gmail.com

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 17.12.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 09.01.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.01.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-1-26>

УДК 316.334.2

Attribution

cc by

ОТ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ И ФИНАНСОВОЙ КУЛЬТУРЫ К ФИНАНСОВОЙ АГЕНТНОСТИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

Фурсов А.В.

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация. В современном научном и общественном дискурсе доминируют понятия «финансовая грамотность» и «финансовое поведение», а также, за последние несколько лет, в дискурс активно включается понятие «финансовая культура». Данные понятия, при всей их распространённости, обладают рядом методологических ограничений. Существующие дефиниции по-разному сочетают когнитивные, поведенческие, эмоциональные и прочие составляющие аспекты, что может приводить к терминологической путанице и препятствовать кумулятивному приращению знания. В качестве решения предлагается концепт финансовой агентности – системного свойства социального агента, проявляющегося в способности осуществлять эффективные практики в финансовом поле. Для его операционализации разработана формальная CFP-модель (Context-Finance-Person), синтезирующая социологические теории, такие как теория структуризации и социология поля. Модель задаёт три уровня анализа: контекст (С), личность (Р) и финансовая агентность (F) как результат, проявляющийся в знаниях, навыках, установках и поведении. Анализ существующих исследований демонстрирует, что CFP-модель служит универсальным мета-языком, преодолевающим концептуальную неразбериху и обеспечивающим основу для верифицируемых эмпирических программ.

Ключевые слова: финансовая агентность, теоретическая социология, социология финансов, финансовая грамотность, финансовая культура, финансовое поведение, финансовая компетентность, CFP-модель.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

FROM FINANCIAL LITERACY AND FINANCIAL CULTURE TO FINANCIAL AGENCY: A SOCIOLOGICAL THEORETICAL AND METHODOLOGICAL MODEL

Andrey V. Fursov

Peoples' Friendship University of Russia named After Patrice Lumumba

Abstract. Modern scientific and public discourse is dominated by the concepts of financial literacy and financial behavior, and over the past few years, the concept of financial culture has been actively included in the discourse. These concepts, for all their prevalence, have a number of methodological limitations. Existing definitions combine cognitive, behavioral, emotional, and other aspects in different ways, which can lead to terminological confusion and hinder the cumulative gain of knowledge. As a solution, the concept of financial agency is proposed – a systemic property of a social agent, manifested in the ability to implement effective practices in the financial field. To operationalize it, a formal CFP model (Context-Finance-Person) has been developed, synthesizing sociological theories such as structuration theory and field theory. The model defines three levels of analysis: context (C), personality (P), and financial agency (F) as a result of knowledge, skills, attitudes, and behavior. An analysis of existing research demonstrates that the CFP model serves as a universal meta-language that overcomes conceptual confusion and provides the basis for verifiable empirical programs.

Keywords: financial agency, theoretical sociology, sociology of finance, financial literacy, financial culture, financial behavior, financial competence, CFP model.

Funding: Independent work.

Введение.

В современном научном дискурсе понятия «финансовая грамотность» и «финансовая культура» находятся в состоянии концептуального дуализма: они повсеместно используются, признаются взаимосвязанными, но при этом не имеют универсальных определений, что препятствует кумулятивному приращению знания. Разрешение этого дуализма требует нескольких шагов, первым из которых является обращение к фундаментальным основам.

Понятие «грамотность» традиционно означает совокупность знаний и навыков в определённой области. Соответственно, «финансовая грамотность» в своих наиболее распространённых трактовках фокусируется на когнитивных и отчасти поведенческих аспектах, связанных с управлением личными финансами. Однако, как демонстрируют результаты анализа существующих определений (табл. 1), даже в этом, казалось бы, узком поле, наблюдаются разночтения.

Таблица 1

Некоторые примеры дефиниций понятия «финансовая грамотность»

Сведения об источнике определения	Определение
Ноктор, Стоуни и Стрэдлинг – 1992 [22]	Способность выносить обоснованные суждения и принимать эффективные решения относительно использования денежных средств и управления ими
Организация экономического сотрудничества и развития (OECD) – 2005 [22]	Процесс, посредством которого потребители финансовых услуг или инвесторы улучшают свое понимание финансовых продуктов и концепций и с помощью информации, инструкций и/или объективных советов развивают навыки и установки, необходимые для того, чтобы лучше осознавать финансовые риски и возможности, делать осознанный выбор, знать, куда обратиться за помощью, и принимать другие эффективные меры. действия, направленные на улучшение их финансового благополучия
Сервон и Кестнер – 2008 [22]	Способность человека понимать финансовые концепции и использовать их
А. Лусарди – 2009 [10]	Овладение основными финансовыми терминами и концепциями является одной из ключевых составляющих финансовой грамотности. Это включает в себя умение работать со сложными процентами, различать номинальные и реальные значения, а также основы диверсификации рисков
А. Аткинсон, Ф.Э. Месси – 2012 [10]	Финансовая осведомленность представляет собой совокупность знаний, навыков, установок и моделей поведения, которые необходимы для принятия обоснованных финансовых решений и, в конечном счете, способности достичь личного финансового благополучия
Е. Тихович, А. Новак – 2017 [10]	Финансовые знания и навыки отдельных лиц в данной области, а также их отношение и поведение к изменениям в финансовой среде
А. Амагир, В. Гроот, Ван Ден Бринк Х., А. Вильшут – 2018 [10]	Способы, с помощью которых люди понимают, управляют и планируют свои личные финансы. Определение включает в себя знание того, что делать, навыки, позволяющие выполнять эти действия, и склонность к их выполнению
Правительство Российской Федерации (из Стратегии 2030) – 2023 [14]	Основные знания, умения и навыки, необходимые для принятия финансовых решений в целях достижения финансового благополучия и управления финансовыми рисками

В то время, как финансовая грамотность, в основном, фокусируется на знании/понимании и навыках (некоторые дефиниции также учитывают установки и поведение), в российском дискурсе за последние годы стало использоваться более широкое понятие – «финансовая культура». Данный концепт отсылает к фундаментальной социологической категории «культуры» как совокупности социально приобретённых и транслируемых символов, ценностей, норм и образцов поведения. По аналогии с политической или правовой культурой, финансовая культура описывает устоявшиеся, разделяемые практики и отношения к финансам на уровне

человека, социальных групп или общества в целом.

Таким образом, если грамотность, в основном, делает акцент на знаниях и навыках, то культура – на ценностях, установках и практиках. Измерение последних представляет значительную методологическую сложность, поскольку ценности часто носят латентный, нерелексируемый характер и проявляются лишь косвенно, через поведение. Разнообразие существующих трактовок финансовой культуры также демонстрирует отсутствие строгой операционализации данного понятия.

Таблица 2

Некоторые примеры дефиниций понятия «финансовая культура»

Сведения об источнике определения	Определение
Правительство Российской Федерации – 2023 (из Стратегии Минфина 2030) [14]	Ценности, установки и поведенческие практики граждан в финансовой сфере, зависящие от воспитания, уровня финансовой грамотности, опыта принятия финансовых решений, уровня развития финансового рынка и общественных институтов
Роспотребнадзор – 2025 [21]	Осознанное отношение к финансовым решениям, формирование полезных финансовых привычек и ответственного отношения к деньгам. Она предполагает не только знания о финансовых продуктах и услугах, но и их применение в повседневной жизни
Спасский муниципальный район – 2024 [7]	Финансовая культура – понятие широкое. Она включает в себя: воспитание, развитие, накопление навыков грамотного отношения к финансам, формированию и управлению личным бюджетом
Всем.ру – 2025 [13]	Финансовая культура – это не просто умение считать деньги, это комплекс знаний, навыков и установок, позволяющих человеку принимать взвешенные финансовые решения на протяжении всей жизни
СберСова – 2024 [19]	Финансовая культура – это более высокая ступень, когда человек не только обладает знаниями, но и поступает, руководствуясь ими. Например, разумно тратит, регулярно откладывает, формируя сбережения, строит финансовые планы и следует им

Обсуждение.

Проведённый анализ выявляет дилемму: финансовая грамотность, в основном, тяготеет к знаниям и навыкам агента, а финансовая культура — к психологической составляющей финансовых решений и практик, несмотря на то, что декларируется как обобщенное понятие, включающее в себя финансовую грамотность. С другой стороны, некоторые определения также учитывают психологические установки и модели поведения, что создает путаницу в дефинициях. То есть, отдельные составляющие финансовой грамотности и финансовой культуры, в той или иной степени, перемешиваются в различных определениях.

Предлагаемое в данной статье разрешение этого дуализма лежит в плоскости концепта, занимающего центральное место в современной социологической теории – агентности.

Агентность понимается как способность индивида к самостоятельному, осознанному и целенаправленному действию, которое, однако, всегда осуществляется в рамках и под влиянием существующих социальных структур, или, по-другому, внешних контекстов.

Прежде чем перейти к операционализации финансовой агентности, необходимо раскрыть содержание базового для неё понятия.

В современной социологии «агентность» является одной из центральных, но и наиболее дискуссионных категорий. Её осмысление эволюционировало от жёсткого противопоставления «структуре» к более сложным, интегративным моделям, рассматривающим их взаимозависимость [16].

Истоки дискуссии восходят к классическому противостоянию социологического подхода классических социологов, объясняющих общественные явления с акцентом на макро- и мезо- конструи-

ции, например, Э. Дюркгейма, акцентировавшего примат социальных фактов как внешних и принудительных сил по отношению к индивиду [9], и тех, кто делал акцент на индивиду, например, как в понимающей социологии М. Вебера, наставившего на важности осмысленного социального действия [5]. В этих парадигмах агентность и структура представлялись как два будто бы противоборствующих полюса.

Преодоление этого дуализма связано с работами более современных ученых, таких как П. Бурдьё и Э. Гидденс. П. Бурдьё ввёл понятия «габитус», «поле» и «капиталы» [2].

Габитус – это воплощённая в агенте социальная структура, которая порождает практики, в свою очередь, воспроизводящие или трансформирующие структуру.

Агентность здесь – это не свободная воля, а способность действовать в соответствии с пониманием и ощущением «правил игры», приобретёнными в конкретных полях.

Э. Гидденс в теории структурирования постулировал тезис о дуальности социальной реальности [3].

Структура, по Гидденсу, является одновременно и средством, и результатом практик, которые она же организует.

Агентность определяется им как способность к самостоятельному действию, осуществляемая в условиях непрерывного потока социальной жизни. Таким образом, агент не свободен от структуры, но и структура не существует независимо от его действий.

Помимо данных ученых, современные социологические теории усложняют понимание агентности (например: коммуникативный подход (Ю. Хабермас) смещает фокус на агентность, реализуемую в интерсубъективном пространстве «жизненного мира» [20]; акторно-сетевая теория

(Б. Латур) радикально расширяет пространство социальных сетей агента, включая в него нечеловеческие сущности (артефакты, технологии и т.д.), которые становятся полноправными участниками социальной реальности [11] и др.)

Несмотря на различия, в современных подходах можно выделить общее ядро: агентность понимается как способность к осуществлению осмысленных практик, которая, во-первых, обусловлена социально (через габитус, ресурсы, дискурс и прочее); во-вторых, осуществляется в контексте структурных ограничений и возможностей и в-третьих, обладает потенциалом к воспроизводству или изменению этих структур.

Методическая основа исследования.

Данное интегративное понимание легло в основу предлагаемого концепта финансовой агентности. Мы определяем финансовую агентность как атрибут системы «агент-в-контексте», проявляющейся в способности осуществлять эффективные финансовые практики. Такой подход позволяет учесть и структурное давление (нормы, традиции, институты и прочее), и внутренние свойства агента, избегая крайностей как структурного детерминизма, так и излишнего волюнтаризма.

Перевод понятия финансовой агентности из идеи в плоскость эмпирически верифицируемых исследований требует построения строгого концептуального аппарата, позволяющего операционализировать как саму агентность, так и её детерминанты. Для решения этой задачи и преодоления методологического разрыва между теорией и эмпирикой данная работа предлагает формальную CFP-модель (Context-Finance-Person).

Описание модели CFP.

Финансовая агентность (FA – Financial Agency) понимается как системное свойство индивида, которое проявляется через комплекс взаимосвязанных компонентов, образующих множество F – проявлений финансовой агентности:

Знания (F_k): усвоенные концепты, факты и прочие знания о финансовых институтах, продуктах и прочих элементах финансового и экономического поля («знать, что»).

Навыки (F_s): усвоенные агентом алгоритмы действий для решения финансовых задач, потенциал к действию («знать как»).

Установки (Fa): устойчивые оценочные представления, ценности и убеждения («чувствовать и верить»). Подразделяется на Fa_{self} – финансовые установки по отношению к самому себе, Fa_{object} – установки по отношению к финансовым продуктам, сервисам, институтам и т.д.

Поведение (Fb): регулярные, стихийные или контекстно-обусловленные финансовые практики

(«делать»).

Эти проявления (F) возникают и проявляются только во взаимодействии с двумя другими множествами модели:

Личность (P) – совокупность свойств агента, например:

$P_{soc-dem}$: социально-демографические и экономические атрибуты (возраст, пол, доход, образование, профессия и т.д.).

P_{psych} : психологические характеристики (склонность к риску, импульсивность, тревожность и т.д.).

P_k / P_s : общие знания и навыки, не относящиеся напрямую к финансам (например, цифровая грамотность, правовая грамотность и т.д.).

P_{health} : факторы здоровья, влияющие на потенциал к действию.

Прочие.

Контекст (C) – уровни внешней среды, определяющие возможности и ограничения индивида:

C_{global} : наднациональные структуры, существующие сразу в нескольких государствах (Интернет, экономические союзы, транснациональные корпорации, Блокчейн, прочее); учитывается имплицитно, чаще всего для конкретных исследований «подразумевается» как общий фон.

C_{macro} : структуры, действующие на государственном и муниципальном уровне (экономическая политика, законы, идеологические нарративы, регион, населенный пункт, налоговая система, «госуслуги» и т.д.).

C_{meso} : институты и сообщества (место работы/учёбы, онлайн-пространство, приложения банков и т.д.).

C_{micro} : непосредственное окружение (семья, друзья, коллеги, домашние животные, личная банковская карта и т.д.).

В основе предлагаемой CFP-модели (Context-Finance-Person) лежит система формальных свойств, задающих онтологию, структуру и динамику пространства финансовой агентности. Данные свойства представлены ниже в своей формальной записи и краткой содержательной интерпретации.

Формальные свойства модели CFP.

Базовые определения (аксиомы модели)

Свойство 1 (онтологическое) или аксиома существования.

Пространство финансовой агентности человека (FA) описывается через тройку (C, P, F), где:

C – множество контекстов (внешних структур);

P – множество внутренних свойств агента;

F – множество её проявлений.

Интерпретация: финансовая агентность не существует в вакууме; она рождается на пересечении структуры и агента и может меняться с течением времени.

Свойство 2 (структурное) или аксиома внутренних структур.

$$P = P_{\text{soc-dem}} \times P_{\text{psych}} \times P_{\text{hobby}} \times \dots \times P_n$$

$$F = F_k \times F_s \times F_a \times F_b$$

$$C = C_{\text{global}} \cup C_{\text{macro}} \cup C_{\text{meso}} \cup C_{\text{micro}}$$

Интерпретация: множества обладают внутренней структурой. Личные особенности конкретного индивида (P) описываются декартовым произведением социально-демографических, психологических, цифровых и иных характеристик. F проявляется в четырёх аспектах: знания (F_k), навыки (F_s), установки (F_a), поведение (F_b). Контекст (C) образуется объединением непересекающихся подмножеств разного уровня социальной организации.

Свойство 3 или аксиома индивидуальной темпоральности

Пусть I – множество индивидов, T – множество моментов времени. Для любого индивида $i \in I$ в измеряемый момент $t \in T$, его финансовая агентность представлена структурой $FA_i(t) = \langle C_i(t), P_i(t), F_i(t) \rangle$, где:

$P_i(t) \in P$ – конкретный набор свойств индивида i в момент измерения t ;

$C_i(t) \subseteq C$ – подмножество контекстов, актуальных для индивида i в момент t ;

$F_i(t) \subseteq F$ – подмножество проявлений агентности, наблюдаемых у индивида i в момент t .

Интерпретация: человек активно существует в тех социальных структурах, которые формируют его «жизненный мир» в определенный момент времени [17].

Свойство 4 (предметная спецификация) или аксиома конкретизации.

Проявления финансовой агентности (F) не существуют абстрактно; они адресованы конкретному финансовому объекту, инструменту или полю практик. Это требование позволяет преодолеть терминологическую неопределенность, разделяя концепты «финансовой грамотности» или «культуры» на строго определённые предметные модули, такие как:

F_budget – ведение бюджета;

F_money – агентность в отношении денег;

F_credit – агентность в сфере кредитования;

F_invest – инвестиционная агентность;

F_crypto – агентность в отношении криптоактивов;

F_insure – агентность в сфере страхования

F_taxes – агентность в сфере налогообложения и т.д.

Важно подчеркнуть, что введённые аксиомы задают статическую структуру пространства финансовой агентности для анализа. Однако реальный феномен является динамическим и диалектическим. Элементы конфигурации CFP находятся в состоянии непрерывного взаимодействия:

Влияние C и P на F составляет основной предмет большинства эмпирических исследований (например, как экономический кризис (C) и уровень дохода (P) влияют на сберегательное поведение (F)).

Обратное влияние F на C и/или P отражает активную, преобразующую роль агента. Освоение новых финансовых практик (F) может изменить его социальный круг и институты (C), а также трансформировать самоидентификацию и установки в целом (P) (например, успешный опыт инвестиций может повысить финансовую самоэффективность и открыть доступ к новым сообществам инвесторов в социальных сетях).

На основе аксиоматического базиса формулируются следующие методологические принципы, конкретизирующие и развивающие модель для исследовательской практики.

Некоторые методологические принципы модели CFP

Принцип 1.

Для любого $i \in I$ определено пространство капиталов $Cap(i) = (Cap_{\text{cult}}, Cap_{\text{soc}}, Cap_{\text{sym}}, Cap_{\text{econ}})$

Cap_{cult} (культурный капитал): воплощенный (манеры, вкусы), объективированный (книги, дипломы), институционализированный (звания, должности). Измеряется: уровнем образования, потреблением культуры, языком и т.д.

Cap_{sym} (символический капитал): престиж, репутация, признание. Измеряется: статусом, узнаваемостью, доверием со стороны других (например, с помощью методов социометрии).

Cap_{soc} (социальный капитал): множество социальных ролей и связей, принадлежащих конкретному i .

Cap_{econ} (экономический капитал): множество экономических ресурсов, располагаемых конкретным i .

Существует также понятие «сложности агента» – $Comp(i)$, отражающая совокупность его когнитивных, социальных и культурных ресурсов, доступных для действия. Например: иностранные языки, понимание экономических концептов, знание юридических норм, разнообразие навыков использования различных финансовых инструментов и т.д.

Принцип 2.

Для любого контекста $c \in C$ определена его плотность $Den(c)$, отражающая интегральную интенсивность воздействия на агента, которая складывается из различных множеств, таких как:

- информационная плотность (Den_{info}) – объем и сложность информации;
- нормативной плотности (Den_{norm}) – количество и жесткость правил;
- социальной плотности (Den_{soc}) – интенсивность взаимодействий.

Других (например, криптовалютный рынок, используемый для трейдинга, обладает высокой плотностью, так как требует от индивида множество специфических знаний, навыков, а также специфические установки)

Принцип 3.

3.1 Для любого проявления финансовой практики F_b в момент времени t существует соответствующий агент $i \in I$ и актуальный для него контекст $c \in C(i,t)$, такие что практика F_b является результатом взаимодействия между P и C .

3.2 Конкретная практика F_b определяется уникальной конфигурацией состояний P и C в момент t .

3.3 Существует функция Φ , которая моделирует это взаимодействие: $F_b \approx \Phi(p, c, t)$.

Принцип 4.

Дисбаланс между плотностью контекста $Den(c)$ и потенциалом агента, проявляющегося через $Cap(i)$ и $Comp(i)$ может вести к когнитивной перегрузке. Ситуации при данном постулате бывают трех видов.

1. Ситуация баланса ($Den(c) \approx Comp(i)$)

Контекст соответствует внутреннему потенциалу агента. Агент может эффективно действовать, реализовать сложные практики, адекватно оценивать риски и возможности.

2. Ситуация дисбаланса в пользу C ($Den(c) \gg Comp(i)$)

Контекст сложен для агента. Возникает когнитивная перегрузка, срабатывают психологические защиты, у агента могут возникать материальные трудности (например, игра на биржах без достаточных знаний и навыков).

3. Ситуация дисбаланса в пользу P ($Den(c) \ll Comp(i)$)

Потенциал агента превышает сложность контекста, в котором он находится.

Принцип 5.

Для множеств могут быть заданы функции сходства:

$$Sim_P: P \times P \rightarrow [0, 1]$$

$$Sim_C: C \times C \rightarrow [0, 1]$$

$$Sim_F: F \times F \rightarrow [0, 1]$$

Данный набор методологических принципов является открытым и может быть расширен/доработан для решения конкретных исследовательских задач при условии их непротиворечивости аксиоматическому базису

Методологические ограничения модели.

Ограничение 1.

Модель фиксирует пространство возможных комбинаций (C, P, F) в момент времени t . Любое причинное утверждение $X \rightarrow Y$ является не аксиомой, а эмпирической гипотезой (например, что определенный C ведет к повышению F_k или наоборот)

Ограничение 2.

Для любого элемента i , а также для значений $Cap(i)$, $Comp(i)$, $Den(c)$ в контексте конкретного социологического исследования должна существовать соответствующая операционализация с четким разделением переменных

Результаты.

В итоге, в представленной модели можно выделить следующий список преимуществ и недостатков

Преимущества:

1. Объединение различных теоретических подходов (Бурдье, Гидденс, Латур и прочих) в единую строгую схему, синтезирующую накопленное в социологической науке знание.

2. Модель задает четкий план перевода теории в эмпирику, стандартизируя процесс измерения компонентов финансовой агентности (F_k, F_s, F_a, F_b) и связанных с ним множеств P и C .

3. Аксиоматическое ядро служит прямым источником для формулировки проверяемых гипотез о связях между C, P и F .

4. Структура CFP позволяет проводить методологический аудит корпуса исследований, выявляя потенциал для дальнейших исследований.

5. Инструмент кросс-культурного анализа. Универсальный язык модели позволяет проводить сравнительные исследования в различных социальных контекстах, обеспечивая содержательную сопоставимость.

6. Концепт «финансовой агентности» может служить связующим звеном между социологией, экономикой, психологией и педагогикой, облегчая междисциплинарный диалог.

7. Модель позволяет переходить от анализа единичных случаев к построению типологий и кластеров агентов, контекстов и практик.

8. Относительно низкий порог входа: операционализированные переменные в рамках модели позволяют проводить исследования по сбору и анализу данных даже для непрофильных специалистов, либо для студентов, обучающихся на направлениях, связанных с социологией, психологией, экономикой или финансами.

Недостатки:

1. Сложность достижения консенсуса в операционализации концептов для конкретных исследований. Необходимо проводить дальнейшие теоретико-методологические и эмпирические разработки для того, чтобы создать единый банк переменных и множеств, для проведения верифицируемых исследований с различных сторон.

2. Всесторонняя проверка модели требует одновременного замера большого числа переменных из C , P и F , а также переменной t , что является ресурсозатратным процессом. Решением данной проблемы выступает акцент на точечном подходе, при котором происходит измерение специально отобранных переменных, что является необходимым ограничением для качественного сбора и анализа данных.

3. Модель лучше объясняет механизмы взаимодействия, чем даёт прогнозы, в силу своей типологической природы. Тем не менее, данная модель позволяет выдвигать и проверять гипотезы в рамках единого мета-языка.

4. Проблема операционализации переменных. Измерение некоторых конструктов, таких как сложность агента, плотность контекста и прочих остаётся методологическим вызовом и требует разработки специализированных шкал.

5. Модель задаёт общую логику переменных, но не заменяет содержательные теории, наполняющие конкретным смыслом элементы C , P и F в каждом конкретном случае.

Для демонстрации того, как данная модель способна переводить любые исследования на мета-язык, был проведен небольшой анализ случайно отобранных научных публикаций, направленных на изучение финансовой грамотности, финансового поведения и финансовой культуры (табл. 3).

Таблица 3

Анализ научных публикаций и формализация через модель CFP

Название	Суть	Методология	Формализация через модель CFP
1	2	3	4
Финансовая грамотность как фактор успешного социально-экономического развития молодежи [12]	Пилотажное исследование уровня финансовой грамотности среди студентов, с акцентом на знания о фондовом рынке и установки	Анкетный опрос, количественный анализ. 3/4 вопросов направлены на фиксацию знаний, 1/4 на фиксацию установок	Измерение уровня двух компонентов финансовой грамотности: F_k (Знания) и F_a (Установки) на специфической группе молодежи ($P_{soc-dem}$: студенты 1 курса (на момент 2013 года поздние миллениалы); C_{meso_edu} : ЮЗГУ и КГУ)
Проблемы и перспективы повышения финансовой грамотности молодежи [6]	Долгосрочный образовательный эксперимент по формированию финансового поведения через практику ведения бюджета и планирования	Лонгитюдный эксперимент (4 месяца) с включенным наблюдением, качественным и количественным анализом данных. Задача испытуемых — ведение бюджета, его планирование и фиксация результатов. Также измеряется психологическое состояние на всех этапах эксперимента	Формирование и изменение компонентов F во времени (t) под воздействием структурированного внешнего вмешательства (C_{meso_edu}). F_b (поведение): центральный объект (ведение бюджета, анализ расходов). F_s (навыки): формируются напрямую (расчет кредитоспособности, выбор стратегии). F_k (знания): приобретаются ситуативно, как инструмент для F_b и F_s . F_a (установки): измеряются косвенно через отзывы (рефлексию). $P_{soc-dem}$: учитывается (студенты 2 курса эконом. специальностей). P_{psych} : учитывается имплицитно через выбор формата ведения бюджета (приложение, Excel, блокнот) и выбор стратегии (склонность к риску). C_{meso_edu} (ключевой фактор): преподаватель выступает как институциональный агент изменения, предоставляющий структуру, знания и руководство. C_{meso_online} : финансовые приложения (Сбер и др.) выступают как нечеловеческие акторы, опосредующие и формирующие практику F_b . C_{macro_econ} : среднероссийская потребительская корзина используется как внешний норматив для сравнения

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4
Финансовая грамотность современной студенческой молодежи [1]	Исследование барьеров на пути повышения ФГ через призму финансового поведения и установок	Анкетный опрос, фокус на «финансовой культуре»	Изучение барьеров, препятствующих формированию ФГ. Фокус заявлен на Fв (поведение) и Fа (установки), объединенных термином «финансовая культура». Fв (поведение): опыт кредитования, ведение бюджета и т.д. Fа (установки): отношение к кредитам, удовлетворенность финансовым положением и т.д. P _{soc-dem} : учитываются подробно (пол, тип занятости, наличие детей). С не операционализируется в качестве переменных
Кредитная культура студентов как объект социологического анализа [8]	Целью данной работы было определено изучение кредитных установок современной студенческой молодежи	Анкетирование, анализ результатов через систему индексов	Fа (установки): ключевой объект исследования. Измеряются комплексно через отношение к долгам, кредитам, сбережениям, риску, деньгам и богатству. Fв (поведение): учитывается имплицитно через наличие/отсутствие опыта кредитования (личного и семейного). P _{soc-dem} : учитываются подробно – форма обучения (очная/заочная), пол, курс (младшие), самооценка материального положения. P _{psych} : частично учтены через призму установок (склонность к риску), но не измеряются валидированными психометрическими шкалами. C _{meso_edu} : учитывается (ВУЗ: ВолгГТУ и ВолГУ). C _{micro_family} : ключевой фактор. Авторы предполагают, что кредитная культура семьи напрямую влияет на установки студентов очного отделения. C _{region} : учитывается (г. Волгоград). C _{macro} : социально-экономический контекст 2017–2018 гг. Исследование является разовым срезом (t ₀ – дек. 2017 / янв. 2018). Динамика не изучается, но выдвигается гипотеза о динамике (трансформация установок с переходом на заочное отделение и получением личного опыта)
Финансовая грамотность школьников в офлайн- и онлайн-среде [15]	Педагогический эксперимент по сравнению эффективности разных форматов обучения (офлайн, онлайн, смешанный) для повышения ФГ школьников	Педагогический эксперимент с контрольной и экспериментальными группами	Изучение влияния образовательного контекста (C _{meso_edu}) на уровень F (финансовой грамотности). Автор определяет финансовую грамотность как комплекс: F _к (знания), F _с (навыки), Fа (установки). P _{soc-dem} : учитывается (возраст, школа). C _{meso_edu} : сравниваются разные форматы обучения (офлайн, онлайн, смешанный) как разные типы образовательного контекста
Особенности, факторы и тенденции финансового поведения молодежи (на примере республики Башкортостан) [18]	Описательное исследование финансового поведения и уровня финансовой грамотности молодежи Башкортостана, с попыткой выявить роль социальных институтов и межпоколенческие различия (Зумеры и миллениалы)	Пилотажный онлайн-опрос, дескриптивный анализ	Попытка описать Fв (поведение) и его связь с F (ФГ) и С (социальные институты). Авторы определяют ФГ как комплекс: F _к (знания), F _с (навыки), Fа (установки). P _{soc-dem} : учитывается (поколение Z/Y, финансовый статус – «бедное население»). C _{meso_edu} : измеряется роль образовательных институтов. C _{micro_family} : измеряются финансовые практики в семьях. C _{region} : Республика Башкортостан
Финансовая культура в молодежной среде: Опыт социологического исследования [4]	Исследование направлено на изучение восприятия и осмысления самого понятия «финансовая культура» в молодежной среде, а также на самооценку респондентами своего финансового поведения	Социологическое исследование методом полуструктурированного интервью. Квотная выборка студентов Финансового университета при Правительстве РФ (г. Москва). Бланк интервью включал 4 блока:	Fа (установки): ключевой объект исследования. Измеряется через «отношение к финансовым продуктам и услугам» (блок 3) и, возможно, через самооценку качеств (блок 2). Fв (поведение): изучается косвенно, через самооценку поведения (формулировка «самооценка... финансово-культурного поведения»). P _{soc-dem} : учитываются (курс, факультет). P _{psych} : частично затрагивается. Самооценка личностных качеств через семантический дифференциал (блок 2) – это прямая попытка измерить психологические характеристики, относящиеся к финансовой сфере

1	2	3	4
		1) восприятие термина; 2) самооценка качеств (семантический дифференциал); 3) отношение к финансовым продуктам; 4) социально-демографические данные	С _{meso_edu} : исследование проводится в ведущем финансовом вузе страны. Это означает, что выборка погружена в уникальную образовательную среду, что резко ограничивает возможности генерализации выводов на всю молодежь. Это не недостаток работы, а её важнейшая контекстуальная характеристика

Из данного анализа видно, что понятия «финансовая грамотность», «финансовое поведение» и «финансовая культура» употребляются авторами без строгой точности (например, в статье с названием, отсылающем к финансовой грамотности делается акцент на установках и поведении, что является характеристикой скорее финансовой культуры).

В то же время, несложно заметить, что каждая из измеряемых переменных может быть переведена на язык CFP модели, что делает её удобным инструментом формализации исследований в рамках социологии финансов.

Заключение.

Таким образом, представленная работа предлагает решение методологической проблемы терминологического хаоса и концептуального дуализма «финансовая грамотность – финансовая культура».

Введённое понятие «финансовая агентность» и его формализация в рамках CFP-модели позволяет преодолеть это противоречие, предлагая интегральный взгляд, в котором способности индивида не противопоставляются контексту, а рассматриваются как результат их динамического взаимодействия.

Формализация модели служит строгим мета-языком, обеспечивающим основу для кумулятивного приращения знания, стандартизации исследований и выведения дискуссии в экономической социологии и социологии финансов на новый уровень теоретической и эмпирической строгости и полноты.

Тем не менее, данная концепция нуждается в дальнейшем осмыслении, дополнении и проверках со стороны научного сообщества.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

- Белецкая А.А. Финансовая грамотность современной студенческой молодежи / А.А. Белецкая, И.Ю. Верчагина, А.В. Иванчикин. 2017. 117 с. EDN: YMXRBJ
- Социология социального пространства. М. : Институт экспериментальной социологии / П. Бурдые [и др.]. 2007. ISBN: 5-89329-762-8 EDN: QOECDF
- Гидденс Э. Устройство общества. Очерк теории структуризации. 2005. ISBN: 5-8291-0629-9 EDN: TNIRKP
- Голубева К.А. Финансовая культура в молодежной среде: Опыт социологического исследования // Теория и практика общественного развития. 2022. № 3(169). DOI: 10.24158/tipor.2022.3.8 EDN: NMHUUZ
- Вебер М. Понимающая социология. Litres, 2021.
- Данченко Е.А. Проблемы и перспективы повышения финансовой грамотности молодежи // Региональная экономика: теория и практика / Е.А. Данченко, И.А. Шлыкова. 2018. № 6(453). DOI: 10.24891/re.16.6.1041 EDN: URMYPF
- Для чего нужна финансовая культура // Спасский муниципальный район. 2024. URL : <https://spasskiy.tatarstan.ru/dlya-chego-nuzhna-finansovaya-kultura.htm?ysclid=miz16qxd65465639072>
- Кредитная культура студентов как объект социологического анализа / Н.В. Дулина [и др.] // Logos et Praxis. 2019. № 1. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2019.1.8 EDN: UXZFFY
- Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. ООО Издательство ЮРАЙТ, 2019. ISBN: 978-5-534-06587-9 EDN: YSDFVB

10. Лазутина Д.В. Концепции финансовой грамотности в современном мире: границы и перспективы / Д.В. Лазутина, Е.М. Портняга // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2023. № 3. Т. 9. С. 43–67. DOI: 10.21684/2411-7897-2023-9-3-43-67 EDN: FBAUII
11. Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. Litres, 2022.
12. Подгорный Б.Б. Финансовая грамотность как фактор успешного социально-экономического развития молодежи // Известия Юго-западного государственного университета. 2014. № 2. С. 118–125. EDN: SJFXEZ
13. Развитие финансовой культуры // Всем.ру. [сайт]. 2025 URL : https://wsem.ru/publications/razvitie_finansovoy_kultury_37460
14. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.10.2023 № 2958-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года» // Министерство финансов РФ [сайт]. 2023. URL : https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=304737-rasporyazhenie_pravitelstva_rossiiskoi_federatsii_ot_24.10.2023__2958-r_ob_utverzhenii_strategii_povysheniya_finansovoi_gramotnosti_i_formirovaniya_finansovoi_kultury_do_2030_goda&ysclid=miz12yx18d121116229
15. Рыбичева О.Ю. Финансовая грамотность школьников в офлайни онлайн-среде // Образовательная политика. 2022. № 2(90).
16. Сорокин П.С. «Трансформирующая агентность» как предмет исследований и разработок в XXI веке: Обзор и интерпретация международного опыта / П.С. Сорокин, А.В. Зыкова // Мониторинг. 2021. № 5. DOI: 10.14515/monitoring.2021.5.1858 EDN: ASLGLD
17. Тощенко Ж.Т. Жизненный мир и его смыслы // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 5–17. EDN: VSLWTD
18. Фаткуллина Г.Р. Особенности, факторы и тенденции финансового поведения молодежи (на примере республики башкортостан) / Г.Р. Фаткуллина, А.Г. Каримов // Социодинамика. 2021. № 6. DOI: 10.25136/2409-7144.2021.6.35980 EDN: VMPPSL
19. Финансово грамотный не равно финансово культурный // СберСова. [сайт]. 2024. URL : <https://sbersova.ru/sections/economy/finansovo-gramotnyj>
20. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия (фрагменты) / Ю. Хабермас; Пер. А.Б. Рахманова // Личность. Культура. Общество. 2004. № 1. Т. 6. С. 303–312. EDN: HSKTPP
21. Что такое финансовая культура и в чем она состоит // Роспотребнадзор. [сайт]. 2025. URL : <https://zpp.rosпотребнадзор.ru/news/regional/562949>
22. The evolution of the Financial Literacy Concept: A Literature Review.

References:

1. Beletskaya A.A. Financial literacy of modern student youth / A.A. Beletskaya, I.Yu. Verchagina, A.V. Ivanichkin. 2017. 117 p. EDN: YMXRBJ
2. Sociology of social space / P. Bourdieu [et al.]. M. : Institute of Experimental Sociology. 2007. ISBN: 5-89329-762-8 EDN: QOECDF
3. Giddens E. The organization of society. An essay on the theory of structuration. 2005. ISBN: 5-8291-0629-9 EDN: TNIRKP
4. Golubeva K.A. Financial culture among young people: The experience of sociological research // Theory and practice of social development. 2022. № 3(169). DOI: 10.24158/tpor.2022.3.8 EDN: NMHUUZ
5. Weber M. Understanding sociology. Liters, 2021.
6. Danchenko E.A. Problems and prospects of increasing financial literacy of youth / E.A. Danchenko, I.A. Shlykova // Regional economics: theory and practice. 2018. № 6(453). DOI: 10.24891/re.16.6.1041 EDN: URMYPF
7. What is financial culture for [Electronic resource] // Spassky municipal district. 2024. URL : <https://spasskiy.tatarstan.ru/dlya-chego-nuzhna-finansovaya-kultura.htm?ysclid=miz16qxd65465639072>
8. Student credit culture as an object of sociological analysis / N.V. Dulina [et al.] // Logos et Praxis. 2019. № 1. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2019.1.8 EDN: UXZFFY
9. Durkheim E. Sociology. Its subject, method, and purpose. Limited Liability Company YURAIT Publishing House, 2019. ISBN: 978-5-534-06587-9 EDN: YSDFVB
10. Lazutina D.V. Concepts of financial literacy in the modern world: boundaries and prospects / D.V. Lazutina, E.M. Portnyaga // Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal studies. 2023. № 3. Vol. 9. P. 43–67. DOI: 10.21684/2411-7897-2023-9-3-43-67 EDN: FBAUII
11. Latour B. Reassembly of the social. An introduction to actor-network theory. Liters, 2022.
12. Podgorny B.B. Financial literacy as a factor of successful socio-economic development of youth // Proceedings of the Southwestern State University. 2014. № 2. P. 118–125. EDN: SJFXEZ
13. Development of financial culture. 2025. URL : https://wsem.ru/publications/razvitie_finansovoy_kultury_37460
14. Decree of the Government of the Russian Federation dated 10/24/2023 No. 2958-r «On approval of the Strategy for improving Financial Literacy and the formation of financial culture until 2030» // Ministry of Finance of the Russian Federation. 2023 URL : https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=304737-rasporyazhenie_pravitelstva_rossiiskoi_federatsii_ot_24.10.2023__2958-r_ob_utverzhenii_strategii_povysheniya_finansovoi_gramotnosti_i_formirovaniya_finansovoi_kultury_do_2030_goda&ysclid=miz12yx18d121116229
15. Rybicheva O.Y. Financial literacy of schoolchildren in an offline and online environment // Educational policy. 2022. № 2(90).

16. Sorokin P.S. «Transformative agency» as a subject of research and development in the 21st century: A review and interpretation of international experience / P.S. Sorokin, A.V. Zykova // Monitoring. 2021. № 5. DOI: 10.14515/monitoring.2021.5.1858 EDN: ASLGLD
17. Toshchenko J.T. The life world and its meanings // Sociological research. 2016. № 1. P. 5–17. EDN: VSLWTD
18. Fatkullina G.R. Features, factors and trends of financial behavior of youth (on the example of the Republic of Bashkortostan) / G.R. Fatkullina, A.G. Karimov // Sociodynamics. 2021. № 6. DOI: 10.25136/2409-7144.2021.6.35980 EDN: VMPPSL
19. Financially literate is not equal to financially cultured // Sberbank. 2024. URL : <https://sbersova.ru/sections/economy/finansovo-gramotnyj>
20. Habermas Yu. Theory of communicative action (fragments) / Yu. Habermas; Transl. by AB Rakhmanov // Personality. Culture. Society. 2004. № 1. Vol. 6. P. 303–312. EDN: HSKTPP
21. What is financial culture and what does it consist of // Rospotrebnadzor. 2025. URL : <https://zpp.rospotrebnadzor.ru/news/regional/562949>
22. The evolution of the Financial Literacy Concept: A Literature Review.

Информация об авторе

Фурсов Андрей Викторович

аспирант кафедры социологии,
Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы, г. Москва
ORCID: 0009-0000-4359-5962
fursovav99@mail.ru

Andrey V. Fursov

Postgraduate Student
of the Department of Sociology,
Peoples' Friendship University of Russia
named After Patrice Lumumba, Moscow
ORCID: 0009-0000-4359-5962
fursovav99@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 12.12.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.01.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.01.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

**ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-1-2>

УДК 343.326

Attribution

cc by

ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ АКТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аверин А.Н.¹, Чапурко Т.М.², Клименко Т.М.³

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,

²Краснодарский университет МВД РФ,

³Юридический институт Северо-Кавказской государственной академии

Аннотация. Борьба с терроризмом имеет особую актуальность в условиях активизации на территории нашей страны диверсионно-террористической деятельности в связи с проведением специальной военной операции. С начала Специальной военной операции предотвращено 419 террористических актов и диверсий, которые готовили люди, завербованные международными террористическими организациями, украинскими специальными службами, попавшими под влияние антироссийской пропаганды. Стало больше попыток вербовки российских граждан для осуществления преднамеренных поджогов административных зданий, объектов транспортной, энергетической, промышленной инфраструктуры. Цель исследования состоит в рассмотрении ситуации с террористическими актами и деятельности по противодействию терроризму. Объектом исследования являются предотвращенные и осуществленные террористические акты. К методам исследования относятся анализ и синтез, дедукция и индукция, использование опубликованных официальных данных о террористических актах. В процессе исследования получены следующие результаты. Используются официальные статистические данные, отражающие ситуацию с осуществлением и предотвращением террористических актов. Показаны наиболее крупные террористические акты, которые не удалось предотвратить. Особое внимание уделено рассмотрению деятельности специальных служб и правоохранительных органов по предотвращению террористических актов, помощи семьям погибших и пострадавшим в теракте в Красногорске Московской области в концертном зале «Крокус Сити Холл». Показаны расследования финансирования терроризма. В качестве основного вывода можно утверждать, что многие террористические акты организованы украинскими и западными специальными службами. Исполнителями выступают российские жители и члены международных террористических организаций. В обзоре литературы нужно указать, что опубликовано много работ, посвященных анализу различных проблем терроризма – противодействие терроризму и его идеологии, международный терроризм, сотрудничество государств в борьбе с терроризмом, теория и практика расследования финансирования терроризма, противодействие вовлечению молодежи в террористическую деятельность через информационно-коммуникационную сеть Интернет, террористические преступления. Особо следует отметить, что в Российской газете и журнале Общественного совета при Федеральной службе безопасности «ФСБ: за и против» размещаются публикации, которые дают объективное представление об опасности террористической угрозы на современном этапе. В статье использованы публикации в Российской газете.

Ключевые слова: компенсационные выплаты, правоохранительные органы противодействия терроризму, социальная реабилитация, специальная служба, терроризм, террорист, террористический акт, террористическое преступление, финансовый терроризм.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

TERRORIST ACTS IN MODERN RUSSIA

Alexander N. Averin¹, Tatyana M. Chapurko², Tauszhan M. Klimenko³

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

²Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,

³North Caucasus State Academy

Abstract. The fight against terrorism is of particular relevance in the context of the intensification of sabotage and terrorist activities on the territory of our country in connection with the conduct of a special military operation. Since the beginning of the special military operation, 419 terrorist acts and

© Аверин А.Н., Чапурко Т.М., Клименко Т.М.

sabotage have been prevented, which were prepared by people recruited by international terrorist organizations, Ukrainian special services that fell under the influence of anti-Russian propaganda. There have been more attempts to recruit Russian citizens to deliberately set fire to administrative buildings, transport, energy and industrial infrastructure. The purpose of the study is to consider the situation with terrorist acts and counter-terrorism activities. The object of the research is the prevented and carried out terrorist acts. Research methods include analysis and synthesis, deduction and induction, and the use of published official data on terrorist acts. In the course of the study, the results were obtained. Official statistics reflecting the situation with the implementation and prevention of terrorist acts were used. The largest terrorist acts that could not be prevented are shown. Particular attention is paid to the activities of special services and law enforcement agencies to prevent terrorist acts, to help the families of those killed and injured in the terrorist attack in Krasnogorsk, Moscow Region, at the Crocus City Hall concert hall. Investigations into the financing of terrorism are shown. The main conclusion is that many terrorist acts are organized by Ukrainian and Western special services. The perpetrators are Russian residents and members of international terrorist organizations. In the review of the literature, it should be noted that many works have been published devoted to the analysis of various problems of terrorism – countering terrorism and its ideology, international terrorism, cooperation of states in the fight against terrorism, theory and practice of investigating the financing of terrorism, countering the involvement of young people in terrorist activities through the information and communication network Internet, terrorist crimes. It should be noted that the Rossiyskaya Gazeta and the journal of the Public Council of the Federal Security Service «FSB: Pros and Cons» contain publications that give an objective idea of the danger of the terrorist threat at the present stage. The article is based on publications in Rossiyskaya Gazeta.

Keywords: payments, law enforcement. countering terrorism, social rehabilitation, special service, terrorism, terrorism. terrorist act, terrorist crime, financial terrorism.

Funding: Independent work.

Введение.

Террористическая деятельность включает в себя:

- организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта;
- подстрекательство к террористическому акту;
- организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества, преступной организации, организованной группы для реализации террористического акта, участие в такой структуре;
- вербовку, вооружение, обучение и использование террористов; информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта;
- пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности, обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности [1].

Результаты. Обсуждение.

Под террористическим актом понимается совершение взрыва, поджога, иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба, наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций, воздействия на принятие ими

решений, угроза совершения таких действий в тех же целях [1].

С 1990 по 2006 годы в нашей стране было совершено более 70 террористических актов, связанных с подрывами жилых домов, самолетов, поездов, массовым захватом заложников. Погибли свыше 1,6 тыс. мирных граждан, 400 сотрудников специальных служб и правоохранительных органов [2].

Приведем некоторые конкретные случаи совершения крупнейших террористических актов, которые не были предотвращены.

В результате террористического акта в Буденновске 129 человек погибли и 415 пострадали, в Каспийске погибли 67 чел., включая 20 детей, во Владикавказе 52 чел. погибли и 168 пострадали, в Буйнакске – 64 чел. погибли и 146 чел. пострадали, в Москве на улице Гурьянова – 106 чел. погибли и 690 чел. пострадали, в Волгодонске – 19 чел. погибли и 90 чел. пострадали, в Москве на Каширском шоссе – 124 чел. погибли, в Театральном центре на Дубровке – погибли 130 чел., в том числе 10 детей, в поезде Кисловодск-Минеральные воды – 46 чел. погибли и 170 чел. пострадали, взорваны два самолета, погибли 89 чел., в Москве на Замоскворецкой линии метро – 41 чел. погиб и 250 чел. пострадали, в Беслане – 334 чел. погибли, в том числе 186 детей, и 800 чел. пострадали, в Москве на Сокольнической линии метро – 41 чел. погибли и 88 чел. пострадали, в Санкт-Петербурге в метро – 16 чел. погибли и 100 чел. пострадали, в аэропорту Домодедово – 37 чел. погибли и 150 чел. пострадали [3].

22 марта 2024 года четверо таджиков – мигрантов совершили террористический акт в Красногорске Московской области в концертном зале «Крокус Сити Холл». В результате погибли 144 человека, пострадали 551 чел. [4]. В Брянской области задержаны непосредственные исполнители террористического акта. Данные свидетельствуют о том, что за подготовкой террористов к преступлению стоят украинские специальные службы. Террористы сообщили, что после совершения террористического акта их координатор через мессенджер Телеграмм дал указание ехать в Киев для получения 1 млн рублей каждому террористу. Их должны были встречать на украинской стороне границы. Украина готовила два выхода из Российской Федерации. Были арестованы 11 человек, причастных к террористическому акту. Некоторые из них переводили деньги на приобретение огнестрельного оружия и транспортных средств, которые использовались в террористическом акте, участвовали в вербовке пособников террористического акта.

После совершения террористического акта начали работать сотрудники специальных служб и правоохранительных органов. По тревоге были подняты столичные ОМОН и СОБР, вызваны пожарные. Создан оперативный штаб. Возбуждено уголовное дело о террористическом акте. Проводятся оперативно-разыскные действия, предпринимаются меры для оказания помощи, пострадавшим в результате террористического акта. Пострадавшие направлены в медицинские учреждения. Правительство Москвы и Губернатор Московской области приняли решение выплатить единовременную материальную помощь семьям погибших и пострадавшим в теракте:

- 3 млн руб. – семьям погибших на каждого погибшего;
- 1 млн руб. – пострадавшим, которые госпитализированы;
- 500 тыс. руб. – пострадавшим, которые проходят лечение амбулаторно.

Предусмотрены дополнительные выплаты для детей, потерявших из-за теракта кого-то из родителей. Власти Москвы и Подмосковья взяли на себя необходимые ритуальные услуги [5; 6].

Пострадавшим полагаются выплаты по федеральному законодательству из средств Социального фонда:

- пособия по временной нетрудоспособности;
- пенсии по случаю потери кормильца;
- пенсии по инвалидности;
- выплаты в связи с несчастным случаем на производстве для тех, кто в момент теракта исполнял служебные обязанности и пострадал.

Следует отметить, что важное значение имеет социальная реабилитация людей, пострадавших в результате террористического акта, людей, участвующих в борьбе с терроризмом.

Социальная реабилитация включает в себя:

- психологическую, медицинскую и профессиональную реабилитацию;
- правовую помощь;
- содействие в трудоустройстве;
- предоставление жилья.

Она проводится в целях социальной адаптации пострадавших людей и их интеграции в общество, осуществляется за счет средств федерального и региональных бюджетов [1].

Органы государственной и публичной власти федеральных территорий, местного самоуправления, физические и юридические лица осуществляют деятельность по противодействию терроризму. Эта деятельность включает профилактику терроризма, борьбу с терроризмом, минимизацию и ликвидацию последствий проявлений терроризма.

Профилактика терроризма предусматривает:

- его предупреждение, выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих совершению террористических актов;
- выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование террористического акта [1].

Известно, что британские специальные подразделения курировали террористические акции против российских кораблей Черноморского флота, на Крымском полуострове.

Представители украинских специальных служб выезжают на территорию Ближнего Востока в места нахождения террористов, проводят их подготовку.

В нашей стране проводится большая работа по предотвращению террористических актов. С 2010 года не допущено 200 террористических актов. В 2010 году предотвращено 10 % террористических атак, 2018-ом – 80 %, 2020-ом – 96 % [2]. Предотвращено 27 террористических актов на объектах транспортной и топливно-энергетической инфраструктуры, предприятиях оборонной промышленности, объектах системы жизнеобеспечения [7]. Предотвращен террористический акт в синагоге. Житель одного государства Средней Азии, проживая в Москве, занялся подготовкой террористического акта, провел разведку местности вокруг синагоги, приобрел компоненты для изготовления самодельного взрывного устройства, взрывчатые вещества. При задержании оказал вооруженное сопротивление и ответным огнем ликвидирован. Была ликвидирована террористическая ячейка из ше-

сти граждан одного из государств Центральной Азии, которые планировали совершение террористического акта в отношении военного объекта в Донецке [8]. Во время проведения в Кабардино-Балкарии оперативно-разыскных мероприятий была получена информация о местонахождении двух вооруженных людей, входящих в состав международной террористической организации и причастных к террористической деятельности. Обнаружены автоматическое оружие и боеприпасы. Террористам предложили сдаться, но они в ответ открыли огонь, и были в ходе ответного боя уничтожены [9]. В Дагестане были задержаны три террориста, которые планировали совершить террористические преступления. У них обнаружены автоматическое оружие, боеприпасы и готовое самодельное взрывное устройство. В Махачкале уничтожены два человека, готовившие террористический акт на энергетическом объекте [10]. Предотвращен террористический акт в Ставропольском крае, который готовили трое граждан одной из стран Центральной Азии. У них изъяли составные части самодельного взрывного устройства, химические вещества, поражающие элементы. В Ингушетии ликвидировали шесть человек, которых подозревали в причастности к запрещенной в России террористической организации «Исламское государство», нападении на пост ДПС, убийству трех сотрудников милиции.

В 2023 году в Северо-Кавказском федеральном округе была пресечена деятельность 149 групп – сторонников международных террористических организаций, предотвращено 21 преступление террористической направленности, из них 16 террористических актов [11].

В Москве, Брянске и Свердловской области были задержаны трое подготовленных украинской разведкой диверсантов. Они должны были пустить под откос грузовой состав на Транссибе, совершить террористические акты путем опрокидывания железнодорожных составов, перевозящих грузы для специальной военной операции, взорвать бомбы, запустить в столичном регионе беспилотники для создания ложных целей в непосредственной близости от объектов Министерства обороны и выявить работу противовоздушной обороны, которая прикрывает Москву и Московскую область [12].

В Псковской области на границе с Латвией перекрыт контрабандный канал доставки взрывчатки в нашу страну. В иконах обнаружили гексоген – пластичное взрывчатое вещество повышенной мощности, которая в полтора раза больше мощности тротила. Взрывчатое вещество достаточно для подрыва пятиэтажного жилого дома. Взрывчатка была спрятана под окладами икон. В этом же багаже нашли 27 взрывных устройств, 70 кг взрывчатого вещества, 91 электродетонатор, части выстрела к ручному противотанковому гранатомету. Груз везли с Украины через Румынию, Венгрию, Словакию, Литву, Латвию. Водитель машины с иконами имеет российское и два иностранных гражданства, у него нет жилья и регистрации на российской территории [13].

Существует финансовый терроризм, означающий предоставление, сбор средств, оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки и совершения преступлений, связанных с терроризмом, для финансирования, иного материального обеспечения человека в целях совершения им террористических преступлений, для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества, преступной организации, созданных или создаваемых для совершения террористических преступлений [14].

В 2020 году были заблокированы финансовые активы более 1,2 тыс. человек, подозреваемых в причастности к терроризму, на общую сумму свыше 57 млн руб., пресечено 184 канала финансирования террористической деятельности [2]. За денежные переводы сирийским террористам в 22 регионах были задержаны 49 человек, причастных к сбору и перечислению денежных средств запрещенной в нашей стране международной террористической организации «Катиба Таухидваль-Джихад». Некоторые из них с использованием интернет-ресурсов распространяли в мусульманской религиозной общине радикальную исламскую идеологию и оправдывали ведение террористической деятельности [15].

В связи с обращением группы депутатов Государственной Думы Российской Федерации, Следственный комитет РФ возбудил уголовное дело по статье финансирование терроризма. В частности, речь идет о том, что денежные средства, поступающие через нефтегазовую компанию «Бурисма Золдинг», действующую на Украине, на протяжении последних лет использовались для осуществления террористических актов в России. Изучаются связи непосредственных исполнителей террористических актов с иностранными кураторами, организаторами и спонсорами [16].

Если террористы не сдаются и открывают стрельбу, то их уничтожают. Вместе с тем, необходимо особо подчеркнуть, что в Уголовном кодексе Российской Федерации есть статьи, предусматривающие наказание за терроризм.

Среди них следует назвать такие статьи, как:

- содействие террористической деятельности; публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма;
- прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности;
- организация террористического сообщества и участие в нем;
- организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации; заведомо ложное сообщение об акте терроризма [17].

Все арестованные террористы получают уголовное наказание за совершенные террористические акты.

Заключение.

Следует отметить, что совершаются террористические акты в местах массового пребывания людей, организуются покушения на представителей власти, общественных деятелей, журна-

листов. В связи с этим, как нам представляется, необходимо не только ужесточение наказания за совершаемые преступления террористической направленности, но и за подготовку к ним. Помимо этого, необходима целенаправленная комплексная профилактическая работа среди всех групп населения, направленная на разъяснение антигосударственного характера подобных преступлений и неотвратимости наказаний за них.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Федеральный закон от 06 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Система ГАРАНТ. URL : garant.ru
2. Пятнадцать лет против террора // Российская газета. 2021. 11 марта.
3. 15 самых крупных терактов в истории современной России / Вокруг Света. URL : vokrugsveta.ru
4. Егоров И. Деньги на смерть // Российская газета. 2024. 05 апреля.
5. Распоряжение Правительства Москвы № 221-РП от 23.03.2024 «Об оказании помощи семьям погибших (умерших) и пострадавшим в результате террористического акта, совершенного в здании концертного зала «Крокус Сити Холл» 22 марта 2024 г.» // Выплаты пострадавшим в «Крокус Сити Холл»: на что рассчитывать и куда обращаться – КР.ru
6. Постановление Губернатора Московской области № 105-П от 23.03.2024 «Об оказании мер социальной поддержки семьям погибших (умерших) и пострадавшим в результате террористического акта, произошедшего в Крокус Сити Холл 22 марта 2024 г.» // 1287038. URL : mosreg.ru
7. Егоров И. Чужими руками // Российская газета. 2024. 10 апреля.
8. Егоров И. Террорист готовил взрыв // Российская газета. 2024. 12 апреля.
9. Егоров И. Сдаваться не стали / И. Егоров, М. Сухарев // Российская газета. 2024. 12 апреля.
10. Алиев Т. Тревога в шесть утра // Российская газета. 2024. 12 апреля.
11. Егоров И. Кто шатает Кавказ // Российская газета. 2024. 11 марта.
12. Егоров И. Взяли с поличным // Российская газета. 2024. 18 марта.
13. Козлова Н. Проехал все границы // Российская газета. 2024. 12 апреля.
14. Федеральный закон от 07 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Система ГАРАНТ. URL : garant.ru
15. Петров И. Деньги шли боевикам // Российская газета. 2024. 27 февраля.
16. Петров И. Они за все заплатят // Российская газета. 2024. 10 апреля.
17. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // Система ГАРАНТ. URL : garant.ru

References:

1. Federal Law of March 06, 2006, № 35-FZ «On Counteracting Terrorism» // GARANTEE System. URL : garant.ru
2. Fifteen Years Against Terror // Rossiyskaya Gazeta. March 11, 2021.
3. The 15 Largest Terrorist Attacks in the History of Modern Russia / Vokrug Sveta. URL : vokrugsveta.ru
4. Egorov I. «Money for Death» // Rossiyskaya Gazeta. April 05, 2024.
5. Moscow Government Order No. 221-RP of March 23, 2024, «On Assistance to the Families of the Victims of the Terrorist Attack at Crocus City Hall on March 22, 2024» // Payments to Victims of Crocus City Hall: What to Expect and Where to Apply – КР.ru
6. Moscow Region Governor Resolution № 105-P of March 23, 2024, «On Providing Social Support Measures to the Families of the Victims of the Terrorist Attack at Crocus City Hall on March 22, 2024» // 1287038. URL : mosreg.ru
7. Egorov I. By Other People's Hands // Rossiyskaya Gazeta. April 10, 2024.
8. Egorov I. The Terrorist Was Preparing an Explosion // Rossiyskaya Gazeta. April 12, 2024.
9. Egorov I. They Didn't Surrender / I. Egorov, M. Sukharev // Rossiyskaya Gazeta. April 12, 2024.

10. Aliyev T. Alarm at Six in the Morning // Rossiyskaya Gazeta. April 12, 2024.
11. Egorov I. Who's Shaking the Caucasus // Rossiyskaya Gazeta. March 11, 2024.
12. Egorov I. Caught Red-Handed // Rossiyskaya Gazeta. March 18, 2024.
13. Kozlova N. Crossed All Borders // Rossiyskaya Gazeta. April 12, 2024.
14. Federal Law of August 07, 2001, № 115-FZ «On Combating the Legalization (Laundering) of Criminally Obtained Incomes and the Financing of Terrorism» // GARANTEE System. URL : garant.ru
15. Petrov I. «Money Went to the Militants» // Rossiyskaya Gazeta. February 27, 2024.
16. Petrov I. «They Will Pay for Everything» // Rossiyskaya Gazeta. April 10, 2024.
17. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, № 63-FZ // GARANTEE System. URL : garant.ru

Информация об авторах

Аверин Александр Николаевич

доктор философских наук,
профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ORCID 0009-0009-0579-8545
anaverin1947@mail.ru

Alexander N. Averin

Doctor of Philosophy,
Professor,
Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
ORCID 0009-0009-0579-8545
anaverin1947@mail.ru

Чапурко Татьяна Михайловна

доктор политических наук,
профессор,
профессор кафедры
социально-гуманитарных наук,
Краснодарский университет МВД РФ
tchapurko@mail.ru

Tatyana M. Chapurko

Doctor of Political Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Social Sciences and Humanities,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
tchapurko@mail.ru

Клименко Таужан Микаиловна

доктор юридических наук,
профессор,
профессор кафедры уголовного права и процесса,
Юридический институт
Северо-Кавказской государственной академии
tauzhank@List.ru

Tauzhan M. Klimenko

Doctor of Law,
Professor,
Professor of the Department
of Criminal Law and Procedure,
Law Institute of the North Caucasus State Academy
tauzhank@List.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 03.01.2026.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.01.2026.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.01.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-1-3>
УДК 343.102

Attribution
cc by

СОВРЕМЕННОЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛЕДСТВИЕ КАК ФОРМА ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ: ЕГО СВОЙСТВА И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ

Гаевой А.И., Мезина В.В.

*Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева,
Северо-Кавказский филиал*

Аннотация. Проблемы процессуальной регламентации предварительного расследования в отечественном уголовном процессе относятся к числу наиболее обсуждаемых в среде учёных-процессуалистов и практиков. Происходит это в связи со стремительным изменением общественных отношений, связанных с необходимостью оптимизации и повышения эффективности деятельности органов предварительного следствия и дознания. Авторы считают, что для разрешения целого ряда существующих проблем в правоприменительной практике, требуются определённые шаги в изменении некоторых положений, содержащихся в УПК РФ; то есть, необходима законотворческая инициатива, которую без проведения сравнительно-правового анализа эффективно осуществить невозможно. Цель работы – на основе общенаучных, логических, сравнительно-правового и формально-юридического методов, а также структурной проработке научного исследования, изучить и подвергнуть анализу существующие в теории уголовно-процессуальной науки определения: «предварительное следствие», «дознание», «формы предварительного расследования», их правовую регламентацию в статьях УПК РФ с целью выработки критических замечаний относительно имеющихся в законодательстве противоречий. Для достижения поставленной цели определены следующие задачи: провести анализ каждой из форм предварительного расследования; выделить основные сходства и различия предварительного следствия и дознания посредством обозначения критериев сравнения, а также сформировать собственное мнение относительно наличия «двойственности» предварительного расследования в Российском уголовном процессе. Вывод: предварительное следствие и дознание наделены как общими чертами, так и значительными различиями, которые продиктованы их функциональным назначением. Так, дознание представляет собой упрощённую и ускоренную форму производства по уголовным делам, что способствует снижению нагрузки на следственные подразделения. В свою очередь, предварительное следствие ориентировано на расследование дел повышенной сложности, где необходимо затратить больше процессуальных ресурсов для полного и всестороннего изучения всех обстоятельств происшествия.

Ключевые слова: формы расследования, предварительное следствие, дознание, уголовный процесс, подозреваемый, обвиняемый, следователь, дознаватель, обвинительное заключение, обвинительный акт.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

MODERN PRELIMINARY INVESTIGATION AS A FORM OF PRE-TRIAL PROCEEDINGS IN A CRIMINAL CASE: ITS PROPERTIES AND DISTINCTIVE FEATURES

Alexander I. Gaevoy, Valeria V. Mezina

V.M. Lebedev Russian State University of Justice, North Caucasus branch

Abstract. The issues of procedural regulation of preliminary investigation in domestic criminal procedure are among the most discussed among legal scholars and practitioners. This is due to the rapid changes in social relations, which necessitate the optimization and enhancement of the effectiveness of preliminary investigation and inquiry bodies. The authors believe that to resolve a number of existing problems in law enforcement practice, certain steps are required to amend specific provisions contained in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, i.e., legislative initiative is

© Гаевой А.И., Мезина В.В.

needed, which cannot be effectively implemented without conducting a comparative legal analysis. The aim of this work is, based on general scientific, logical, comparative legal, and formal legal methods, as well as structural analysis of scientific research, to study and analyze the existing definitions of «preliminary investigation», «inquiry», and «forms of preliminary investigation» in criminal procedure science, and their legal regulation in the articles of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, with the goal of developing critical remarks regarding the contradictions present in the legislation. To achieve this goal, the following tasks have been defined: to analyze each of the forms of preliminary investigation; to identify the main similarities and differences between preliminary investigation and inquiry by designating comparison criteria, as well as to form personal opinions regarding the existence of «duality» in preliminary investigation within the Russian criminal process. Conclusion. Preliminary investigation and inquiry are endowed with both common features and significant differences, which are dictated by their functional purpose. Thus, inquiry represents a simplified and accelerated form of criminal case proceedings, which contributes to reducing the workload on investigative units. In turn, preliminary investigation is focused on investigating complex cases where more procedural resources are required for a complete and comprehensive study of all circumstances of the incident.

Keywords: forms of investigation, preliminary investigation, inquiry, criminal procedure, suspect, accused, investigator, inquirer, indictment, bill of indictment.

Funding: Independent work.

Введение.

Предварительное следствие как форма досудебного производства в уголовном процессе России, имея глубокие исторические корни, всегда вызывала у юристов особый и неподдельный интерес, поскольку на протяжении длительного периода своего существования была связана с ключевыми событиями, происходящими в уголовном судопроизводстве (например: доказывание, розыск лиц, совершивших преступление и их преследование). Так, уже в нормах Русской Правды, встречаются такие понятия как «свод» и «сочение» (гонение) следа, которые большинством историков, занимавшихся исследованием данного вопроса, связывают ни с чем иным, как с древнерусским предварительным расследованием, суть которого, по их мнению, сводилась к «...процедуре доказывания лицом, у которого обнаруживалась вещь – предмет спора, добросовестности ее приобретения...» [1, с. 137].

Ещё одним фактом, достаточно важным в историческом плане для становления и развития теперь для самого предварительного следствия, стал Наказ Петра I от 09 декабря 1717 г. об учреждении так называемых «майорских» следственных канцелярий, являвшихся прототипом современных следственных органов в России [2, с. 48–52].

И, наконец, в ст. 249–509 Раздела II «О предварительном следствии» Устава Уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС) были закреплены основные положения производства предварительного следствия судебными следователями по уголовным делам.

Примечательно то, что часть этих положений сохранилась и в отдельных нормах современного уголовно-процессуального законодательства (далее – УПК РФ) [3]. Так, в ст. 265 УУС было закреплено, что «...при производстве следствия

судебный следователь обязан с полным беспристрастием приводить в известность как обстоятельства, уличающие обвиняемого, так и обстоятельства, его оправдывающие».

Как здесь не провести параллель с содержанием современной ст. 73 УПК РФ «Обстоятельства, подлежащие доказыванию», где наряду с установлением обстоятельств, указывающих на факт (событие) совершения преступления: место, способ, орудия, мотивы совершения преступления и других, требуется установление обстоятельств, не только *смягчающих наказание (выдел. нами – А.Г. и В.М.)*, но и исключающих преступность и наказуемость деяния в целом.

Обсуждение.

Определение более точного места и роли предварительного следствия в современном досудебном уголовном судопроизводстве не представляется возможным без проведения всестороннего сравнительно-правового анализа не только норм УПК РФ, регламентирующих его производство, но и сравнения с другой формой предварительного расследования – дознанием.

Напомним, что дознание, как справедливо замечает К.П. Краковский «...Из весьма простой, лапидарной и вспомогательной стадии уголовного процесса (ст. 250–256 УУС), являвшейся всего лишь несудебным актом и имевшим «осведомительное» значение, превратилось в самостоятельную процессуальную форму расследования только к 1904 г., правда, на тот момент только по государственным преступлениям» [4].

В контексте рассматриваемых проблем, В.А. Смирнов и К.Б. Калиновский отмечают, что «... дознание исторически возникло в недрах розыскного процесса как несудебное и оперативное исследование обстоятельств уголовного дела «по горячим следам...» [5, с. 471].

Дальнейшее преобразование дознания в самостоятельную форму предварительного расследования произошло позже – с принятием уголовно-процессуального законодательства РСФСР, действовавшего вплоть до 2001 года; то есть, до принятия, действующего УПК РФ.

В современном УПК РФ нормативное закрепление нашли обе формы предварительного расследования – и предварительное следствие, и дознание, правда с некоторыми изменениями, существовавшими ранее.

Основной причиной существования двух форм предварительного расследования, по мнению большинства процессуалистов, является необходимость оптимизации и повышения эффективности досудебного производства за счёт сокращения сроков на его производство, перераспределения сил и средств, а также людских затрат и направление усилий на осуществление расследования наиболее сложных, трудоёмких преступлений, относящихся к тяжким и особо тяжким.

Надо признать, что с внесением изменений в УПК РФ Федеральным законом № 90-ФЗ от 06 июня 2007 года, позиции обеих форм предварительного расследования значительно облизались, поскольку утратило силу одно весьма важное обстоятельство – дознание проводилось только по очевидным уголовным делам; то есть, по таким, где было известно лицо, совершившее преступление. Отныне предварительное расследование в форме дознания может осуществляться и в случаях, когда преступление совершено в условиях неочевидности, что влечёт за собой увеличение сроков дознания и корректировку полномочий лиц, его осуществляющих [6, с. 56].

Надо признать, что в теории уголовно-процессуальной науки, наряду со сторонниками существования двух самостоятельных форм досудебного производства, имеются и противники, отрицающие дознание как отдельную форму предварительного расследования, поскольку дознание лишено практической целесообразности, а разграничение расследования на две формы не имеет достаточных правовых оснований и обоснованной юридической необходимости. В этой связи, весьма спорным и дискуссионным, на наш взгляд, представляется мнение Л.В. Головки, который считает, что «...Неразрывность дознания и предварительного следствия как двух форм расследования не только изжила себя, но также и не имеет необходимых теоретических причин...» [2, с. 11].

Трудно согласиться с мнением вышеуказанного автора, только даже потому, что характер, объём и содержание процессуальной деятельности субъектов предварительного расследования, в зависимости от применяемой его формы, существенно различаются между собой, причём по многим параметрам, и, в первую очередь, по характеру и степени их общественной опасно-

сти. С другой стороны, предварительное расследование, как вид полезной человеческой деятельности, с определённой цикличностью требует внесения некоторых изменений для повышения его эффективности.

Таким образом, существование двух форм досудебного производства продиктовано объективной необходимостью правильной его организации с целью реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ).

Говоря об обстоятельствах, разграничивающих предварительное следствие и дознание, следует заметить, что обе формы расследования, при всех существующих между ними различиях, всё же, имеют не только общую целевую направленность, но и применяют идентичные способы доказывания, используют одни и те же процессуальные инструменты (протоколы следственных и процессуальных действий), меры процессуального принуждения, а также создают одинаковые процессуальные гарантии защиты прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Первым таким положением, дифференцирующим предварительное расследование на две формы, выступает деление преступлений на категории в зависимости от характера и степени их общественной опасности (ст. 15 УК РФ). В частности, расследование в форме дознания проводится, как правило, по делам о преступлениях небольшой общественной опасности, а при наличии письменного указания прокурора – и по преступлениям средней степени тяжести (ч. 3 ст. 150 УПК РФ).

Предварительное следствие, как это следует из содержания ч. 2 ст. 150 УПК РФ, осуществляется по всем уголовным делам, по которым предварительное следствие обязательно – это дела о преступлениях средней степени тяжести, тяжкие и особо тяжкие, за исключением тех, которые перечислены в ч. 3 ст. 150 УПК РФ. Однако следует заметить, что решение вопроса о производстве расследования в форме дознания или предварительного следствия может изменяться по письменному указанию прокурора (например, дела о преступлениях средней степени тяжести, могут быть переданы для расследования дознавателю, а дела, расследовавшиеся ранее в дознании – следователю) п. 11, ч. 2 ст. 37 УПК РФ, только законодатель умалчивает об основаниях и поводах такой передачи дел. В то же время, если учесть, что согласно п. 10, ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор вправе отстранить дознавателя от дальнейшего расследования по уголовному делу по причине нарушения им уголовно-процессуального законодательства, то с определённой долей вероятности можно предположить, что основанием изъятия уголовных дел у дознавателя, и передача их для дальнейшего расследования, скорее всего, является допущенное им нарушение законодательства. Опять же, если прокурор изъясил дела у одного дознава-

теля, он может разрешить этот вопрос путём поручения производства по этим делам другим дознавателям. Однако это только наши догадки, законодатель о такой процедуре умалчивает.

Возникает ещё один вопрос: В какой форме будет осуществляться расследование, проводимое следователем по делам, переданным ему прокурором: в форме дознания или же предварительного следствия? И он, как видим, он остаётся открытым. К тому же, в ч. 6 ст. 223 УПК РФ сказано, что «...*Возобновление приостановленного дознания либо продление срока дознания по уголовным делам, находящимся в производстве следователя Следственного комитета Российской Федерации, осуществляется соответствующим руководителем следственного органа Следственного комитета Российской Федерации в порядке, установленном частями третьей - пятой настоящей статьи...*».

По нашему мнению, для устранения правовой неопределённости, законодателю необходимо:

Во-первых, изменить существующий правовой механизм отстранения дознавателя от производства предварительного расследования и, как минимум, внести соответствующие изменения, в пункты 10–11 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, например, изымать любое уголовное дело у органа дознания и по мотивированному постановлению передавать его следователю с обязательным указанием оснований такой передачи.

Во-вторых, в качестве оснований изъятия уголовного дела у дознавателя должны выступать конкретные обстоятельства, препятствующие законному и объективному его расследованию. К их числу следовало бы отнести: утрату доверия, личную и иную заинтересованность в исходе дела, допущение грубейшего нарушения норм уголовно-процессуального закона, повлекшее утрату или уничтожение доказательств, нарушение конституционных прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, а также иных нарушений законодательства, влекущих за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования.

Следующим различием предварительного следствия и дознания является неравный объём процессуальных полномочий следователя и дознавателя. Следователь, в отличие от дознавателя, обладает процессуальной самостоятельностью. Он, согласно ч. 2 ст. 38 УПК РФ самостоятельно направляет не только ход расследования, но и принимает решение о производстве того или иного следственного или процессуального действия.

Дознаватель же таким правом не обладает, поскольку направляет ход расследования и принимает решение о производстве следственных действий не он, а прокурор (п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). Из этого следует, что у прокурора, помимо уголовного преследования, которое он осуществляет от имени государства и надзора за процессу-

альной деятельностью органов дознания и предварительного следствия, существует ещё одна функция в уголовного судопроизводстве – процессуальное руководство предварительным расследованием в форме дознания. И снова мы наблюдаем правовой казус между положениями ч. 1 и ч. 2 ст. 37 УПК РФ, который необходимо устранять путём внесения изменений в ст. 41 УПК РФ, изменив и дополнив её содержание аналогичными положениями из ст. 38 УПК РФ, предоставив дознавателю процессуальную самостоятельность в вопросах проведения расследования. Однако надо помнить о том, что такого рода изменения повлекут необходимость перераспределения некоторых полномочий прокурора, а именно полномочий по осуществлению процессуального руководства дознанием в пользу начальника подразделения дознания. А что же в таком случае остаётся прокурору? Полагаем, что свою часть контрольных функций за дознанием он сохранит, поскольку осуществляет прокурорский надзор за процессуальной деятельностью и дознания и предварительного следствия.

Продолжая исследование отличительных особенностей предварительного следствия и дознания, не следует забывать о различиях в сроках, отводимых законодателем на их производство. Например, срок производства предварительного следствия в соответствии с ч. 1 ст. 162 УПК РФ не должен превышать два месяца, а дознания, осуществляемого в общем порядке – не более 30 суток (ст. 223 УПК РФ). Эти сроки, по ходатайству должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, могут быть неоднократно продлены в порядке, предусмотренном ст. 162 и ст. 223 УПК РФ. Максимальный срок производства предварительного расследования в форме дознания не может превышать 12 месяцев, а срок предварительного следствия может варьироваться в зависимости от установленных законодателем оснований.

Так, согласно ч. 5 ст. 162 УПК РФ, по «...*уголовным делам, представляющим особую сложность...*» срок предварительного следствия, может быть продлен до 12 месяцев, а в «...*исключительных случаях...*» (выдел. нами – А.Г. и В.М.) срок может превышать один год. К сожалению, верхние пределы максимального срока предварительного следствия законодателем не устанавливаются.

Напомним, что действовавшему ранее уголовно-процессуальному закону (ст. 133 УПК РСФСР¹), в отношении сроков следствия нечем нас удивить, поскольку продлеваемые сроки были ещё скромнее. Так, первоначально устанавливаемый двухмесячный срок предварительного следствия мог быть продлен прокурором автономной республики, края, области, и приравненным к нему военным прокурором, в случаях, как теперь при-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: С постановленными материалами. М. : Юрид лит., 1987. 352 с.

нято называть «...по делам, представляющим особую сложность...», не более чем на два месяца. Но стоит признать, что законодателем и на тот момент не устанавливался предельно максимальный срок следствия.

Используемые законодателем в ч. 5 ст. 162 УПК РФ формулировки «...особая сложность...» и «...в исключительных случаях...» носят субъективный и оценочный характер, которые, как нам представляется, не позволяют контролирующим органам – в первую очередь прокурору, объективно оценивать законность и обоснованность принимаемых следователем процессуальных решений о продлении сроков предварительного следствия, чем непременно воспользовалась правоприменительная практика. Так, следователями следственных подразделений МВД России, только в 2023 году, с нарушением сроков производства предварительного следствия было окончено порядка 2500 уголовных дел, то составляет около 10 % от общего числа уголовных дел, направленных прокурору с обвинительным заключением. В 2024 году этот показатель, со слов Заместителя Министра МВД России, начальника Следственного департамента генерал-полковника С.Н. Лебедева, несколько снизился и составил 8,7 %, но также снизилось и количество возбужденных уголовных дел [7].

Механизмы возобновления производства предварительного следствия и дознания также различны по ранее приостановленным производствам уголовных дел. Так, согласно ч. 3.3, ст. 223 УПК РФ, в случае признания незаконным и необоснованным постановление дознавателя о приостановлении производства по уголовному делу, начальник подразделения дознания, отменяя постановление дознавателя, устанавливает срок дополнительного дознания – до 10 суток. При необходимости, срок дополнительного дознания до 10 суток может быть установлен прокурором по ходатайству начальника подразделения дознания.

Что же касается предварительного следствия, то здесь также предусмотрено как минимум три варианта установления дополнительного срока предварительного следствия.

Первый вариант предусматривает порядок возобновления следствия в случаях возвращения уголовного дела следователю, в порядке ст. 237 УПК РФ в связи с выявлением судом обстоятельств, препятствующих рассмотрению уголовного дела в судебном разбирательстве.

Второй, – «...в случае возвращения судом уголовного дела руководителю следственного органа, в связи с отказом в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, в порядке, установленном пунктом 2 части пятой статьи 446 УПК РФ...», а также в связи «...с отменой постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследо-

вания в порядке, установленном статьей 446.5 УПК РФ...».

И, наконец, третий вариант предполагает возвращение уголовного дела с указанием производства дополнительного следствия с установлением необходимого для этого срока, в «...случаях отмены руководителем следственного органа постановлений следователя о прекращении уголовного дела, приостановлении предварительного следствия или возвращения руководителем следственного органа уголовного дела следователю для производства дополнительного расследования, либо в случае поступления в следственный орган уголовного дела от прокурора в связи с принятием им решений, предусмотренных ч. 1 ст. 211 УПК РФ, либо ч. 1 ст. 214 УПК РФ, или п. 2 ч. 1, либо п. 1 ч. 4 ст. 221 УПК РФ, п. 4 ч. 1 ст. 226 УПК РФ, ст. 439 УПК РФ...».

В каждом из вышеперечисленных случаев срок дополнительного предварительного следствия не может превышать один месяц. Однако самым противоречивым положением данных норм, с точки зрения законности и обоснованности, является то, что срок производства предварительного следствия по уголовному делу может возобновляться неоднократно, причём, независимо от того, сколько раз оно до этого прекращалось, возобновлялось или возвращалось для производства дополнительного срока и «...вне зависимости от общей продолжительности срока предварительного следствия...» (выдел. нами – А.Г. и В.М.).

Интересным фактом для нас в данном положении Закона, является то, что на многочисленные жалобы граждан о нарушении их конституционных прав в связи с применением положений ч. 6 ст. 162 УПК РФ, Конституционный Суд РФ приводит разные доводы, которые, в целом, сводятся к тому, что в ч. 6 ст. 162 УПК РФ речь идет о возобновлении предварительного следствия и об установлении срока дополнительного расследования, причем на срок не превышающий одного месяца. И поскольку нормы, предусматривающие исключения из установленных законом общих правил, не подлежат расширенному толкованию, а прямого указания на возможность неоднократного продления срока предварительного следствия в ч. 6 ст. 162 УПК РФ не содержится, то её положения не могут рассматриваться, как позволяющие неоднократно продлевать срок предварительного следствия. В другом случае, КС РФ указал, что вопрос о «...проверке законности и обоснованности соответствующих правоприменительных решений не относится к полномочиям Конституционного Суда Российской Федерации, как они определены в ст. 3 Конституции Российской Федерации и ст. 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ...» [8].

Не усмотрел существенного нарушения уголовного-процессуального закона и суд кассационной

инстанции, рассматривавший жалобу стороны защиты о неправомерных действиях должностных лиц органов предварительного следствия, связанных с неоднократным продлением сроков предварительного следствия в порядке ч. 6 ст. 162 УПК РФ, указав на то, что «... неоднократное продление сроков предварительного следствия не является основанием для отмены приговора в кассационном порядке...» [9].

Важным отличительным аспектом для предварительного следствия является и статус лица, привлекаемого к уголовной ответственности, а вместе с этим, и процессуальные особенности производства, связанные с признанием его обвиняемым, в связи с предъявлением ему обвинения. Для производства расследования в форме дознания – статус обвиняемого у лица возникает в самом конце расследования уголовного дела, вместе с вынесением итогового процессуального решения – завершением дознания и составлением обвинительного постановления.

Как справедливо замечает В.С. Шадрин: «...если проследить особенности развития процессуального статуса, подозреваемого за последние 15 лет, то можно легко убедиться, что по своему содержанию он последовательно приближается к аналогичному статусу обвиняемого...» [10, с. 80]. В отличие от предварительного следствия – при производстве дознания не предусмотрена отдельная процедура предъявления обвинения, вместо этого законодатель предусмотрел для дознавателя специфический процессуальный документ – уведомление о подозрении в совершении преступления.

По мнению многих учёных-процессуалистов – данное уведомление схоже с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого: например, в части обязанности дознавателя для проведения дальнейшего допроса, а также порядка вручения уведомления подозреваемому [11, с. 343]. Процедура уведомления о совершении преступления играет большую роль для расследования преступлений в форме дознания в силу специфики производства, и не имела бы такой значимости для предварительного следствия.

Значимым отличительным критерием следствия и дознания являются и процессуальные документы, составляемые по итогам расследования. Предварительное следствие оканчивается составлением следователем обвинительного заключения в соответствии со ст. 220 УПК РФ, которое представляет собой краткое изложение материалов уголовного дела. В дознании, в соответствии со ст. 225 УПК РФ и ч. 7 ст. 226 УПК РФ, аналогичную функцию выполняют обвинительный акт и обвинительное постановление – они не только по форме и содержанию близки к обвинительному заключению, но и наделяют лицо статусом обвиняемого. Данные итоговые акты имеют сходства с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого, но всё же отличаются между собой. Так, например, обви-

нительный акт или обвинительное постановление не обязывают дознавателя произвести допрос, а также разъяснять обвиняемому права, предусмотренные ст. 47 УПК РФ.

Не сомневаемся мы в том, что хотя все эти итоговые акты и предназначены для различных форм расследования – основная их цель заключается в подведении итогов всей проделанной работы следователем и дознавателем, они собирают в себе все собранные доказательства по делу, которые легли в основу обвинения, в конечном итоге точно формулируя его.

Результаты.

Рассматривая же сходство форм предварительного расследования, можно выделить следующие ключевые моменты:

- во-первых, и предварительное следствие, и дознание, без исключения, берут своё начало со стадии возбуждения производства по уголовному делу – соответствующего постановления;
- во-вторых, вне зависимости от осуществляемой формы расследования порядок производства следователем и дознавателем следственных действий аналогичен;
- в-третьих – единство цели расследования, которая предполагает установление всех обстоятельств произошедшего, а также лица, совершившего уголовно-наказуемое деяние;
- в-четвёртых, в зависимости от формы производства расследования – отличие будет составлять лишь субъект расследования, тогда как остальной состав участников – потерпевший, свидетель, подозреваемый, обвиняемый – едины для обеих форм с аналогичными правами;
- в-пятых, завершающая стадия, безусловно, схожа – аналогичная процедура ознакомления потерпевшего, обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела, а также обязательное направление материалов уголовного дела вместе с итоговым актом прокурору.

Заключение.

Подводя итог исследовательского анализа двух форм предварительного расследования, формулируем вывод: учитывая цели и задачи предварительного следствия и дознания, а также принимая во внимание их специфику, это взаимодополняющие формы одного института – предварительного расследования преступлений.

Предварительное следствие и дознание обладают множеством различий, имея при этом значимые сходства.

Предварительное следствие – наиболее полная форма расследования, требующая всестороннего изучения обстоятельств произошедшего, в силу сложности расследуемых уголовных дел.

Дознание же позволяет снизить нагрузку на органы следствия, расследовать уголовное дело в кратчайшие сроки, при этом сохраняя все права участников процесса.

На наш взгляд, разделение предварительного расследования на формы вполне оправдано и продиктовано необходимостью: адаптировать процесс применительно той или иной к категории тяжести преступления, сохранить макси-

мальные гарантии правосудия по тяжким и особо тяжким деяниям, сократить издержки по делам небольшой тяжести.

Авторы выражают надежду на то, что их труд будет с пониманием оценён юридической общественностью, а рекомендуемые ими предложения по изменению уголовно-процессуального законодательства РФ в вышеизложенных частях будут учтены законодателем.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Цит. по: Гумеров Т.А. Предварительное расследование по Русской Правде // Журн. Казанская наука. Казань : Казанский изд. дом, 2013. № 6. С. 136–139. URL : https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1767275256&tld=ru&lang=ru&name=Predvaritelnoe_rassledovanie_po_Russkoj_Pravde_EDN:QSRQGV
2. Серов Д.О. Первые органы следствия России (1713–1723 гг.). Российский следователь. 2014. № 14. С. 48–52. URL : <https://kchr.sledcom.ru/news/item/1637186> EDN: SJGSUD
3. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. Раздел II «О предварительном следствии» (ст. 265 УУС). Царское Село. 34 с. URL : <https://www.prlib.ru/item/372590>.
4. Краковский К.П. Политическое дознание во второй половине XIX-начале XX века // Новый ракурс. 2012. № 5. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskoe-doznanie-vo-vtoroy-polovine-xix-nachale-hh-veka> EDN: RTNSVV
5. Смирнов А.В. Уголовный процесс : учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; Под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : КНОРУС, 2008. 704 с. ISBN: 978-5-390-00048-9
6. Ильин А.В. Актуальные вопросы дифференцированного подхода к стадии предварительного расследования / А.В. Ильин, А.А. Вагурина // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2020. № 2(24). С. 55–59. EDN: ZOOHAL
7. «Сергей Лебедев подвел итоги деятельности органов предварительного следствия в МВД России в 2023 г.».. 02.02.2024 г. инфор. с сайта. URL : <https://мвд.рф/news/item/46714975>; «Сергей Лебедев подвел итоги деятельности органов предварительного следствия в МВД России в 2023 г.».. 04.02.2025г. инфор. с сайта. URL : <https://мвд.рф/news/item/60923332?year=2025&month=4&day=1>
8. Определение Конституционного Суда РФ от 19.10.2010 № 1412-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фирулева Александра Андреевича на нарушение его конституционных прав частью шестой статьи 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70157194>
9. Обзор судебной практики кассационных судов общей юрисдикции с примерами оснований для отмены приговора суда и апелляционного определения (часть 2) за 2025 г. / Кассационное постановление Второго КСОЮ от 27.08.2025 года по делу № 77-2422/2025. URL : <https://fparf.ru/practical-information/ugolovnoe-sudoproizvodstvo/obzor-praktiki-kassatsionnykh-sudov-obshchey-yurisdiksii-s-primerami-osnova-niy-dlya-otmeny-prigovor>.
10. Шадрин В.С. Проблемы развития понятия и уголовно-процессуального статуса подозреваемого // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2007. № 18(90). С. 78–80. EDN: KWVKFB
11. Головки Л.В. Казахстан: десоветизация уголовного процесса [1] Статья 2. Унификация досудебного расследования // Уголовное судопроизводство. 2012. № 1. С. 11–14. EDN PIDYSL; Колесников К.В. К вопросу о дифференциации уголовно-процессуальной формы дознания и дознания в сокращённой форме; К.В. Колесников, В.А. Облицов, Ф.В. Юрастов // Эпомен. 2019. № 26. С. 116–122; Макогон И.В. Некоторые актуальные аспекты сравнительно правового анализа дознания и предварительного следствия в досудебном производстве России / И.В. Макогон, П.А. Михайлов // Евразийский юридический журнал. 2023. № 11(186). С. 343–344. EDN GTJHYR

References:

1. Cit. by: Gumerov T.A. Preliminary investigation on Russian Truth / journal. Kazan science. Kazan : Kazan Publishing House, 2013. № 6. P. 136–139. URL : https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1767275256&tld=ru&lang=ru&name=Predvaritelnoe_rassledovanie_po_Russkoj_Pravde_EDN:QSRQGV

2. Serov D.O. The first investigative bodies of Russia (1713–1723). The Russian investigator. 2014. № 14. P. 48–52. URL : <https://kchr.sledcom.ru/news/item/1637186> EDN: SJGSUD
3. The Statute of Criminal Procedure of 1864 Section II «On the preliminary investigation» (Article 265 of the Criminal Code). Tsarskoye Selo. 34 p. URL : <https://www.prlib.ru/item/372590>
4. Krakovsky K.P. Political inquiry in the second half of the XIX-early XX century // New perspective. 2012. № 5. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskoe-doznanie-vo-vtoroy-polovine-xix-nachale-hh-veka> EDN: RTNSVV
5. Criminal procedure : textbook / A.V. Smirnov, K.B. Kalinovsky; Under General editorship of Professor A.V. Smirnov. 4th ed., revised and add. M. : KNORUS, 2008. 704 p. ISBN: 978-5-390-00048-9
6. Ilyin A.V. Actual issues of a differentiated approach to the stage of preliminary investigation / A.V. Ilyin, A.A. Vagurina // Penitentiary law: legal theory and law enforcement practice. 2020. № 2(24). P. 55–59. EDN: ZOOHAL
7. «Sergey Lebedev summed up the results of the activities of the preliminary investigation bodies in the Ministry of Internal Affairs of Russia in 2023». 02.02.2024 information. from the website. URL : <https://мвд.рф/news/item/46714975>; «Sergey Lebedev summed up the activities of the preliminary investigation bodies in the Ministry of Internal Affairs of Russia in 2023». 02/04/2025. infor. from the website. URL : <https://мвд.рф/news/item/60923332?year=2025&month=4&day=1>
8. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 19.10.2010 № 1412-О-О «On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Firulev Alexander Andreevich for violation of his constitutional rights by Part six of Article 162 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70157194>
9. Review of the judicial practice of the cassation courts of general jurisdiction with examples of grounds for overturning the court's verdict and appeal ruling (Part 2) for 2025 / Cassation Ruling of the Second CCJ dated 08/27/2025 in case № 77-2422/2025. URL : <https://fparf.ru/practical-information/ugolovnoe-sudoproizvodstvo/obzor-praktiki-kassatsionnykh-sudov-obshchey-yurisdiktsii-s-primerami-osnovaniy-dlya-otmeny-prigovor>
10. Shadrin B.C. Problems of the development of the concept and criminal procedural status of a suspect // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2007. № 18(90). P. 78–80. EDN: KWVKFB
11. Golovko L.V. Kazakhstan: Desovetization of the criminal process[1] Article 2. Unification of pre-trial investigation // Criminal proceedings. 2012. № 1. P. 11–14. EDN PIDYSL; Kolesnikov K.V. On the issue of differentiation of criminal lawprocedural forms of inquiry and inquiry in abbreviated form / K.V. Kolesnikov, V.A. Oblitsov, F.V. Yurastov // Epom. 2019. № 26. P. 116–22; Makogon I.V. Some actual aspects of comparative legal analysis of inquiry and preliminary investigation in pre-trial proceedings in Russia / I.V. Makogon, P.A. Mikhailov // Eurasian Law Journal. 2023. № 11(186). P. 343–344. EDN GTJHYR

Информация об авторах

Гаевой Александр Иванович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры уголовно-процессуального права
и криминалистики,
Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева,
Северо-Кавказский филиал, г. Краснодар
ORCID: 0000-0002-4134-3101
sgaevoy@bk.ru

Alexander I. Gaevoy

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Criminal Procedure Law and Criminalistics,
Lebedev Russian State University of Justice,
North Caucasus branch, Krasnodar
ORCID: 0000-0002-4134-3101
sgaevoy@bk.ru

Мезина Валерия Владимировна

студентка,
Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева,
Северо-Кавказский филиал, г. Краснодар;
независимый исследователь
gaevoy@bk.ru

Valeria V. Mezina

Student,
Lebedev Russian State University of Justice,
North Caucasus branch, Krasnodar;
independent researcher
gaevoy@bk.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.12.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.01.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.01.2026.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-1-4>
УДК 343.985.3

Attribution
cc by

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ПАРАДИГМЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ

Гаевой А.И., Селяметов Г.О.

*Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева,
Северо-Кавказский филиал*

Аннотация. В рамках данной статьи авторами проводится сравнительно-правовой анализ содержания отдельных определений и положений, имеющих теоретико-прикладной характер, связанных с использованием в уголовном судопроизводстве России результатов оперативно-разыскной деятельности. Авторы предлагают критически подходить к вопросу о признании их в качестве самостоятельных доказательств по уголовному делу, обосновывая свои доводы разъяснениями Конституционного и Верховного Суда Российской Федерации, а также положениями Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД»¹).

Ключевым моментом данного исследования являются предложения авторов по внесению изменений в отдельные нормы статей Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ²) с целью устранения правовой неопределенности института использования результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовном судопроизводстве, существующие в законодательстве на данный момент.

Основываясь на общенаучных, логических, сравнительно-правовых и эклектичных методах научного исследования авторы преследуют своей целью:

изучить и подвергнуть сравнительно-правовому анализу существующие положения ст. 11 ФЗ «Об ОРД» и ст. 140–144 УПК РФ в контексте признания результатов ОРД в качестве самостоятельных поводов и оснований для возбуждения уголовного дела;

– изучить и подвергнуть сравнительно-правовому анализу существующие положения ст. 73–89 УПК РФ, ст. 11 ФЗ «Об ОРД», а также разъяснений Конституционного и Верховного Судов РФ относительно места роли результатов ОРД в процессе доказывания;

– сформулировать предложения по внесению изменений и дополнений в отдельные нормы статей УПК РФ.

Ключевые слова: ОРД, результаты ОРД, уголовно-процессуальная деятельность, поводы и основания для возбуждения уголовного дела процессуальный статус результатов ОРД, доказательства.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

RESULTS OF OPERATIONAL-INVESTIGATIVE ACTIVITIES, THEIR LEGAL NATURE, PLACE AND ROLE IN CRIMINAL PROCEEDINGS: MODERN PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Alexander I. Gaevoy, German O. Selyametov

Lebedev Russian State University of Justice, North Caucasus branch

Abstract. Within the framework of this article, the authors conduct a comparative legal analysis of the content of certain definitions and provisions of a theoretical and applied nature, related to the use of the results of operational-investigative activities in criminal proceedings in Russia. The authors propose a critical approach to the issue of recognizing them as independent evidence in a criminal

¹ Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (последняя ред.) «Об оперативно-разыскной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // портал справочно-правовой информации. URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481

case, substantiating their arguments with clarifications from the Constitutional Court and the Supreme Court of the Russian Federation, as well as the provisions of the Federal Law «On Operational-Investigative Activities» (hereinafter – FL «On OIA»).

The key point of this research is the authors' proposals for amending certain norms of the articles of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter – CPC RF) in order to eliminate the legal uncertainty of the institute of using the results of operational-investigative activities in criminal proceedings, which currently exists in the legislation.

Based on general scientific, logical, comparative legal, and eclectic methods of scientific research, the authors pursue the following goals:

- to study and subject to comparative legal analysis the existing provisions of Article 11 of FL «On OIA» and Articles 140–144 of the CPC RF in the context of recognizing the results of OIA as independent grounds for initiating a criminal case;
- to study and subject to comparative legal analysis the existing provisions of Articles 73–89 of the CPC RF, Article 11 of FL «On OIA», as well as clarifications from the Constitutional Court and the Supreme Court of the Russian Federation regarding the place and role of OIA results in the proof process;
- to formulate proposals for amendments and additions to certain norms of the CPC RF articles.

Keywords: Operational-Search Activity (OSA), results of OSA, criminal procedure activity, grounds and reasons for initiating a criminal case, procedural status of OSA results, evidence.

Funding: Independent work.

Введение.

Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве относятся к числу наиболее обсуждаемых не только среди ученых-процессуалистов, но и практиков. Им было посвящено достаточно большое количество научных исследований, причем не только в теории уголовно-процессуальной науки, но и криминалистики. Об этом свидетельствует достаточно внушительный перечень кандидатских диссертаций, монографий, учебных пособий и научных статей. И, тем не менее, вопрос об их статусе, месте и назначении в судопроизводстве, по-прежнему остается открытым. В то же время, в федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» [2], в отличие от уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1], ситуация с разрешением данного вопроса, на наш взгляд, развивается куда более благополучно. Так, в части ст. 11 ФЗ «Об ОРД» сказано, что результаты оперативно-розыскной деятельности «...могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, а в части второй той же статьи – «... могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, <...>, а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств...», а в части 1, сказано, что они же могут быть (Выдел. Нами – А.Г., и Г.С.).

Обсуждение.

Хотелось бы заметить, что в содержании ст. 140 УПК РФ «Поводы и основания для возбуждения уголовного дела» прямое указание об их исполь-

зовании в качестве поводов и оснований для возбуждения уголовного дела отсутствует, правоприменитель же по уже сложившейся практике результаты ОРД относит к поводам, закрепленным в пункте 3 ст. 140 УПК РФ «сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников» (Выдел. Нами – А.Г., и Г.С.), что не раскрывает их истинной сущности и порядок введения в уголовное судопроизводство.

Напомним, что результаты ОРД, до настоящего времени представляются дознавателю, следователю и суду на основании «Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» (Далее – Инструкция), утвержденной совместным Приказом МВД России, Министерства обороны РФ, ФСБ России, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета РФ 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 от 27 сентября 2013 г. [3]. Иными словами, законодателем и правоприменителем в качестве законного основания предоставления и использование результатов ОРД допускается постановление руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, в порядке, предусмотренном ведомственными нормативными актами [4].

Таким образом, можно констатировать наличие правовой неопределенности оснований использования результатов ОРД в уголовном судопроизводстве, уже только на том основании, что они являются результатом не процессуальной, а оперативно - розыскной деятельности, которая в отличие от первой, осуществляется в том числе

и, на «...принципах конспирации, сочетания гласных и негласных методов и средств...» (ст. 3 ФЗ «Об ОРД» (Выдел. Нами – А.Г., и Г.С.)), что, согласитесь, не всегда позволяет официально проверить достоверность происхождения их источников, как собственно и законность применяемых методов и средств [2].

Следующим моментом, на котором хотелось бы остановить свое внимание, является то, что результаты ОРД, по мнению законодателя, могут использоваться «...в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации регламентирующими собрание, проверку и оценку доказательств...» (Выдел. Нами – А.Г., и Г.С.). Понимая, что собрание доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства по уголовному делу, но не в рамках осуществления оперативно-розыскных мероприятий, как это закреплено в части первой статьи 86 УПК РФ; к тому же, в качестве субъектов доказывания признаются не сотрудники оперативных подразделений (органов внутренних дел Российской Федерации, органов федеральной службы безопасности, федерального органа исполнительной власти в области государственной охраны, таможенных органов Российской Федерации, службы внешней разведки Российской Федерации, федеральной службы исполнения наказаний), кому такое исключительное право предоставляет ФЗ «Об ОРД», а дознаватели и следователи, а также прокурор и суд. Кроме того, собираются доказательства посредством производства следственных и иных процессуальных действий. Отсюда возникает вполне логичный вопрос: «А могут ли оперативно-розыскные мероприятия относиться к «иным процессуальным действиям» или нет? Как видим, вопрос остается открытым. К тому же, и существующее содержание ст. 89 УПК РФ «Использование результатов оперативно-розыскной деятельности» не дает прямого ответа на данный вопрос. Говоря о статусе результатов ОРД, в процессе доказывания по уголовному делу хотелось бы напомнить, что Конституционный Суд РФ в описательном мотивировочной части своего Определения № 1076-О от 30 мая 2023 г. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Иванова Сергея Вячеславовича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 286 Уголовного кодекса РФ, а также частью четвертой статьи 11 и статьей 15 Федерального закона «Об Оперативно-розыскной деятельности», мотивируя свой отказ, указал на то, что «... результаты оперативно-розыскных мероприятий являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований Закона об оперативно-розыскной деятельности, могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем...» [4].

Свою позицию по данному вопросу высказал и Верховный Суд РФ, в частности, в Постановле-

нии Пленума Верховного Суда № 55 от 29 ноября 2016 года «О судебном приговоре» в пункте девятом Суд указал на то, что «...использование в качестве доказательств по уголовному делу результатов оперативно-розыскных мероприятий возможно только в том случае, когда такие мероприятия проведены для решения задач, указанных в статье 2 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», при наличии оснований и с соблюдением условий, предусмотренных статьями 7 и 8 указанного Федерального закона, а полученные сведения представлены органам предварительного расследования и суду в установленном порядке и закреплены путем производства соответствующих следственных или судебных действий...». Например, произведенные аудио- и видеозаписи, изъятые предметы и документы должны быть осмотрены и приобщены к делу; обнаруженные вещества – подвергнуты экспертному исследованию; лица, участвовавшие в проведении оперативно-розыскных мероприятий, – при необходимости допрошены в качестве свидетелей...» [5].

Результаты.

Таким образом, с учетом указанных позиций Конституционного и Верховного Суда РФ, предлагаем с целью устранения существующей правовой неопределенности результатов ОРД в уголовном судопроизводстве внести изменения и дополнения в существующие нормы уголовно-процессуального кодекса РФ:

Ст. 5 УПК РФ пункт 36.1 необходимо дополнить вторым абзацем в котором, используя положения статьи 11 ФЗ «Об ОРД» закрепить область применения результатов ОРД, изложив ее следующим образом: Результаты оперативно-розыскной деятельности могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, представляться в орган дознания, следователю или в суд, в производстве которого находится уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении, а также для использования в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими собрание, проверку и оценку доказательств, для подготовки и осуществления следственных и судебных действий и в иных случаях, установленных настоящим Федеральным законом.

В-третьем абзаце пункта 36.1 статьи 5 УПК РФ необходимо указать законный способ представления результатов ОРД дознавателю, следователю и суду, сформулировав его следующим образом:

Представление результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суде осуществляется на основании постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, с соблюдением требований, предусмотрен-

ренных федеральным законом «Об оперативно-разыскной деятельности», а также ведомственных нормативных правовых актов.

Содержание статьи 89 УПК РФ «использование результатов оперативно-разыскной деятельности» изменить, изложив его с учетом рекомендаций ВС РФ...» [5] в следующем содержании:

Использование результатов оперативно-разыскной деятельности в доказывании осуществляется дознавателем, следователем или судом в случае, когда оперативно-разыскные мероприятия проводились для решения задач, указанных в статье 2 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности», при наличии оснований и с соблюдением условий, предусмотренных статьями 7 и 8 указанного Федерального закона, а полученные сведения представлены органам предварительного расследования и суду в установленном порядке и закреплены путем производства соответствующих следственных или судебных действий.

В часть первую статьи 140 УПК РФ предлагаем включить в часть первую пункт 5 изложив его в следующем содержании:

— результаты оперативно-разыскной деятельности.

В содержание статьи 164 УПК РФ следует дополнить часть.4.2., изложив его в следующем содержании: При подготовке и производстве следственного действия могут быть использованы результаты оперативно-разыскной деятельности, предоставленные дознавателю или следователю на основании постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, с соблюдением требований, предусмотренных настоящим кодексом, а также федеральным законом «Об оперативно-разыскной деятельности» и ведомственных нормативных правовых актов.

Заключение.

Резюмируя выше изложенное, авторы выражают надежду на то, что высказанные ими предложения, по дальнейшему совершенствованию института использования результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовном судопроизводстве, с пониманием будут восприняты не только научной общественностью, но и законодателем.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025). // СПС «КонсультантПлюс». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481
2. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (последняя ред.) «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс. URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519
3. Приказ МВД России, Министерства обороны РФ, ФСБ России, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета РФ от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68. «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» // Портал справочно-правовой информации «Гарант». URL : <https://base.garant.ru/70531824>
4. Определение Конституционного Суда РФ от 30.05.2023 № 1076-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Иванова Сергея Вячеславовича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также частью четвертой статьи 11 и статьей 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». URL : <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-30052023-n-1076-o>
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебном приговоре» № 55 от 29 ноября 2016 года // СПС «КонсультантПлюс». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207874

References:

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation № 174-FZ of December 18, 2001 (as amended on October 27, 2025) // SPS «ConsultantPlus». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481
2. Federal Law № 144-FZ of August 12, 1995 (latest edition) «On Operational-Investigative Activities» // SPS «ConsultantPlus». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519

3. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ministry of Defense of the Russian Federation, FSB of Russia, Federal Protective Service of the Russian Federation, Federal Customs Service, Foreign Intelligence Service of the Russian Federation, Federal Penitentiary Service, Federal Service of the Russian Federation for Drug Control, Investigative Committee of the Russian Federation № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 of September 27, 2013. «On Approval of the Instruction on the Procedure for Presenting the Results of Operational-Investigative Activities to the Inquiry Body, Investigator, or Court» // Legal Reference Information Portal «Garant». URL : <https://base.garant.ru/70531824>
4. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation № 1076-О of May 30, 2023 «On Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Ivanov Sergey Vyacheslavovich Regarding the Violation of His Constitutional Rights by Parts One and Two of Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as Part Four of Article 11 and Article 15 of the Federal Law «On Operational-Investigative Activities». URL : <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-30052023-n-1076-o>
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation «On the Court Verdict» № 55 of November 29, 2016 // SPS «ConsultantPlus». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207874

Информация об авторах

Гаевой Александр Иванович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры уголовно-процессуального права
и криминалистики,
Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева,
Северо-Кавказский филиал, г. Краснодар
ORCID: 0000-0002-4134-3101
sgaevoy@bk.ru

Alexander I. Gaevoy

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Criminal Procedure Law and Criminalistics,
Lebedev Russian State University of Justice,
North Caucasus branch, Krasnodar
ORCID: 0000-0002-4134-3101
sgaevoy@bk.ru

Селяметов Герман Олегович

студент 5 курса очной формы обучения
факультета подготовки специалистов
для судебной системы,
Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева,
Северо-Кавказский филиал, г. Краснодар
gselyametov12q@mail.ru

German O. Selyametov

5th-year full-time Student,
Faculty of Training Specialists
for the Judicial System,
Lebedev Russian State University of Justice,
North Caucasus branch, Krasnodar
gselyametov12q@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.12.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.01.2026.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.01.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-1-7>
УДК 343.214

Attribution
cc by

ОБЪЕКТИВНЫЙ И СУБЪЕКТИВНЫЙ ЭКСЦЕСС СОУЧАСТНИКА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Гюлбанкян А.А.

прокуратура города Энергодара Запорожской области

Аннотация. Цель работы состоит в том, чтобы теоретически обосновать и на конкретных примерах подтвердить, что эксцесс соучастника имеет не только объективные, но и субъективные проявления. Методология исследования: общенаучные и частнонаучные методы, традиционные для юридических исследований (анализ и синтез, методология системного подхода, формально-логический метод, исследование документов и др.). Результаты исследования: в зависимости от формы проявления эксцесса предложено выделять: а) эксцесс соучастника в части объективных признаков преступления (объективный эксцесс), который имеет внешние, видимые проявления (посягательство на новый или дополнительный объект, увеличение количества потерпевших, предметов преступления, иной способ совершения преступления, другая форма соучастия, возрастание ущерба и т.п.); б) эксцесс соучастника в части мотива и (или) цели совершения преступления (субъективный эксцесс), который не отражается на объективных характеристиках совместно совершенного преступления. В статье анализируются доктринальные и правоприменительные подходы к уголовно-правовой оценке субъективного эксцесса, допущенного исполнителем и иными соучастниками преступления, обсуждаются трансформации правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации относительно квалификации субъективного эксцесса.

Ключевые слова: эксцесс исполнителя преступления, эксцесс соучастника, объективный эксцесс соучастника, субъективный эксцесс соучастника.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

OBJECTIVE AND SUBJECTIVE EXCESSES OF AN ACCOMPLICE TO A CRIME

Aram A. Gulbankyan

Prosecutor of the city of Energodar, Zaporizhia region

Abstract. The objective of the work is to theoretically substantiate and confirm with specific examples that the excess of an accomplice has not only objective but also subjective manifestations. Research methodology: general scientific and specific scientific methods traditional for legal research (analysis and synthesis, systems approach methodology, formal-logical method, document examination, etc.). Research results: depending on the form of manifestation of the excess, it is proposed to distinguish: a) the excess of an accomplice in terms of objective elements of a crime (objective excess), which has external, visible manifestations (encroachment on a new or additional object, an increase in the number of victims, objects of the crime, a different method of committing a crime, a different form of complicity, an increase in damage, etc.); b) the excess of an accomplice in terms of the motive and (or) the purpose of committing a crime (subjective excess), which is not reflected in the objective characteristics of the jointly committed crime. This article analyzes doctrinal and law enforcement approaches to the criminal-law assessment of subjective excess committed by the perpetrator and other accomplices to a crime, and discusses the evolution of the Supreme Court of the Russian Federation's legal positions regarding the classification of subjective excess.

Keywords: perpetrator excess, accomplice excess, objective accomplice excess, subjective accomplice excess.

Funding: Independent work.

Введение.

В подавляющем большинстве случаев представители уголовно-правовой доктрины рассматривают эксцесс исполнителя и иных соучастников преступления исключительно в объективной плоскости, полагая, что таковой всегда выражается в совершении конкретных действий (акта бездействия), которые не охватываются умыслом иных соучастников. В свое время эту позицию очень четко обозначил Г.Ф. Бурчак, подчеркнув, что при эксцессе «отклонения деятельности исполнителя от того, к чему он был определен соучастниками, ... возможны лишь в сфере объективной. Иными словами, отклонение деятельности исполнителя от того, к чему его склонили организатор или подстрекатель, либо чему оказывал содействие пособник, возможно лишь в части объекта или объективной стороны состава преступления». В другом месте своей монографии Г.Ф. Бурчак пишет: «Эксцессом исполнителя называются случаи, когда он:

а) посягает не на тот объект, который охватывался умыслом организатора, подстрекателя или пособника;

б) совершает не те действия, к которым его склоняли организатор, подстрекатель или которым содействовал пособник» [1, с. 204–205, 207].

Проще говоря, при этом подходе эксцесс соучастника обязательно должен иметь внешнее проявление, которое можно увидеть, зафиксировать объективно. В таком случае критериями эксцесса выступают посягательство на новый или дополнительный объект, увеличение количества потерпевших, номенклатуры или числа предметов преступления, более интенсивный способ совершения преступления, совершение преступления в более опасной форме соучастия, возрастание ущерба и другие объективные обстоятельства, выходящие за рамки общего умысла соучастников.

Представляется, что такой подход безосновательно сужает спектр возможных проявлений эксцесса соучастника преступления. В настоящей статье выдвинута гипотеза о том, что эксцесс соучастника может иметь не только объективные, но и субъективные проявления.

Результаты.

Эта гипотеза имеет эмпирическое и теоретической подтверждение. Как показывает практика, расхождение в объеме умысла соучастников может наблюдаться не только в части объективных характеристик совместно совершенного преступления, но и в части его субъективных параметров.

Простой пример. А. решил убить Б. из корыстных побуждений – чтобы не отдавать ему долг. В качестве пособника он привлек В., при этом скрыл от В. истинные мотивы своих действий, сообщив ему, что убийство обусловлено местью.

В., руководствуясь личной неприязнью к потерпевшему, оказал содействие в убийстве (доставил А. к месту совершения преступления на автомобиле и увез его после убийства).

Полагаем, что в приведенном примере прослеживаются все признаки эксцесса исполнителя. Исполнитель совершил преступление, которое охватывалось умыслом пособника не в полном объеме. В соответствии с достигнутым соглашением пособник оказал исполнителю содействие в совершении убийства, не зная при этом о корыстных побуждениях исполнителя, которые повышают общественную опасность содеянного. Иными словами, умыслом пособника не охватывалось квалифицирующее обстоятельство совершенного убийства, относящееся к субъективной стороне преступления, что исключает возможность вменения этого квалифицирующего признака пособнику.

При этом специфика рассматриваемой ситуации заключается в том, что с объективной точки зрения исполнитель за рамки договоренности, достигнутой с пособником, не вышел. Он исполнил то самое деяние, о котором сговорился с пособником (убийство конкретного потерпевшего), но совершил его с субъективной «окраской», о которой пособник не знал, при наличии квалифицирующего обстоятельства, относящегося к мотиву преступления.

Приведенный пример наглядно демонстрирует, что эксцесс исполнителя (равно как и иного соучастника) преступления может проявиться не только в объективной плоскости, но и в плоскости субъективной.

Таким образом, в зависимости от формы проявления можно выделить:

1) эксцесс соучастника в части объективных признаков преступления (для краткости можно именовать этот эксцесс «объективным»);

2) эксцесс соучастника в части мотива и (или) цели совершения преступления («субъективный» эксцесс).

При этом, конечно же, не стоит забывать о неразрывной связи объективных и субъективных признаков преступления. Нужно учитывать, что мотивы и цели лица только тогда приобретают уголовно-правовое значение, когда они получили внешнее выражение, т.е. воплотились вовне в конкретном преступном деянии. Следовательно, в понятие «субъективный» эксцесс соучастника изначально заложена определенная доля условности, ведь этот эксцесс в конечном итоге воплощается во внешнем поведении соучастника.

Тем не менее, даже несмотря на отмеченную условность, разграничение объективного и субъективного эксцесса соучастника преступления представляется полностью оправданным. Введение этих понятий в научный оборот позволяет углубить доктринальные представления об экс-

цессе исполнителя и иных соучастников преступления, вынуждает пересмотреть устоявшиеся подходы, которые не соответствуют действительности, и признать, что эксцесс может проявляться не только на объективном, но и на субъективном уровнях.

В дальнейшем изложении понятием «объективный эксцесс соучастника» мы будем обозначать такой эксцесс, который имеет внешние, видимые проявления (посягательство на новый или дополнительный объект, увеличение количества потерпевших, предметов преступления, иной способ совершения преступления, другая форма соучастия, возрастание ущерба и т.п.). Соответственно, субъективным будет называться эксцесс, который проявился исключительно на уровне мотива и (или) цели действий соучастника, но не отразился при этом на объективных характеристиках совместно совершенного преступления. Например, исполнитель убийства, скрывший от пособника истинный мотив преступления — кровную месть, в объективном плане от сговора не отступает — убивает того же потерпевшего, тем же способом, пользуясь при этом содействием пособника. Эксцесс здесь проявляется лишь в субъективной плоскости, а именно в том, что умыслом пособника не охватывается мотив исполнителя, имеющий квалифицирующее значение (п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Если же неизвестные иным соучастникам мотив и (или) цель исполнителя изменяют объективные параметры деяния, то такой эксцесс нельзя считать исключительно субъективным. Например, А. склонил Б. к совместному совершению убийства, не поставив его в известность о том, что потерпевший является следователем, а посягательство на его жизнь нацелено на воспрепятствование предварительному расследованию. После этого они убили потерпевшего. В этом случае эксцесс со стороны первого соисполнителя в части цели совершения убийства неизбежно порождает эксцесс и в части объекта преступления (преступление посягает не только на жизнь человека, но и на интересы правосудия). Получается, что в рассматриваемой ситуации эксцесс соисполнителя имеет объективно-субъективный, т.е. смешанный характер.

Мнение юридической доктрины относительно уголовно-правовой оценки субъективного эксцесса исполнителя можно признать консолидированным и вполне однозначным. В теории уголовного права считается общепризнанным, что «для одинаковой квалификации действий исполнителя и других соучастников не требуется совпадения мотивов и целей, усиливающих ответственность, но обязательной является осведомленность других соучастников о том, что исполнитель преступления совершает его по указанным в законе мотивам либо со специальной целью» [2, с. 47-48; 4, с. 86; 8, с. 189]. При наличии такой осведомленности мы констатируем, что умыслом соучастника охватывались специаль-

ные (т.е.отягающие) мотив или цель исполнителя, а это, в свою очередь, требует вменения соответствующего квалифицирующего признака соучастнику. Иллюстрируя это правило примером, А.И. Рарог справедливо указывает, что «действия лица, помогающего совершить убийство, должны квалифицироваться как пособничество убийству из корыстных побуждений, если их наличие у исполнителя охватывалось сознанием пособника, хотя сам пособник действовал из ревности или мести» [7, с. 236]. И наоборот: если мотив исполнителя, указанный в статье Особенной части УК РФ в качестве квалифицирующего обстоятельства, не охватывался умыслом других соучастников, то этот «эксцессный» мотив не должен вменяться соучастнику.

Это правило квалификации подтверждено Верховным Судом Российской Федерации, который неоднократно обращал внимание нижестоящих судов на то, что «квалифицирующие признаки состава преступления могут вменяться соучастникам только при условии установления у них умысла в отношении этих признаков» (определение № 4-014/03 по делу Стороцука и других: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за I квартал 2004 года).

Длительное время Верховный Суд Российской Федерации руководствовался позицией, согласно которой на квалификацию действий соучастников могут оказывать влияние мотивы и цели лишь исполнителя преступления, но не иных соучастников. Субъективный эксцесс со стороны иных соучастников преступления высшая судебная инстанция игнорировала, полагая, что мотивы и цели организатора, подстрекателя, пособника не имеют значения для квалификации преступления, если эти мотивы и цели у исполнителя преступления отсутствовали.

Весьма показательным в этом отношении можно считать решение Верховного Суда Российской Федерации по делу Ведерникова. Вердиктом коллегии присяжных заседателей Ведерников признан виновным в том, что он, зная о беременности П. и намереваясь завладеть ее деньгами, склонил другое лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство, к убийству потерпевшей, пообещав исполнителю заплатить денежное вознаграждение и не требовать от него возврата долга. Исполнитель убил П.

Из вердикта следует, что Ведерников, склоняя исполнителя к убийству П., не говорил ему, что намерен завладеть деньгами П., не предлагал ему совместно завладеть этими деньгами, не ставил исполнителя убийства в известность и о том, что потерпевшая находится в состоянии беременности, не подстрекал его к убийству беременной женщины. Осведомленность исполнителя убийства о беременности П. также не установлена вердиктом. Вердиктом установлено, что исполнитель преступления руководствовался только стремлением получить у Ведерникова

вознаграждение и освободиться от возврата долга в такой же сумме.

Приговором суда первой инстанции Ведерников был осужден за подстрекательство к убийству женщины, находящейся в состоянии беременности, из корыстных побуждений, по найму (ч. 4 ст. 33, п. «г», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с такой квалификацией, исключила из приговора осуждение Ведерникова по ч. 4 ст. 33, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ и указание суда на совершение убийства из корыстных побуждений. В обоснование этого решения Судебная коллегия указала, что, «исходя из взаимосвязанных положений части 4 ст. 33 УК РФ и части 3 ст. 34 УК РФ, в силу того, что подстрекатель непосредственно не выполняет объективную сторону преступления, он несет уголовную ответственность за то преступление, к совершению которого он склонил исполнителя, но со ссылкой на ст. 33 УК РФ. *В этой связи обстоятельства, хотя и известные подстрекателю, но не охватываемые умыслом исполнителя, не могут признаваться квалифицирующими признаками преступления, инкриминируемого как исполнителю, так и подстрекателю. ... При этом мотив, которым руководствовался подстрекатель убийства, не влияет на квалификацию убийства, совершенного по найму. ...* В связи с тем, что Ведерников не являлся исполнителем убийства, наличие у него корыстных побуждений и его осведомленность о беременности П. не могут учитываться при квалификации его действий» (апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 18.11.2013 № 33-АПУ13-18сп).

Таким образом, высшая судебная инстанция решила, что субъективный эксцесс подстрекателя не влияет на квалификацию его действий.

Аналогичная позиция отражена в решении высшего судебного органа по делу Кикова и Братова: «... *обстоятельства, хотя и известные организатору, но не охватываемые умыслом исполнителя, не могут признаваться квалифицирующими признаками преступления, инкриминируемого как исполнителю, так и организатору.* При таких обстоятельствах действия исполнителя преступления Братова правильно квалифицированы судом как убийство по найму. В связи с тем, что Киков не являлся исполнителем убийства, и наличие у него корыстных побуждений не могло учитываться при квалификации его действий, он должен нести ответственность за организацию убийства по найму, то есть, только по тому мотиву, который воспринят и реализован исполнителем» (апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.02.2017 № 30-АПУ17-1СП).

Надо признать, что вышеизложенный подход снискал немало сторонников в уголовно-правовой доктрине. Так, например, Ю.Е. Пу-

довочкин считает, что «когда исполнитель преступления не осведомлен об имеющих квалификационное значение мотивах организатора, таковые мотивы не могут быть ему вменены, а в силу начал акцессорности соучастия они не могут быть вменены и самому организатору преступления» [6, с. 26–27]. Аналогичные доводы приводит П.С. Яни, который убежден в том, что «нормы Общей части Уголовного кодекса не допускают вменения соучастнику собственного мотива, отличающегося от мотива исполнителя. Также важный довод в пользу данного заключения состоит в том, что квалифицирующие признаки всякого преступного деяния «окрашивают» только деяние исполнителя. Возможность их вменения исключительно организатору, подстрекателю либо пособнику уголовного закон не предусматривает» [9, с. 50-54; 10, с. 42–45].

В основу этих рассуждений положены акцессорные представления об ответственности соучастников, в силу которых квалификация действий исполнителя оказывает определяющее влияние на уголовно-правовую оценку действий иных соучастников [5, с. 39–42]. В этой акцессорной парадигме на первый план выходят мотивы и цели, которыми руководствовался исполнитель. Соответственно, при таком подходе личные мотивы и цели организатора, подстрекателя, пособника, не совпадающие с субъективной стороной деяния, осуществленного исполнителем, полностью утрачивают квалифицирующее значение. В результате получается, что субъективный эксцесс исполнителя (например, когда он совершает преступление с квалифицированным мотивом, не известным иным соучастникам) оценивается по правилам ст. 36 УК РФ, а субъективный эксцесс организатора, подстрекателя или пособника с точки зрения квалификации их действий признается юридически ничтожным.

В 2017 г. Верховный Суд Российской Федерации существенно пересмотрел подход к квалификации субъективного эксцесса, допущенного соучастниками, которые не выполняли объективную сторону преступления. Толчком к пересмотру сложившейся судебной практики послужило известное уголовное дело в отношении Гамзатова.

Фабула уголовного дела в кратком изложении такова. Гамзатов организовал убийство своей жены с целью сокрытия ранее совершенного преступления (развратных действий в отношении ее дочери от первого брака). В качестве исполнителя Гамзатов привлек своего двоюродного брата М., скрыв при этом от исполнителя истинную цель своих действий. В результате М. убил жену Гамзатова, руководствуясь мотивом мести за ее аморальное поведение.

Суд первой инстанции квалифицировал действия исполнителя М. по ч. 1 ст. 105 УК РФ, а действия Гамзатова – по ч. 3 ст. 33, п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ как организацию убийства с целью сокрытия другого преступления.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации с такой квалификацией не согласилась, сославшись на то, что «мотив (с целью скрыть другое преступление), которым в действительности руководствовался организатор убийства – Гамзатов, был скрыт от исполнителя М., и, следовательно, мотив Гамзатова в данном случае не влияет на правовую квалификацию его действий, поскольку он (Гамзатов) исполнитель М. к квалифицированному убийству не склонялся». На этом основании Судебная коллегия переквалифицировала действия Гамзатова на ч. 3 ст. 33, ч. 1 ст. 105 УК РФ, т.е. реализовала тот же акцессорный подход, что и в решениях по делам Ведерникова и Кикова.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации не согласился с позицией Судебной коллегии и отменил вынесенное ею апелляционное определение. Как указал Президиум, «Судебная коллегия при решении вопроса о переквалификации действий организатора преступления исходила из того, что ч. 3 ст. 34 УК РФ независимо от обстоятельств, относящихся к организатору преступления (в том числе независимо от направленности умысла, от мотива, цели его действий), предполагает квалификацию содеянного им по той же норме уголовного закона, что и действия исполнителя. Однако такой вывод сделан без надлежащего анализа норм уголовного закона и без учета ряда обстоятельств, имеющих значение для правильной правовой оценки содеянного. Указанную норму уголовного закона (ч. 3 ст. 34 УК РФ) при квалификации действий организатора преступления следует истолковывать во взаимосвязи с положениями ст. 5, ч. 1 ст. 34, ч. 5 ст. 34, ст. 36 УК РФ. По смыслу ч. 3 ст. 34 УК РФ юридическая оценка действий организатора, подстрекателя, пособника производна от квалификации действий исполнителя преступления при наличии у них всех единого умысла на совершение конкретного преступления и при совершении исполнителем именно этого преступления. Нормы действующего уголовного закона не препятствуют квалификации действий соучастников и исполнителей преступления по разным статьям и разным частям одной и той же статьи Особенной части УК РФ в зависимости в том числе от мотива их преступного поведения, от целей, которые они преследовали, участвуя в преступлении. В соответствии с ч. 1 ст. 5 УК РФ лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные

последствия, в отношении которых установлена его вина. Данные обстоятельства не были учтены судом апелляционной инстанции при истолковании и применении положений ч. 3 ст. 34 УК РФ, что повлекло за собой существенное фундаментальное нарушение уголовного закона (неправильное его применение), повлиявшее на юридическую квалификацию действий осужденного, а значит, и на исход уголовного дела в отношении его» (постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 29.03.2017 № 27-П17).

В последующем этот подход был реализован в решении высшего судебного органа по делу Брозанского. Не соглашаясь с доводами кассационной жалобы, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что «юридическая оценка действий С.А. Брозанского по ч. 3 ст. 33, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ как организация совершения убийства из корыстных побуждений, по найму, является правильной. *Не ставят ее под сомнение и доводы осужденного о том, что он не сообщал исполнителю преступления свои мотивы для убийства К.*» (кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.04.2023 № 53-УД23-5-А5).

Заключение.

Представляется, что новый подход Верховного Суда Российской Федерации к уголовно-правовой оценке эксцесса соучастника в части мотива или цели совершения преступления заслуживает полной поддержки. Во-первых, он позволяет реализовать требования субъективного вменения при квалификации действий всех соучастников преступления, не ограничивая сферу его применения исключительно исполнением преступления. Во-вторых, рассматриваемая правовая позиция высшей судебной инстанции расширяет «сферу приложения» отраженного в ст. 36 УК РФ правила об эксцессе, подтверждая доктринальные выводы о том, что оно должно применяться не только к эксцессу исполнителя, но и к эксцессу иных соучастников [3, с. 50–51]. В-третьих, новый подход к квалификации эксцесса организатора, подстрекателя и пособника в части мотива или цели совершения преступления представляется намного более выигрышным в правоприменительном плане, чем прежняя позиция, основанная на строгой акцессорности ответственности соучастников.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Бурчак Ф.Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву. К., 1969.
2. Гришаев П.И. Соучастие по советскому уголовному праву / П.И. Гришаев, Г.А. Кригер. М., 1959.
3. Капинус О.С. Экссесс исполнителя и иных соучастников преступления: проблемы квалификации / О.С. Капинус, К.В. Ображиев // Уголовное право. 2018. № 2. EDN: ХОЕКCD
4. Корнеева А.В. Теория квалификации преступлений : учеб. пособие для магистров. М. : Проспект, 2014.
5. Ображиев К.В. Институт соучастия в преступлении: современные тенденции развития // Российский следователь. 2024. № 1. DOI: 10.18572/1812-3783-2024-1-39-42 EDN: WPSXAF
6. Пудовочкин Ю.Е. Квалификация соучастия в преступлении. Судебная практика: Научно-практическое пособие. М. : Российский государственный университет правосудия, 2017.
7. Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. ISBN: 5-94201-124-9 EDN: XUASAX
8. Семернева Н.К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная): Научно-практическое пособие. М. : Проспект; Екатеринбург; Уральская государственная юридическая академия, 2014.
9. Яни П.С. Мотив соучастника // Законность. 2019. № 8. EDN: ВНЖМКТ
10. Янковский Д.А. Акцессорная природа соучастия и ее влияние на наказуемость соучастников // Российский следователь. 2021. № 6. DOI: 10.18572/1812-3783-2021-6-42-45 EDN: KEVMNC

References:

1. Burchak F.G. The doctrine of complicity under Soviet criminal law. K., 1969.
2. Grishaev P.I. Complicity in Soviet criminal law / P.I. Grishaev, G.A. Krieger. M., 1959.
3. Kapinus O.S., Obrazhiev K.V. Excess of the perpetrator and other accomplices of the crime: problems of qualification // Criminal law. 2018. № 2. EDN: ХОЕКCD
4. Korneeva A.V. Theory of crime qualification : textbook for psychiatrists. M. : Prospekt Publ., 2014.
5. Obrazhiev K.V. Institute of complicity in crime: current development trends // A Russian investigator. 2024. № 1. DOI: 10.18572/1812-3783-2024-1-39-42 EDN: WPSXAF
6. Pudovochkin Yu.E. Qualification of complicity in a crime. Judicial practice: A scientific and practical guide. M. : Russian State University of Law, 2017.
7. Rarog A.I. Qualification of crimes on subjective grounds. SPb. : Publishing House «Legal Center Press», 2002. ISBN: 5-94201-124-9 EDN: XUASAX
8. Semerнева N.K. Qualification of crimes (General and Special parts): A scientific and practical guide. M. : Prospekt; Yekaterinburg; Ural State Law Academy, 2014.
9. Yani P.S. Motive of an accomplice // Legality. 2019. № 8. EDN: ВНЖМКТ
10. Yankovsky D.A. The accessory nature of complicity and its impact on the punishability of accomplices // Russian Investigator. 2021. № 6. DOI: 10.18572/1812-3783-2021-6-42-45 EDN: KEVMNC

Информация об авторе

Гюлбанкян Арам Артурович
кандидат юридических наук,
помощник прокурора города Энергодара
Запорожской области
aram.gyulbankyan@inbox.ru

Aram A. Gulbankyan
Candidate of Legal Sciences,
Assistant Prosecutor of the city of Energodar,
Zaporizhia region
aram.gyulbankyan@inbox.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 24.11.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.01.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.01.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-1-10>

УДК 378.1:005.8:330.342.14

Attribution

cc by

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ЭКСПЕРТНОГО МОНИТОРИНГА ДЛЯ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Карпов А.В.¹, Ганеев А.Р.², Булаева Н.А.³

¹ООО «Академия СЭТ»,

^{2, 3}Российская академия образования

Аннотация. Статья посвящена разработке и обоснованию методического аппарата экспертного мониторинга хода и результатов реализации мероприятий государственных программ в сферах образования и международного гуманитарного сотрудничества, финансируемых за счет средств грантов в форме субсидий. Основной акцент сделан на необходимости соблюдения правовых и методических требований, установленных действующим законодательством Российской Федерации, включая Положение о системе управления государственными программами и Правила предоставления грантов. В работе выделены два типа критериев и показателей: для промежуточного мониторинга (оценка выполнения мероприятий и достижения промежуточных результатов) и итогового мониторинга (оценка результативности и эффективности). Описываются задачи мониторинга, предлагается структура отчетности, а также формулируются критерии и показатели, позволяющие проводить достоверную и сопоставимую оценку. Подчеркивается, что методический аппарат должен обеспечивать связь ресурсов с результатами и способствовать своевременному принятию управленческих решений. Работа основана на применении элементов теории изменений и сочетает качественные и количественные методы экспертной оценки. Полученные результаты могут быть использованы при совершенствовании механизмов управления государственными программами, направленными на развитие образования и гуманитарное сотрудничество.

Ключевые слова: государственные программы, гранты в форме субсидий, экспертный мониторинг, методический аппарат, оценка эффективности, образование, гуманитарное сотрудничество, промежуточный мониторинг, итоговый мониторинг, теория изменений.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

METHODOLOGICAL TOOLKIT FOR EXPERT MONITORING TO ASSESS THE EFFECTIVENESS OF GOVERNMENT PROGRAM IMPLEMENTATION IN THE FIELD OF EDUCATION AND HUMANITARIAN COOPERATION

Andrei V. Karpov¹, Aleksei R. Ganeev², Natalia A. Bulaeva³

¹Academy LLC,

^{2, 3}Russian Academy of Education

Abstract. The article is dedicated to the development and substantiation of a methodological framework for expert monitoring of the progress and outcomes of activities within state programs in the fields of education and international humanitarian cooperation, funded through grants in the form of subsidies. The main focus is on compliance with legal and methodological requirements established by the legislation of the Russian Federation, including the Regulation on the State Program Management System and the Rules for Grant Provision. The study distinguishes two types of criteria and indicators: those for interim monitoring (assessing the implementation of activities and achievement of interim results) and final monitoring (evaluating performance and efficiency). The article outlines the monitoring tasks, proposes a structured reporting format, and defines criteria and indicators that ensure reliable and comparable evaluation. It emphasizes that the methodological framework must ensure the connection between resources and results and support timely management decisions. The research is based on elements of the theory of change and combines qualitative and quantitative ex-

pert assessment methods. The results can be used to improve governance mechanisms of state programs aimed at the development of education and humanitarian cooperation.

Keywords: state programs, grants in the form of subsidies, expert monitoring, methodological framework, efficiency assessment; education, humanitarian cooperation, interim monitoring, final monitoring, theory of change.

Funding: Independent work.

Введение.

Методический аппарат проведения мониторинга хода и результатов реализации мероприятий государственных программ в сфере образования и международного гуманитарного сотрудничества, реализуемых за счет средств грантов в форме субсидий, предоставляемых юридическим лицам, должен быть ориентирован на оценку соблюдения получателями грантов условий их расходования, достижения запланированных результатов и эффектов, а также эффективности расходования бюджетных средств.

Как показывает опыт экспертного сопровождения реализации государственных программ в сферах развития образования¹ и развития международного гуманитарного сотрудничества², основой указанного методического аппарата должны являться экспертные оценки, выполненные с применением научно обоснованных и апробированных на практике критериев и показателей (см. пункт 18 Положения о системе управления государственными программами Российской Федерации, утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 26.05.2021 № 786), отвечающих критериям точности, однозначности, измеримости (счетности), сопоставимости, достоверности, своевременности, регулярности (возможности проведения регулярной оценки их достижения по предусмотренным методикам расчета показателей [1]) при условии соблюдения соответствующих требований действующего законодательства, регулирующего общие финансовые механизмы реализации государственных программ с использованием средств грантов в форме субсидий, установленных Правилами предоставления из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации субсидий, в том числе грантов в форме субсидий, юридическим ли-

цам, индивидуальным предпринимателям, а также физическим лицам – производителям товаров, работ, услуг, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 25.10.2023 № 1780 (далее – Правила предоставления грантов) [2].

В связи с указанными требованиями пункта 18 Положения о системе управления государственными программами Российской Федерации, важным и необходимым условием управления реализацией государственных программ, в том числе в сферах развития образования и международного гуманитарного сотрудничества, является наличие методического обеспечения – методик расчета показателей государственных программ [3] (так называемый методический аппарат). Главным качеством такого методического аппарата, применяемого в рамках управления государственными программами в сферах развития образования и международного гуманитарного сотрудничества должно являться установление взаимосвязи ресурсов с результатами, показателями программ и проектов [4]. Это важно, поскольку практика экспертно-аналитического сопровождения реализации государственных программ указывает на ряд проблем и недостатков в их управлении, в том числе системного характера, особенно в части системы мониторинга и оценки результатов программ и проектов, системы управления рисками [5].

Методический аппарат экспертного мониторинга государственных программ в сферах развития образования и международного гуманитарного сотрудничества предполагает не только мониторинг хода реализации мероприятий программ, но и мониторинг достигнутых итоговых результатов этих программ.

Непроработанность методического обеспечения, низкий уровень научно-методического обоснования состава показателей и критериев экспертного оценивания может привести к тому, что за рамками экспертного мониторинга программ и проектов порой оказываются важные вопросы – использования объектов, товаров, их поддержания в надлежащем состоянии, удовлетворенности населения от их использования [6].

Обсуждение. Результаты.

В связи с вышесказанным, критерии и показатели экспертного мониторинга реализации государственных программ в сферах развития образования и международного гуманитарного сотрудничества, реализуемых за счет средств

¹ См., например, Отчет по исполнению I этапа государственного контракта от 17 марта 2020 г. № 001/ГК-2020 по проекту: «Проведение экспертизы результатов мероприятий Ведомственной целевой программы «Научно-методическое, методическое и кадровое обеспечение обучения русскому языку и языкам народов Российской Федерации», реализуемых Россотрудничеством в 2020–2021 гг.». М.: Россотрудничество, 2020.

² См., например, Отчет по исполнению II этапа Государственного контракта от 08 июля 2019 г. № 065/ГК по проекту: «Экспертно-организационное и экспертно-аналитическое сопровождение грантовой программы Россотрудничества, направленной на проведение мероприятий по тиражированию лучших практик по развитию цифровой грамотности школьников, углубленному изучению информационных технологий и программирования на базе русских школ за рубежом». М.: Россотрудничество, 2019.

грантов в форме субсидий, должны быть двух типов:

Во-первых, критерии и показатели текущей оценки своевременности и полноты выполнения плановых мероприятий проектов, финансируемых за счет средств грантов, достижения плановых значений результатов предоставления грантов (промежуточный мониторинг).

Во-вторых, критерии и показатели итоговой оценки (итоговый мониторинг) результативности и эффективности реализации мероприятий государственных программ, реализуемых за счет средств грантов в форме субсидий.

Применение такой структуры методического аппарата для экспертного мониторинга позволяет избежать одного из наиболее существенных недостатков, выявленных в практике управления государственными и федеральными программами и проектами - формальный характер заложенных в методики расчета показателей алгоритмов расчета [7].

Что касается критериев и показателей первого типа – для промежуточного мониторинга реализации грантовых программ, то с учетом пунктов 6 и 29 Порядка проведения мониторинга достижения результатов предоставления субсидий, в том числе грантов в форме субсидий, юридическим лицам, в том числе бюджетным и автономным учреждениям, индивидуальным предпринимателям, физическим лицам – производителям товаров, работ, услуг, утвержденного Приказом Минфина России от 27.04.2024 № 53н [8] (далее – Порядок проведения мониторинга), а также пунктов 4.1.6, 4.1.7, 4.3.17 Приложения № 1 к Типовой форме соглашения (договора) о предоставлении из федерального бюджета субсидий, в том числе грантов в форме субсидий, юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, а также физическим лицам, утвержденной Приказом Минфина России от 30 ноября 2021 г. № 199н [9] (далее – Типовая форма соглашения), мониторинг должен проводиться по единым формам периодической квартальной отчетности грантополучателей:

а) отчета об осуществлении расходов, источником финансового обеспечения которых является грант;

б) отчета о достижении значений результатов предоставления гранта, а также характеристик результатов (при их установлении);

в) отчета о реализации плана мероприятий по достижению результатов предоставления гранта (контрольных точек).

Исходя из этого, в качестве задач промежуточного мониторинга могут быть определены следующие:

– оценка достижения в отчетном периоде объемов расходования средств, источником финансового обеспечения которых является грант;

– оценка своевременности и полноты достижения в отчетном периоде промежуточных значенных результатов предоставления гранта;

– оценка полноты выполнения в отчетном периоде мероприятий, предусмотренных планом мероприятий по достижению результатов предоставления гранта.

– выявление возможных отклонений от плановых достигнутых значений результатов предоставления грантов (выполненных мероприятий и контрольных точек, произведенных расходов).

В этом случае может быть предложен следующий состав критериев и показателей промежуточного мониторинга хода реализации мероприятий государственных программ в сфере образования и международного гуманитарного сотрудничества:

1.1. Произведенные в отчетном периоде расходы, источником финансового обеспечения которых является грант.

1.2. Достигнутые в отчетном периоде промежуточные результаты предоставления гранта.

1.3. Проведенные в отчетном периоде мероприятия, направленные на достижение результатов предоставления гранта.

При этом по показателю 1.1 промежуточного мониторинга «Произведенные в отчетном периоде расходы, источником финансового обеспечения которых является грант» оцениванию будут подлежать:

1.1.1. Сведения о фактическом объеме расходов средств гранта в отчетном и предшествующих периодах (накопительным итогом).

Фактические объемы расходов средств гранта указываются суммарно по всем направлениям расходов. Сведения об объеме расходов указываются за весь период действия соглашения накопительным итогом, в соответствии с теми единицами измерения, которые указаны в соглашении о предоставлении гранта в форме субсидии.

1.1.2. Сведения о соответствии фактически произведенных расходов в отчетном и предшествующих периодах плановым значениям (суммарно по всем направлениям расходов).

Указанные сведения оцениваются по шкале:

– соответствуют (если фактические расходы средств гранта полностью соответствуют плановым значениям);

– не соответствуют (если фактические расходы не полностью соответствуют плановым значениям).

1.1.3. Отклонение (в %) фактических объемов расходов средств гранта от плановых значений.

Данное отклонение рассчитывается в случае, если по критерию 1.1.2 обнаружено несоответствие фактически расходов плановым.

Такое отклонение определяется по формуле:

$$F = 100 \% * (K_{\text{план}} - K_{\text{факт}}) / K_{\text{план}},$$

Где F – отклонение (в %); $K_{\text{факт}}$ – фактический объем расходов средств гранта за весь срок действия соглашения; $K_{\text{план}}$ – плановый объем расходов средств гранта за отчетный и предшествующие периоды.

Отклонение считается незначительным, если оно составляет менее 15 % от планового значения.

Отклонение считается значительным, если оно равно или более 15 % от планового значения.

Аналогичным образом по показателю 1.2 промежуточного мониторинга «Достигнутые в отчетном периоде промежуточные результаты предоставления гранта» оцениванию будут подлежать:

1.2.1. Сведения о фактически достигнутых в отчетном и предшествующих периодах значениях результатов предоставления гранта (накопительным итогом по каждому результату).

Фактические значения результатов предоставления гранта указываются по каждому результату, в соответствии с теми наименованиями и единицами измерения, которые указаны в соглашении о предоставлении гранта в форме субсидии.

1.2.2. Сведения о соответствии фактически достигнутых в отчетном и предшествующих кварталах значений результатов предоставления гранта плановым значениям (по каждому результату).

Указанные сведения по каждому наименованию результата оцениваются по шкале:

– соответствуют (если фактические значения результатов полностью соответствуют плановым значениям);

– не соответствуют (если фактические значения результатов не полностью соответствуют плановым значениям).

1.2.3. Отклонение (в %) достигнутых в отчетном и предшествующих периодах значений результатов предоставления гранта от плановых значений (по каждому результату).

Данное отклонение рассчитывается для каждого наименования результата в случае, если по критерию 1.2.2 обнаружено несоответствие фактически достигнутых значений плановым.

Такое отклонение для каждого наименования результата определяется по формуле:

$$P_i = 100 \% * (T_{\text{план}} - T_{\text{факт}}) / T_{\text{план}},$$

где P_i – отклонение (в %) по i -му наименованию результата, указанному в плане мероприятий; $T_{\text{факт}}$ – фактически достигнутое значение i -го результата предоставления гранта; $T_{\text{план}}$ – плановое значение i -го результата предоставления гранта.

В случае отсутствия отклонения фактического и планового значений достигнутого i -го результата предоставления гранта:

$$P_i = 0.$$

Отклонение считается незначительным по i -му наименованию результата, если оно составляет менее 10 % от планового значения.

Отклонение считается значительным по i -му наименованию результата, если оно равно или более 10 % от планового значения.

Аналогично, по показателю 1.3 промежуточного мониторинга «Проведенные в отчетном периоде мероприятия, направленные на достижение результатов предоставления гранта» оцениванию будут подлежать:

1.3.1. Наименования мероприятий, контрольных точек, выполнение (достижение) которых запланировано в отчетном и предшествующих периодах (накопительным итогом);

В данном случае, указываются наименование каждого проведенного мероприятия, контрольной точки, срок выполнения (достижения) которых наступил в отчетном и в периодах, предшествующих отчетному, в соответствии с теми наименованиями и единицами измерения, которые указаны в соглашении о предоставлении гранта в форме субсидии.

1.3.2. Наименования мероприятий, контрольных точек, которые не были выполнены (достигнуты) в отчетном и предшествующих периодах (накопительным итогом).

В этом случае, указываются наименование каждого недостигнутого результата, контрольной точки, срок достижения которых наступил в отчетном и предшествующих периодах (накопительным итогом), в соответствии с теми наименованиями и единицами измерения, которые указаны в соглашении о предоставлении гранта в форме субсидии.

Что касается второго типа критериев и показателей – для проведения итогового мониторинга (итоговой оценки), то для оценивания результативности и эффективности итогов реализации мероприятий грантовой программы в сфере образования и международного гуманитарного сотрудничества может быть предложен следующий состав критериев и показателей:

2.1. Экономичность расходования средств, источником финансового обеспечения которых

является грант. Показатель экономичности расходов определяется исходя из соответствия стоимости закупаемых товаров, работ или услуг среднерыночным ценам в Российской Федерации, а также соответствия расходов получателя гранта требованиям действующего бюджетного законодательства.

2.2. Продуктивность реализации мероприятия (соглашения) в рамках государственной программы. Показатель продуктивности определяется исходя из степени затратности средств бюджета при реализации соглашения о предоставлении гранта на достижение конечного результата предоставления гранта.

2.3. Эффективность реализации мероприятия (соглашения) в рамках грантовой программы. Так как эффективность является комплексной характеристикой объекта мониторинга, то при ее определении проводится интегральная оценка уровня достижения планируемых результатов (контрольных точек, целевых показателей грантовой программы), предусмотренных соглашением, а также целевого характера расходов, уровня их экономичности и степени продуктивности.

Подобный набор объектов итогового экспертного мониторинга составлен с учетом анализа многолетнего опыта экспертно-аналитического сопровождения управления государственными программами и федеральными проектами [10], в том числе программ, реализуемых за счет грантов в форме субсидий, в сфере развития образования и науки [11], который показывает, что существующие оценки, называемые «оценками эффективности» программ и проектов, осуществляются без учета оценки непосредственно экономности и (или) результативности использования бюджетных средств и иных ресурсов - с точки зрения российского законодательства, международных стандартов оценки.

При этом по показателю 2.1 итогового мониторинга «Экономичность расходования средств, источником финансового обеспечения которых является грант» критерием итогового мониторинга будет являться соответствие стоимости закупаемых на средства гранта товаров, работ (услуг) среднерыночным ценам.

При осуществлении закупок товаров, работ, услуг необходимо принимать во внимание установленные законодательством Российской Федерации запреты и ограничения на ввоз и закупку товаров иностранных государств, в том числе при применении законодательства о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных нужд.

При оценивании соответствия стоимости контрактов (договоров) целесообразно использовать метод сопоставимых рыночных цен (анализа рынка), который заключается в установлении цены контракта (договора) на основании информации о рыночных ценах идентичных товаров,

работ, услуг, планируемых к закупкам, или при их отсутствии однородных товаров, работ, услуг.

При применении метода сопоставимых рыночных цен (анализа рынка) информация о ценах товаров, работ, услуг должна быть получена с учетом сопоставимых с условиями планируемой закупки коммерческих и (или) финансовых условий поставок товаров, выполнения работ, оказания услуг.

К общедоступной информации о ценах товаров, работ, услуг, которая может быть использована для целей определения цены контракта (договора), относятся:

– информация о ценах товаров, работ, услуг, содержащаяся в контрактах, которые исполнены и по которым не взыскивались неустойки (штрафы, пени) в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств, предусмотренных этими контрактами;

– информация о ценах товаров, работ, услуг, содержащаяся в рекламе, каталогах, описаниях товаров и в других предложениях, обращенных к неопределенному кругу лиц и признаваемых в соответствии с гражданским законодательством публичными офертами;

– информация о котировках на российских биржах и иностранных биржах;

– информация о котировках на электронных площадках;

– данные государственной статистической отчетности о ценах товаров, работ, услуг;

– информация о ценах товаров, работ, услуг, содержащаяся в официальных источниках информации уполномоченных государственных органов и муниципальных органов в соответствии с законодательством Российской Федерации, законодательством субъектов Российской Федерации, муниципальными нормативными правовыми актами, в официальных источниках информации иностранных государств, международных организаций или иных общедоступных изданиях;

– информация о рыночной стоимости объектов оценки, определенной в соответствии с законодательством, регулирующим оценочную деятельность в Российской Федерации, или законодательством иностранных государств;

– информация информационно-ценовых агентств, общедоступные результаты изучения рынка, а также результаты изучения рынка, проведенного по инициативе заказчика, в том числе на основании контракта, при условии раскрытия методологии расчета цен, иные источники информации.

Обоснование соответствия цены заключаемого контракта (договора) среднерыночным ценам

производится на основе средней стоимости идентичных (однородных) с предметом заключаемого контракта (договора) товаров, работ, услуг.

В качестве методической основы обоснования целесообразно использовать Раздел III. «Определение НМЦК методом сопоставимых рыночных цен (анализа рынка)» Методических рекомендаций по применению методов определения начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем), утвержденных приказом Минэкономразвития России от 02 октября 2013 г. № 567 [12].

При обосновании соответствия стоимости (цены) контракта (договора) на поставку товара, выполнение работ, услуг в соответствии с целями предоставления гранта, необходимо сформировать выборку из не менее чем из трех идентичных (однородных) товаров, работ, услуг, имеющих одинаковые характерные основные качественные характеристики, в том числе реализуемые с использованием одинаковых методик, технологий, подходов (идентичные товары, работы, услуги) или сходные характеристики, позволяющие товарам, работам (услугам) быть коммерчески и (или) функционально взаимозаменяемыми (однородные товары, работы (услуги), не являющиеся идентичными), и для которых имеются сведения об их стоимости.

Рекомендуется использовать не менее трех цен идентичных (однородных) товаров, работ, услуг, предлагаемых различными поставщиками (подрядчиками, исполнителями). Обоснование соответствия цены заключаемого контракта (договора) среднерыночным ценам производится на основе расчета среднего арифметического стоимости идентичных (однородных) сопоставимых с предметом заключаемого контракта (договора) товаров, работ, услуг.

При обосновании соответствия стоимости цены заключаемых контрактов (договоров) среднерыночным ценам, должны использоваться вышеуказанные общедоступные источники информации о ценах за последние три года. При этом допускается использовать для определения среднерыночной цены контракта (договора) поправки на инфляцию на основе соответствующего федерального отраслевого и (или) регионального индекса-дефлятора.

В качестве критерия экономичности расходования средств гранта предлагается использовать Коэффициент экономичности расходования гранта, $K_{экон}$ (в %) – он определяется как доля затрат грантополучателя из средств гранта, осуществленных без нарушений действующего законодательства (без превышения среднерыночных цен, с правильным обоснованием НМЦК или ФЭО, и др.).

$$K_{экон} = 100 \% * \frac{\sum_{i=1}^n C_{экон, i}}{C_{закл}},$$

где n – количество заключенных контрактов в рамках использования гранта; $C_{экон, i}$ – экспертная оценка не превышения стоимости i -го заключенного контракта в рамках субсидии относительно среднерыночных цен; $C_{закл}$ – суммарная стоимость заключенных контрактов в рамках использования гранта.

На основе проведенного анализа и расчета коэффициента экономичности расходования средств гранта делается вывод о «незавышении» (т.е. экономичности) (или, наоборот, о завышении и неэкономичности) проведенных расходов по исполнению обязательств грантополучателем в рамках соглашения. При экономичном расходовании средств гранта данный коэффициент должен быть равен 100 %. В том случае, если значения коэффициентов отлично от 100 %, то имеет место неэкономичное расходование средств, что должно послужить поводом для выяснения причин возникновения данного явления.

Аналогичным образом, по показателю 2.2 итогового мониторинга «Продуктивность реализации мероприятия (соглашения) в рамках программы» оценке подлежит степень затратности реализации соглашения на достижение конечных результатов (целевых показателей) предоставления гранта, степени внедрения результатов предоставления гранта. Основной критерий при оценке продуктивности – Коэффициент продуктивности, $K_{прод}$ (в %), который определяется как соотношение итоговых достигнутых количественных значений результата предоставления гранта к общему объему затраченных средств гранта.

$$K_{прод} = 100 \% * \frac{K_{дост_знач}}{V_{общ}},$$

где $K_{дост_знач}$ – достигнутые количественные значения результата предоставления гранта; $V_{общ}$ – общий объем затраченных средств гранта.

Возможна такая ситуация, когда средства расходуются целевым образом, но результаты выполнения работ используются слабо или не используются совсем, что означает низкую продуктивность реализации соглашения. В условиях необходимости достижения плановых значений результатов предоставления гранта возникает вопрос о соответствии реализованных мероприятий поставленным целям и задачам в рамках программы.

Допустимый уровень продуктивности расходования зависит от реализуемых мероприятий государственных программ, и его значение целесообразно определять с привлечением экспертов для каждого мероприятия отдельно.

По показателю 2.3 итогового мониторинга «Эффективность реализации мероприятия (соглаше-

ния) в рамках программы» в качестве критерия эффективности целесообразно использовать интегральный коэффициент, учитывающий в комплексе следующие критерии:

- а) уровень достижения (в %) итоговых значений результатов предоставления гранта от плановых значений;
- б) коэффициент освоения (в %) средств гранта;
- в) коэффициент экономичности $K_{\text{ЭКОН}}$ (в %) расходования средств гранта;
- г) коэффициент продуктивности $K_{\text{ПРОД}}$ (в %) реализации мероприятия (соглашения) в рамках грантовой программы.

Для этого возможно использовать по каждому критерию следующие формулы:

- а) Уровень достижения всех плановых результатов предоставления гранта, $K_{\text{ДОСТ}}$ (в %):

$$K_{\text{ДОСТ}} = \left(\sum_i^n \frac{T_{i \text{ факт}}}{T_{i \text{ план}}} * 100\% \right) / n,$$

где n – общее количество плановых результатов, которые предусмотрены условиями предоставления гранта; $T_{i \text{ факт}}$ – фактически достигнутое значение каждого i -го результата предоставления гранта; $T_{i \text{ план}}$ – плановое значение по каждому i -го результату предоставления гранта.

- б) Коэффициент освоения средств гранта, $K_{\text{ОСВ}}$ (в %):

$$K_{\text{ОСВ}} = \frac{V_{\text{РАСХ}}}{V_{\text{ОБЩ}}} * 100\%,$$

где $V_{\text{РАСХ}}$ – израсходованные средства гранта;
 $V_{\text{ОБЩ}}$ – общий объем предоставленных средств гранта.

- в) Коэффициент экономичности, $K_{\text{ЭКОН}}$ (в %) расходования гранта (1):

$$K_{\text{ЭКОН}} = 100\% * \frac{\sum_{i=1}^n C_{\text{ЭКОН}_i}}{C_{\text{закл}}},$$

- г) Коэффициент продуктивности, $K_{\text{ПРОД}}$ (в %) реализации мероприятия (соглашения) в рамках грантовой программы (2):

$$K_{\text{ПРОД}} = 100\% * \frac{K_{\text{ДОСТ_знач}}}{V_{\text{общ}}},$$

Для оценки эффективности по группе из указанных четырех критериев целесообразно свести совокупность отдельных критериев к одному интегральному (комплексному) показателю. Эта задача решается с помощью аддитивного взвешивания, т.е. значение каждого критерия учитывается с определенным весом (значимость кри-

терия). В качестве такого интегрального показателя использован Коэффициент эффективности расходования гранта, $K_{\text{ЭФФЕКТ}}$.

Коэффициент эффективности расходования гранта ($K_{\text{ЭФФЕКТ}}$) является комплексной характеристикой и представляет собой сумму произведений значений четырех коэффициентов (Уровень достижения всех плановых результатов предоставления гранта, $K_{\text{ДОСТ}}$, Коэффициент освоения средств гранта, $K_{\text{ОСВ}}$, Коэффициент экономичности, $K_{\text{ЭКОН}}$ расходования гранта, Коэффициент продуктивности, $K_{\text{ПРОД}}$ реализации мероприятия (соглашения) в рамках грантовой программы) на их веса (значимость).

$$K_{\text{ЭФФЕКТ}} = R_{\text{ДОСТ}} * K_{\text{ДОСТ}} + R_{\text{ПРОД}} * K_{\text{ПРОД}} + R_{\text{ЭКОН}} * K_{\text{ЭКОН}} + R_{\text{ОСВ}} * K_{\text{ОСВ}},$$

где $R_{\text{ПРОД}}$ – весовой коэффициент (значимость) коэффициента продуктивности, $R_{\text{ПРОД}} = 0,05$; $R_{\text{ЭКОН}}$ – весовой коэффициент (значимость) коэффициента экономичности, $R_{\text{ЭКОН}} = 0,25$; $R_{\text{ОСВ}}$ – весовой коэффициент (значимость) коэффициента освоения средств гранта, $R_{\text{ОСВ}} = 0,45$; $R_{\text{ДОСТ}}$ – весовой коэффициент (значимость) коэффициента достижения всех плановых результатов предоставления гранта, $R_{\text{ДОСТ}} = 0,25$.

Распределение весовых коэффициентов (значимости) критериев было определено путем проведения специальных экспертных опросов специалистов в сфере образования по тематике мероприятий государственных программ в сфере образования и международного гуманитарного сотрудничества, реализуемых за счет средств грантов в форме субсидий.

Имея значения весовых коэффициентов и подставляя в формулу соответствующие значения показателей, можно рассчитать соответствующие значения интегрального (комплексного) Коэффициента эффективности расходования гранта.

Заключение.

Исходя из сказанного выше, представленный в настоящем исследовании методический аппарат экспертного мониторинга представляют собой отдельные дискретные исследования с применением теории изменений, использованием качественных и количественных данных и методов исследований.

Таким образом, с точки зрения возможности принятия верных управленческих решений, своевременного реагирования на результаты экспертного мониторинга и экспертной оценки хода и результатов реализации государственных программ и проектов в сфере развития образования и международного гуманитарного сотрудничества, представляется важным совершенствование в целом системы методического аппарата для проведения экспертного мониторинга, экспертной оценки хода и результатов реализации программ и проектов.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Собрание законодательства Российской Федерации от 07.06.2021 № 23. Ст. 4042.
2. Собрание законодательства Российской Федерации, 04 декабря 2023 г. № 49 (часть IV). Ст. 8735.
3. Карпов А.В. Анализ действующих нормативных основ в сфере стратегического планирования на федеральном уровне в отрасли образования // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017 г. № 2. С. 204–219. DOI: 10.24891/ni.13.2.204 EDN: VMTHAC
4. Батуркин А. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Аудит программно-целевого управления федеральными и иными ресурсами в Российской Федерации» // Бюллетень Счетной палаты РФ: электрон. журн. 2024. Специальный выпуск. С. 6–69.
5. Карпов А.В. Анализ действующих нормативных основ в сфере стратегического планирования на федеральном уровне в отрасли образования // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017 г. № 2. С. 204–219. DOI: 10.24891/ni.13.2.204 EDN: VMTHAC
6. Официальный интернет-портал правовой информации. URL : www.pravo.gov.ru, 04.07.2024, № 0001202407040004.
7. Официальный интернет-портал правовой информации. URL : www.pravo.gov.ru, 05.03.2022 г. № 0001202203050002.
8. Карпов А.В. Развитие инновационных механизмов программно-целевого планирования государственной политики в сфере образования : монография / А.В. Карпов., Ю.А. Карпова. Издание второе. М. : Изд-во «Дашков и К», 2019. 155 с. ISBN: 978-5-394-03310-0 EDN: XYOCUX
9. Журнал руководителя и главного бухгалтера ЖКХ. 2014. № 1 (январь (часть II) (начало)); Журнал руководителя и главного бухгалтера ЖКХ. 2014. № 2 (февраль, (часть II) (окончание)).

References:

1. Collection of Legislation of the Russian Federation № 23 dated 07.06.2021. Article 4042.
2. Collection of Legislation of the Russian Federation, December 04, 2023 № 49 (Part IV). Article 8735.
3. Karpov A.V. Analysis of the current regulatory framework in the field of strategic planning at the federal level in the field of education. // National interests: priorities and security. 2017. № 2. P. 204–219. DOI: 10.24891/ni.13.2.204 EDN: VMTHAC
4. Baturkin A. Report on the results of the expert-analytical event «Audit of program-oriented management of federal and other resources in the Russian Federation» // Bulletin of the Accounts Chamber of the Russian Federation: electron. Journal of 2024. Special issue. P. 6–69.
5. Karpov A.V. Analysis of the current regulatory framework in the field of strategic planning at the federal level in the field of education // National interests: priorities and security. 2017. № 2. P. 204–219. DOI: 10.24891/ni.13.2.204 EDN: VMTHAC
6. The official Internet portal of legal information. URL : www.pravo.gov.ru, 07/04/2024, № 0001202407040004.
7. Official Internet portal of legal information. URL : www.pravo.gov.ru, 03/05/2022 № 0001202203050002.
8. Karpov A.V. Development of innovative mechanisms for program-targeted planning of state policy in the field of education : monograph / A.V. Karpov., Yu.A. Karpova. Second edition. M. : Dashkov & K Publishing House, 2019. 155 p. ISBN: 978-5-394-03310-0 EDN: XYOCUX
9. Journal of the head and Chief Accountant of Housing and Communal Services. 2014. № 1 (January, (Part II) (beginning)); Journal of the head and Chief Accountant of Housing and Communal Services. 2014. № 2 (February, (Part II) (ending)).

Информация об авторах

Карпов Андрей Васильевич
кандидат технических наук,
доцент,
эксперт ООО «Академия СЭТ»
av-k.07@mail.ru

Andrey V. Karpov
Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor,
Expert at SET Academy LLC
av-k.07@mail.ru

Ганеев Алексей Рафисович

кандидат технических наук,
ведущий эксперт Центра экспертиз в образовании,
Российская академия образования, г. Москва
ORCID: 0000-0002-1952-3798
argan74@mail.ru

Булаева Наталья Александровна

кандидат экономических наук,
ведущий эксперт Центра экспертиз в образовании,
Российская академия образования, г. Москва
nbulaevamail@gmail.com

Alexey R. Ganeev

Candidate of Technical Sciences,
Leading Expert of the Center for Expertise in Education,
Russian Academy of Education, Moscow
ORCID: 0000-0002-1952-3798
argan74@mail.ru

Natalia A. Bulaeva

Candidate of Economic Sciences,
Leading Expert of the Center for Expertise in Education,
Russian Academy of Education, Moscow
nbulaevamail@gmail.com

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 24.12.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.01.2026.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.01.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-1-15>

УДК 347

Attribution

cc by

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: ПРАВОВЫЕ БАРЬЕРЫ И ДРАЙВЕРЫ РОСТА ДЛЯ ТВОРЧЕСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Меньщикова В.И., Лаврик Т.М.

Тамбовский государственный технический университет

Аннотация. В статье исследуется трансформация интеллектуальной собственности в условиях цифровой экономики и её влияние на развитие творческого предпринимательства. Актуальность работы обусловлена стремительным ростом стоимости нематериальных активов и появлением принципиально новых правовых вызовов, связанных с цифровыми технологиями. Используя комплексный междисциплинарный подход, включающий сравнительно-правовой, статистический и контент-анализ, авторы анализируют эволюцию объектов интеллектуальной собственности. Показано, что на смену традиционным физическим объектам приходят цифровые активы, существующие исключительно в электронной форме, что требует пересмотра классических правовых критериев охраноспособности. В статье детально рассмотрены ключевые правовые проблемы цифровой среды: анонимность и сложность идентификации авторов, технологический разрыв между динамичным развитием технологий и консервативным законодательством, а также вопросы ответственности интернет-посредников (на примере американской и европейской моделей). Особое внимание уделено анализу новых явлений, таких как пользовательский контент, агрегация новостей и данные как объект правоотношений. Авторами исследуется потенциал технологий распределённого реестра (блокчейн) и NFT для решения традиционных проблем интеллектуальной собственности, при этом выделяются ключевые формы их применения: фиксация авторства, создание уникальных цифровых активов, автоматизация управления правами через смарт-контракты и создание децентрализованных реестров. Одновременно обозначены ограничения этих технологий, включая вопросы юридического статуса и привязки к реальным правообладателям. В заключении делается вывод о том, что цифровая интеллектуальная собственность, снижая барьеры для входа на глобальные рынки и создавая новые модели монетизации, формирует принципиально новую парадигму для творческого предпринимательства. Будущее его развития связано с интероперабельностью платформ, интеграцией технологий искусственного интеллекта и формированием устойчивых экосистем.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, цифровая экономика, творческое предпринимательство, нематериальные активы, блокчейн, NFT, правовое регулирование, пользовательский контент, искусственный интеллект.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

INTELLECTUAL PROPERTY IN THE DIGITAL ECONOMY: LEGAL BARRIERS AND GROWTH DRIVERS FOR CREATIVE ENTREPRENEURSHIP

Vera I. Menshchikova, Tatiana M. Lavrik

Tambov State Technical University

Abstract. The article examines the transformation of intellectual property in the digital economy and its impact on the development of creative entrepreneurship. The relevance of the work is due to the rapid growth in the value of intangible assets and the emergence of fundamentally new legal challenges related to digital technologies. Using a comprehensive interdisciplinary approach, including comparative legal, statistical and content analysis, the authors analyze the evolution of intellectual property objects. It is shown that traditional physical objects are being replaced by digital assets that exist exclusively in electronic form, which requires a revision of the classical legal criteria for protec-

© Меньщикова В.И., Лаврик Т.М.

tion. The article examines in detail the key legal problems of the digital environment: anonymity and the difficulty of identifying authors, the technological gap between the dynamic development of technology and conservative legislation, as well as issues of responsibility of Internet intermediaries (using the example of the American and European models). Special attention is paid to the analysis of new phenomena such as user content, news aggregation and data as an object of legal relations. The potential of distributed registry (blockchain) and NFT technologies to solve traditional intellectual property problems is explored, while highlighting key forms of their application: authorship fixation, creation of unique digital assets, automation of rights management through smart contracts and the creation of decentralized registries. At the same time, the limitations of these technologies are outlined, including issues of legal status and binding to real copyright holders. In conclusion, it is concluded that digital intellectual property, by reducing barriers to entry into global markets and creating new monetization models, forms a fundamentally new paradigm for creative entrepreneurship. The future of its development is linked to the interoperability of platforms, the integration of artificial intelligence technologies and the formation of sustainable ecosystems.

Keywords: intellectual property, digital economy, creative entrepreneurship, intangible assets, blockchain, NFT, legal regulation, user content, artificial intelligence.

Funding: Independent work.

Введение.

Цифровая трансформация кардинально меняет правовое поле интеллектуальной собственности, создавая новые возможности для творческого предпринимательства и одновременно порождая новые правовые вызовы.

По данным Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), в 2024 году глобальная стоимость нематериальных активов достигла 80 трлн долларов США [1].

Новые данные Brand Finance показывают, что в 2025 году стоимость нематериальных активов, принадлежащих крупнейшим мировым компаниям, достигла 97,6 трлн долларов США [2].

В современном мире самые дорогие компании из высокотехнологичных отраслей, фармацевтики, автомобилестроения и финансов обеспечивают свою конкурентоспособность и капитализацию, в первую очередь, за счёт нематериальных, а не традиционных материальных активов. Речь идёт об R&D, ноу-хау, данных, брендах, организационных процессах и талантливых кадрах.

Все эти элементы тесно переплетены с интеллектуальной собственностью. Будучи неосознанными, они, тем не менее, генерируют колоссальную пользу для компаний, экономики и общества в целом [3]. При этом следует отметить, что в эпоху цифровой экономики творческое предпринимательство сталкивается с уникальным набором правовых вызовов: от патентования результатов деятельности искусственного интеллекта до регулирования цифровых активов и блокчейн-технологий.

Цифровые платформы создают беспрецедентные возможности для глобального распространения творческого контента, что требует пересмотра традиционных подходов к защите интеллектуальной собственности. Для творческих индустрий эта тенденция особенно актуальна, ведь цифровые технологии открывают принципиально

новые способы создания, защиты и монетизации интеллектуальных продуктов.

Следовательно, в условиях стремительной цифровизации всех сфер экономики и творчества требуется глубокая и системная адаптация законодательства в сфере интеллектуальной собственности.

Цель такой трансформации двояка:

Во-первых, правовые нормы должны обеспечивать надёжную, предсказуемую и технологически нейтральную защиту прав создателей и инноваторов в цифровой среде. Это касается вопросов установления авторства, пресечения цифрового пиратства, охраны данных как нового актива и регулирования использования произведений искусственным интеллектом.

Во-вторых, обновлённые правовые рамки призваны не просто ограничивать нарушения, а активно стимулировать легитимное творческое предпринимательство. Гармонизированные и ясные правила создают необходимую правовую определённость, которая, в свою очередь, привлекает инвестиции, снижает риски для стартапов и позволяет бизнесу уверенно внедрять и коммерциализировать инновации.

Таким образом, только сбалансированная правовая экосистема, которая эффективно защищает интеллектуальные права и одновременно открывает возможности для их легального использования, способна раскрыть полный потенциал цифровых технологий как драйвера экономического роста и культурного разнообразия.

Методы и материалы.

В рамках данного исследования применялся комплексный междисциплинарный подход, сочетающий правовые, экономические и технологические методы анализа. Исследование базируется на принципах системности, объективности и комплексности, что позволяет всесторонне рас-

смотреть влияние правового регулирования интеллектуальной собственности на развитие творческого предпринимательства в цифровой экономике.

Для раскрытия отдельных аспектов исследования применялся ряд общих и специфичных методов.

Сравнительно-правовой анализ применялся для сопоставления различных подходов к регулированию интеллектуальной собственности в цифровой экономике в различных странах.

Систематический анализ статистических данных использовался для обработки больших массивов информации о патентной активности, стоимости нематериальных активов и инновационных индексах.

Применялись методы описательной статистики и трендового анализа для выявления закономерностей развития цифровой экономики.

Контент-анализ веб-ресурсов применялся для изучения современных тенденций в области регулирования интеллектуальной собственности, анализа позиций международных организаций и оценки практических аспектов реализации правовых норм в цифровой среде.

Исследование основывается на источниках базы данных ВОИС по статистике интеллектуальной собственности (WIPO IP Statistics Data Center), статистике Brand Finance по глобальной стоимости брендов, аналитических материалах и отчетах по проблематике темы исследования.

Исследование базируется на фундаментальных работах в области цифровой экономики, интеллектуальной собственности и ее правовой защите. Методологической основой послужили труды российских и зарубежных ученых, раскрывающие общие вопросы правовой охраны интеллектуальной собственности в цифровой среде (А.А. Васильев и др. [4]), проблемы и перспективы регулирования прав на интеллектуальную собственность в цифровом пространстве (А.С. Ворожевич [5; 6], Е.Е. Кирсановой [7]), а также специфику правового поля цифровых объектов интеллектуальной собственности (Л.К. Терещенко [8; 9], В.С. Коляса [10; 11]).

Обсуждение.

Интеллектуальная собственность в законодательстве Российской Федерации определяется как охраняемые законом результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации (ст. 1225 ГК РФ) [12].

Традиционное понимание интеллектуальной собственности как системы правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности претерпевает значительные изменения в контексте цифровой экономики. Если ранее основной акцент делался на физических объектах интел-

лектуальной собственности (патенты, товарные знаки, авторские произведения), то сегодня на первый план выходят нематериальные активы, не имеющие физической формы.

Согласно определению ВОИС, нематериальные активы являются «невидимыми, но мощными силами, движущими глобальной экономикой знаний» [3]. Их ценность заключается в идеях, знаниях, инновациях и репутации.

К ключевым типам нематериальных активов относятся:

- права интеллектуальной собственности (патенты, товарные знаки, промышленные образцы, авторские права, коммерческая тайна);
- бренды;
- программное обеспечение.

В цифровую эпоху под результатами творческой деятельности понимаются объекты, созданные творческим трудом человека или с использованием цифровых технологий (включая технологии искусственного интеллекта), которые обладают новизной, оригинальностью и могут быть выражены в объективной форме. Они обладают такими ключевыми признаками, как творческий характер (наличие интеллектуального вклада, даже если часть работы выполнена алгоритмами) и овеществлённая форма (текст, изображение, код, аудио и т.д.) [4].

В отличие от традиционных объектов, цифровые результаты часто существуют только в электронном виде (NFT, виртуальные арты), могут бесконечно копироваться без ухудшения качества, а также создаются с участием автоматизированных систем (искусственный интеллект, нейросети).

Переход экономики в цифровую плоскость требует фундаментального пересмотра правовых механизмов, предназначенных для охраны продуктов интеллектуального труда.

Расцвет цифрового предпринимательства порождает абсолютно новые правовые категории, которые нуждаются как в глубокой научной рефлексии, так и в формировании адекватного законодательного ответа.

Изучение актуальной правоприменительной практики и теоретических разработок указывает на то, что устоявшиеся критерии систематизации объектов интеллектуальной собственности больше не соответствуют вызовам цифровой среды и должны быть соответствующим образом модернизированы.

В этих условиях даже классические объекты творческой деятельности изменили свою форму – литературные произведения существуют в форме электронных книг, блогов, постов в социальных сетях, сгенерированных искусственным ин-

теллектом текстов, а сама музыка стала цифровой, точно также, как и изобразительное искусство. При этом активно появляются новые цифровые объекты – новостные ленты, автоматически генерируемые искусственным интеллектом, цифровые сертификаты на уникальные объекты, виртуальные объекты метавселенных и т.д.

Отдельно следует выделить цифровые права как новую категорию в гражданском законодательстве и предпринимательском праве. Ст. 128 ГК РФ включает «цифровые права» в перечень объектов гражданских прав, а ст. 141.1 ГК РФ дает их определение, как «обязательственных и иных прав, названных в законе таковыми, содержание и условия осуществления которых определяются правилами информационной системы» [12].

Отметим, что впервые нормы регулирования цифровой экономики были сформулированы в 2017 году с утверждением программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [13].

Результаты.

В целом правовая природа результатов творческой деятельности в цифровом предпринимательстве характеризуется рядом специфических особенностей.

Во-первых, цифровая форма становится не просто способом выражения творческого результата, а создает качественно новые возможности для его существования и использования.

Цифровые продукты определяются как объекты, существующие в цифровой форме, обладающие внутренней ценностью и передаваемые через физические носители информации, информационно-телекоммуникационные сети или иными способами. Однако следует отметить, что творческий характер того или иного объекта интеллектуальной собственности означает, что он является новым по сравнению с ранее известными. Кроме того, чтобы получить правовую охрану и защиту, несомненно, произведение должно не только иметь творческий характер, но и быть объективно выраженным. «До тех пор, пока мысли и образы автора... существуют лишь в виде творческого замысла, – пишет А.П. Сергеев, – они не могут быть восприняты другими людьми, и, следовательно, не существует и практической надобности в их правовой охране» [14].

Во-вторых, интеллектуальная деятельность идеальна по своей природе, что находит отражение в особенностях правовой защиты результатов творчества в цифровой среде. Согласно статье 1228 Гражданского кодекса РФ, автором признается гражданин, чьим творческим трудом создан результат интеллектуальной деятельности, однако в контексте цифровых технологий этот принцип требует нового осмысления. В российском законодательстве результаты творческой деятельности в сфере авторского права должны

соответствовать следующим критериям для получения правовой охраны [12]:

- быть результатом творческого труда гражданина (ст. 1257 ГК РФ);
- быть выраженными в какой-либо объективной форме (п. 3 ст. 1259 ГК РФ);
- не имеет значение достоинство, назначение и способ выражения (п. 1 ст. 1259 ГК РФ) объекта авторского права;
- не быть перешедшим в общественное достояние (ст. 1282 ГК РФ);
- не быть исключенными законом из правовой охраны (подп. 1–4 п. 6 ст. 1259 ГК РФ).

Также ст. 1259 Гражданского кодекса РФ определяет перечень охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, включая их цифровые формы.

Классические объекты (литературные, музыкальные, художественные произведения) подлежат правовой охране независимо от способа их выражения – даже если они созданы или распространены в цифровом виде.

На цифровые объекты распространяются особенности правового регулирования авторского права. Так, авторские права возникают автоматически, поскольку не требуются регистрация или специальная маркировка (в отличие от патентов). А согласно ст. 1270 ГК РФ, автор имеет исключительные права на такие объекты, в соответствии с чем может размещать произведение в интернете, запрещать или разрешать копирование, распространение, переработку, а также требовать удаления контрафакта (ст. 1301 ГК РФ) [12].

Но цифровые формы классических объектов охраняются авторским правом на общих основаниях, однако требуют адаптации законодательства к новым вызовам (ИИ, NFT, метавселенные). Ключевые проблемы – доказательство авторства и защита от незаконного копирования. Цифровые произведения легко копируются, сложно подтвердить первоисточник. Кроме того, если нейросеть создала изображение на основе чужих работ – возможен спор о нарушении прав.

Анализ литературы позволил выявить несколько групп проблем правового характера, сопровождающих процессы создания и оборота новых форм цифрового контента как результата творческой деятельности в предпринимательстве [4; 5; 6; 8; 9; 10].

Проблема анонимности и идентификации. Цифровые платформы позволяют анонимно загружать и распространять охраняемый контент без указания авторства, что значительно затрудняет идентификацию правообладателей и привлечение нарушителей к ответственности. Дан-

ная проблема усугубляется масштабностью цифровых нарушений, где нелегальное копирование, распространение и плагиат приобретают массовый характер.

Интернет-нигилизм и правовая культура. В цифровой среде формируется особая культура «интернет-нигилизма», характеризующаяся отрицанием существования авторских прав в цифровом пространстве и восприятием контента как общего достояния. Это создает фундаментальный конфликт между потребностью в «быстрой информации» и высокими издержками на легальное получение доступа к охраняемым произведениям.

Технологический разрыв законодательства. Консервативная природа законодательства не успевает за динамичными изменениями цифровой среды, что приводит к образованию значительного разрыва между технологическими возможностями и правовым регулированием. Данная проблема проявляется в неполном охвате законодательной защитой различных категорий цифровых объектов.

Рассмотрим более подробно характер проявления проблемы ответственности интернет-посредников, поскольку это краеугольный камень всей системы. Общеизвестно, что существует две основные модели.

1. Американская модель (DMCA, 1998). Её особенностью является то, что платформа не несет ответственности за контент пользователей, если: не знает о его незаконности; не получает прямой финансовой выгоды от конкретного нарушения; при получении валидного уведомления от правообладателя оперативно удаляет контент или блокирует к нему доступ. Т.е., иными словами, социальные сети, хостинги и видеоплощадки не несут ответственности за контент пользователей, если быстро удаляют материалы по жалобе правообладателя. Следует отметить негативное проявление данного явления - такой подход создает «гонку вооружений» между автоматическими системами загрузки и удаления, бремя мониторинга лежит на правообладателе.

2. Европейская/российская модель. Директива ЕС об авторском праве на едином цифровом рынке (2019) обязала крупные платформы получать лицензии от правообладателей на размещаемый пользователями контент. Если лицензии нет, платформа должна предотвратить появление такого контента (фактически – внедрить премодерацию и фильтры, ст. 17). Это переход от «безопасной гавани» к превентивной ответственности.

Российское законодательство (в основном, ст. 1253.1 ГК РФ) следует логике «Notice and take down» – процедуре, по которой интернет-хостеры удаляют незаконный контент по судебному приказу или по заявлению о незаконности материала.

Но в РФ этот подход реализуется с важными особенностями. Так, платформа обязана прекратить нарушение и предотвратить его повторение (например, заблокировать нарушителя); в случае повторного нарушения тем же пользователем после получения уведомления, платформа может быть признана соучастником; для информационных посредников (хостинг-провайдеров) введен институт внесудебной блокировки по требованию правообладателя.

Согласно представленным моделям, правовые проблемы создания и использования пользовательского контента и «гибридных» произведений связаны с особенностями данного контента. Например, мемы, ремиксы, каверы, фан-арт, обзоры часто являются производными произведениями, требующими согласия правообладателя. На практике они создаются массово и без разрешения.

В США механизмы решения определяются доктриной «добросовестного использования», что позволяет судам гибко оценивать, является ли использование (в т.ч. для пародии, комментария, мема) нарушением.

Следует отметить, что новостные агрегаторы (Яндекс.Новости, Google News) используют заголовки, анонсы, фотографии без прямого разрешения издателей.

Для решения проблемы агрегации и фрагментации контента применяются ряд норм.

Например, в ЕС реализуется Директива 2019, которая ввела новое смежное право издателей печатных СМИ на использование их продуктов в цифровой среде на 2 года, согласно которому агрегаторы должны получать лицензию.

В России с 01 октября 2026 года вступает в силу новый закон о платформенной экономике [15], который меняет правила работы маркетплейсов и агрегаторов услуг. Он вводит реестр цифровых платформ, обязательную проверку ими партнеров, прозрачность ранжирования и правила ценовых акций. Это создает модель обязательного коллективного управления правами в цифровой среде.

Данный закон будет комплексно регулировать отношения, возникающие между операторами цифровых платформ и их партнерами (продавцами, исполнителями), а также конечными пользователями в связи с продажей товаров, оказанием услуг или выполнением работ (ч. 1 ст. 1 Закона № 289-ФЗ).

Закон закрепляет обязанность операторов защищать права участников рынка и следить за законностью. На платформе не должно быть незаконного использования персональных данных или запрещенного контента. Все карточки товаров и услуг подлежат проверке на соответствие требованиям: у продавца должны быть лицензии, сертификаты и нужная маркировка.

Иначе оператор несет административную ответственность [15].

Помимо всего прочего, существует такая ситуация, когда контент, генерируемый пользователями, создает массив данных (метаданные, предпочтения), который становится главным активом цифровой платформы. И в этом случае, создается проблема данных как нового объекта правоотношений, поскольку право на данные и их коммерческое использование часто регулируется не правом на интеллектуальную собственность, а правом защиты персональных данных и условиями пользовательского соглашения, где пользователь «дарит» платформе неисключительную лицензию на использование своего контента.

Развитие технологии блокчейна и появление невзаимозаменяемых токенов (NFT) создало новые возможности для творческих предпринимателей, но также породило правовые вызовы:

– неопределенность правового статуса NFT (отсутствие единообразного понимания природы NFT как объекта права);

– проблемы авторского права (сложность определения первоначального правообладателя цифрового актива);

– международная фрагментация регулирования (различные подходы разных юрисдикций к регулированию криптоактивов).

Технологии блокчейн предвещают новую эру управления авторскими правами и их принуждения, предлагая механизмы управления правами интеллектуальной собственностью, которые потенциально могут заменить текущие парадигмы. По своей сути, блокчейн рассматривается как потенциальная эволюция DRM. Блокчейн-системы могут предложить большую безопасность и более сильную защиту от нарушителей посредством кодирования прав пользователей на блокчейне. DLT может точно отслеживать цифровые активы для предоставления доказательств авторства и происхождения. Хеширование создает уникальные «отпечатки пальцев» материалов, защищенных авторским правом, позволяя верификацию авторства и доказательство существования в данный момент времени без раскрытия содержания.

Можно выделить два основных подхода к правовой природе блокчейна: как технологического инструмента для хранения данных (распределенная база данных) или как механизма правовой фиксации прав и обязательств, функционирующего как независимый регулятор [11, 16].

Использование технологии блокчейна как технологического средства обеспечения авторского права позволяет решить традиционные проблемы защиты авторских прав. Это может существовать как публичные реестры объектов авторского права; в этом случае, блокчейн может

использоваться для создания публичных реестров, содержащих информацию о созданных произведениях, правовых спорах и других характеристиках, релевантных для защиты авторского права.

Следует учитывать и негативные стороны NFT как технологии распределенного реестра. Как отмечает Н.О. Шестерин, «NFT представляют собой ненадежную, нестабильную, опасную и юридически бесполезную систему, характеризующуюся экстремальной нестабильностью базовых криптовалют и регулярными обвалами, приводящими к потере первоначальной стоимости» [17].

Анализ современной литературы показывает, что технологии распределенного реестра представляют значительный потенциал для развития сферы защиты авторских прав и управления цифровыми активами [18]. Ключевые преимущества включают неизменяемость записей, прозрачность происхождения, автоматизацию через смарт-контракты и создание глобальных реестров.

Технологии распределенного реестра (блокчейн) предлагают революционные способы установления и доказательства авторства и прав на цифровые активы.

Ключевыми механизмами и примерами их использования являются:

1. Фиксация факта существования и авторства. Это базовое и самое надежное применение. Автор создает цифровой отпечаток (хэш) своего произведения (фото, кода, текста, дизайна) и записывает его в блокчейн. Само произведение в сети не публикуется. Хэш – это уникальная «цифровая ДНК» файла. В любой момент в будущем можно доказать, что файл с такой «ДНК» существовал уже на определенную дату и время. Это служит неоспоримым доказательством первенства. Например, фотограф фиксирует хэш снимка до его публикации в социальных сетях. В случае спора о краже он может показать, что хэш был в блокчейне раньше.

2. Создание и управление уникальными цифровыми активами (NFT – Non-Fungible Tokens). NFT – это цифровые сертификаты, удостоверяющие уникальность и право владения, записанные в блокчейне. Цифровой актив «привязывается» к токenu, который хранится в криптокошельке владельца. История всех транзакций (смены владельцев) публична и неизменна. Покупатель цифрового искусства может убедиться в цепочке владения от самого автора, т.е. очевидно доказательство подлинности и происхождения. В смарт-контракт NFT можно встроить правило, по которому автор автоматически получает процент от каждой последующей перепродажи. NFT может быть ключом к доступу, членству или содержать информацию о лицензии.

3. Регистрация и отслеживание прав через смарт-контракты. Смарт-контракты – это самоисполняющиеся программы на блокчейне. Условия лицензии (срок, территория, размер роялти) прописываются в коде смарт-контракта. Контракт автоматически выдает лицензию при получении платежа и контролирует ее использование. Это может быть очень полезно для прозрачного распределения доходов, например, в проектах с соавторством (например, музыкальных группах) доходы могут распределяться мгновенно и согласно заранее прописанным долям, а также при управлении сложными правами, например, для киноиндустрии – где у многих сторон есть доли в правах на показ, дистрибуцию, мерч.

4. Децентрализованные реестры прав – создание глобальных, публичных и надежных баз данных об объектах интеллектуальной собственности. Организации или консорциумы могут создавать специализированные блокчейны (например, для регистрации патентов, товарных знаков или промышленных образцов). Это позволяет упростить поиск, проверку прав и борьбу с подделками, снизить бюрократические издержки и риски человеческой ошибки.

Преимущества такого подхода очевидны - запись в блокчейне практически невозможно подделать или удалить, история создания и передачи прав видна всем (или выбранным сторонам), доступ к сети 24/7 из любой точки мира без центрального органа, уменьшается необходимость в посредниках (нотариусах, некоторых правовых услугах).

При этом следует отметить некоторые важные ограничения и важные нюансы использования технологий распределенного реестра для установления и доказывания авторства и прав на цифровые активы.

Во-первых, происходит установление факта, а не качества. Блокчейн доказывает, что определенный человек создал хэш файла в определенное время, но не проверяет, являетесь ли вы изначально автором, не нарушил ли он чьи-то права, создавая его (плагиат).

Во-вторых, связь с реальным миром имеется, поскольку блокчейн гарантирует истинность данных внутри сети. Но для привязки к реальному автору (например, Иван Иванов) или реальному юридическому лицу требуются доверенные органы или системы верификации (например, государственная электронная подпись).

В-третьих, не до конца установлен официальный юридический статус. Во многих юрисдикциях блокчейн-фиксация признается как электронное доказательство, но еще не является полной заменой официальной регистрации (например, в патентном ведомстве).

В-четвертых, остается проблема хранения данных. В блокчейне, как правило, хранится лишь хэш или ссылка. Сами активы (особенно боль-

шие файлы) хранятся вне цепи (IPFS, Arweave, обычные серверы), и их целостность также нужно обеспечивать.

В целом технологии распределенного реестра – это инструмент для создания глобальной, неизменной и прозрачной системы учета прав. Они идеально подходят для фиксации временных меток, доказательства владения и автоматизации управления правами. Однако они не отменяют полностью традиционные юридические механизмы, а скорее дополняют и усиливают их, создавая технологическую основу для цифровой экономики прав.

Заключение.

Цифровая интеллектуальная собственность не просто трансформирует существующие бизнес-модели - она создает совершенно новые экономические парадигмы, где главным активом становится способность создавать, защищать и эффективно монетизировать нематериальные ресурсы в глобальном цифровом пространстве.

Несмотря на наличие большого количества правовых проблем, интеллектуальная собственность в цифровой форме – это привлекательное направление для развития предпринимательства. Ведь цифровая интеллектуальная собственность кардинально снижает барьеры входа для предпринимателей, поскольку создание и распространение цифрового контента не требует физического производства, один цифровой актив может мгновенно попасть на мировые рынки, также имеется возможность приобретения долей в интеллектуальных активах через токенизацию.

Цифровая интеллектуальная собственность открывает новые горизонты для креативного предпринимательства. Это – развитие NFT и цифрового коллекционирования (создание новых рынков для художников и музыкантов), виртуальных активов и метавселенных (возможность монетизации виртуального контента), генерирующего искусственного интеллекта и права на данные (новые формы владения результатами машинного обучения).

При этом цифровая интеллектуальная собственность способствует созданию экосистемных платформ, где множество создателей могут монетизировать свои активы, маркетплейсов интеллектуальной собственности с глобальным охватом, краудфандинговых моделей для финансирования результатов творческой деятельности как объектов интеллектуальной собственности.

В целом будущее предпринимательства в сфере цифровой интеллектуальной собственности связано с интероперабельностью между различными блокчейн-платформами, ИИ-ассистированным управлением интеллектуальными активами, виртуальной и дополненной реальностью как новыми каналами монетизации, устойчивыми бизнес-моделями.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Официальный сайт Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС). URL : <https://www.wipo.int/pressroom/ru/articles/2025/index.html>
2. Официальный сайт консалтинговой компании Brand Finance. URL : <https://brandfinance.com/insights>
3. World Intellectual Property Organization. Intangible Assets in the Global Economy. Geneva : WIPO, 2024. URL : <https://www.wipo.int/ru/web/intangible-assets>
4. Трансформация права в цифровую эпоху : монография / Под ред. А.А. Васильева. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2020.
5. Ворожевич А.С. Возникают ли авторские права на произведения, созданные при помощи искусственного интеллекта? // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2025. № 2. Ч. I. С. 21–27. EDN: ZJKXCJ
6. Ворожевич А.С. Возникают ли авторские права на произведения, созданные при помощи искусственного интеллекта? // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2025. № 3. Ч. II. С. 28–37. EDN: CJHOOV
7. Кирсанова Е.Е. Обзор основных теорий определения правового режима объектов, созданных искусственным интеллектом // Закон. 2023. № 9. С. 36–46. DOI: 10.37239/0869-4400-2023-20-9-36-46 EDN: FQJSBW
8. Терещенко Л.К. Цифровые платформы – новая среда взаимодействия: обзор научно-практического семинара и результаты экспертного опроса / Л.К. Терещенко, О.Е., Стародубова, Н.А. Назаров // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 7. С. 161–171. DOI: 10.61205/S160565900030930-7 EDN: OWLNHC
9. Терещенко Л.К. Цифровые платформы: подходы к регулированию // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 9. С. 163–175. DOI: 10.61205/S160565900031105-9 EDN: GXNHFB
10. Коляса В.С. Авторское право и цифровизация в Российской Федерации – актуальные механизмы защиты авторских прав в цифровой среде // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 10. С. 171–175. DOI: 10.23672/a8344-6005-3298-и EDN: DSOYBI
11. Коляса В.С. К вопросу применения технологии блокчейн в правовой жизни общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 9. С. 112–115. DOI: 10.23672/y3529-2730-0556-t EDN: LNHQKH
12. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (Ч. 1). Ст. 5496.
13. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утратило силу). URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756
14. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. 2 изд., перераб. и доп. ООО ТК Велби, 2003.
15. Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ (вступ. в силу с 01.10.2026) // Собрание законодательства РФ. 2025. № 31. Ст. 4643.
16. Шульженко В.С. Проблемы правового регулирования цифровых платформ в российской правовой системе // Юридическая наука. 2025. № 8. С. 326–328. EDN: HBOKXK
17. Шестерин Н.О. Искусственный интеллект и проблема приоритизации медиаконтента // Ученые записки НовГУ. 2023. № 5(50). С. 402–409. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).402-409 EDN: CCPZGK
18. Шестерин Н.О. Кризис правового статуса генеративного искусственного интеллекта в медиасфере // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2024. № 3(58). С. 57–65. DOI: 10.17308/law/1995-5502/2024/3/57-65 EDN: SYSUJN

References:

1. The official website of the World Intellectual Property Organization (WIPO). URL : <https://www.wipo.int/pressroom/ru/articles/2025/index.html>.
2. The official website of the Brand Finance consulting company. URL : <https://brandfinance.com/insights>
3. World Intellectual Property Organization. Intangible Assets in the Global Economy. Geneva: WIPO, 2024. URL : <https://www.wipo.int/ru/web/intangible-assets>
4. The transformation of law in the digital age : monograph / Edited by A.A. Vasiliev. Barnaul : Publishing House of the Alt. University, 2020.
5. Vorozhevich A.S. Do copyrights arise for works created with the help of artificial intelligence? // Patents and licenses. Intellectual property rights. 2025. № 2. Part I. P. 21–27. EDN: ZJKXCJ

6. Vorozhevich A.S. Do copyrights arise for works created with the help of artificial intelligence? // Patents and licenses. Intellectual property rights. 2025. № 3. Part II. P. 28–37. EDN: CJHOOV
7. Kirsanova E.E. Review of the main theories of determining the legal regime of objects created by artificial intelligence // Law. 2023. № 9. P. 36–46. DOI: 10.37239/0869-4400-2023-20-9-36-46 EDN: FQJSBW
8. Tereshchenko L.K. Digital platforms – a new environment of interaction: a review of a scientific and practical seminar and the results of an expert survey / L.K. Tereshchenko, O.E. Starodubova, N.A. Nazarov // Journal of Russian Law. 2024. Vol. 28. № 7 P. 161–171. DOI: 10.61205/S160565900030930-7 EDN: OWLNHC
9. Tereshchenko L.K. Digital platforms: approaches to regulation // Journal of Russian Law. 2024. Vol. 28. № 9 P. 163–175. DOI: 10.61205/S160565900031105-9 EDN: GXNHFB
10. Kolyasa V.S. Copyright and digitalization in the Russian Federation - current mechanisms of copyright protection in the digital environment // Humanities, socio-economic and social sciences. 2021. № 10. P. 171–175. DOI: 10.23672/a8344-6005-3298- u EDN: DSOYBI
11. Kolyasa V.S. On the issue of the use of blockchain technology in the legal life of society // Humanities, socio-economic and social sciences. 2021. № 9. P. 112–115. DOI: 10.23672/y3529-2730-0556- t EDN: LNHQKH
12. The Civil Code of the Russian Federation (part four) dated 12/18/2006 № 230-FZ (as amended on 07/23/2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. № 52 (Part 1). Art. 5496.
13. Decree of the Government of the Russian Federation dated 07/28/2017 № 1632-r «On approval of the program «Digital Economy of the Russian Federation» (expired). URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756
14. Sergeev A.P. Intellectual property law in the Russian Federation. 2nd ed., revised. and additional information: TC Velbi LLC, 2003.
15. On Certain Issues of Regulating the Platform Economy in the Russian Federation: Federal Law № 289-FZ dated 07/31/2025 (intro. effective from 01.10.2026) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2025. № 31. Art. 4643.
16. Shulzhenko V.S. Problems of legal regulation of digital platforms in the Russian legal system // Legal Science. 2025. № 8. P. 326–328. EDN: HBOKXX
17. Shesterin N.O. Artificial intelligence and the problem of prioritization of media content // Scientific notes of NovSU. 2023. № 5(50). P. 402–409. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).402-409 EDN: CCPZGK
18. Shesterin N.O. The crisis of the legal status of generative artificial intelligence in the media sphere // VSU Bulletin. Series: Law. 2024. № 3(58). P. 57–65. DOI: 10.17308/law/1995-5502/2024/3/57-65 EDN: SYSUJN

Информация об авторах

Меньщикова Вера Ивановна

кандидат экономических наук,
доцент,
заведующая кафедрой экономики,
Институт экономики и качества жизни,
Тамбовский государственный
технический университет
ORCID 0000-0001-8216-2326
menshikova2907@mail.ru

Vera I. Menshchikova

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Economics,
Institute of Economics and Quality of Life,
Tambov State Technical University
ORCID 0000-0001-8216-2326
menshikova2907@mail.ru

Лаврик Татьяна Михайловна

кандидат юридических наук,
доцент,
заведующая кафедрой
гражданского права и процесса,
Юридический институт,
Тамбовский государственный
технический университет
ID 497260
lavriktan@mail.ru

Tatiana M. Lavrik

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department
of Civil Law and Process,
Law Institute,
Tambov State Technical University
ID 497260
lavriktan@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 04.01.2026.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.01.2026.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.01.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-1-16>
УДК 343.1

Attribution

cc by

САНКЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ООН И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СУВЕРЕНИТЕТ ГОСУДАРСТВ: ПРАВОВЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Озимок Д.В.

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению санкционных механизмов ООН и связанные с ними правовые и политические сложности, возникающие вследствие их воздействия на суверенитет государств и постепенного стирания различий между многосторонними и односторонними мерами. Отмечается, что усложнение санкционной практики, её заметная политизация и несоответствие между сформулированными целями и фактическими результатами делают исследование этой темы по-прежнему востребованным. В работе использованы официальные документы и санкционные списки ООН, резолюции Совета Безопасности, отчёты мониторинговых групп, а также данные сравнительного и институционального анализа. Автором были рассмотрены правовые и политические аспекты применения санкций ООН, их влияние на суверенитет государств, и реальная практика функционирования санкционных режимов. Анализ показал, что среди наиболее заметных проблем остаются ограниченная результативность санкций, влияние политических факторов на принимаемые решения и недостаточная прозрачность процедур, что усиливает разрыв между замыслами санкционных мер и их фактическим воздействием. В качестве возможных решений предложено расширить открытость процедур, усилить мониторинг и адаптировать санкционные инструменты к новым международным угрозам.

Ключевые слова: санкции ООН, суверенитет, коллективная безопасность, международное право, политизация санкций, правовые противоречия, Совет Безопасности, легитимность.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

UN SANCTIONS MECHANISMS AND THEIR IMPACT ON THE SOVEREIGNTY OF STATES: LEGAL AND POLITICAL CONTRADICTIONS

Dmitry V. Ozimok

Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics

Abstract. The article is devoted to the consideration of the UN sanctions mechanisms and the legal and political difficulties associated with them, arising from their impact on the sovereignty of states and the gradual blurring of the differences between multilateral and unilateral measures. It is noted that the increasing complexity of the sanctions practice, its noticeable politicization and the discrepancy between the formulated goals and the actual results make the study of this topic still in demand. The work uses official documents and UN sanctions lists, Security Council resolutions, reports from monitoring groups, as well as data from comparative and institutional analysis. The author reviewed the legal and political aspects of the application of UN sanctions, their impact on the sovereignty of states and the actual practice of sanctions regimes. The analysis showed that among the most noticeable problems are the limited effectiveness of sanctions, the influence of political factors on decisions made and insufficient transparency of procedures, which increases the gap between the intentions of sanctions measures and their actual impact. As possible solutions, it is proposed to expand the openness of procedures, strengthen monitoring and adapt sanctions tools to new international threats.

Keywords: UN sanctions, sovereignty, collective security, international law, politicization of sanctions, legal contradictions, Security Council, legitimacy.

Funding: Independent work.

Введение.

Санкции ООН рассматриваются как один из основных инструментов коллективной безопасности. Они закреплены в главе VII Устава и позволяют Совету Безопасности применять меры воздействия без использования вооружённой силы.

За последние десятилетия сама система санкций заметно изменилась: вместо широких экономических блокад всё чаще вводятся точечные, адресные ограничения, что фактически сформировало новую санкционную политику и усложнило её структуру. Параллельно всё труднее проводить чёткую границу между многосторонними санкциями ООН и односторонними мерами отдельных государств, из-за чего возрастает напряжение вокруг принципов суверенного равенства и невмешательства. На этом фоне особый интерес представляет вопрос о том, как полномочия Совета Безопасности пересекаются с политическими интересами постоянных членов и как параллельное применение односторонних рестрикций влияет на восприятие легитимности санкций [1].

Учитывая это, рассмотрение выводов современных исследователей даёт возможность понять, какие элементы суверенитета оказываются под воздействием санкций.

Так, С.А. Виноградова [2] рассматривает санкции прежде всего, как инструмент международно-правового воздействия, который ограничивает экономическую свободу государств, что задаёт отправную точку для дальнейшей дискуссии.

Н.В. Мишина и П.И. Чувахин [3] развивают эту линию, подчёркивая, что односторонние меры, вводимые без чётких юридических критериев, усиливают разрыв между нормами международного права и политическими интересами государств-инициаторов.

Е.С. Родионова [4] акцентирует внимание на различии между санкциями ООН и односторонними рестрикциями, отмечая, что последние обладают меньшей легитимностью и могут подорвать принцип суверенного равенства.

Похожую проблему поднимает А.А. Победин [5], указывая, что санкции нередко затрагивают внутренние дела государств и потому имеют двойственный характер: инструмент давления и одновременно средство поддержания безопасности.

В.А. Оганесян [6] добавляет к этому отсутствие единообразного регулирования, что создаёт правовую неопределённость и способствует политизации санкционной практики. В совокупности эти оценки показывают, что санкции формируют сложный узел правовых и политических противоречий, влияющих на реальный объём государственного суверенитета.

В связи с этим, важно отметить, что после 2021 г. санкционная практика стала заметно сложнее:

экономические и финансовые ограничения превратились в один из основных инструментов внешнеполитического давления и реагирования на кризисы, затрагивая всё больше государств и отраслей.

Одновременное действие санкций ООН и односторонних мер, прежде всего со стороны ЕС, приводит к фрагментации правового пространства и ставит государства-адресаты перед противоречивыми обязательствами.

Нечёткие процедуры введения и отмены санкций, размытые критерии соразмерности и ограниченные гуманитарные исключения усиливают риск нарушений прав человека и влияют на социально-экономическую устойчивость. Одновременно санкции заметно меняют финансовые, технологические и торговые связи, влияя не только на формальный, но и на реальный суверенитет государств. Всё это делает изучение санкционных механизмов ООН и связанных с ними правовых и политических противоречий особенно актуальным.

Таким образом, цель исследования заключается в том, чтобы рассмотреть, какие правовые и политические противоречия формируются вокруг санкционных механизмов ООН и как они отражаются на суверенитете государств.

Материалы и методы.

Материалом исследования послужили официальные документы и нормативные акты ООН, прежде всего, резолюции Совета Безопасности, материалы санкционных комитетов, сводные перечни и отчёты мониторинговых групп, а также данные международных и региональных структур, участвующих в выполнении санкционных решений.

Дополнительную основу для анализа составили статистические данные по отдельным санкционным режимам, обновления раздела List Updates, а также работы современных исследователей, опубликованные в библиотеке CyberLeninka за последние четыре года. Это позволило опереться не только на нормативную базу, но и на актуальные научные оценки санкционной практики.

Использованные методы включали формально-юридический и сравнительно-правовой подходы, а также институциональный анализ и элементы контент-анализа, что дало возможность выявить специфику функционирования санкционных механизмов, их проблемные стороны и реальную эффективность.

Обсуждение. Результаты.

В международном праве санкции рассматриваются как один из инструментов коллективной безопасности, предусмотренный Уставом ООН.

Совет Безопасности вправе применять меры в ситуации угрозы миру или нарушения мира, и такие решения обязательны для всех государств-членов.

Санкции, вводимые на основании статьи 41, охватывают экономические, торговые и ряд иных ограничений, не связанных с применением силы. Они используются не как наказание, а как часть комплексной стратегии по предотвращению эскалации насилия и поддержанию международной стабильности, дополняя дипломатические и миротворческие усилия.

Официальные документы ООН подчёркивают, что государства обязаны выполнять соответствующие резолюции Совета Безопасности в интересах обеспечения мира [7].

В этой связи, важно учитывать, что правовые рамки применения санкций опираются на принципы международного права, включая суверенное равенство государств, невмешательство и соблюдение прав человека.

Хотя Устав ООН допускает применение экономических и финансовых мер для поддержания мира, такие меры должны оставаться соразмерными и правомерными.

Санкции предполагают создание условий для прекращения угрозы, а не карательный характер, поэтому их применение требует учёта международно-правовых ограничений. Именно соблюдение этих принципов определяет легитимность санкций и их соответствие цели поддержания международного мира и безопасности.

Вместе с тем, политико-правовая природа санкционных механизмов ООН проявляется в том, что решения о введении, продлении или корректировке санкций принимаются коллективно, при участии постоянных и непостоянных членов Совета Безопасности, и поэтому неизбежно отражают политические интересы государств-членов.

В 2024–2025 гг. Совет Безопасности продлил ряд целевых санкционных режимов, включая меры против структур ISIL (Da'esh) и Al-Qaida, подтвердив гуманитарные исключения (резолюция 2761 (2024)), а также обновил санкционные мандаты по Гаити и отдельным региональным ситуациям, что демонстрирует сочетание функций коллективного реагирования с политической оценкой угроз [8].

На этом фоне особое значение приобретает взаимодействие с международными и региональными организациями, которые играют ключевую роль в практическом внедрении решений СБ на своих уровнях.

В соответствии с главой VIII Устава, ООН использует потенциал региональных механизмов для поддержания мира и принуждения, что позволяет учитывать специфику отдельных регионов.

Европейский союз прямо указывает на то, что его санкционная политика строится как на выполнении резолюций Совета Безопасности, так и на целях общей внешней и безопасности политики ЕС, причём значительная часть его санкционных режимов основана именно на решениях ООН [9].

На этом фоне воздействие санкционных механизмов ООН на суверенитет государств проявляется более отчётливо, поскольку решения Совета Безопасности, принимаемые в рамках главы VII Устава, обязательны для всех государств-членов и ограничивают их свободу в сфере внешнеэкономической, финансовой и ресурсной политики.

В официальных документах ООН подчёркивается, что меры экономического давления должны соответствовать принципам суверенного равенства, невмешательства и соблюдения прав человека, что объясняет критику односторонних и экстерриториальных санкций как несоответствующих требованиям Устава [7].

Санкции же Совета Безопасности рассматриваются как правомерный инструмент при условии соблюдения принципов законности, пропорциональности и наличия гуманитарных исключений.

В итоге, санкции ООН действительно ограничивают отдельные элементы внешнего суверенитета государств-адресатов, но сохраняют легитимность лишь при строгом следовании международно-правовым нормам, призванным предотвращать их политизированное применение. Правовые и политические противоречия санкционной системы представлены в таблице (табл. 1).

Таблица 1

Правовые и политические противоречия санкционной системы ООН

Элемент противоречия	Содержание
Легитимность санкций ООН	Санкции Совбеза считаются допустимой формой коллективной безопасности при условии соблюдения принципов законности, пропорциональности и гуманитарных исключений
Критика односторонних мер	Генассамблея и СПЧ подчёркивают, что односторонние и экстерриториальные санкции нарушают принципы Устава, суверенное равенство и права человека
Гуманитарные последствия санкций	Ограничение доступа к лекарствам, технологиям и финансированию ставит под сомнение соразмерность мер и их соответствие гуманитарным стандартам
Политизация санкционной практики	Решения о санкциях подвержены влиянию политических позиций государств-членов, особенно постоянных членов СБ, что снижает доверие к санкционным режимам
Коллизия суверенитета и коллективной безопасности	Санкции ограничивают элементы суверенитета, но одновременно необходимы для предотвращения угроз миру; противоречие становится центральным вопросом современного международного права

Несоответствие между заявленными целями санкций ООН и фактическими результатами проявляется достаточно отчетливо: даже при том, что санкции направлены на предотвращение конфликтов, пресечение финансирования вооружённых групп и стимулирование мирных процессов, их влияние нередко оказывается ограниченным.

В материалах Совета Безопасности подчёркивается, что санкции не работают изолированно и требуют параллельных дипломатических, политических и гуманитарных усилий, иначе они почти не меняют поведение адресатов и не приводят к устойчивому урегулированию.

Дополнительный материал для оценки даёт санкционный список по режиму ИГИЛ/«Аль-

Каиды», основные параметры которого приведены на рисунке (рис. 1) и хорошо показывают, как значительный объём ограничений сочетается с крайне скромными политическими результатами.

Мониторинговые группы по ряду режимов (Йемен, Сомали, Ливия, ИГИЛ/Аль-Каида) (табл. 2) [10] регулярно подчёркивают, что, хотя отдельные каналы финансирования действительно перекрываются, без широкой международной поддержки и работающего мирного процесса эти меры не дают существенного эффекта. В итоге разрыв между целями резолюций и реальной динамикой конфликтов становится устойчивой проблемой и формирует одно из ключевых политико-правовых противоречий санкционной системы ООН.

Статистика санкционного перечня 1267 (ISIL / Al-Qaida)

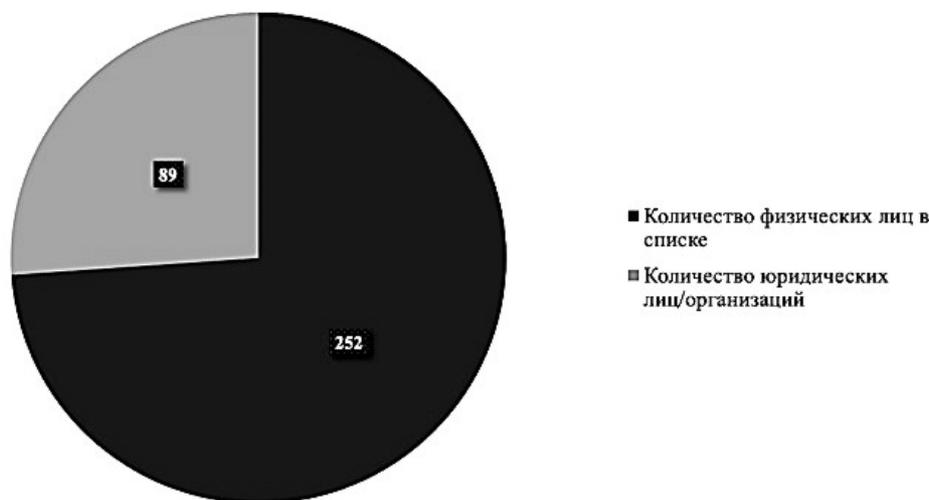

Рисунок 1 – Статистика санкционного перечня 1267 (ISIL / Al-Qaida)

Таблица 2

Правовые и политические разрывы между целями и результатами санкций ООН

Санкционный режим ООН	Заявленные цели санкций	Фактические результаты (по официальным отчётам ООН)
Йемен (SC Res. 2140, 2216; действует по 2024–2025 гг.)	Сдерживание угроз миру, прекращение поставок оружия, давление на стороны конфликта для политического диалога	Ограничение поставок оружия частично соблюдается, но вооружённые группировки продолжают получать ресурсы; политического урегулирования санкции сами по себе не обеспечили
Сомали (SC Res. 2662 (2022) и последующие)	Прекращение финансирования «Аш-Шабаб», контроль торговли углём, стабилизация безопасности	Каналы финансирования сокращены, но группировка по-прежнему активна; стабильность не достигнута без военной и политической поддержки
Ливия (SC Res. 1970, 1973 и последующие до 2024 г.)	Прекращение поставок оружия, поддержка политического процесса, защита гражданского населения	Эмбарго на оружие массово нарушается; политическое урегулирование остаётся нестабильным, влияние санкций ограничено
ISIL/Al-Qaida (SC Res. 1267/1989/2253)	Пресечение глобальных финансовых потоков терроризма	Существенно ограничено финансирование через банки, однако используется криптовалюта и нелегальные каналы; террористическая активность сохраняется
Северная Корея (SC Res. 2397 и др.)	Прекращение ядерной программы и баллистических испытаний	Несмотря на жёсткие санкции, испытания продолжают; санкции не привели к стратегическим изменениям политики

В то же время, проблема недостаточной прозрачности в работе санкционных комитетов ООН проявляется, прежде всего, в том, что процеду-

ры включения и исключения из санкционных списков остаются недостаточно понятными, а сами основания для листинга зачастую недо-

ступны или изложены крайне кратко. Это осложняет возможность обжалования и вызывает сомнения в справедливости принятия решений.

В резолюциях Генеральной Ассамблеи и Совета по правам человека прямо указывается на то, что подобные процедурные пробелы подрывают доверие к санкционным мерам и создают риск произвольного ограничения прав человека, что делает принцип ненадлежащей правовой процедуры обязательным условием легитимности санкционной системы [11].

На необходимость повышения предсказуемости и прозрачности процедур регулярно обращает внимание и Специальный докладчик по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер, отмечая важность доступа к информации и регулярной проверки обоснованности включения в санкционные списки.

Однако проблемы санкционной системы этим не исчерпываются, поскольку санкционные комитеты сталкиваются и с более глубокими институциональными трудностями, связанными с неравномерностью процессуальных гарантий и заметной политизацией отдельных решений. Резолюция S/RES/2744 (2024) действительно расширила полномочия Focal Point for Delisting, однако, сама система по-прежнему остаётся фрагментированной: полноценный механизм Омбудсмана действует только в режиме ИГИЛ/ «Аль-Каиды», тогда как для остальных санкционных режимов аналогичных процедур нет. Это приводит к разному уровню защиты прав лиц, включённых в списки.

Ещё одним проявлением дисфункции стало вето на продление мандата панели экспертов по КНДР в 2024 г., из-за чего комитет фактически лишился основного инструмента независимого мониторинга.

Всё это показывает, что даже при отдельных реформах санкционные комитеты остаются уязвимыми к недостатку прозрачности и политическому влиянию, что только усиливает правовые и политические противоречия всей санкционной системы ООН и отражается на сфере государственного суверенитета.

Это подтверждается официальными данными Совета Безопасности, согласно которым сводный санкционный перечень ООН охватывает весьма широкий круг субъектов – 726 физических лиц и 273 организации, при этом в ряде позиций указана пометка «д/о» (данные отсутствуют). Это не только осложняет идентификацию, но и указывает на неполноту сведений, что само по себе является признаком недостаточной прозрачности.

Аналогичные проблемы просматриваются и в отдельных санкционных режимах: например, в перечне по режиму 1718 (КНДР) числится 80 физических лиц и 75 организаций (данные на 17.09.2024), а в списке 1267 (ИСИЛ/«Аль-Каида») – 254 физических лица и 89 организаций (по состоянию на 16.06.2025) (табл. 3; рис. 2) [12]. При этом основания включения и даты обновления представлены неравномерно, что затрудняет оценку актуальности данных.

Таблица 3

Показатели прозрачности санкционной системы ООН

Показатель	Статистика / Факт
Количество записей в сводном санкционном перечне	Много режимов, в отдельных полях указано «д/о» – данные отсутствуют, что усложняет идентификацию
Изменения в сводном списке (2025)	Десятки записей, обновления фиксируются без унифицированных процедурных пояснений
1718 (Северная Корея)	80 лиц + 75 организаций (данные на 17.09.2024)
1267 (ИГИЛ/Аль-Каида)	254 лица + 89 организаций (данные на 16.06.2025)
Количество санкционных комитетов	Несколько специализированных комитетов, каждый с собственными процедурами

Рисунок 2 – Прозрачность и объём санкционных списков ООН

Дополнительным подтверждением фрагментарности служит раздел «List Updates»: только за 2025 год опубликовано более 40 обновлений, каждое из которых затрагивает по 1–3 субъектам без пояснения мотивов или критериев изменений, что подчёркивает ограниченную прозрачность работы санкционных комитетов [13].

Таким образом, перспективы реформирования санкционных механизмов ООН в значительной степени связаны с тем, что сам Совет Безопасности признаёт необходимость сделать санкционную практику более прозрачной, предсказуемой и процедурно понятной. Речь идёт не только о совершенствовании процедур включения и исключения из санкционных списков, но и о более тесном взаимодействии с государствами-членами, а также о встраивании санкций в общую стратегию поддержания международного мира.

Среди направлений, которые уже сейчас обсуждаются или реализуются, – расширение гуманитарных исключений, усиление роли Focal Point for Delisting и обновление подходов к работе мониторинговых групп. Предполагается, что это поможет снизить риск произвольных решений и сделает применение санкций более соответствующим международно-правовым требованиям. Кроме того, подчёркивается, что санкционные режимы должны учитывать новые типы угроз – от международного терроризма до транснациональной преступности и финансирования вооружённых групп, – а значит, механизмы

контроля должны становиться быстрее и технологичнее.

В итоге, предполагаемые изменения направлены на то, чтобы повысить результативность санкций и укрепить их легитимность как инструмента коллективной безопасности.

Заключение.

Проведённый анализ показывает, что санкционные механизмы ООН занимают двойственное положение: они остаются легитимным инструментом коллективной безопасности, основанным на главе VII Устава, но одновременно сопровождаются серьёзными правовыми и политическими противоречиями.

Обязательный характер решений Совета Безопасности ограничивает отдельные элементы внешнего суверенитета государств и требует строгого соблюдения принципов законности, пропорциональности и гуманитарных исключений. На практике же санкции нередко достигают лишь частичных результатов и не могут обеспечить устойчивое урегулирование без параллельных дипломатических и политических усилий.

Дополнительные проблемы создают политизация решений и непрозрачность процедур санкционных комитетов. Всё это указывает на необходимость реформирования санкционной системы ООН – повышения прозрачности листинга и делистинга, укрепления мониторинга и адаптации санкций к современным угрозам, что позволит повысить их эффективность и легитимность.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Алаамери А.Х. Понятие и содержание международно-правовых санкций // Международный научный вестник. 2024. № 8. С. 19–22.
2. Виноградова С.А. Влияние экономических санкций на правовой суверенитет // Право и управление. 2023. № 3. С. 66–71. DOI:10.24412/2224-9133-2023-3-66-71
3. Мишина Н.В. Международно-правовые основы применения односторонних мер экономического воздействия / Н.В. Мишина, П.И. Чувахин // Юридическая наука. 2023. № 6. С. 185–191.
4. Родионова Е.С. Экономико-правовая природа санкций: степень их легальности и эффективности с точки зрения международного права // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2023. № 4(18). С. 24–34. DOI:10.22394/2686-7834-2023-4-24-34
5. Победин А.А. Международные экономические санкции: структура и сценарии реализации / А.А. Победин, Д.В. Федулов // Вопросы управления. 2023. № 4(83). С. 20–32.
6. Оганесян В.А. Актуальные проблемы международного права в контексте изменяющегося мирового порядка // European and Asian Law Review. 2023. № 3. С. 29–50. DOI:10.34076/27821668_2023_6_3_29
7. United Nations Security Council. Sanctions – Information. URL : <https://main.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/information> (date of application 24.12.2025).
8. United Nations Security Council. ISIL (Da'esh) and Al-Qaida Sanctions Committee – Resolutions. URL : <https://main.un.org/securitycouncil/en/sanctions/1267/resolutions> (date of application 24.12.2025).

9. European Commission. EU Sanctions – Overview and Related Resources. URL : https://finance.ec.europa.eu/eu-and-world/sanctions-restrictive-measures/overview-sanctions-and-related-resources_en (date of application 24.12.2025).
10. United Nations Security Council. ISIL (Da'esh) and Al-Qaida Sanctions List. URL : https://main.un.org/securitycouncil/en/sanctions/1267/aq_sanctions_list (date of application 24.12.2025).
11. Office of the High Commissioner for Human Rights. Special Rapporteur on the Negative Impact of Unilateral Coercive Measures. URL : <https://cglj.org/human-rights-oversight/united-nations/human-rights-council/special-procedures/special-rapporteur-on-the-negative-impact-of-unilateral-coercive-measures-on-the-enjoyment-of-human-rights> (date of application 24.12.2025).
12. United Nations Security Council. DPRK Sanctions Committee (1718) – Materials. URL : <https://main.un.org/securitycouncil/en/sanctions/1718/materials> (date of application 24.12.2025).
13. United Nations Security Council. UN Consolidated Sanctions List. URL : <https://main.un.org/securitycouncil/ru/un-sc-consolidated-list> (date of application 24.12.2025).
14. UN Press. Security Council – Press Release SC/15401. URL : <https://press.un.org/en/2023/sc15401.doc.htm>(date of application 24.12.2025).

References:

1. Alameri A.H. the concept and content of international legal sanctions // International Scientific Bulletin. 2024. № 8. P. 19–22.
2. Vinogradova S. A. the impact of economic sanctions on legal sovereignty // Law and management. 2023. № 3. P. 66-71. DOI:10.24412/2224-9133-2023-3-66-71
3. Mishina N.V. International legal bases for the application of unilateral economic impact measures / N.V. Mishina, P.I. Chuvakhin // Legal science. 2023. № 6. P. 185-191.
4. Rodionova E.S. The economic and legal nature of sanctions: the degree of their legality and effectiveness from the point of view of international law // Theoretical and applied Jurisprudence. 2023. № 4(18). P. 24–34. DOI:10.22394/2686-7834-2023-4-24-34
5. Pobedin A.A. International economic sanctions: structure and implementation scenarios / A.A. Pobedin, D.V. Fedulov // Management issues. 2023. № 4(83). P. 20–32.
6. Oganeyan V.A. Actual problems of international law in the context of the changing world order // European and Asian Law Review. 2023. № 3. P. 29–50. DOI:10.34076/27821668_2023_6_3_29
7. United Nations Security Council. Sanctions – Information. URL : <https://main.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/information> (date of application 24.12.2025).
8. United Nations Security Council. ISIL (Da'esh) and Al-Qaida Sanctions Committee – Resolutions. URL : <https://main.un.org/securitycouncil/en/sanctions/1267/resolutions> (date of application 24.12.2025).
9. European Commission. EU Sanctions – Overview and Related Resources. URL : https://finance.ec.europa.eu/eu-and-world/sanctions-restrictive-measures/overview-sanctions-and-related-resources_en (date of application 24.12.2025).
10. United Nations Security Council. ISIL (Da'esh) and Al-Qaida Sanctions List. URL : https://main.un.org/securitycouncil/en/sanctions/1267/aq_sanctions_list (date of application 24.12.2025).
11. Office of the High Commissioner for Human Rights. Special Rapporteur on the Negative Impact of Unilateral Coercive Measures. URL : <https://cglj.org/human-rights-oversight/united-nations/human-rights-council/special-procedures/special-rapporteur-on-the-negative-impact-of-unilateral-coercive-measures-on-the-enjoyment-of-human-rights> (date of application 24.12.2025).
12. United Nations Security Council. DPRK Sanctions Committee (1718) – Materials. URL : <https://main.un.org/securitycouncil/en/sanctions/1718/materials> (date of application 24.12.2025).
13. United Nations Security Council. UN Consolidated Sanctions List. URL : <https://main.un.org/securitycouncil/ru/un-sc-consolidated-list> (date of application 24.12.2025).
14. UN Press. Security Council – Press Release SC/15401. URL : <https://press.un.org/en/2023/sc15401.doc.htm>(date of application 24.12.2025).

Информация об авторе

Озимок Дмитрий Викторович
аспирант,
Санкт-Петербургский университет
технологий управления и экономики
ozimokdv@gmail.com

Dmitry V. Ozimok
Postgraduate Student,
Saint Petersburg University of Management
Technologies and Economics
ozimokdv@gmail.com

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 27.12.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.01.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.01.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-1-18>

УДК 340

Attribution

cc by

ЗАНЯТИЕ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ (СТ. 210.1 УК РФ): ГЕНЕЗИС КРИМИНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Прошин В.М.

Московская коллегия адвокатов «Защита»

Аннотация. Привлечение к уголовной ответственности по ст. 210.1 УК РФ основано на допущении доказанности факта того, что носитель данного статуса сознательно включён в преступную деятельность как субъект, инициирующий усилия по организации и контролю преступной деятельностью, по популяризации преступной жизни и пополнению рядов преступного мира. Качественный состав лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии меняется в пользу тех, кто положительно относится к вопросам допустимости личного обогащения и условиям жизни в материальной роскоши. Именно последние оказывают влияние на место, роль и возможности преступного сообщества в системе финансово-экономических отношений и меняющейся в соответствии с этим социальной среде, обеспечивая авторитет «вора в законе» в преступной среде своим политическим, административным и финансовым ресурсом влияния, основанном на коррупционных связях с представителями различных этажей муниципальной и федеральной власти, включая правоохранительные органы. Финансовые возможности и широкий спектр услуг уголовного характера являются основой для делового союза субъектов высшей ступени преступной иерархии с представителями различных ступеней административно-политической власти государства, с конкурирующими между собой промышленными, финансовыми и политическими кланами.

Ключевые слова: преступление, преступная среда, вор в законе, иерарх преступного мира, криминальный авторитет, коррупционные связи, воровское понятие, воровской закон, воровские традиции, правовая презумпция, преступная деятельность, правоохранительные органы, нелегальный доход, распределение сфер влияния, орган власти, коррупционный интерес.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

OCCUPYING A HIGH POSITION IN A CRIMINAL HIERARCHY (ARTICLE 210.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION): THE GENESIS OF CRIMINAL DEVELOPMENT

Vladimir M. Proshin

Moscow Bar Association «Zashchita»

Abstract. Criminal liability under Article 210.1 of the Russian Criminal Code is based on the presumption that the bearer of this status is knowingly involved in criminal activity as an individual initiating efforts to organize and control criminal activity, promote criminal activity, and recruit members of the underworld. The qualitative composition of individuals occupying the highest positions in the criminal hierarchy is shifting in favor of those who favor the permissibility of personal enrichment and a life of material luxury. It is the latter who influence the place, role, and capabilities of the criminal community within the system of financial and economic relations and the correspondingly changing social environment, ensuring the authority of the «thief in law» within the criminal underworld through their political, administrative, and financial influence, based on corrupt connections with representatives of various levels of municipal and federal government, including law enforcement agencies. Financial opportunities and a wide range of criminal services are the basis for a business alliance between subjects at the highest level of the criminal hierarchy and representatives of various levels of the administrative-political power of the state, with competing industrial, financial and political clans.

Keywords: Crime, criminal environment, thief in law, hierarch of the criminal world, criminal authority, corrupt connections, thieves' concept, thieves' law, thieves' traditions, legal presumption, criminal activity, law enforcement agencies, illegal income, distribution of spheres of influence, government agency, corrupt interest.

Funding: Independent work.

© Прошин В.М.

Введение.

Преступная среда России, опирающаяся на преступные традиции советского периода времени и уходящая корнями в криминальный мир дореволюционной России, живёт по воровским понятиям, которые представляют из себя неписанные правила и нормы поведения воровского сообщества, как обособленной социальной группы преступников, отвергающих и противодействующих государству в лице любых его органов и их представителей.

Хранителями воровских традиций и имеющими право толковать воровские понятия (законы) являются «воры в законе» (иногда именуемые при определённых обстоятельствах «положенцами»), что в соответствии с воровскими традициями соответствует высшему положению в преступной иерархии. Именно приобретение данного статуса в преступной иерархии и является окончательным преступлением согласно ст. 210.1 УК РФ [1].

В основание для квалификации данного преступления окончательным заложен принцип правовой презумпции. То есть, привлечение к уголовной ответственности по ст. 210.1 УК РФ основано на допущении доказанности связанных между собой обстоятельств, а именно: факт занятия высшего положения в преступной иерархии предполагает возложение соответствующим «положенцем» («вором в законе») на себя обязанности, согласно воровским традициям, инициировать и организовывать преступную деятельность, толковать «воровской закон» в части прав и обязанностей живущего по воровским понятиям лица в отношениях с представителями преступного мира и в социальной среде в целом, разрешать споры и «вести разборки» в преступной среде, распределять и контролировать доходы от этой деятельности на подконтрольной территории, доставшейся последнему согласно распределению сфер влияния на «воровской сходке» с равными по положению лицами.

Как указала Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в Кассационном определении от 20.06.2023 г. № 2-УД23-9-А2 по уголовному делу И.Е. Синицына, И.М. Кодуа, В.В. Журкина, осуждённых, в том числе по ст. 210.1 УК РФ: «...У Судебной коллегии нет оснований не соглашаться с указанным выводом суда, поскольку в ст. 210.1 УК РФ установлена ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии, по своему содержанию, представляющее собой общественно опасное деяние, заключающееся в непрерывном осуществлении функций авторитетного руководителя в преступной иерархии, связанных с решением возникающих в преступном мире конфликтов, установлением и распространением криминальных правил поведения среди лиц уголовно-преступной среды, принятием решений по разделу сфер криминального влияния, взысканием долгов, аккумуляцией и направлением денежных

средств и предметов в целях обеспечения деятельности преступной иерархии и материальной помощи лицам, отбывающим наказание в исправительных учреждениях, координацией деятельности представителей уголовно-преступной среды, что являлось предметом доказывания по настоящему уголовному делу. При этом закон не предусматривает в качестве обязательных признаков состава указанного преступления ни принадлежность лица к какому-либо конкретному преступному сообществу (преступной организации), ни руководство данными преступными формированиями, ни определение административно-территориальных границ распространения властных полномочий криминального характера в структуре преступной иерархии, ни установление конкретной сферы преступной деятельности» [2].

Результаты.

Качественный состав лиц на территории России, занимающих высшее положение в преступной иерархии, с началом частнопредпринимательской деятельности существенно изменился и продолжает меняться. По отношению к вопросам допустимости личного обогащения и условий жизни в материальной роскоши, нарушающих «старые» воровские традиции, в среде лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, произошло разделение на две категории: на тех, кто придерживается «старых» воровских традиций о недопустимости материального накопительства в личных целях и условий роскоши в повседневной жизни, и тех, кто принял это как неизбежный результат капиталистических отношений и относится к этому положительно.

Это деление стало импульсом трансформации качественного состава преступного мира России в целом, являясь одновременно и почвой для вызревания криминальных закономерностей новых форм и направлений преступной деятельности и механизмов совершения преступлений, а также источником перемен во взгляде на место, роль и возможности преступного сообщества в системе финансово-экономических отношений и меняющейся в соответствии с этим социальной среде.

Круг лиц, придерживающихся старых понятий воровского закона, постоянно сужается, неминуемо приближаясь к историческому этапу завершения своего существования. Ибо фундаментом авторитета в преступном мире, ранее основанном на традициях следования понятиям, толкование которых «авторитеты» этого мира и осуществляли, стали материально-денежные средства, способные обеспечить авторитет «вора в законе» в преступной среде своим политическим, административным и финансовым ресурсом влияния, основанном на коррупционных связях с представителями различных этажей муниципальной и федеральной власти, включая правоохранительные органы. То есть, финансовые

средства и обеспечивающие их успешный легальный и нелегальный оборот механизмы, как основа доступа к административной и политической власти местного и федерального уровня, являются приоритетной целью и фактором успешности обеспечения масштабной преступной деятельности.

Вектор толкования воровских традиций, принимая во внимание что это свод неписанных правил, качнулся в сторону учёта вышеназванных приоритетов. Сила авторитета в преступном мире, не подкреплённая финансовыми средствами и административно-политическим ресурсом различных уровней власти, иницирующего влияния на масштабный контроль организованной преступной деятельности практически никакого не имеет, кроме выражения формального уважения в определённых церемониях межличностного общения в преступной среде.

Большинство лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, понимая обновлённый характер зарождения источников криминальных закономерностей и тенденции их развития в системе общественно-экономических отношений, ориентированы не просто на личное материальное обогащение, а на использование финансовых поступлений от преступной деятельности для встраивания в различные этажи административно-политической власти с целью, как легального, так и нелегального добывания средств в режиме нарушения и игнорирования законодательных требований при согласованном коррумпированном попустительстве правоохранительных органов, и опираясь на оплачиваемый коррумпированный состав представителей муниципальной и государственной власти.

При этом следует отметить, что лицо, занявшее высшее положение в преступной иерархии не может не заниматься преступной деятельностью. Возложение данного статуса требует от его носителя не просто включения в преступную деятельность, а иницирующих усилий по организации и контролю преступной деятельностью, по популяризации преступной жизни и пополнению рядов преступного мира и т.д. Если лицо в статусе «вора в законе» не хочет далее заниматься преступной деятельностью, он должен объявить в преступной среде о том, что он «завязал», то есть прекратил преступную деятельность, что автоматически влечёт по декларируемому результатам толкования «воровского закона» снятие данного статуса.

Таким образом, при доказанности обстоятельств занятия ступени высшего положения в преступной иерархии, что квалифицируется как осознанное умышленное действие, участие в преступной деятельности с позиции её контроля и организации, определения направления, условий и форм преступной деятельности доказываются отдельными обстоятельствами проявления авторитарных полномочий «вора в законе», а по многим иным организационным направлениям

осуществления руководства преступной деятельностью презюмируется.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в Кассационном определении от 13.08.2024 г. № 82-УД24-5-А2 указала: «...В приговоре приведено, в чем конкретно выразились действия, свидетельствующие об авторитете и лидерстве Е.И. Петрова в преступной иерархии как лица, занимающего в ней высшее положение, выводы о наличии в его действиях состава преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, подтверждены конкретными доказательствами.

Так, согласно показаниям свидетелей под псевдонимами «В.», «К.», «Р.» и других засекреченных свидетелей, на протяжении длительного времени Е.И. Петров, имея прозвище «<...>», является «положенцем», «смотрящим за городом», наделен был этим статусом «вором в законе» по прозвищу «<...>» (Т.) в силу своего статуса он разрешал различные вопросы, возникавшие в деятельности лиц из криминальной среды, урегулировал конфликты между ними, назначал «смотрящих» в исправительных учреждениях, контролировал «общак», часть которого направлялась «ворам в законе» на их содержание, а часть – в виде продуктов питания и сигарет – в исправительные колонии для осужденных» [3].

Казалось бы, если «вор в законе» официально занимается предпринимательской деятельностью, успешно контролируя на отдельных территориях либо в отдельных отраслях определенные виды бизнеса, успешно зарабатывает средства, обеспечивающие материальное благополучие, зачем заниматься преступной деятельностью?

На это есть две причины.

Первая заключается в том, что у представителей преступного мира есть понимание того, что материальное благополучие лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, основано на финансовых успехах от преступной деятельности как таковой, в том числе и преступной деятельности, обеспечивающей успешность предпринимательской деятельности. Прекращение преступной деятельности означает сложение статуса «вора в законе», и, как следствие, материально-финансовые средства, добытые в результате осуществления организационно-контрольных функций преступной деятельности, следует оставить преступному сообществу.

Вторая причина состоит в том, что именно преступная деятельность позволяет по «новому» мышлению «иерархам» преступного мира в разы увеличивать материальную отдачу от любого вида бизнеса, когда он сопровождается и обеспечивается противозаконной деятельностью в следующих направлениях:

— контроль и ведение теневых (незаконная предпринимательская деятельность, деятельность без государственной регистрации) в том числе преступных (наркоторговля, торговля оружием и т.д.) видов бизнеса, использование доходов от которых в легальном бизнесе повышает его конкурентоспособность за счёт привлечения оборотных средств низкой стоимости, повышает быстроту, маневренность и эффективность оборачиваемости капитала;

— получение доли доходов от преступной (доля на «общак») деятельности на подконтрольной территории, доставшейся соответствующему «положенцу» согласно распределению сфер влияния на «воровской сходке» с равными по положению лицами, распределение и контроль использования данных средств;

— использование различных организационно-правовых форм и средств уклонения от уплаты налогов и иных обязательных платежей;

— формирование и использование коррупционных связей с представителями властных органов и организаций различных этажей власти, злоупотребляющих властью в личных и групповых интересах с целью материального обогащения;

— использование различных форм халатности, корысти, угроз, шантажа и физической расправы в деловых отношениях с представителями контрагентов и третьих лиц, чьи интересы стоят на пути контролируемого бизнеса, прибыльность ведения которого обеспечивается в том числе преступными методами и действиями.

Обсуждение.

Всё выше сказанное оправдывает отнесение преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, к высокой степени общественной опасности. К тому же, сам факт существования лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии на территории определённых муниципальных образований и субъектов федерации, является постоянным криминальным источником высокой степени влияния на уровень коррупции в служебной деятельности представителей государственных органов власти на соответствующих территориях, что значительно усиливает результат негативного влияния на конституционные основы государственности.

Появление качественно новой волны представителей высшей иерархии преступного мира, исповедующих гибкость в толковании «воровского закона» в части отношения к роскоши, личному обогащению, деловым и партнерским связям с представителями властных структур, к реализации возможности официального вхождения в эти структуры, формирует деловую почву для сближения жизненной позиции данных лиц со многими коррупционными представителями государ-

ственных органов различных ведомств, жизненная позиция которых в отношении материальной выгоды в любой форме и сфере своего проявления отрицает постановку вопроса о балансе публичных и частных интересов - в приоритете только частный интерес.

Подходы к пониманию направлений возможного материального обогащения и обеспечению условий материального благополучия во многих аспектах у данных лиц совпадают. Это — допустимость возможности, а в отдельных случаях и необходимость нарушения требований закона, игнорирование законодательных рамок дозволенного в стремлении обеспечить достижение личного интереса в ущерб публичным интересам и интересам третьих лиц. В силу этого у данных лиц, отправляющих свои статусные обязанности в ущерб государственным интересам, возникает потребность в уголовно наказуемых услугах в рамках партнёрских отношениях на коррупционной основе в сфере хозяйственного и гражданского оборота, в сфере как легальной, так и нелегальной деловой бизнес-активности в целом на почве стремления к материальному обогащению и допуску к власти. И в данном случае, допущение (презумирование) наличия данного направления деловой активности со стороны лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, как реализующих статусную обязанность поступления средств в «общак» (в «воровскую кассу»), в том числе на основе использования коррупционных связей, значительно повышает степень общественной опасности предусмотренного статьёй 210.1 УК РФ преступления.

Соединение на этой основе в деловом союзе субъектов высшей ступени преступной иерархии с представителями различных ступеней административно-политической власти государства, с конкурирующими между собой промышленными, финансовыми и политическими кланами, расшатывает морально-нравственные устои общества, дестабилизирует систему экономических и социальных отношений, подрывает конституционные основы государства.

Вхождение «иерархов» преступного мира в муниципальные и федеральные этажи административно-политической государственной власти знаменует собой формирование и встраивание в структуру органов государственной власти преступно-коррупционного механизма перераспределения бюджетных средств и контроля направления и условий инвестиционных потоков в интересах представителей преступно-коррупционного делового союза и в ущерб интересам государства.

Причинно-следственное направление развития вышеуказанных обстоятельств во времени и пространстве, подчиняясь криминальным закономерностям формирования события преступ-

ления, рождает глобальный конфликт интересов: с одной стороны, между конституционно провозглашённым развитием государства как социального и правового, с другой – стремлением преступно-коррупционных кругов направить развитие государства как механизм, обеспечивающий их корыстные интересы. Данный дисбаланс интересов является, как питательной средой для успешного решения на территории России вопросов, находящихся в сфере интересов транснациональной организованной преступности, так и значимым элементом в моделировании системы глобального противостояния интересам России со стороны недружественных государств.

Доминирующая потребительская жизненная позиция представителей коррупционной части государственного чиновничьего аппарата, управляющая их поведением, характеризуется психологической и волевой готовностью к незаконному материальному обогащению, как путём злоупотребления и (или) превышения должностных полномочий в личных и групповых интересах, так и путём совершения иных преступлений, обеспечивающих достижение конечных корыстных целей, но в данном случае уже опосредованно руками представителей «традиционного» преступного мира, для кого преступная деятельность во всех её проявлениях является профессиональным промыслом. Именно последние, опираясь на их авторитет и организационно-контрольные возможности в преступном мире, проникшим во все сферы легальной и нелегальной предпринимательской деятельности, обеспечивают предложением постоянный и устойчивый спрос на уголовно-наказуемые услуги со стороны коррупционного чиновничества и обеспечение для него гарантий легализации преступных доходов и защиту их инвестиций от посягательств конкурирующих преступных объединений.

Лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, с точки зрения масштаба и линейки возможностей, являются наиболее удачным вариантом преступного сотрудничества для представителей государственных органов, незаконно обогащающихся на злоупотреблении властью и полномочиями в личных и групповых интересах.

Следовательно, толкование «воровского закона» лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии, в направлении оправдания преступно-делового сотрудничества с коррупционными кругами представителей органов государственной власти основано на сложившемся понимании источника силы и устойчивости преступного мира, авторитет и успешность эволюции которого в дальнейшем будет определяться, по их мнению, доступом к бюджетным ресурсам, к определению условий государственного контроля за инвестициями и социальному распределению.

Заключение.

Сбои и правовые пробелы со стороны государства в контроле за гарантиями и условиями развития предпринимательства и частной собственности в сфере гражданского и хозяйственного оборота, за сбалансированным и справедливым социальным распределением и, как следствие, игнорирование интересов лиц, стремящихся к ведению бизнеса в рамках закона, недостаточная государственная поддержка незащищённых слоев населения, деформировали морально-нравственные устои общества, нарушив баланс потребностей между интеллектуальным духовно-нравственным развитием и необходимым материальным благополучием, что привело к переключению приоритета внимания на цели материального обогащения, как потребности выживания.

Именно в этой парадигме развития общественных отношений вызревали и давали свои плоды криминальные закономерности, меняющие подходы к толкованию «воровского закона» и формированию поведенческой основы коррупционной деятельности представителей государственных органов.

Доступ к формированию, распределению и использованию различных денежных фондов, к участию в контроле за частными и государственными инвестициями со стороны лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, обеспечивает последним поддержание авторитета в преступном мире и силу влияния на организацию и контроль преступной деятельности в соответствии с распределением сфер влияния с равными по положению лицами.

Наличие постоянного заказчика на коррупционные услуги в лице субъектов, занимающих высшее положение в преступной иерархии, обеспечивает получение постоянной коррупционной ренты в ходе отправления властно-управленческих полномочий представителями государственных органов, а с другой стороны, деловые отношения с «положителями» преступного мира обеспечивают прикрытие от законной инициативы отдельных лиц, чьи интересы пострадали от проявления коррупции, прикрытие от представителей («правдоискателей») средств массовой информации, обеспечивают формирование необходимого общественного мнения на отдельной территории и т.д.

Все выше упомянутые факторы, создавая причинно-следственную неизбежность преступного союза лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, и коррупционного чиновничества государственных органов, формируют в то же время законную основу для допущения (презумпции), что доказанность обстоятельства занятия высшего положения в преступной иерархии является достаточным основанием для вывода о совершении особо тяжкого преступления (ст. 210.1 УК РФ).

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996г. № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025 г.).
2. Кассационное определение Судебной коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20.06.2023 г. № 2-УД23-9-А2.
3. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13.08.2024 г. № 82-УД24-5-А2.

References:

1. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, № 63-FZ (as amended on October 15, 2025).
2. Cassation Ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of June 20, 2023, № 2-UD23-9-A2.
3. Cassation Ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of August 13, 2024, № 82-UD24-5-A2.

Информация об авторе

Прошин Владимир Михайлович
адвокат Московской коллегии адвокатов «Защита»
advokat.proshin.v.m@gmail.com

Vladimir M. Proshin
Lawyer of the Moscow Bar Association «Zashchita»
advokat.proshin.v.m@gmail.com

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 01.11.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 05.12.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.01.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-1-21>
УДК 343.352.7

Attribution

cc by

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Симонова Т.А.

Омская академия МВД России

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные стратегии борьбы с коррупцией в системе органов внутренних дел (далее – ОВД). Особое внимание уделяется действующему антикоррупционному законодательству и запланированным действиям Министерства внутренних дел Российской Федерации (МВД России) в период с 2025 по 2028 год, направленным на искоренение коррупционных практик. Статья также затрагивает тему развития общественного контроля над деятельностью ОВД, подчеркивая важность гражданского участия в обеспечении прозрачности и законности работы полиции. Кроме того, анализируются вопросы организации политико-воспитательной работы в МВД России, призванной повысить правовую грамотность как личного состава, так и населения в целом. Отдельный блок посвящен формированию личности курсанта и слушателя образовательных учреждений МВД России, с акцентом на воспитание законопослушного гражданина, придерживающегося принципов законности и нетерпимости к коррупции. В статье рассмотрены антикоррупционные стандарты поведения, обязательные для сотрудников ОВД. Нейтрализация коррупционных проявлений в государственных структурах требует комплексной стратегии, объединяющей юридические, психологические, образовательные и управленческие методы. Несмотря на развитие антикоррупционного законодательства и государственной политики, а также активную деятельность Министерства внутренних дел Российской Федерации, необходимо стимулировать участие гражданского общества в антикоррупционных мероприятиях, трансформировать подходы к повышению правовой культуры населения и сотрудников органов внутренних дел. Следует усилить профессиональную подготовку кадров для работы в органах внутренних дел, соблюдая принцип единства образовательного и воспитательного процессов.

Ключевые слова: коррупция, органы внутренних дел, антикоррупционные механизмы, повышение уровня правовой осведомленности, политико-воспитательная деятельность, гражданский контроль, противодействие коррупции.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

COUNTERING CORRUPTION IN PUBLIC AUTHORITIES

Tatiana A. Simonova

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. This article discusses the main strategies for combating corruption in the system of internal affairs bodies (hereinafter referred to as ATS). Special attention is paid to the current anti-corruption legislation and the planned actions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (MVD of Russia) in the period from 2025 to 2028, aimed at eradicating corrupt practices. The article also touches on the development of public control over the activities of the police department, emphasizing the importance of civic participation in ensuring transparency and legality of police work. In addition, the issues of organizing political and educational work in the Ministry of Internal Affairs of Russia, designed to improve the legal literacy of both personnel and the general population, are analyzed. A separate section is devoted to the formation of the personality of a cadet and a student of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia, with an emphasis on educating a law-abiding citizen who adheres to the principles of legality and intolerance to corruption. The anti-corruption standards of conduct that are mandatory for police officers are considered. The neutralization of corruption in government structures requires a comprehensive strategy that combines legal, psychological, educational and managerial methods. Despite the development of anti-corruption legislation and state policy, as well as the active work of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, it is necessary to stimulate the participation of civil society in anti-corruption activities, trans-

form approaches to improving the legal culture of the population and employees of law enforcement agencies. It is necessary to strengthen the professional training of personnel for work in the internal affairs bodies, observing the principle of unity of educational and educational processes.

Keywords: corruption, law enforcement agencies, anti-corruption mechanisms, raising legal awareness, political and educational activities, civic oversight, combating corruption.

Funding: Independent work.

Введение.

Значимость исследуемой проблематики определяется широким распространением коррупционных практик в российском обществе, затрагивающих государственные и муниципальные органы власти.

В условиях современной социально-экономической системы, функционирующей на основе рыночных механизмов, коррупция оказывает деструктивное воздействие на социальную структуру и механизмы её поддержания. Коррупционные действия искажают нормальное функционирование экономики, подрывают доверие к государственным институтам и препятствуют устойчивому развитию.

Правительство Российской Федерации определило приоритетные направления деятельности, акцентируя внимание на эффективном предотвращении коррупционных правонарушений и формировании антикоррупционного кодекса поведения для сотрудников государственного аппарата. Данный акцент указывает на высокую важность проблемы, что было отмечено Президентом В.В. Путиным в апреле 2024 года в рамках ежегодного расширенного заседания коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации [1]. Президент подчеркнул необходимость последовательной и систематической борьбы с коррупцией со стороны правоохранительных органов, в том числе и в рядах самого МВД России.

Одновременно, в соответствии с положениями Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, одним из ключевых направлений обеспечения стратегического национального приоритета – государственной и общественной безопасности – является искоренение коррупции. Это свидетельствует о комплексном подходе государства к решению проблемы коррупции, рассматриваемой как фактор, угрожающий национальной безопасности страны. Усилия направлены на создание механизмов, препятствующих коррупционным действиям, и на формирование культуры неприятия коррупции в обществе.

Проведено исследование действующих антикоррупционных инструментов, выполнена оценка их результативности и предложены направления для их оптимизации.

Основой для данного исследования явились нормативные акты, регулирующие противодействие коррупции в Российской Федерации, науч-

ные работы, посвященные изучению данной проблематики, а также аналитические и статистические данные о практике борьбы с коррупционными проявлениями в органах внутренних дел.

В процессе исследования применялись общенаучные методы познания, такие как описание, анализ, синтез и индукция, направленные на изучение правовых феноменов. Кроме того, были задействованы научно-исследовательские методы, включая юридико-догматический метод и метод анализа содержания нормативных правовых актов.

Обсуждение.

Основная сложность в борьбе с коррупцией заключается в её скрытом характере, когда противоправные действия тщательно маскируются. Эта система основана на принципе рециркуляции финансовых средств, вовлечении чиновников высокого ранга и затруднительности, а то и невозможности, осуществления контроля над учреждениями, где коррупционные схемы процветают.

Коррупция подрывает доверие к государственным институтам, замедляет экономический рост и препятствует социальной справедливости.

Эффективная борьба с коррупцией требует комплексного подхода, включающего усиление прозрачности и подотчётности в государственных органах, ужесточение наказаний за коррупционные правонарушения, а также повышение осведомлённости граждан о негативных последствиях коррупции.

Разработка антикоррупционных правовых норм в Российской Федерации началась с интеграции антикоррупционных положений в специализированные нормативные документы. После принятия Федерального закона № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» в декабре 2008 года законодательство претерпело ежегодные модификации, ориентированные на усовершенствование антикоррупционных процедур.

Значительный акцент делался на укрепление антикоррупционной защиты для работников государственного аппарата, регламентацию аспектов служебной этики и коллизии интересов, а также развитие механизмов юридической ответственности. В соответствии с Указом Президента РФ № 613 «О мерах по противодействию коррупции», был учрежден Совет при Президенте Российской Федерации по противодействию кор-

рупции, осуществляющий координацию антикоррупционной деятельности в стране.

Совершенствование правовой системы предполагает не просто изучение существующих законов и практики их применения, но и приведение их в соответствие с актуальными условиями, особенно с учетом прогресса в области внедрения цифровых технологий.

Развитие цифровизации играет ключевую роль в обеспечении большей открытости и прозрачности в работе государственных институтов. В контексте противодействия преступности, включая коррупционные проявления, представляется необходимым активное внедрение современных технологических решений, в частности, информационных технологий.

Использование инструментов анализа больших данных и автоматизированных систем мониторинга может значительно повысить эффективность выявления и пресечения правонарушений, обеспечивая тем самым укрепление законности и правопорядка.

В Министерстве внутренних дел Российской Федерации на ежегодной основе проводится деятельность, направленная на улучшение инструментов борьбы с коррупционными проявлениями среди сотрудников органов внутренних дел. Организация внутриведомственной профилактики коррупционных правонарушений, являясь неотъемлемой частью антикоррупционной деятельности, осуществляется на основе предварительно разработанного плана [2, с. 56].

Министром внутренних дел Российской Федерации, В.А. Колокольцевым, утверждаются и реализуются Планы МВД России по противодействию коррупции, охватывающие периоды 2018–2020 и 2021–2024 годов. 27 декабря 2024 года был разработан очередной план, рассчитанный на 2025–2028 годы, который включает в себя комплекс мероприятий по совершенствованию антикоррупционных механизмов.

В Министерстве внутренних дел Российской Федерации систематически проводится работа по совершенствованию стратегий борьбы с коррупцией в рядах сотрудников органов внутренних дел. Данная деятельность осуществляется в соответствии с утвержденными планами и стратегиями.

В настоящее время государство активно реализует комплекс мер, направленных на снижение уровня коррупции в Министерстве внутренних дел Российской Федерации. Ключевым элементом данной стратегии является формирование прочной законодательной базы, регулирующей вопросы противодействия коррупционным проявлениям. Наличие четких правовых механизмов рассматривается как фундаментальная основа успешной борьбы с данным явлением. В связи с этим, был принят ряд нормативных правовых актов, образующих правовую основу борьбы с

коррупцией как на федеральном уровне, так и в системе МВД России. Примерами таких актов служат: Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», Федеральный закон от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а также Приказ МВД России от 19 мая 2010 г. № 293 «Об утверждении порядка уведомления в системе МВД России о фактах обращения в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений» и Приказ МВД России от 24 февраля 2012 г. № 120 «Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в системе МВД России».

Кроме того, как в структуре МВД России, так и в других государственных органах функционируют специализированные подразделения, основной задачей которых является обнаружение, предотвращение и расследование фактов коррупции среди должностных лиц.

Особое значение в этой работе отводится подразделениям собственной безопасности. Эффективность деятельности этих подразделений напрямую влияет на степень распространения коррупции среди сотрудников органов внутренних дел.

Результат.

По данным на 2025 год, профилактика коррупционных действий остается приоритетным направлением работы, осуществляемой в соответствии с утвержденным Планом МВД России по борьбе с коррупцией на 2025–2028 годы [3, с. 123].

В структуре Министерства внутренних дел Российской Федерации (МВД России) действует Кодекс этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел (ОВД), утвержденный соответствующим приказом. Данный кодекс устанавливает нетерпимость к коррупционным проявлениям как одно из ключевых этических требований, предъявляемых к сотрудникам.

В системе Министерства внутренних дел Российской Федерации на регулярной основе осуществляется деятельность по оптимизации инструментов, предназначенных для противодействия коррупционным проявлениям в рядах сотрудников органов внутренних дел. Внутриорганизационная превентивная деятельность, направленная на предотвращение коррупционных нарушений, является неотъемлемой составляющей этой деятельности и реализуется в соответствии с утвержденным графиком.

Министром внутренних дел Российской Федерации утверждаются планы Министерства внутренних дел Российской Федерации по противодействию коррупции, которые последовательно реализуются (например, планы на периоды

2018–2020 гг. и 2021–2024 гг.). После тщательной разработки, 27 декабря 2024 года был утвержден новый план мероприятий, рассчитанный на период с 2025 по 2028 год и включающий в себя обозначенные ключевые направления работы. Данные направления включают в себя усиление контроля за имущественным положением сотрудников, оптимизацию процедур закупок и взаимодействия с коммерческими организациями, а также повышение уровня правовой грамотности личного состава.

Улучшение систем управления конфликтами интересов, гарантирование соблюдения служащими установленных ограничений, запретов и этических норм, а также применение мер ответственности за проступки. Данная задача реализуется через ежегодную подготовку кадров, отвечающих за антикоррупционную деятельность, и новых сотрудников ОВД, чья работа связана с антикоррупционными стандартами или участием в госзакупках.

Кроме того, проводится оценка рисков коррупции при осуществлении функций Министерством внутренних дел России и исследование опыта стимулирования сотрудников, сообщающих о попытках вовлечения их в коррупцию (согласно статье 12 Федерального закона № 342 и Приказу МВД России от 30.07.2015 № 797). Эти меры направлены на создание прозрачной и подотчетной системы управления в органах внутренних дел, минимизацию коррупционных проявлений и повышение доверия граждан к правоохранительным органам.

Целью деятельности является установление и классификация факторов и обстоятельств, благоприятствующих коррупционным проявлениям в Министерстве внутренних дел Российской Федерации, наряду с отслеживанием потенциальных коррупционных угроз.

В рамках данного направления осуществляется изучение деятельности подразделений собственной безопасности в сфере противодействия коррупции, тщательный анализ сведений о результативности борьбы с коррупционными действиями в подразделениях МВД России, занимающихся вопросами миграции, проведение социологических опросов для определения степени коррумпированности в структуре МВД, а также внесение необходимых изменений в законодательные и нормативные акты.

В настоящее время обучение основам противодействия коррупции в системе МВД России проводится посредством различных образовательных программ и специализированных дисциплин, включенных в учебные планы подготовки, переподготовки и повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел в образовательных учреждениях МВД России.

Обязательным элементом системы противодействия коррупции является строгий контроль за сведениями о доходах, имуществе, финансовых

обязательствах и расходах сотрудников ОВД, их супругов и несовершеннолетних детей. Сотрудники обязаны ежегодно подавать соответствующие декларации. Предоставление заведомо ложных сведений или отказ от их предоставления являются основаниями для увольнения со службы.

Эффективной мерой профилактики коррупционных преступлений является ротация руководящих кадров ОВД, включая начальников территориальных органов и их заместителей, относящихся к высшему и старшему начальствующему составу.

Опыт показывает, что даже при наличии соответствующей законодательной базы коррупционные проявления могут сохраняться, если правоохранительные структуры и общество в целом не предпринимают реальных шагов для обеспечения исполнения антикоррупционных норм. В таком случае, созданные антикоррупционные механизмы могут оказаться неэффективными и существовать лишь на бумаге.

Важно не только дорабатывать нормативно-правовую базу, но и существенно расширять знания граждан о праве, чтобы минимизировать попытки вовлечения государственных служащих в коррупционные схемы. Фундаментальным фактором, в этом контексте, является укрепление правовой культуры населения, что может быть достигнуто посредством организации разнообразных информационных инициатив и образовательных курсов.

В плане Министерства внутренних дел Российской Федерации по борьбе с коррупцией на 2021–2024 годы были предусмотрены мероприятия, направленные на повышение правовой информированности, но данный блок мер не был отражен в аналогичном плане на 2025–2028 годы. Этот факт может указывать на уменьшение значимости данного аспекта в антикоррупционной политике ведомства.

Непосредственное влияние на соблюдение антикоррупционного законодательства оказывает высокий уровень правовой культуры и уважения к закону со стороны граждан. Усилия по формированию правовой культуры должны быть системными и долгосрочными, включать в себя не только образовательные компоненты, но и меры по укреплению доверия к правоохранительной системе и судебной власти.

В этой связи, необходимо совершенствовать существующие проекты, такие как проект «Правовая помощь онлайн», запущенный в 2018 году в Ростовской области, и распространять этот опыт в других регионах России. Данный проект позволяет гражданам получать консультации специалистов органов государственной власти, местного самоуправления и различных организаций через видеосвязь в центрах «Мои Документы» по широкому кругу вопросов, включая вопросы антикоррупционного законодательства

(консультации предоставляет прокуратура Ростовской области).

В целях повышения эффективности работы портала, рекомендуется внедрить новые тематические разделы, акцентирующие внимание на проблемах борьбы с коррупцией, в частности, в области государственных закупок, где фиксируется повышенная уязвимость к коррупционным схемам.

В свою очередь, Главному управлению Министерства внутренних дел Российской Федерации по Ростовской области как одному из ведущих субъектов, осуществляющих антикоррупционную деятельность в регионе, необходимо проанализировать перспективу увеличения объема онлайн-консультаций, дополнив их тематикой противодействия коррупционным проявлениям. Данная мера позволит повысить осведомленность граждан и организаций о способах предотвращения и выявления коррупционных правонарушений, а также обеспечить оперативное консультирование по вопросам, связанным с антикоррупционным законодательством.

Помимо важности повышения общего уровня правовой культуры среди населения, акцент необходимо сделать на повышении правовой компетентности сотрудников органов внутренних дел (ОВД). Это можно рассматривать как важнейшую гарантию соблюдения ими антикоррупционных норм поведения.

В органах внутренних дел действует многоуровневая система морально-психологической поддержки, которая непрерывно модернизируется. Свидетельством этой работы является свежий ведомственный приказ Министра внутренних дел Российской Федерации № 50012, опубликованный в августе 2024 года. Данный нормативный акт нацелен на укрепление правовой культуры сотрудников, поддержание правопорядка и неукоснительное исполнение требований антикоррупционного законодательства.

Согласно положениям статьи 12 Федерального закона № 342-ФЗ, внутри структуры органов внутренних дел систематически организуются аттестации личного состава на предмет знания действующих нормативно-правовых актов, регламентирующих их служебную деятельность, в том числе в сфере противодействия коррупции. Также сотрудники органов внутренних дел имеют закреплённое законом право на повышение квалификации, получение профильного и дополнительного образования.

Хотя фундаментальные принципы государственной службы и стандарты противодействия коррупции закреплены в законодательстве Российской Федерации и доступны для самостоятельного изучения каждому сотруднику органов внутренних дел, их строгое соблюдение, как в служебное, так и во внеслужебное время, последовательно внедряется среди сотрудников, начиная с момента поступления в учебные заведения

МВД России в качестве курсантов. Министерство внутренних дел Российской Федерации уделяет особое внимание данному аспекту.

Первостепенное значение в создании у учащихся неприятия коррупции отводится антикоррупционному воспитанию, которое призвано сформировать соответствующий тип поведения. Систематизированный образовательный процесс в учебных заведениях Министерства внутренних дел Российской Федерации направлен на укрепление нравственных принципов, определяющих профессиональную этику сотрудников органов внутренних дел и гарантирующих соблюдение законности в их действиях [8, с. 232].

Заключение.

В ходе исследования вопросов противодействия коррупции в органах внутренних дел (ОВД) были рассмотрены ключевые аспекты этой многогранной проблемы, проанализированы нормативно-правовая база, организационные механизмы и практические меры борьбы с коррупционными проявлениями.

Основные выводы:

1. Коррупция в ОВД представляет собой серьёзную угрозу национальной безопасности, подрывает доверие граждан к правоохранительной системе и препятствует эффективному функционированию государственного аппарата. Её последствия носят системный характер: от неэффективного расходования бюджетных средств до роста общей преступности.
2. ОВД играют ключевую роль в противодействии коррупции, выступая одним из основных субъектов обеспечения экономической безопасности. Статистика свидетельствует о высокой результативности их работы: например, в январе-июле 2022 года сотрудниками ОВД было выявлено 76,8 % криминальных деяний коррупционной направленности.
3. Центральное место в системе антикоррупционной деятельности МВД занимает Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции (ГУЭБиПК), реализующее оперативно-разыскные, предупредительно-профилактические и организационно-методические задачи.

Выявленные проблемы:

- недостаточная эффективность профилактических мер;
- ограниченность механизмов общественного контроля;
- пробелы в правовом регулировании отдельных аспектов антикоррупционной деятельности;
- риски, связанные с низкой прозрачностью некоторых процедур (например, госзакупок);

– факторы, способствующие коррупционному поведению (в т.ч. низкий уровень оплаты труда, недостаточный контроль).

Противодействие коррупции в ОВД требует комплексного подхода, сочетающего репрессивные и профилактические меры, правовое регулирование и воспитательную работу. Успех этой дея-

тельности зависит от согласованных усилий всех субъектов антикоррупционной политики, включая государственные органы, гражданское общество и каждого сотрудника ОВД. Только системная и последовательная работа позволит минимизировать коррупционные риски и укрепить доверие граждан к правоохранительной системе.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Корчагина К.А. О некоторых вопросах привлечения к дисциплинарной ответственности сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации в виде увольнения со службы в связи с утратой доверия. В сборнике: Правоохранительные органы в системе противодействия коррупции. Материалы межведомственной научно-практической конференции. СПб., 2024. EDN: AEUIBZ
2. Корчагина К.А. Противодействие коррупции в органах государственной власти (на примере органов внутренних дел Российской Федерации) / К.А. Корчагина, А.Н. Позднышов // Юристь-Правоведь. 2025. № 2(113). С. 51–57. EDN: UCDZOG
3. Кононов А.М. К вопросу об организации деятельности по противодействию коррупционным преступлениям в органах внутренних дел / А.М. Кононов, Н.Л. Халезов // Вестник экономической безопасности. 2023. № 2. С. 99–104. DOI: 10.24412/2414-3995-2023-2-99-104 EDN: JKPTSF
4. Волынец Ю.Д. О проблеме предупреждение коррупции в ОВД // В сборнике: Предупреждение коррупции в органах государственной власти Российской Федерации. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. М., 2025. С. 123–129.
5. Симонова Т.А. Борьба с коррупцией в органах внутренних дел // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. № 9. С. 166–171. DOI: 10.24412/2220-2404-2025-9-33 EDN: PPJPTЕ
6. Декерт Д.В. Формирование антикоррупционной направленности в поведении сотрудников органов внутренних дел // Надежность и компетентность: актуальные направления психологического обеспечения подразделений полиции: сборник материалов конференции. Екатеринбург : Уральский юридический институт МВД России, 2017. С. 43–46. EDN: ZWWELF
7. Евстифеев В.В. Административно-правовое регулирование противодействия коррупции в правоохранительной деятельности органов внутренних дел // Административное и муниципальное право. 2010. № 2. С. 29–31. EDN: QAOXKV
8. Головинский И.В. Преодоление коррупции долгосрочная стратегия в системе органов внутренних дел // В сборнике: Наука. Технологии. Общество. Экономика. Сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции. Ставрополь, 2024. С. 139–142. EDN: FBNUW
9. Емлина К.Д. Органы внутренних дел: коррупция и борьба с ней / К.Д. Емлина, К.С. Николаева // Молодой ученый. 2022. № 50(445). С. 232–234. EDN: OPIJHE

References:

1. Korchagina K.A. On some issues of bringing to disciplinary responsibility an employee of the internal affairs bodies of the Russian Federation in the form of dismissal from service due to loss of trust. In the collection: Law enforcement agencies in the anti-corruption system. Materials of the interdepartmental scientific and practical conference. SPb., 2024. EDN: AEUIBZ
2. Korchagina K.A. Countering corruption in public authorities (on the example of the internal affairs bodies of the Russian Federation) / K.A. Korchagina, A.N. Pozdnyshov // A lawyer is a jurist. 2025. № 2(113). P. 51–57. EDN: UCDZOG
3. Kononov A.M. On the issue of organizing activities to combat corruption crimes in law enforcement agencies / A.M. Kononov, N.L. Khalezov // Bulletin of Economic Security. 2023. № 2. P. 99–104. DOI: 10.24412/2414-3995-2023-2-99-104 EDN: JKPTSF
4. Volynets Yu.D. On the problem of preventing corruption in the Department of Internal Affairs // In the collection: Prevention of corruption in public authorities of the Russian Federation. Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference. M., 2025. P. 123–129.

© Симонова Т.А.

5. Simonova T.A. The fight against corruption in the internal affairs bodies / T.A. Simonova // Humanities, socio-economic and social sciences. 2025. № 9. P. 166–171. DOI: 10.24412/2220-2404-2025-9-33 EDN: PPJPTE
6. Dekkert D.V. The formation of an anti-corruption orientation in the behavior of law enforcement officers // Reliability and competence: current areas of psychological support for police units: a collection of conference materials. Yekaterinburg : Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. P. 43–46. EDN: ZWWELF
7. Evstifeev V.V. Administrative and legal regulation of anti-corruption in law enforcement activities of internal affairs bodies // Administrative and municipal law. 2010. № 2. P. 29–31. EDN: QAOXKV
8. Golovinsky I.V. Overcoming corruption is a long-term strategy in the system of internal affairs bodies // In the collection: Science. Technologies. Society. Economy. Collection of scientific papers of the III International Scientific and Practical Conference. Stavropol, 2024. P. 139–142. EDN: FBNUNW
9. Yemlina K.D. Internal affairs bodies: corruption and the fight against it / K.D. Yemlina, K.S. Nikolaeva // Young Scientist. 2022. № 50(445). P. 232–234. EDN: OPIJHE

Информация об авторе

Симонова Татьяна Александровна
старший преподаватель кафедры психологии
и педагогики в деятельности ОВД,
Омская академия МВД России
tanya.com.88@mail.ru

Tatiana A. Simonova
Senior Lecturer at the Department
of Psychology and Pedagogy in the Activities
of the Department of Internal Affairs,
Omsk Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
tanya.com.88@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 07.01.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.01.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.01.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-1-27>
УДК 340

Attribution
cc by

ПРОТИВОРЕЧИЯ И ВЫЗОВЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИОННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ: АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАКАЗАНИЙ

Чесебиева К.Ю.

Кубанский государственный университет

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ современного состояния уголовно-правового регулирования ответственности за коррупционные преступления в Российской Федерации. На основе изучения научных публикаций, данных судебной и правоприменительной практики за период 2018–2024 гг. выявлены системные противоречия и парадоксы действующей системы наказаний. Ключевыми проблемами признаются: доминирование неэффективных с точки зрения сдерживающего эффекта штрафов, фактическое отсутствие конфискации имущества как полноценной меры уголовной ответственности, а также чрезмерно мягкая судебная практика, не соответствующая высокой общественной опасности коррупционных деяний. В статье обосновывается необходимость кардинального реформирования санкций за коррупционные преступления, включая восстановление конфискации имущества в качестве дополнительного наказания, отказ от штрафа как основного наказания за тяжкие коррупционные преступления и повышение доли реального лишения свободы.

Ключевые слова: коррупционные преступления, наказание, эффективность наказания, конфискация имущества, штраф, судебная статистика, уголовная политика, парадоксы законодательства.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

CONTRADICTIONS AND CHALLENGES IN CRIMINAL LAW COUNTERACTION TO CORRUPTION CRIMES: AN ANALYSIS OF PUNISHMENT EFFECTIVENESS

Ksenia Yu. Chesebieva

Kuban State University

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the current state of criminal law regulation of liability for corruption offenses in the Russian Federation. Based on a review of scientific publications, judicial data, and law enforcement practice for the period 2018–2024, systemic contradictions and paradoxes of the current punishment system are identified. Key problems are recognized: the prevalence of fines, which are ineffective in terms of deterrence, the virtual absence of confiscation of property as a meaningful measure of criminal liability, and an excessively lenient judicial practice that does not correspond to the high social danger of corruption. The article substantiates the need for a fundamental reform of sanctions for corruption offenses, including the reinstatement of confiscation of property as an additional penalty, the elimination of fines as the primary punishment for serious corruption offenses, and an increase in the proportion of actual prison sentences.

Keywords: corruption crimes, punishment, effectiveness of punishment, confiscation of property, fine, judicial statistics, criminal policy, paradoxes of legislation.

Funding: Independent work.

Введение.

Борьба с коррупцией, признанной стратегической угрозой национальной безопасности, остается одним из приоритетов государственной политики Российской Федерации.

Уголовно-правовые средства играют одну из фундаментальных ролей в этой борьбе, призванные не только карать виновных, но и оказывать превентивное воздействие. Однако, как демонстрируют данные многочисленных исследований, современная система наказаний за коррупционные преступления переживает глобо-

кий кризис, характеризуемый внутренними противоречиями и низкой эффективностью [1, с. 24].

Целью данной статьи является систематизация и анализ ключевых проблем, выявленных в научной литературе и подтвержденных эмпирическими данными, а также формулировка предложений по реформированию карательного уголовно-правового инструментария.

Обсуждение.

Анализ современных публикаций, а также действующего законодательства позволяет выделить несколько фундаментальных противоречий (парадоксов) в регулировании ответственности за коррупционные преступления.

Как нам представляется, первым из парадоксов является парадокс отмены конфискации имущества.

Наиболее значимым нам представляется противоречие, связанное с исключением конфискации имущества из системы уголовных наказаний в 2003 году (ФЗ № 162-ФЗ), идея возврата конфискации имущества как вида наказания не является абсолютно новой, в современной уголовно-правовой литературе критикуются исключение конфискации имущества из видов наказания [10 с. 4].

Как отмечают С.С. Босхолов и В.Г. Татаринков, это решение, мотивированное «гуманизмом», было принято вопреки международной практике и здравому смыслу, лишив государство одного из наиболее действенных инструментов борьбы с корыстной и коррупционной преступностью [1, с. 69].

Последующее введение в УК РФ главы 151 о конфискации как иной меры уголовно-правового характера не решило проблему. Данная норма позволяет изымать лишь имущество, непосредственно полученное в результате преступления, что на практике приводит к крайне низким показателям применения (около 4-9% по делам о взяточничестве) и позволяет коррупционерам сохранять нажитое имущество, стоимость которого может многократно превышать размер взятки [1, с. 71; 11]. Хотя стоит отметить особенность, предусмотренную ч. 3 ст. 1041 УК РФ, которая предоставляет возможность изъятия имущества, которое было передано осужденным третьим лицам, что расширяет ее применение; однако эта позиция критикуется В.С. Лысенко, который полагает, что сформулированный подход относительно допустимости конфискации имущества, не принадлежащего осужденному, является нарушением права собственности лица, в силу соблюдения норм УК РФ не являющегося субъектом уголовно-правовых отношений, и, как следствие, находится за рамками действия уголовного закона [10, с. 20].

Следующие противоречие – парадокс стимулирующей санкции. Исследователи едины во мнении, что доминирование штрафа в качестве ос-

новного наказания за тяжкие и особо тяжкие коррупционные преступления (вплоть до получения взятки в особо крупном размере) является принципиальной ошибкой [1, с. 76]. Штраф, особенно кратный, не только обладает низким сдерживающим эффектом, но и фактически создает для коррупционера легальную возможность «откупиться» от лишения свободы [5, с. 68–69; 4]. Это противоречит принципу справедливости и снижает превентивный потенциал наказания, формируя в обществе ощущение безнаказанности.

Парадокс несоответствия опасности и строгости. Сравнение санкций советского периода и современного УК РФ выявляет тенденцию к либерализации, в подтверждении данного тезиса А.А. Иванова приводит пример о том, что в 80-е годы прошлого столетия врач-терапевт был приговорен к 10 годам лишения свободы за выдачу за вознаграждение в 10 рублей листов о нетрудоспособности, то в 2018 году участковый врач-терапевт решением суда приговорен к штрафу в сумме 90 тыс. руб. за выписку листа нетрудоспособности при отсутствии заболевания за 2000 руб. [5, с. 68].

Если ранее за опасные коррупционные преступления (взятки) в санкции на первом месте стояло лишение свободы, то сейчас – штраф [1, с. 75]. При этом реальное лишение свободы назначается лишь 14–17 % осужденных за коррупцию, преимущественно на небольшие сроки до пяти лет лишения свободы [5, с. 66; 4].

Такая практика неадекватна системной угрозе, которую представляет коррупция, и декларациям о ее искоренении в стратегических документах [5, с. 69].

Данные судебной статистики и криминологических исследований подтверждают теоретические выводы о неэффективности системы наказаний за коррупционные преступления, среди которых можно выделить.

Доминирование мягких наказаний. Так за период 2016–2022 г. штраф составлял 44–50 % всех основных наказаний за коррупционные преступления, условное осуждение – около 25–32 %, а реальное лишение свободы – лишь каждое шестой либо седьмой осужденный [5; 11]; однако следует отметить, что, начиная с 2024 года, отмечается тенденция ужесточения наказаний за коррупционные преступления, как представляется это связано с активизацией практики вменения группы лиц либо преступления предусмотренного ст. 210 УК РФ по совокупности с коррупционными преступлениями.

Вместе с тем, такие виды наказаний, как арест и принудительные работы, судами практически не назначаются.

Показательным является пример Китая, где наряду с длительными сроками лишения свободы и высшей мерой наказания за совершение коррупционных преступлений, в том числе и в

сфере государственного заказа, китайские правоохранители активно применяют институт конфискации имущества [10, с. 73].

Низкая эффективность штрафов. Данный вид наказания, как известно, является самым мягким видом наказания, который существенно влияния на осужденного не оказывает, однако проблема не только в сдерживающем эффекте, но и в его исполнении.

По данным Я.Ю. Васильевой, в 2011 г. не исполнялось до 63,6 % штрафов, а суды вынуждены были рассматривать вопросы их замены лишением свободы [4].

Сложность взыскания кратных штрафов демонстрируют громкие дела (например, бывшего губернатора Н. Белых) [4].

В специальной литературе существует позиция, согласно которой, штраф в качестве наказания для лиц, совершающих преступления из корыстных побуждений нецелесообразно избирать [7, с. 132]; исследователи полагают, что штраф детерминирует новое коррупционное преступление, для возмещения имущественных лишений, понесенных осужденным [3].

При всем этом следует отметить, что ключевым принципом наказания является его неотвратимость, а не суровость. Однако существующая практика назначения штрафов, кратных сумме взятки, этот принцип зачастую нарушает.

У осужденного возникает дилемма: либо заплатить штраф и остаться ни с чем, при этом рискуя быть обвиненным в легализации преступных доходов, либо сохранить преступно нажитые активы и допустить замену наказания. Так как выплата такого штрафа сама может быть квалифицирована как отдельное преступление, о добровольном исполнении приговора речи не идёт, что сводит его превентивный эффект к нулю.

Исследователи отмечают, что действенной альтернативой штрафам выступает новый вид наказания – принудительные работы в силу его экономической и социальной сущности (ст. 531 УК РФ). Однако фактическая реализация такого вида наказания, как «принудительные работы» осложнено из-за целого ряда проблем социально-экономического и организационного характера [3].

Высокая латентность и «бытовая» коррупция, значительную долю в структуре коррупционной преступности (около 37–41 % зарегистрированных преступлений, связанных со взяточничеством) занимает мелкое взяточничество (ст. 2912 УК РФ) [8, с. 75]. Анализ судебной практики показывает, что основная масса дел по неоконченному мелкому взяточничеству связана с попытками дачи взятки сотрудникам полиции для избежания административной ответственности, что указывает на высокую латентность коррупции в иных сферах [8, с. 79].

Восприятие наказания осужденными. Криминологические опросы показывают, что почти половина осужденных (49,8 %) считают назначенное им наказание несправедливым, а принцип гуманизма, по их мнению, соблюдался лишь в 24 % случаев [5, с. 64]. При этом 47,4 % рассчитывали на безнаказанность, а в случае ответственности – именно на штраф [5, с. 68].

На основе выявленных противоречий можно предложить комплекс взаимосвязанных мер:

– восстановление конфискации имущества в качестве дополнительного вида уголовного наказания (в Общей части УК РФ) за тяжкие и особо тяжкие преступления корыстной и коррупционной направленности, с обязательным ее назначением за особо тяжкие преступления [1, с. 76; 5, с. 70], что позволит реализовать принцип неотвратимости лишения преступных доходов и оказать действенное сдерживающее воздействие;

– реформа системы санкций за коррупционные преступления (за наиболее опасные коррупционные преступления (тяжкие и особо тяжкие) в качестве основного наказания должно предусматриваться лишение свободы; необходимо отказаться от установления штрафа в качестве основного наказания в санкциях за такие преступления; штраф должен выступать в качестве обязательного дополнительного наказания или как основное – только за преступления небольшой и средней тяжести; альтернативные санкции должны включать виды наказаний, схожие по степени правоограничений (например, лишение свободы или принудительные работы), но не штраф как альтернативу изоляции от общества [1, с. 76]);

– ужесточение практики назначения наказаний, искоренение практики о назначения наказаний ниже низшего предела, изменение категории тяжести на одну, неприменения обязательных дополнительных наказаний и расширение применения реального лишения свободы и принудительных работ [11; 6];

– дифференциация ответственности за мелкое взяточничество, введение в ст. 2912 УК РФ квалифицирующих признаков (совершение группой лиц) для усиления ответственности и противодействия «бытовой» коррупции [8, с. 80];

– совершенствование механизма исполнения штрафов, активное использование ареста имущества на стадии расследования для обеспечения исполнения приговора и неотвратимость замены неисполненного штрафа лишением свободы [4].

Заключение.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что современная уголовная политика в сфере противодействия коррупции носит противоречивый и во многом декларативный характер. Действующая система наказаний, в которой доминируют экономические меры (штрафы) при факти-

ческом отсутствии действенной конфискации, не способна адекватно реагировать на высокую общественную опасность и корыстную мотивацию коррупционных преступлений. Сложившаяся мягкая судебная практика подрывает принципы справедливости и неотвратимости ответственности, снижает сдерживающий эффект уголовного закона и дискредитирует усилия государства в глазах общества.

Необходима консолидированная позиция законодателя, правоприменителей и научного сообщества для проведения глубокой реформы. Ее

ядром должно стать восстановление карательного-восстановительного потенциала уголовного права через возвращение конфискации имущества и пересмотр системы санкций в сторону существенного ужесточения наказаний за тяжкие коррупционные деяния.

Только комплексный и жесткий уголовно-правовой ответ, подкрепленный неотвратимостью наказания, может стать действенным инструментом в борьбе с системной коррупционной угрозой.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Босхолов С.С. Парадоксы законодательного регулирования уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности / С.С. Босхолов, В.Г. Татаринков // Пролог: журнал о праве. 2020. № 1. С. 66–78.
2. Бугаевская Н.В. Гуманизация уголовно-исполнительной политики в сфере борьбы с коррупцией // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 4(26). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanizatsiya-ugolovno-ispolnitelnoy-politiki-v-sfere-borby-s-korrupsiyey> (дата обращения 10.12.2025). EDN: XHSJKR
3. Бугаевская Н.В. Назначение наказания в виде штрафа, кратного сумме взятки, как отражение антикоррупционной политики в новых финансово-экономических условиях // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2014. № 2-2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/naznachenie-nakazaniya-v-vide-shtrafa-kratnogo-summe-vzyatki-kak-otrazhenie-antikorrupcionnoy-politiki-v-novyh-finansovo> (дата обращения 10.12.2025). EDN: SJUYKN
4. Васильева Я.Ю. Актуальные проблемы назначения и исполнения кратного штрафа по делам о коррупционных преступлениях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 6. С. 100–103. DOI: 10.23672/n0545-3216-0681-s EDN: VTSZPO
5. Иванова А.А. Эффективность уголовного наказания за коррупционные преступления // Lex russica. 2022. Т. 75. № 6. С. 59–73. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.187.6.059-073 EDN: PRFVYA
6. Клейменов М.П. Практика назначения наказания за коррупционные преступления / М.П. Клейменов, И.М. Клейменов, Р.В. Пустович // Правоприменение. 2018. Т. 2. № 2. С. 70–79. DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(2).70-79 EDN: XZBJUD
7. Криминология : учебник / Под ред. В.Д. Малкова. М., 2011. 544 с.
8. Лавринов В.В. Применение наказания за отдельные неоконченные преступления коррупционной направленности / В.В. Лавринов, Д.Ю. Сеймовский // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2024. № 2(55). С. 72–81. EDN: OKRMED
9. Любый И.А. Уголовно-правовые меры противодействия злоупотреблениям в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2022. 225 с. EDN: PYBZHP
10. Лысенко В.С. Институт иных мер уголовно-правового характера: теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. Краснодар, 2025. 24 с.
11. Накусова Ф.А. Эффективность применения наказаний за преступления коррупционной направленности // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2023. № 4(53). С. 59–65. EDN: HNBQPJ

References:

1. Bosholov S.S. Paradoxes of legislative regulation of criminal liability for corruption-related crimes / S.S. Bosholov, V.G. Tatarinkov // Prologue: Journal of Law. 2020. № 1. P. 66–78.
2. Bugaevskaya N.V. Humanization of penal enforcement policy in the field of combating corruption // Penal Enforcement law. 2016. № 4(26). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanizatsiya-ugolovno-ispolnitelnoy-politiki-v-sfere-borby-s-korrupsiyey> (date of application 10.12.2025). EDN: XHSJKR

3. Bugaevskaya N.V. The imposition of punishment in the form of a fine, a multiple of the amount of a bribe, as a reflection of anti-corruption policy in the new financial and economic conditions // Izvestiya TuiSU. Economic and legal sciences. 2014. № 2-2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/naznachenie-nakazaniya-v-videshtrafa-kratnogo-summe-vzyatki-kak-otrazhenie-antikorrupcionnoy-politiki-v-novyh-finansovo> (date of application 10.12.2025). EDN: SJUYKN
4. Vasilyeva Ya.Yu. Actual problems of assigning and executing multiple fines in cases of corruption crimes // Humanities, socio-economic and social sciences. 2020. № 6. P. 100–103. DOI: 10.23672/n0545-3216-0681- s EDN: VTSZPO
5. Ivanova A.A. The effectiveness of criminal punishment for corruption crimes // Lex russica. 2022. Vol. 75. № 6. P. 59–73. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.187.6.059-073 EDN: PRFVYA
6. Kleimenov M.P. The practice of sentencing for corruption crimes / M.P. Kleimenov, I.M. Kleimenov, R.V. Pustovich // Law enforcement. 2018. Vol. 2. № 2. P. 70–79. DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(2) .70-79 EDN: XZBJUD
7. Criminology : textbook / Edited by V.D. Malkov. M., 2011. 544 p.
8. Lavrinov V.V. The use of punishment for certain unfinished crimes of corruption / V.V. Lavrinov, D.Yu. Seimovsky // Academic Bulletin of the Rostov Branch of the Russian Customs Academy. 2024. № 2 (55). P. 72–81. EDN: OKRMED
9. Lyuby I.A. Criminal law measures to counter abuse in the field of procurement of goods, works, and services to meet state and municipal needs : dis. ... Candidate of Legal Sciences. Omsk, 2022. 225 p. EDN: PYBZHP
10. Lysenko V.S. Institute of other criminal law measures : theoretical, legislative and law enforcement aspects: abstract of dis. ... of Candidate of Legal Sciences: 5.1.4. Krasnodar, 2025. 24 p.
11. Nakusova F.A. The effectiveness of punishments for corruption-related crimes // Academic Bulletin of the Rostov Branch of the Russian Customs Academy. 2023. № 4(53). P. 59–65. EDN: HNBQPJ

Информация об авторе

Чесебиева Ксения Юрьевна

соискатель кафедры
уголовного права и криминологии
юридического факультета им. А.А. Хмырова,
Кубанский государственный университет
Chesebieva@mail.ru

Ksenia Yu. Chesebieva

Applicant at the Department
of Criminal Law and Criminology
at the A.A. Khmyrov Law Faculty,
Kuban State University
Chesebieva@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.12.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.01.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.01.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-1-28>

УДК 332.1:327.8

Attribution

cc by

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ САНКЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН КОЛЛЕКТИВНОГО ЗАПАДА (НА ПРИМЕРЕ ИРАНА)

Андреев Л.А.

Институт Африки РАН;

Центр глобальных и стратегических исследований

Аннотация. В наши дни анализ применения санкционных экономических рычагов давления на Иран со стороны стран коллективного Запада, представляет собой важную область научных изысканий. А механизмы адаптации и встраивания в мировую экономику, становятся крайне актуальными и востребованными. Цель исследования – проанализировать этапы и механизмы противодействия санкционному давлению на экономику Ирана со стороны ряда стран коллективного Запада, а также дать оценку устойчивости экономики Ирана в данных условия и сформулировать интеграционные подходы при взаимодействии с дружественными странами и Россией. Методология исследования основана на дескриптивном анализе с вторичной обработкой данных, сравнительном и статистический анализе. Результаты отражают несостоятельность санкционного давления, ряда Западных стран, на экономику Ирана в целом, в связи с реализацией последней интеграционных процессов в мировую экономику. Выводы показывают истинную цель санкций стран коллективного Запада (на примере Ирана) и роль интеграционных процессов, проводимых властями Ирана со странами ШОС, БРИКС, Евразийским экономическим Союзом (в т.ч. с Россией и Китаем), на свою экономику в целом по секторам.

Ключевые слова: интеграционные процессы, санкции, экономика Ирана.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

ECONOMIC INSOLVENCY OF THE SANCTIONS POLICY OF THE COLLECTIVE WEST (ON THE EXAMPLE OF IRAN)

Lev A. Andreev

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences;

Center for Global and Strategic Studies

Abstract. Today, the analysis of the use of sanctions and economic pressure on Iran by the collective West is an important area of scientific research. The mechanisms of adaptation and integration into the global economy are becoming increasingly relevant and necessary. The purpose of the study is to analyze the stages and mechanisms of countering the sanctions pressure on Iran's economy from a number of collective West countries, as well as to assess the sustainability of Iran's economy in these conditions and to formulate integration approaches in cooperation with friendly countries and Russia. The research methodology is based on descriptive analysis with secondary data processing, comparative and statistical analysis. The results reflect the failure of the sanctions pressure exerted by a number of Western countries on the Iranian economy as a whole, in connection with the implementation of the latter's integration processes into the global economy. The conclusions show the true purpose of the sanctions imposed by the countries of the collective West (using Iran as an example) and the role of the integration processes carried out by the Iranian authorities with the SCO, BRICS, and Eurasian Economic Union countries (including Russia and China) on their economy in general by sectors.

Keywords: integration processes, sanctions, Iran's economy.

Funding: Independent work.

Введение. В настоящее время изучение использования экономических методов давления на участников мировой торговли является актуальным предметом научных исследований ввиду

того, что за последние годы число случаев их применения нарастает с экспоненциальной скоростью [1, 2] и оказывает влияние как на объекты санкционного давления, так и на их источни-

ки. В связи с этим на настоящем этапе важно анализировать опыт Ирана, как одного из крупнейших и долгосрочных объектов санкционного воздействия со стороны различных агентов. Статистический отчёт о развитии мировой энергетики (Statistical Review of World Energy), представленный в июне 2025 года аналитической службой Британского энергетического института (Energy Institute), констатирует, что Иран, находящийся под санкциями стран коллективного Запада, нарастил ко второму полугодю прошлого года общую добычу нефти (+конденсат) до 5,1 млн баррелей в сутки (б/с). Это позволило Ирану занять 6-е место в мире по добыче нефти на фоне увеличения экспортных поставок нефти, преимущественно, Китаю и Индии до 1,5–1,8 млн б/с [1].

Результаты и их обсуждение. В отечественных исследованиях [3,4] раскрываются причины экономической несостоятельности санкционной политики стран коллективного Запада в отношении Ирана. Во-первых, проведённая российскими исследователями [5] экспертиза глобализации экономической стратегии Ирана доказала перспективность диверсификации (снижения предпринимательских рисков) на экспортных рынках при использовании недолларовых финансовых каналов для упрощения транзакций в ходе планового и последовательного перехода к свободной торговле в рамках ЕАЭС, ШОС и БРИКС. Во-вторых, в 2022–2025 годах Тегеран (на фоне реконструкции своей нефтяной отрасли) стал экспортировать [6] не только сырую нефть, но и произведённые на собственных модернизированных нефтеперегонных заводах высокооктановые бензины по европейским стандартам (EN 228), т.е. неэтилированные марки с октановым числом (RON) 95 и выше, номинально соответствующие экологическим нормам Евро-5/Евро-6. Согласно данным официального сайта Европейской службы внешнеполитической деятельности [7] доходы Ирана от экспорта нефти и нефтепродуктов

по итогам 2024 года составили до 78 млрд долл. США, что приближается к показателям 2012 года – периода до введения наиболее жёстких ограничений со стороны США и Евросоюза. Аналитика исторической хронологии и последовательности применения санкционной политики к государству Иран со стороны стран коллективного Запада свидетельствует [14], что впервые термин «санкции» обрел свою современную форму в период между двумя мировыми войнами, когда в статье 16 Устава Лиги наций были предусмотрены меры невоенного воздействия на государства, развязавшие войну. В зарубежной литературе термин «санкции» используется обычно в значении односторонних или многосторонних невоенных мер принуждения к определенным действиям. При этом, важно отделять санкции от тарифных протекционистских механизмов. В отличие от них санкции запрещают или ограничивают объекту совершение определенных действий и являются нерыночным способом воздействия.

Санкционное давление на Иран со стороны стран коллективного Запада формировалось на протяжении десятилетий, пройдя путь от точечных мер до тотальной экономической блокады. Однако, следует отметить, что данные таблицы 1 следует осторожно оценивать с практической точки зрения, поскольку это вызвано, во-первых, разнообразием ограничений, применяемых в отношении конкретной суверенной страны, а во-вторых, одновременно их введения различными странами. Кроме того, наложение некоторых санкций совпадало с наступлением других событий – войн, экономических кризисов. Поэтому довольно сложно установить четкие критерии, которые бы однозначно свидетельствовали о влиянии санкций на конкретные процессы в иранской экономике. В связи с этим важно описать основные этапы ограничений, в которых приходилось существовать экономике Исламской Республики Иран.

Таблица 1

Основные этапы санкций против Ирана*

Повод 1	Меры 2	Итог 3
<i>1-й ЭТАП (начальный). После Исламской революции (1979–1981)</i>		
Захват американских заложников в посольстве США в Тегеране	США заморозили иранские госактивы и золотые запасы в своих банках, ввели полное торговое эмбарго и запретили бизнес-контакты	После освобождения заложников часть санкций была снята, но активы остались частично заморожены. Разрыв дипломатических отношений
<i>2-й ЭТАП (сдерживание). Терроризм и вооружения (1980-е – 1990-е)</i>		
Обвинения Ирана в поддержке международного терроризма и нападениях на танкеры в Персидском заливе	В 1984 году введен запрет на помощь международных финансовых организаций. В 1995–1996 годах США приняли закон (ILSA), запрещающий инвестиции в энергетический сектор Ирана любым компаниям в мире.	Ограничения стали постоянными и направлены на изоляцию иранского режима. Темпы роста ВВП Ирана снизились (по оценкам, на 1–2 % ежегодно относительно потенциала). Продолжил развитие ракетных и ядерных программ. Сохранилась поддержка прокси-групп в мире. Разногласия ЕС и США по санкциям
<i>3-й ЭТАП (глобализация санкций). Ядерное досье (2006–2012)</i>		
Отказ Ирана прекратить обогащение урана	Запрет ООН на поставку ядерных технологий и материалов двойного назначения (резолюции 1737, 1747, 1803). ЕС и США в 2012 году ввели эмбарго на импорт иранской нефти и отключили страну от системы SWIFT	Курс риала упал на 80 % по отношению к доллару в период 2011–2012 гг. Инфляция и дефицит. Отток инвестиций из-за угрозы вторичных санкций. Не привели к остановке программы обогащения урана. Поддержка прокси-групп (такие как «Хезболла»)

Окончание таблицы 1

1	2	3
<i>4-й ЭТАП (период разрядки). Сделка СВПД (2015–2018)</i>		
Подписание Совместного всеобъемлющего плана действий (ядерной сделки)	В 2016 году большинство международных экономических и финансовых санкций ООН и ЕС были сняты в обмен на ограничение ядерной программы	ЕС и ООН отменили все экономические и финансовые санкции (сняты ограничения на банковские переводы, возврат системы SWIFT). Доступ к мировым рынкам нефти и газа. Рост валютной выручки. Разморожены государственные счета Ирана в зарубежных банках. Введены ограничения по запасам и обогащению урана, а также числу центрифуг
<i>5-й ЭТАП (политика «Максимального давления»). Настоящий период (2018 – н.в.)</i>		
Выход США из ядерной сделки при администрации Дональда Трампа. Обвинения в поставках БПЛА и ракет России, а также подавление внутренних протестов	США восстановили все старые санкции и ввели новые, нацеленные на экспорт нефти, банковский сектор, металлургию и руководство страны. ЕС и США расширяют ограничения против иранской авиации, судоходства и производства беспилотников. В 2025 году продолжается политика «максимального давления» с фокусом на теневой экспорт нефти и «серый» банкинг	Иранский риал пережил историческое падение. Среднегодовая инфляция около 40 %. ВВП на душу населения упал почти в 1,6 раза относительно 2012 г. Санкции сократили экспорт нефти с 2,2 млн баррелей в сутки (б/с) до 400 тыс. б/с в 2020 году. Однако к 2024–2025 годам Иран адаптировался, увеличив экспорт до 1,5–1,7 млн б/с, преимущественно за счет поставок в Китай по дисконтным ценам. Иран существенно нарастил запасы урана и уровень его обогащения. Иран перешел на «Экономику сопротивления». Рост социальной напряженности из-за вмешательства извне

* Составлено автором.

Как видно из данных таблицы 1 Исламская Республика Иран (ИРИ) находится в условиях санкций со стороны стран коллективного Запада с момента возникновения этих санкций в 1979 году. США единственные, кто ввел ограничения, когда после захвата сотрудников и здания американского посольства в Тегеране были заморожены иранские зарубежные активы. Несмотря на освобождение заложников и частичную разблокировку этих активов, большая их часть недоступна для ИРИ до сих пор [9].

С момента введения американского санкционного законодательства в отношении Ирана оно прошло длительную эволюцию и сегодня представляет собой одну из комплексных систем ограничений в международной практике. Начавшись в 1980 году с эмбарго на импорт иранских товаров и ограничений в нефтегазовом и авиационном секторах, санкции быстро расширились на сферу кредитования.

В ходе ирано-иракской войны в 1980–1988 годы США ввели запреты на оказание военной помощи и поставку Ирану вооружений. Кроме того, в этот же период в оборонной сфере были прекращены импортно-экспортные операции с иранской стороной. В 1990-е годы санкции стали предусматривать запреты на поставку изделий двойного назначения и затронули третьи стороны, которые направляли американские товары транзитом в ИРИ.

Первый американский специализированный антииранский закон «О санкциях в отношении Ирана» был принят в 1996 году. За счет внесения в него поправок и дополнений он существует и действует по настоящее время. Большинство других мер, предусматривающих антииранские

ограничения, являются расширениями этого нормативного акта.

Основной целью американских санкций, по сути, было полное перекрытие доступа к финансовой системе США: американские активы иранских финансовых учреждений (в т.ч. Центробанка) замораживались, банкам США запрещалось проводить операции банков из третьих стран, действовавших в интересах иранских банков, предусматривались меры против частных финансовых учреждений из третьих стран за проведение крупных транзакций с участием иранского ЦБ и других банков. Также США под угрозой закрытия доступа к своей банковской системе запретили инвестировать в иранскую нефтехимическую отрасль [10]. Другие отрасли экономики, связанные с иранской ядерной программой, также подпадали под ограничения [11].

Международная реакция выразилась в санкциях Совета Безопасности ООН, начавшихся в 2006 году с резолюции 1737 [12], и продолжилась последующими мерами, нацеленными на блокировку именно ядерных и военных аспектов иранской экономики, и не распространялась на иные сферы. На исходе второго десятилетия XXI века отечественные исследователи [13] предложили методологию идентификации периодов нарастания и спада санкционной политики США против Ирана, что затем было дополнено нашими данными таблицы 1, и в итоге сформулировано в следующей последовательности:

«Начало (1979): первые санкции (заморозка активов и запрет на импорт нефти) были введены президентом Джимми Картером после захвата американских заложников в посольстве США в Тегеране.

- Расширение (1980-е – 1990-е): после признания Ирана «спонсором терроризма» (1984 – закон D'Amato (ILSA), запрета инвестиции в энергетику Ирана) США ввели почти полное торговое эмбарго;
- Ядерный кризис (2006–2015): санкции стали многосторонними. К США присоединились ООН и ЕС, что привело к отключению Ирана от системы SWIFT в 2012 году;
- СВГД и выход США (2015–2018): после подписания «ядерной сделки» (СВГД) часть санкций была снята, но в 2018 году Д. Трамп вышел (односторонне) из соглашения и ввел режим «максимального давления»;
- Современный этап (2024–2025): в 2025 году США ввели крупнейший с 2018 года пакет санкций, направленный против иранского нефтяного сектора и теневого флота танкеров».

Европейский союз, начиная с 2007 года, планомерно вводил собственные, гораздо более жесткие меры в отношении Ирана. С одной стороны, эти действия совершались в рамках исполнения решений ООН, а с другой, представляли собой инициативные односторонние шаги ЕС. Их главной целью были физические и юридические лица, участвовавшие в реализации иранской ядерной программы, и играли ключевую роль в фи-

нансовой системе ИРИ. Санкциями ЕС запрещалось использование системы SWIFT иранскими организациями, вводился запрет на покупку иранской нефти, замораживались активы Центрального банка Ирана (ЦБИ), устанавливался запрет на торговлю золотом и бриллиантами с ЦБИ и госучреждениями Ирана, а также не позволялось исполнять заказы на печать иранской национальной валюты. В целом, санкции ЕС носили характер почти полного эмбарго. В отличие от санкций США, в европейских санкции не предусматривались механизмы приостановки и какие-либо исключения [7]. Кроме упомянутых США и ЕС собственные против Ирана ввели Канада, Австралия, Япония и Южная Корея. Ослабление давления началось с января 2016 года, когда началась реализация Совместного всеобъемлющего плана действий по урегулированию ситуации вокруг иранской ядерной программы (СВГД), которое с выходом из него США в 2018 году и присоединения к санкциям ЕС, завершилась провалом. В результате большинство ограничений были восстановлены, включая санкции ООН, возобновленные механизмом «snapback».

Интеграция Ирана в мировую экономику после 1979 года представляет собой волнообразный процесс, где периоды относительной открытости сменялись жесткой изоляцией и санкционным давлением, что представлено в таблице 2.

Таблица 2

Основные этапы интеграционных процессов Ирана в мировую экономику*

События	Интеграция	Экономика
<i>1-й ЭТАП. Революционная изоляция и «военная экономика» (1979–1988)</i>		
Исламская революция, захват заложников в посольстве США и ирано-иракская война	Резкий разрыв связей с Западом. США ввели первые санкции (заморозка активов на 12 млрд долл. США эмбарго на нефть)	Масштабная национализация (до 80 % экономики под контролем государства) и переход к самообеспечению
<i>2-й ЭТАП. Период «Реконструкции» и либерализации (1989–2005)</i>		
Президентство Хашеми Рафсанджани и Мохаммада Хатами	Попытки рыночных реформ и привлечения иностранных инвестиций. В 1990-х активизировался диалог с ЕС. Иран подал заявку на вступление в ВТО	США ужесточили санкции (закон ILSA 1996 года), ограничивая инвестиции в энергетику Ирана
<i>3-й ЭТАП. Ядерный кризис и многосторонняя изоляция (2006–2015)</i>		
Раскрытие ядерной программы, президентство Махмуда Ахмадинежада	Переход от односторонних (США) к многосторонним санкциям ООН и ЕС. Отключение Ирана от системы SWIFT в 2012 году практически парализовало внешнюю торговлю	Иран начал активно разворачиваться на Восток (Китай, Индия) для обхода ограничений
<i>4-й ЭТАП. Краткая оттепель (2015–2018)</i>		
Подписание «ядерной сделки» (СВГД).	Снятие части санкций. Возвращение на европейский нефтяной рынок, контракты с крупными корпорациями (Boeing, Airbus, Total). ВВП вырос на 12,5 % в 2016 году	Взрывной рост экономики Ирана – 12,3 % (по данным МВФ); добыча нефти до 3,8 млн б/с. Глобальный ВВП рос стабильно: 3,1 % в 2015 году, 3,4 % в 2017 году и 3,6 % в 2018 году
<i>5-й ЭТАП. «Максимальное давление» и региональная интеграция (2018 – н.в.)</i>		
Выход США из СВГД при Д. Трампе и возвращение жестких санкций	Стратегия «экономики сопротивления». Иран сместил акцент на региональную интеграцию и западные блоки: а) Стал полноправным членом ШОС в 2023 году; б) Официальное вступление в БРИКС 01 января 2024 года; в) Подписание соглашения с ЕАЭС о свободной торговле (2023). Участие в проекте: Транспортный коридор «Север – Юг» (INSTC)	Основными торговыми партнерами стали Китай, ОАЭ, Индия и Россия. Доля услуг в ВВП выросла до 51 %, а зависимость от нефтяных доходов снизилась до 23 % (на конец 2023 г.)

* Составлено автором.

Как следует из таблицы 2, интеграционные процессы, происходящие в иранской экономике неразрывно связаны с событиями, проходившими в период с 1979 года по настоящее время, и характеризуются активными экономическими и политическими волнообразными явлениями, зачастую зависящими от санкционной политики США, ЕС и других стран против ИРИ.

Тем не менее, надо отметить, что несмотря на интеграционные успехи, экономика Ирана находится под давлением стран коллективного Запада:

- Прогнозы на 2025–2026 годы указывают на сокращение ВВП (на 1,7 % и 2,8 % соответственно) из-за санкций и падения спроса на нефть. Инфляция сохраняется на уровне 40–50 %;
- Возврат глобальных санкций и волатильность курса риала (достигшего цены 1,1 млн. за доллар в октябре 2025 г.) ограничивают приток инвестиций, необходимых для модернизации инфраструктуры;
- Сохраняется высокая потребность в импорте технологий и оборудования, которую Тегеран пытается закрыть за счет партнерства с Китаем и Россией.

Сама идея санкций противоречит господствующему в западных странах неолиберальному мировоззрению, одним из постулатов которого является открытость экономики и финансовой системы для свободного перетока капиталов. По сути, в настоящее время рестрикции служат для продвижения интересов крупного консолидированного капитала одних стран в отношении разобщенных и меньших по объему капиталов, противостоящих интересам первых. Санкции не достигли своих целей. Ядерная программа Ирана по заявлениям западных стран продолжается, духовенство и его сподвижники остаются у вла-

сти, эффективность рестрикций сводится к минимуму [1, 2, 5]. Жертвами санкционного давления остаются рядовые иранцы, большинство которых в повседневной жизни приходится сталкиваться с недоступностью современных инструментов сохранения и использования капиталов. Эти выводы подтверждаются и результатами других исследователей. Ясно, что многолетнее отсутствие результатов от проводимой политики не могло уйти от внимания ее инициаторов. Тем не менее, санкционное давление продолжает оказываться.

Заключение. Контент-анализ официальных и литературных источников [2, 3, 4] позволяет утверждать, что санкционная политика стран коллективного Запада в отношении Ирана оказалась несостоятельной. По констатации российских и зарубежных источников [7, 11, 13, 14] ядерный проект Ирана не прекратился, религиозные лидеры и их союзники продолжают удерживать контроль, а воздействие санкций минимально. Основные негативные последствия этого санкционного давления ложатся на различные социальные страты населения Ирана, для большинства из которых в быту недоступны эффективные способы защиты сбережений и обеспечение адекватной жизнедеятельности. Собственный комплексный анализ современных исследований по мировой экономике [5, 6, 8] делает очевидной истинную цель санкций стран коллективного Запада (на примере Ирана): неправомерное укрепление лидерства ведущих мировых экономик путем поддержания нищеты и зон нестабильности в государствах и районах, попавших под их влияние. При этом, интеграционные процессы, проводимые властями Ирана со странами ШОС, БРИКС, Евразийским экономическим Союзом (в т.ч. с Россией и Китаем) позволили к 2026 году в условиях санкций сохранить относительную устойчивость иранской экономики.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Статистический отчет о развитии мировой энергетики (Statistical Review of World Energy, 2025) Британского энергетического института (Energy Institute). 07.06.2025. URL : <https://www.np-sr.ru/ru/content/66437-statistical-review-world-energy-2025> (дата обращения 02.01.2026).
2. Артюков О.В. Иранская нефть: как страна обманула санкции и вышла на рекордные объемы добычи. URL : <https://www.pravda.ru/economics/03.07.2025/224-233-iran-oil-production-sanctions-impact> (дата обращения 03.01.2026).
3. Гегелашвили Н. Иранская проблема на фоне ухудшения российско-американских отношений // Кавказ и глобализация. 2008. № 2. С. 36–43. EDN: PZKAUJ

4. Дегтярев А.Н. Исторические тенденции развития экономики Ирана в условиях санкций / А.Н. Дегтярев, А.Р. Кузнецова // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2023. № 4. С. 87–94. DOI: 10.24412/1728-5283-2023-4-87-94 EDN: CYPDNG
5. Козырев А.С. Эконометрическая оценка перспектив российско-иранской торговли // Мир новой экономики. 2025. № 19(1). С. 63–71. DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-1-63-71 EDN: VUPNJU
6. Кулагин В. Россия, Китай и Иран согласуют позиции перед его переговорами с «евротройкой» / В. Кулагин, Г. Мишутин. URL : <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2025/07/22/1125942-rossiya-kitai-i-iran-soglasuyut-pozitsii-peregovorami-s-evrotrioikoi> (дата обращения 02.01.2026).
7. Сайт Европейской службы внешнеполитической деятельности. Ограничительные меры в действии. URL : http://eeas.europa.eu/cfsp/sanctions/docs/measures_en.pdf (дата обращения 01.01.2026).
8. Сайт Министерства экономического развития РФ. Обзор экономической сферы Ирана. URL : http://www.ved.gov.ru/exportcountries/ir/about_ir/eco_ir (дата обращения 01.01.2016).
9. Сайт казначейства США. Исполнительный приказ № 12170. URL : <https://ofac.treasury.gov/media/6316/download?inline> (дата обращения 01.01.2026).
10. Национальный ирано-американский совет. Исполнительные указы и нормативные акты, регулирующие санкции против Ирана. URL : http://www.niacouncil.org/site/DocServer/Sanctions_Timeline.pdf (дата обращения 03.01.2026).
11. Сайт Глобальной базы данных санкций (GSDB). URL : <https://globalsanctionsdatabase.com/data> (дата обращения 01.01.2026).
12. Сайт ООН. Комитет 1737. URL : <http://www.un.org/sc/committees/1737> (дата обращения 15.01.2026).
13. Тимофеев И.Н. Санкции США против Ирана: опыт применения и перспективы развития // Полис. Политические исследования. 2018. № 4. С. 56–71. DOI: 10.17976/jpps/2018.04.05 EDN: XTUVCP
14. Davis L. History lessons: Sanctions: Neither war nor peace / L. Davis, S. Engerman // Journal of Economic Perspectives. 2003. Vol. 17. № 2. P. 187. EDN: GMKVZF

References:

1. Statistical Review of World Energy, 2025, Energy Institute, British Energy Institute, June 07, 2025. URL : <https://www.np-sr.ru/ru/content/66437-statistical-review-world-energy-2025> (date of application 02.01.2026).
2. Artyukov O.V. Iranian Oil: How the Country Defied Sanctions and Reached Record Production Volumes. URL : <https://www.pravda.ru/economics/03.07.2025/224-233-iran-oil-production-sanctions-impact> (date of application 03.01.2026).
3. Gegelashvili, N. The Iranian Problem Against the Background of Deteriorating Russian-American Relations // The Caucasus and Globalization. 2008. № 2. P. 36–43. EDN: PZKAUJ
4. Degtyarev A.N. Historical trends in the development of the Iranian economy under sanctions / A.N. Degtyarev, A.R. Kuznetsova // Bulletin of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan. 2023. № 4. P. 87–94. DOI: 10.24412/1728-5283-2023-4-87-94 EDN: CYPDNG
5. Kozyrev A.S. Econometric assessment of the prospects of Russian-Iranian trade // The World of the New Economy. 2025. № 19(1). P. 63–71. DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-1-63-71 EDN: VUPNJU
6. Kulagin V. Russia, China, and Iran Agree on Positions Ahead of Negotiations with the EU-Troika / V. Kulagin, G. Mishutin. URL : <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2025/07/22/1125942-rossiya-kitai-i-iran-soglasuyut-pozitsii-peregovorami-s-evrotrioikoi> (date of application 02.01.2026).
7. European External Action Service. Restrictive Measures in Action. URL : http://eeas.europa.eu/cfsp/sanctions/docs/measures_en.pdf (date of application 01.01.2026).
8. Russian Ministry of Economic Development. Overview of Iran's Economic Sector. URL : http://www.ved.gov.ru/exportcountries/ir/about_ir/eco_ir (date of application 01.01.2016).
9. US Treasury. Executive Order 12170. URL : <https://ofac.treasury.gov/media/6316/download?inline> (date of application 01.01.2026).
10. National Iranian American Council. Executive Orders and Regulations Governing Sanctions against Iran. URL : http://www.niacouncil.org/site/DocServer/Sanctions_Timeline.pdf (date of application 03.01.2026).
11. Global Sanctions Database (GSDB). URL : <https://globalsanctionsdatabase.com/data> (date of application 01.01.2026).
12. UN website. Committee 1737. URL : <http://www.un.org/sc/committees/1737> (date of application 15.01.2026).
13. Timofeev I.N. US sanctions against Iran: experience of application and development prospects // Polis. Political studies. 2018. № 4. P. 56–71. DOI: 10.17976/jpps/2018.04.05 EDN: XTUVCP
14. Davis L. History lessons: Sanctions: Neither war nor peace / L. Davis, S. Engerman // Journal of Economic Perspectives. 2003. Vol. 17. № 2. P. 187. EDN: GMKVZF

Информация об авторе

Андреев Лев Андреевич
соискатель,
Институт Африки РАН;
Центр глобальных и стратегических исследований
7417262@mail.ru

Lev A. Andreev
Applicant,
Institute for African Studies
of the Russian Academy of Sciences;
Center for Global and Strategic Studies
7417262@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.12.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 09.01.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.01.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-1-5>
УДК 053.6: 351.82

Attribution
cc by

ОТ «ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА» К ЦИФРОВОЙ ОБЪЕКТИВНОСТИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКСПЕРТНОЙ РОЛИ В АНАЛИЗЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИСПОЛНЕНИЯ КОНТРАКТОВ И ДОГОВОРОВ

Ганеев А.Р., Булаева Н.А., Чечелева В.Н.
Российская академия образования

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу трансформации экспертной деятельности в условиях цифровизации и перспектив внедрения технологий искусственного интеллекта. Рассматриваются ключевые ограничения традиционной модели экспертизы, основанной на человеческом факторе, включая субъективность суждений, когнитивные искажения, фрагментарность данных и высокую трудоёмкость процедур. Показано, что развитие интеллектуальной автоматизации, машинного обучения, методов обработки естественного языка и компьютерного зрения создаёт предпосылки для формирования новой модели экспертного анализа, основанной на цифровой объективности, воспроизводимости и прозрачности. В статье анализируются этапы цифровой трансформации экспертной деятельности, изменение роли специалиста, распределение ответственности между экспертом и алгоритмом, а также возможная архитектура гибридной системы экспертного оценивания. Особое внимание уделено техническим, правовым, методологическим и организационным барьерам внедрения ИИ, а также возможностям построения устойчивой синергии человека и цифровых инструментов. Формулируется концептуальная модель будущей экспертной системы, в которой ИИ выполняет функции автоматизированного анализа данных, а эксперт – верификации, интерпретации сложных ситуаций и обеспечения качества решений. Сделан вывод о том, что гибридная модель является оптимальным направлением развития экспертизы в условиях растущей сложности управленческих процессов и требований к прозрачности контроля закупочной деятельности.

Ключевые слова: экспертная деятельность, искусственный интеллект, цифровая объективность, человеческий фактор, автоматизированный анализ, интеллектуальная экспертиза, государственные услуги, контроль результатов, цифровизация, машинное обучение, обработка данных, гибридная экспертная система.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

FROM THE «HUMAN FACTOR» TO DIGITAL OBJECTIVITY: TRANSFORMING THE EXPERT ROLE IN THE ANALYSIS OF CONTRACT PERFORMANCE RESULTS

Aleksei R. Ganeev, Natalia A. Bulaeva, Vera N. Checheleva
Russian Academy of Education

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of the transformation of expert activities under conditions of digitalization and the emerging potential of artificial intelligence technologies. It examines the key limitations of the traditional expert model based on the human factor, including subjective judgments, cognitive biases, fragmented data, and the high labor-intensity of expert procedures. The study demonstrates that the development of intelligent automation, machine learning, natural language processing, and computer vision creates the prerequisites for a new model of expert analysis built on digital objectivity, reproducibility, and transparency. The article analyzes the stages of digital transformation in expert activities, changes in the expert's role, the distribution of responsibility between the specialist and the algorithm, and the potential architecture of a hybrid expert-evaluation system. Particular attention is paid to the technical, legal, methodological, and organizational barriers to AI implementation, as well as opportunities for building sustainable synergy between humans and digital tools. The paper proposes a conceptual model of a next-generation expert system in which AI performs automated data analysis, while the expert ensures verification, interpretation of complex cases, and quality control of decisions. The study concludes that a hybrid model represents the most

effective direction for the development of expertise amid increasing complexity of management processes and rising requirements for transparency in procurement oversight.

Keywords: expert activity, artificial intelligence, digital objectivity, human factor, automated analysis, intelligent expertise, public services, performance assessment, digitalization, machine learning, data processing, hybrid expert system.

Funding: Independent work.

Введение.

В последние годы наблюдается активный переход от традиционных, преимущественно «человеческих» моделей экспертной оценки результатов исполнения контрактов (на выполнение работ, оказание услуг, поставку товара) к цифровым формам экспертизы, что отражает общемировую тенденцию цифровизации управления и контроля. В частности, цифровизация закупок для государственных и муниципальных нужд становится элементом борьбы с бюрократией, коррупцией и субъективизмом в оценке исполнения обязательств. Так, например, по данным анализа закупок в 2024 году, в России было заключено более 4 млн контрактов и договоров на общую сумму около 26 трлн рублей [1].

В отчётах участников рынка отмечается, что доля процедур, оформляемых через цифровые торговые платформы, неуклонно растёт: это влияет на эффективность закупок, сокращение сроков и улучшение прозрачности [2; 3].

В свою очередь, системное внедрение информационных систем, включая Единую информационную систему в сфере закупок (ЕИС), создает технологическую базу для дальнейшей возможной автоматизации экспертизы закупочной и отчетной документации.

Тем не менее, проведение экспертизы в классическом виде по-прежнему сопряжено с рядом рисков: субъективность суждений, когнитивные искажения, ошибки, а также необходимость в ряде случаев привлечения высококвалифицированных специалистов с междисциплинарными компетенциями (правовыми, техническими, аналитическими) [4; 5].

Цифровые технологии и, в особенности системы на базе искусственного интеллекта (далее ИИ), представляют собой инструмент, способный повысить объективность, воспроизводимость и скорость проведения и оформления результатов экспертизы, снизить вероятность ошибок и стандартизировать процедуры оценки [6–8].

Цель настоящего исследования – рассмотреть трансформацию роли эксперта при переходе к цифровой экспертизе: от субъективной интерпретации «человека-эксперта» к роли верификатора и аналитика в условиях использования цифровых инструментов и ИИ.

В статье ставятся следующие ключевые вопросы: Как изменяются задачи и компетенции эксперта, в чем состоят преимущества и ограниче-

ния цифровой экспертизы? Какие требования предъявляются к организациям и процедурам, как выстроить модель, обеспечивающую баланс между автоматизированной проверкой и экспертным контролем?

Статья имеет как теоретическую, так и практическую значимость. С одной стороны – для науки о экспертизе и стандартизации экспертных процедур; с другой – для практиков, задействованных в контрактной, закупочной и иной экспертной деятельности, заинтересованных в повышении прозрачности, эффективности и устойчивости процессов за счет цифровизации закупочной деятельности.

Результаты.

Экспертиза результатов выполнения работ и оказания услуг в рамках контрактов и договоров традиционно рассматривается как особый вид аналитической деятельности, направленный на установление степени соответствия фактически достигнутых результатов работ/услуг требованиям, установленным в технических заданиях (описаниях объекта закупки), а также закреплённым в нормативных актах, методиках и порядках приемки результатов.

В отличие от классического контроля, основанного на формальных регламентах, экспертная деятельность предполагает использование профессионального суждения, опоры на опыт, междисциплинарные знания и способность интерпретировать сложные, неоднородные и частично структурированные данные.

Методологическая база экспертного анализа включает несколько ключевых элементов:

1. Нормативно-правовую основу, определяющую обязательные процедуры, критерии и требования к результатам работ (услуг). В разных сферах это могут быть отраслевые стандарты, методики оценки качества, федеральные нормы и правила, профессиональные стандарты, а также специальные регламенты проведения экспертизы.

2. Теоретические подходы к экспертному оцениванию – в том числе теория принятия решений, теория измерений качества, методы экспертных оценок, концепции функционально-стоимостного анализа, методы проектной аналитики и процедурная онтология оценки результата.

3. Методы сбора, структурирования и интерпретации данных, среди которых: документный ана-

лиз, сопоставление с нормативами, верификация входящих данных, оценка полноты и корректности документации, анализ несоответствий и критических отклонений.

4. Механизмы формирования экспертного заключения, включающие логическую реконструкцию фактического результата, интерпретацию доказательной базы, формирование выводов и квалификацию выявленных отклонений. Наиболее сложной частью является баланс между формальными критериями и профессиональным суждением эксперта.

Несмотря на развитую методологию, традиционная экспертная модель характеризуется высокой зависимостью от человеческого фактора. Когнитивные искажения (эффект подтверждения, предвзятость выбора, «якорение»), эмоциональная вовлечённость, усталость, ограниченность времени и ресурсов могут приводить к снижению объективности и воспроизводимости экспертных решений. Кроме того, в условиях роста объёмов работ и усложнения контрактной деятельности эксперт сталкивается с перегрузкой информации, что снижает качество проверки и повышает вероятность ошибок.

Таким образом, теоретические и методологические основания современной экспертизы представляют собой многослойную систему, в которой человеческое суждение остаётся ключевым элементом, но одновременно становится наиболее уязвимым. Это создаёт предпосылки для перехода к цифровым формам экспертной деятельности, способным усилить объективность, повысить точность анализа и обеспечить стандартизацию процедур. Понимание того, какие элементы традиционной экспертной модели могут быть цифровизированы, а какие требуют сохранения человеческого участия, является критически важным для последующей трансформации экспертной роли.

Цифровизация экспертных процессов является ключевым трендом развития современных систем контроля, мониторинга и оценки результатов выполнения работ (оказания услуг).

Переход от традиционной модели экспертизы к цифровой обусловлен несколькими взаимосвязанными факторами:

- ростом объёмов, данных и числа оцениваемых объектов;
- усложнением технических требований к результатам работ;
- потребностью в повышении прозрачности и снижении субъективности экспертных решений;
- развитием технологий искусственного интеллекта и возможностей автоматизированного анализа данных [9].

Эволюцию цифровой экспертизы условно можно разделить на несколько этапов:

I этап оцифровка данных и документации, позволяющая переводить входящие материалы в машиночитаемый вид, проводить первичную структуризацию и минимизировать потери информации при передаче.

II этап автоматизация отдельных процедур, включающая проверку комплектности, формальных требований, сроков выполнения, корректности расчётов и соответствия установленным показателям.

III этап использование алгоритмов анализа данных, обеспечивающих сопоставление характеристик, выявление аномалий, поиск несоответствий и проведение сравнительных оценок.

IV этап внедрение технологий искусственного интеллекта, позволяющих автоматически интерпретировать документы, классифицировать результаты, выявлять скрытые зависимости и формировать предварительные экспертные заключения.

Переход к интеллектуальным экспертным системам, в рамках которых ИИ выступает полноценным участником экспертной процедуры, обеспечивая поддержку принятия решений, сокращение рутинных операций и повышение точности анализа [10].

Цифровая объективность понимается как способность информационной системы формировать непротиворечивые, воспроизводимые и независимые от субъективных факторов оценки. Её ключевые критерии представлены на рисунке 1.

Рисунок 1 – Критерии цифровой объективности

Цифровая объективность не исключает участия эксперта, но меняет его роль, переводя внимание с рутинной проверки данных на интерпретацию выводов алгоритмов и контроль их корректности.

Ключевыми технологическими инструментами цифровизации экспертизы становятся:

– машинное обучение и нейронные сети, обеспечивающие автоматическое извлечение информации из документов и сопоставление данных;

– технологии компьютерного зрения, позволяющие анализировать фото- и видеоматериалы, подтверждающие результаты работ;

– большие данные, обеспечивающие возможность сопоставления результатов с эталонами, историческими выборками и отраслевыми базами знаний;

– интеллектуальные системы контроля качества, формирующие первичное экспертное заключение на основе структурированных критериев;

– цифровые платформы и реестры, создающие единое информационное пространство и сокращающие вероятность ошибок при ручной передаче данных.

Развитие этих технологий радикально меняет структуру экспертизы, повышая точность и стандартизируя ключевые процессы.

Национальные и корпоративные системы активно интегрируют автоматизированные механизмы экспертизы:

– в сфере закупок – автоматический анализ документов о приёмке, проверка сертификатов, верификация данных, анализ рисков;

– в технической сфере – цифровые паспорта изделий, автоматическая диагностика, мониторинг параметров эксплуатации;

– в образовании – автоматизация оценки результатов образовательных программ, мониторинг качества услуг;

– в НИР – системы анализа научных отчётов, оценка полноты результатов, проверка соответствия плановым заданиям.

Эти примеры показывают, что цифровая трансформация экспертизы развивается независимо в разных отраслях, формируя предпосылки для появления универсальных подходов и единых стандартов цифровой оценки.

Цифровизация экспертной деятельности приводит к существенному пересмотру традиционной профессиональной роли эксперта. Если ранее эксперт выступал основным носителем знаний, интерпретатором результатов и ключевым субъектом принятия решений, то в условиях развития технологий искусственного интеллекта его функции постепенно смещаются в сторону контроля, верификации и интерпретации автоматизированных выводов. Эта трансформация затрагивает методологию работы, компетентностный профиль, ответственность и характер взаимодействия между человеком и цифровыми инструментами.

В традиционной модели эксперт отвечал за полный цикл анализа результатов от изучения документации до формулирования заключения. Такой подход обеспечивал гибкость, но имел значительный риск субъективности. В интеллектуальных системах роль эксперта трансформируется (рис. 2):

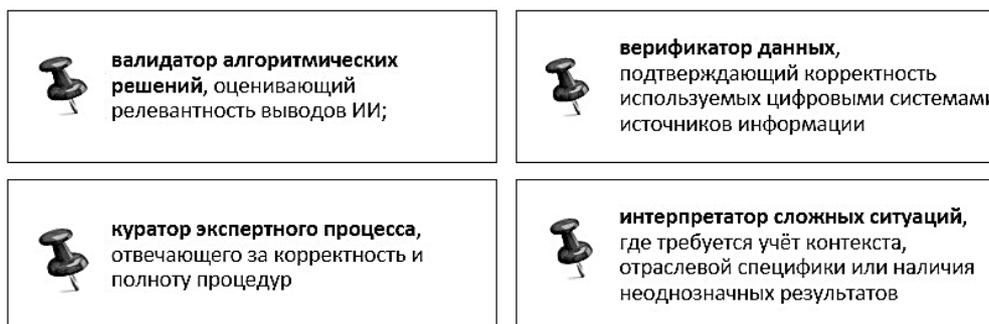

Рисунок 2 – Роли эксперта в интеллектуальной системе

Таким образом, эксперт становится не заменяемым, а переориентированным на функции контроля качества и интерпретации.

Трансформация роли предполагает развитие дополнительных компетенций, среди которых:

1) цифровая грамотность, включая понимание принципов работы ИИ, алгоритмов машинного обучения и источников данных;

2) умение работать с большими массивами данных, интерпретировать цифровые следы и результаты автоматизированного анализа;

3) повышенная аналитическая компетентность, обеспечивающая способность оценивать достоверность цифровых выводов;

4) правовые знания, позволяющие корректно интерпретировать автоматизированные решения в контексте нормативных требований;

5) метакомпетенции: критическое мышление, способность выявлять аномалии в алгоритмических результатах, навыки принятия решений в условиях неопределённости.

Эксперт перестаёт быть только «знатоком содержания» и становится специалистом по работе в человеко-машинной среде.

Одним из ключевых вопросов трансформации является определение границ ответственности. Применяемые модели предполагают такие границы:

- 1) полная ответственность эксперта за итоговое заключение при использовании ИИ как вспомогательного инструмента;
- 2) разделённая ответственность, когда отдельные элементы анализа делегируются цифровым системам;
- 3) алгоритмическое решение с последующей экспертной верификацией, что позволяет существенно уменьшить трудозатраты при сохранении качества.

Оптимальной признаётся гибридная модель, в которой эксперт выполняет функцию надёжного регулятора, предотвращающего ошибочные решения, вызванные алгоритмическими искажениями, некачественными данными или неверной постановкой задачи.

Несмотря на значительные преимущества цифровых инструментов, существует риск избыточного доверия к алгоритмам. Основные угрозы включают:

- 1) некорректность исходных данных;
- 2) систематические ошибки обучения;
- 3) непрозрачность алгоритмов («black box»);
- 4) искажения, вызванные историческими данными;

5) снижение критичности восприятия цифровых результатов со стороны эксперта.

В этих условиях эксперт выступает «второй линией защиты», обеспечивая устойчивость и достоверность процедуры экспертизы.

По мере развития цифровых систем эксперт также получает новую роль – модератора цифровой экспертной среды. Он обеспечивает:

- корректное взаимодействие между автоматизированными подсистемами;
- интерпретацию пограничных случаев;
- адаптацию алгоритмов под отраслевые специфики;
- формирование обратной связи для улучшения моделей ИИ.

Таким образом, цифровая трансформация не исключает эксперта из процесса, а повышает значимость его участия на уровне управления, анализа и принятия окончательных решений.

Интеллектуальная автоматизация представляет собой качественно новый этап развития экспертной деятельности, в рамках которого значительная часть рутинных операций по анализу результатов выполнения работ (оказания услуг) делегируется системам искусственного интеллекта и автоматизированной аналитики. Это становится возможным, благодаря развитию методов машинного обучения, технологий обработки естественного языка, компьютерного зрения и алгоритмического сопоставления данных [11]. Такой подход позволяет сократить время экспертизы, повысить её точность и обеспечить единообразие выводов при проверке больших массивов информации.

Ключевым условием автоматизации является доступность структурированных и полуструктурированных данных [12]. В типовой экспертной процедуре источниками являются элементы, представленные в таблице 1.

Таблица 1

Источники данных для экспертной процедуры

№ п/п	Источник	Составляющие элементы
1	Договорная документация	Технические задания, календарные планы, условия исполнения
2	Отчётная документация исполнителя	Описательные отчёты, акты выполненных работ, документы о приёмке
3	Сертификаты, декларации, паспорта изделий и инструкции	Характеристики объектов поставки или услуг
4	Фото- и видеоматериалы	Артефакты, подтверждающие фактическое исполнение
5	Нормативно-справочные данные	Отраслевые регламенты, стандарты, технические условия
6	Исторические данные	Необходимы для сопоставления с аналогичными объектами

ИИ-системы способны автоматически извлекать информацию из документооборота, выделять ключевые параметры, сопоставлять характеристики и выявлять отклонения [13].

Интеллектуальная автоматизация включает использование нескольких групп алгоритмов (табл. 2).

Таблица 2

Группы алгоритмов интеллектуальной автоматизации

Алгоритмы извлечения данных (NLP-модели)	Алгоритмы сопоставления требований и результатов	Алгоритмы выявления аномалий	Алгоритмы компьютерного зрения
Позволяют интерпретировать текст отчётов, сопроводительных документов, технических характеристик, выделять сущности (поставщик, параметры изделия, сроки выполнения и т.п.) и формировать базу данных для дальнейшего анализа	Система сравнивает: – фактические показатели с требованиями технического задания (описания объекта закупки); – характеристики товаров с нормативами или КТРУ; – полученные параметры с исторической выборкой	Механизмы машинного обучения фиксируют: – несоответствия характеристик; – статистические выбросы; – противоречия между документами; – попытки фальсификации отчётных данных	Используются для анализа фото- и видеоматериалов, подтверждающих: – наличие объекта; – его состояние; – соответствие предъявленным требованиям

Эти механизмы позволяют эффективно выявлять отклонения, которые трудно обнаружить при традиционном ручном анализе.

В зависимости от природы объекта анализа, интеллектуальные системы применяются по-разному.

1. При поставке товаров ИИ способен автоматизировать почти весь цикл проверки:

- 1) анализ комплектности документов;
- 2) проверку сертификатов и деклараций в реестрах;
- 3) сопоставление характеристик с установленными требованиями;
- 4) проверку страны происхождения;
- 5) анализ фото- и видеоматериалов поставленного товара.

Это делает эту сферу наиболее готовой к полной цифровизации экспертизы.

2. При выполнении работ задача усложняется из-за отраслевой специфики. ИИ может:

- контролировать сроки и этапность работ;
- анализировать объемы и план-факт их выполнения;
- сопоставлять результаты с нормативными требованиями и стандартами.

Однако интерпретация технических и инженерных решений часто требует участия человека.

3. При оказании услуг ИИ выполняет:

- анализ количественных показателей оказанных услуг;
- оценку полноты выполнения обязательств;
- сопоставление результатов с качественными критериями.

Сложность связана с тем, что многие показатели услуг имеют качественный характер и требуют экспертного толкования.

4. При выполнении НИР интеллектуальные системы могут:

- проверять полноту представленных материалов;
- анализировать структуру отчётов;
- сопоставлять результаты с плановым заданием.

Но оценка научной новизны и содержания результатов требует человеческого экспертного суждения.

Современные системы ИИ способны формировать предварительное заключение, включающее:

- перечень выявленных несоответствий;
- оценку степени риска (критичность отклонений);
- перечень подтверждающих доказательств;
- рекомендации для эксперта.

Такое заключение не заменяет мнение специалиста, но служит основой для ускорения и повышения качества экспертного процесса.

Несмотря на высокий потенциал, остаются существенные ограничения:

- 1) неполнота или низкое качество данных;
- 2) невозможность автоматизировать оценочные и содержательные решения;
- 3) ограниченная применимость в творческих или научных видах деятельности;
- 4) необходимость учёта контекста и отраслевой специфики.

Поэтому оптимальной является гибридная модель, в которой алгоритмы выполняют рутинный анализ, а эксперт принимает окончательное решение.

Обсуждение.

Несмотря на существенный потенциал технологий искусственного интеллекта в автоматизации экспертного анализа результатов выполнения работ (оказания услуг), их внедрение сталкивается с рядом ограничений, которые носят технический, правовой, методологический и организа-

ционный характер. Понимание этих барьеров (табл. 3) критически важно для корректного построения гибридной модели экспертизы и предотвращения рисков, связанных с алгоритмизацией экспертных процедур.

Таблица 3

Барьеры внедрения инструментов ИИ в экспертные процедуры

№ п/п	Барьер	Элементы ограничений
1	Технические ограничения	<ul style="list-style-type: none"> – низкое качество входных данных: несогласованные форматы документов, сканированные копии низкого разрешения, отсутствие машиночитаемых структур; – неоднородность данных: разные форматы актов, отчётов и технических документов даже в рамках одной отрасли; – недостаток отраслевых справочников и стандартизированных баз знаний, необходимых для корректной работы алгоритмов; – проблема интеграции с действующими информационными системами, включая ЕИС, ведомственные реестры и корпоративные платформы; – ограниченная способность ИИ корректно интерпретировать контекст, особенно если данные содержат исключения, неоднозначности или требующие экспертного суждения формулировки
2	Правовые барьеры	<ul style="list-style-type: none"> – отсутствие нормативного признания автоматизированной экспертизы как самостоятельной процедуры [14]; – жёсткое закрепление ответственности за экспертизу за должностными лицами, что исключает передачу ключевых решений ИИ [15]; – отсутствие правовых норм, регулирующих допустимость алгоритмической интерпретации документов; – непрозрачность алгоритмов как фактор невозможности юридической верификации цифрового заключения; – ограничения на автоматическое сопоставление данных персонального или конфиденциального характера
3	Методологические ограничения	<ul style="list-style-type: none"> – отсутствие единых критериев оценки во многих сферах услуг и работ; – высокая зависимость результатов от эмпирического опыта эксперта, который трудно формализовать; – наличие качественных и трудно формализуемых показателей, таких как степень проработанности, инновационность, качество решений; – разнородность работ и услуг, что ограничивает возможность создания универсальных моделей
4	Организационные ограничения	<ul style="list-style-type: none"> – недостаточная цифровая зрелость заказчиков и исполнителей; – сопротивление персонала изменениям и опасения замены человеческой экспертизы цифровыми инструментами; – недостаток компетенций для работы в человеко-машинных системах; – ограниченные ресурсы организаций для внедрения сложных ИИ-решений; – отсутствие практики использования гибридных экспертных моделей
5	Этические и социальные аспекты	<ul style="list-style-type: none"> – проблема прозрачности алгоритмов («black box»), особенно при принятии значимых решений [16]; – риски дискриминации и предвзятости вследствие дефектов обучающих данных; – угроза утраты доверия к экспертным процедурам при отсутствии объяснимости решений ИИ; – возложение ответственности за ошибки ИИ, которое в текущей правовой модели остается неурегулированным; – опасения снижения статуса человеческого эксперта [17]

Технические барьеры являются одними из наиболее существенных, поскольку определяют фундаментальную возможность функционирования цифровой экспертной системы. Эти сложности существенно увеличивают затраты на разработку и внедрение цифровых экспертных систем, а также требуют подготовки обширной базы данных для обучения моделей.

Правовое регулирование экспертной деятельности во многих сферах изначально ориентировано на участие человека-эксперта как субъекта принятия решения. Эти барьеры требуют модернизации правовых актов, введения новых поня-

тий и регламентов, включающих цифровую экспертизу как вспомогательный или гибридный инструмент.

Методологические сложности связаны с особенностями экспертной деятельности. Автоматизация возможна преимущественно там, где требования и критерии строго формализованы, а материалы представлены в стандартизированном виде.

Даже при наличии технической и методологической готовности остаются организационные проблемы:

– Организационная готовность является ключевым фактором успешной цифровизации;

– Автоматизация экспертизы неизбежно порождает вопросы этики. Этические требования требуют разработки механизмов объяснимости, прозрачности и контроля алгоритмов.

Переход к цифровой объективности в анализе результатов выполнения работ (оказания услуг) предполагает не замену человека машиной, а создание гибридной системы, в которой искусственный интеллект и эксперт объединяют свои сильные стороны. Такая модель обеспечивает высокую точность обработки данных, масштабируемость и воспроизводимость алгоритмов при сохранении глубины экспертного суждения, необходимой для интерпретации контекстных, качественных и нестандартных ситуаций [18].

Формирование будущей экспертной системы требует определения архитектурных принципов, распределения функций и механизмов взаимодействия между человеком и ИИ.

Будущая цифровая система экспертизы должна опираться на следующие принципы:

1) комплементарность: алгоритмы и человек выполняют разные, но взаимодополняющие функции;

2) прозрачность: логика работы ИИ должна быть объяснима экспертам и проверяющим органам;

3) масштабируемость: система должна поддерживать обработку больших массивов данных;

4) гибкость конфигурации: возможность адаптации под отраслевые специфики и различные предметы экспертизы;

5) безопасность данных: соответствие требованиям защиты информации, включая контроль доступа и аудит действий.

Эти принципы формируют основу для устойчивой и воспроизводимой модели экспертной деятельности.

Эффективная модель синергии предполагает распределение функций между тремя ключевыми компонентами [19] (рис. 3).

Рисунок 3 – Ключевые компоненты цифровой системы экспертизы

Такая архитектура обеспечивает прозрачность и предсказуемость экспертных процедур.

В цифровой «экосистеме» эксперт становится:

1) куратором алгоритмических решений, определяющим границы их применимости;

2) модератором экспертного процесса, обеспечивающим согласованность данных и выводов;

3) антикризисным интерпретатором, разбирающимся в исключениях, которые не может обработать ИИ;

4) участником настройки и обучения моделей, обеспечивая обратную связь для повышения точности алгоритмов.

Таким образом, эксперт не теряет значимости - наоборот, его роль становится более стратегической.

Гибридная система может функционировать в нескольких режимах:

1) «алгоритм + эксперт», когда ИИ выполняет 70–90 % рутинной аналитики, эксперт принимает финальное решение;

2) «эксперт + алгоритм поддержки принятия решений», когда система предлагает рекомендации и интерпретации;

3) режим «двойного контроля», когда ИИ и человек независимо проверяют одни и те же материалы;

4) режим «эскалации», когда ИИ анализирует типовые случаи, а сложные автоматически передает эксперту.

Выбор режима зависит от отрасли, типа работ/услуг и регулятивных требований.

Модель синергии человека и ИИ способна масштабироваться в различных направлениях:

- 1) повсеместное внедрение в контрактной системе, включая контроль исполнения, мониторинг и планирование;
- 2) расширение на отрасли образования, здравоохранения, строительства и НИР;
- 3) интеграция с отраслевыми цифровыми платформами и реестрами;
- 4) повышение качества данных за счёт стандартизации отчётности;
- 5) развитие объяснимого ИИ, позволяющего экспертам понимать логику алгоритмов.

Дальнейшее развитие таких моделей создаёт условия для появления полноценной экосистемы цифровой экспертизы, в которой человек и технологии действуют согласованно, повышая качество контроля и управления.

Заключение.

Переход от традиционной экспертизы, основанной на человеческом суждении, к цифровой объективности представляет собой системную трансформацию экспертной деятельности.

Проведённый анализ показал, что цифровизация меняет не только инструментарий оценки результатов выполнения работ (оказания услуг), но и фундаментальные принципы организации экспертного процесса, распределение ответственности, требования к компетенциям и самому порядку экспертного решения.

Технологии искусственного интеллекта позволяют существенно повысить точность анализа, сократить влияние человеческого фактора,

обеспечить воспроизводимость и прозрачность процедур, а также ускорить обработку больших объёмов данных.

Интеллектуальная автоматизация – от первичного извлечения информации до выявления несоответствий и формирования предварительных заключений – демонстрирует высокий потенциал для повышения эффективности экспертного контроля в государственных, корпоративных и научных сферах.

Однако цифровая трансформация не устраняет необходимость участия человека. Напротив, роль эксперта усиливается и становится более стратегической: он выступает верификатором, интерпретатором сложных ситуаций, модератором алгоритмических решений и куратором качества цифровых процессов. Формирование гибридной модели «человек + ИИ» является оптимальным направлением развития, обеспечивающим баланс между объективностью алгоритмов и глубиной профессионального суждения.

Тем не менее, внедрение цифровых экспертных систем сталкивается с рядом барьеров: технических (качество данных), правовых (отсутствие регламентации автоматизированной экспертизы), методологических (неоднородность критериев оценки) и организационных (недостаточная цифровая зрелость участников процесса). Их преодоление требует комплексного подхода, включающего развитие нормативной базы, стандартизацию данных, повышение цифровых компетенций экспертного сообщества и создание прозрачных механизмов оценки алгоритмических решений.

Таким образом, цифровая трансформация экспертной деятельности открывает новые возможности для повышения эффективности и качества анализа результатов выполнения работ (оказания услуг). Формирование устойчивой гибридной модели экспертизы является ключевым условием успешного перехода от «человеческого фактора» к цифровой объективности и задаёт направление будущего развития экспертных процедур в условиях растущей сложности и объёмов управленческих задач.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Литература:

1. В 2024 году в закупках заключено 4 млн договоров на 26 трлн рублей // RBC Companies. 2024. URL : <https://companies.rbc.ru/news/YbHe6j0r5x/v-2024-godu-v-zakupkah-zaklyucheno-4-mln-dogovorov-na-26-trln-rublej> (дата обращения 10.12.2025).

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

2. Российский бизнес увеличил объемы закупок через цифровые платформы // CNews. 2025. URL : https://www.cnews.ru/news/line/2025-03-11_rossijskij_biznes_uelichil (дата обращения 10.12.2025).
3. Автоматизация закупок ускоряет цифровизацию российских компаний // Российская газета. 2025. URL : <https://rg.ru/2025/06/04/avtomatizaciia-zakupok-uskorjaet-cifrovizaciiu-rossijskih-kompanij.html> (дата обращения 10.12.2025).
4. Совершенствование экспертизы закупочной и отчетной документации в сфере образования инструментами искусственного интеллекта / Г.И. Качаева [и др.] // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 4. С. 98–102. DOI: 10.34823/SGZ.2025.4.52067 EDN: CMBHOI
5. Янгиров А.И. Совершенствование методического обеспечения судебно-экспертной деятельности в условиях цифровизации : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д. : ФГКОУ ВО «Ростовский юридический институт МВД России», 2024. EDN: KHFEFG
6. The role of artificial intelligence in the procurement process: State of the art and research agenda / M. Guida [et al.] // Journal of Purchasing and Supply Management. 2023. Vol. 29. Iss. 2. DOI: 10.1016/j.pursup.2023.100823.
7. Цифровизация и ее роль в управлении процессами экономического развития России / М.Ю. Погудаева [и др.] // Экономическое развитие России. 2025. Т. 32. № 5. С. 230-234. EDN: OZUDFT
8. Genaro-Moya D. Artificial Intelligence and Public Sector Auditing: Challenges and Opportunities for Supreme Audit Institutions / D. Genaro-Moya, A.M. López-Hernández, M. Godz // World. 2025. Vol. 6(2). 78 p. DOI: 10.3390/world6020078 EDN: LRZLUS
9. Толкачев С.В. Искусственный интеллект в сфере управления закупками // APNI.RU. 2024. URL : <https://apni.ru/article/8612-iskusstvennij-intellekt-v-sfere-upravleniya> (дата обращения 10.12.2025). EDN: RRBEUR
10. ВШЭ (НИУ). Внедрение ИИ в государственные закупки. Научно-учебная группа по исследованию госзакупок. 2025. URL : <https://perm.hse.ru/publicprocurement/news/1095272618.html> (дата обращения 10.12.2025).
11. Alsubaei F. An AI-Based Automated Continuous Compliance Awareness Framework (CoCAF) for Procurement Auditing / F. Alsubaei, T. Thorpe, Y. Rezgui // Big Data and Cognitive Computing. 2020. Vol. 4(3). DOI: 10.3390/bdcc4030023 EDN: RLVBGD
12. Сбер. Автоматизация закупок с использованием искусственного интеллекта // Sber Developers. 2024. URL : <https://developers.sber.ru/help/business-development/automation-of-purchases> (дата обращения 10.12.2025).
13. Lee Y. Development of an Automated Construction Contract Review Framework Using Large Language Models and Domain Knowledge / Y. Lee, S. Kim, J. Park // Buildings. 2025. Vol. 15(6). DOI: 10.3390/buildings15060923 EDN: ZVNICG
14. Цифровизация гражданского оборота и правовой статус технологий ИИ // В кн.: Цифровизация правовых институтов. 2024. URL : <https://books.yandex.kz/books/jeKdLHhJ/read-online> (дата обращения 10.12.2025).
15. Внедрение искусственного интеллекта в систему государственных закупок / А.С. Уметалиев [и др.] // Портал публичных локальных открытых данных. 2023. URL : <https://www.pplo.kg/repository/130> (дата обращения 10.12.2025).
16. Bauhoff S. A machine learning model to identify corruption in Mexico's public procurement contracts / S. Bauhoff, S. Fischer // arXiv. 2022. DOI: 10.48550/arXiv.2211.01478
17. Khan M. AI for Integrity: Using Data Filtration to Detect Malpractices in Public Procurement / M. Khan, S. White // Advances in Consumer Research. 2025. URL : <https://acr-journal.com/article/ai-for-integrity-using-data-filtration-to-detect-malpractices-in-public-procurement-1903> (date of application 10.12.2025).
18. AI adoption in contracting: Balancing automation and human oversight // Digital Journal. 2024. URL : <https://www.digitaljournal.com/tech-science/ai-adoption-in-contracting-balancing-automation-and-human-oversight/article> (date of application 10.12.2025).
19. An AI-Driven Data Mesh Architecture Enhancing Decision-Making in Infrastructure Construction and Public Procurement / P. Sharma [et al.] // arXiv. 2024. DOI: 10.48550/arXiv.2412.00224

References:

1. In 2024, \$ 4 million worth 26 trillion rubles remained on sale // RBC of the Company. 2024. URL : <https://companies.rbc.ru/news/YbHe6j0r5x/v-2024-godu-v-zakupkah-zaklyucheno-4-mln-dogovorov-na-26-trln-rublej> (date of application 12/10/2025).
2. Russian business has increased its investments abroad // CNews. 2025. URL : https://www.cnews.ru/news/line/2025-03-11_rossijskij_biznes_uelichil (date of application 10.12.2025).
3. Procurement automation accelerates digitalization of Russian companies // Rossiyskaya Gazeta. 2025. URL : <https://rg.ru/2025/06/04/avtomatizaciia-zakupok-uskorjaet-cifrovizaciiu-rossijskih-kompanij.html> (date of application 12/10/2025).
4. Improving the expertise of procurement and accounting documentation in the field of education with artificial intelligence tools / G.I. Kachaeva [et al.] // Socio-humanitarian knowledge. 2025. № 4. P. 98–102. DOI: 10.34823/SGZ.2025.4.52067 ed.: CMBHOI
5. Yangirov A.I. Improving the methodological support of forensic expertise in the context of digitalization : dis. ... jurid. sciences'. Rostov-on/D. : Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. EDN: KHFEFG
6. The role of artificial intelligence in the procurement process: State of the art and research agenda / M. Guida [et al.] // Journal of Purchasing and Supply Management. 2023. Vol. 29. Iss. 2. DOI: 10.1016/j.pursup.2023.100823.

7. Digitalization and its role in managing the processes of economic development of Russia / M.Yu. Pogudaeva [et al.] // Economic development of Russia. 2025. Vol. 32. № 5. P. 230–234. EDN: OZUDFT
8. Genaro-Moya D. Artificial Intelligence and Public Sector Auditing: Challenges and Opportunities for Supreme Audit Institutions / D. Genaro-Moya, A.M. López-Hernández, M. Godz // World. 2025. Vol. 6(2). 78 p. DOI: 10.3390/world6020078 EDN: LRZLUS
9. Tolkachev S.V. State intelligence in inventory management // APNI.RU The year is 2024. URL : <https://apni.ru/article/8612-iskusstvennij-intellekt-v-sfere-upravleniya> (date of application 12/10/2025). EDN: RRBEUR
10. Higher School of Economics (NRU). The introduction of AI in public procurement. Scientific and educational group for the study of public procurement. 2025. URL : <https://perm.hse.ru/publicprocurement/news/1095272618.html> (date of application 10.12.2025).
11. Alsubaei F. An AI-Based Automated Continuous Compliance Awareness Framework (CoCAF) for Procurement Auditing / F. Alsubaei, T. Thorpe, Y. Rezgui // Big Data and Cognitive Computing. 2020. Vol. 4(3). DOI: 10.3390/bdcc4030023 EDN: RLVBDG
12. Savings account. Automating purchases using software // Sber Developers. 2024. URL : <https://developers.sber.ru/help/business-development/automation-of-purchases> (date of application 10.12.2025).
13. Lee Y. Development of an Automated Construction Contract Review Framework Using Large Language Models and Domain Knowledge / Y. Lee, S. Kim, J. Park // Buildings. 2025. Vol. 15(6). DOI: 10.3390/buildings15060923 EDN: ZVNICG
14. Digitalization of civil turnover and the legal status of AI technologies // In: Digitalization of legal institutions. 2024. URL : <https://books.yandex.kz/books/jeKdLHhJ/read-online> (date of application 10.12.2025).
15. Umetaliev A.S. and others. Introduction of artificial intelligence into the public procurement system // Portal of public local open data. 2023. URL : <https://www.pplo.kg/repository/130> (date of application 12/10/2025).
16. Bauhoff S. A machine learning model to identify corruption in Mexico's public procurement contracts / S. Bauhoff, S. Fischer // arXiv. 2022. DOI: 10.48550/arXiv.2211.01478
17. Khan M. AI for Integrity: Using Data Filtration to Detect Malpractices in Public Procurement / M. Khan, S. White // Advances in Consumer Research. 2025. URL : <https://acr-journal.com/article/ai-for-integrity-using-data-filtration-to-detect-malpractices-in-public-procurement-1903> (date of application 10.12.2025).
18. AI adoption in contracting: Balancing automation and human oversight // Digital Journal. 2024. URL : <https://www.digitaljournal.com/tech-science/ai-adoption-in-contracting-balancing-automation-and-human-oversight/article> (date of application 10.12.2025).
19. An AI-Driven Data Mesh Architecture Enhancing Decision-Making in Infrastructure Construction and Public Procurement / P. Sharma [et al.] // arXiv. 2024. DOI: 10.48550/arXiv.2412.00224

Информация об авторах

Ганеев Алексей Рафисович

кандидат технических наук,
ведущий эксперт Центра экспертиз в образовании,
Российская академия образования, г. Москва
ORCID: 0000-0002-1952-3798
argan74@mail.ru

Alexey R. Ganeev

Candidate of Technical Sciences,
Leading Expert of the Center for Expertise in Education,
Russian Academy of Education, Moscow
ORCID: 0000-0002-1952-3798
argan74@mail.ru

Булаева Наталья Александровна

кандидат экономических наук,
ведущий эксперт Центра экспертиз в образовании,
Российская академия образования, г. Москва
nbulaevamail@gmail.com

Natalia A. Bulaeva

Candidate of Economic Sciences,
Leading Expert of the Center for Expertise in Education,
Russian Academy of Education, Moscow
nbulaevamail@gmail.com

Чечелева Вера Николаевна

кандидат филологических наук,
ведущий эксперт Центр экспертиз в образовании,
Российская академия образования, г. Москва
vera.checheleva@gmail.com

Vera N. Checheleva

Candidate of Philological Sciences,
Leading Expert of the Center for Expertise in Education,
Russian Academy of Education, Moscow
vera.checheleva@gmail.com

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 24.12.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.01.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.01.2026.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-1-8>

УДК 339

Attribution

cc by

АЛГОРИТМ ВНЕДРЕНИЯ БЛОКЧЕЙНА В ОТДЕЛЬНЫЕ БИЗНЕС-СЕГМЕНТЫ «НОВОГО КАБУЛ БАНКА» АФГАНИСТАНА

Джалили А.К.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью цифровой трансформации системно значимых финансовых институтов в условиях сложной экономической и регуляторной среды. Целью исследования является разработка структурированного алгоритма внедрения блокчейн-технологий в деятельность «Нового Кабул Банка» для повышения его операционной эффективности и конкурентоспособности. Задачи включают: анализ бизнес-сегментов банка и выделение наиболее приоритетных из них для внедрения блокчейна; оценку регуляторных и политических рисков; выбор подходящих блокчейн-платформ; проектирование параметров пилотных проектов; формирование модели стратегических партнерств. В работе использованы методы сравнительного анализа, экспертной оценки бизнес-процессов, проектирования и сценарного планирования этапов внедрения. Исследование базируется на анализе международного опыта и специфики национального контекста. В результате исследования определены четыре наиболее перспективных для внедрения направления: международные денежные переводы, аккредитивы, банковские гарантии и клиринговый центр. Для каждого направления предложены конкретные блокчейн-платформы, детализированы параметры пилотных проектов и разработана многоуровневая модель партнерств. Разработанный алгоритм предоставляет банку комплексный и адаптивный путь цифровой трансформации.

Ключевые слова: блокчейн, финансовые институты, банк, алгоритм, бизнес-сегменты, аккредитивы, денежные переводы, партнерства, интеграция, технологии, цифровая трансформация.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

BLOCKCHAIN IMPLEMENTATION ALGORITHM IN SEPARATE BUSINESS SEGMENTS OF NEW KABUL BANK OF AFGHANISTAN

Abdul Q. Jalili

Financial University under the Government of the Russian Federation

Abstract. The relevance of the study is determined by the need for digital transformation of systemically important financial institutions in a complex economic and regulatory environment. The objective of the study is to develop a structured algorithm for implementing blockchain technologies in the activities of New Kabul Bank to improve its operational efficiency and competitiveness. Objectives include: analyzing the bank's business segments and identifying the highest priority ones for blockchain implementation; assessing regulatory and political risks; selecting suitable blockchain platforms; designing pilot project parameters; and developing a strategic partnership model. The study utilized methods of comparative analysis, expert assessment of business processes, and design and scenario planning for implementation stages. The study is based on an analysis of international experience and the specifics of the national context. As a result, four areas with the most promising potential for implementation were identified: international money transfers, letters of credit, bank guarantees, and a clearing center. Specific blockchain platforms were proposed for each area, pilot project parameters were detailed, and a multi-level partnership model was developed. The developed algorithm provides the bank with a comprehensive and adaptive path to digital transformation.

Keywords: blockchain, financial institutions, banking, algorithm, business segments, letters of credit, remittances, partnerships, integration, technology, digital transformation.

Funding: Independent work.

© Джалили А.К.

Введение. Цифровая трансформация становится ключевым фактором конкурентоспособности и устойчивости финансовых институтов в условиях глобальной нестабильности [2]. «Новый Кабул Банк» [7], являющийся ключевым коммерческим финансовым институтом Афганистана, выполняющим системно важные функции, и предлагающий клиентам весь диапазон банковских продуктов, в том числе исламское финансирование, обслуживание частных лиц и компаний, международные расчеты и торговое финансирование, требует внедрения финансовых технологий, в частности блокчейна, для решения проблем сильной зависимости от теневых денежных потоков, высоких операционных расходов, возрастающей угрозы мошеннических операций и т.д.

Результаты. Проведенное исследование позволило получить следующие конкретные результаты. Определены четыре наиболее перспективных бизнес-сегмента «Нового Кабул Банка» для пилотного внедрения блокчейн-технологий с целью достижения максимального операционного эффекта: международные денежные переводы, аккредитивы, банковские гарантии и организация клирингового центра. Для каждого из этих направлений произведен выбор конкретных блокчейн-платформ с обоснованием.

Детализированы параметры двух ключевых пилотных проектов, обеспечивающих минимально жизнеспособный продукт (MVP). Для направления денежных переводов предложена интеграция с платформой Stellar, партнерство с международными платежными системами, целевой

показатель – обработка 500 транзакций в месяц со скоростью до 5 минут и комиссией не более 3 %. Для аккредитивов разработана архитектура на базе Hyperledger Fabric с участием банка, таможенных и зарубежных корреспондентов, с целевым сокращением времени обработки операций с 14 дней до 48 часов.

Разработана многоуровневая модель стратегических партнерств, охватывающая международный (UNDP, Binance Charity), региональный (банки ОАЭ, Китая) и национальный (Da Afghanistan Bank, Министерство цифровых технологий) уровни, что является критическим фактором для снижения рисков и обеспечения устойчивости инициативы. Все предложения интегрируют требования регуляторного соответствия, включая взаимодействие с центральным банком и выполнение рекомендаций FATF.

Обсуждение. Инициатива внедрения блокчейна носит стратегический характер, поскольку она призвана не только устранить существующие операционные трудности, но и заложить фундамент для долгосрочного роста банка. Ее реализация требует последовательной стратегии, которая должна учитывать специфику нормативного регулирования, уровень технологического развития и состояние инфраструктуры в Афганистане. В связи с этим разработан алгоритм внедрения блокчейна в отдельные бизнес-сегменты «Нового Кабул Банка», предполагающий реализацию ряда последовательных этапов, схема которых представлена на рисунке 1.

Рисунок 1 – Разработанный алгоритм внедрения блокчейна в отдельные бизнес-сегменты «Нового Кабул Банка»

Первым этапом предлагаемого алгоритма стал анализ и определение наиболее подходящих

направлений бизнеса, где эта технология позволит достичь максимального эффекта от цифро-

визации при минимальных сопутствующих рисках [3]. Оценка продуктов и услуг банка с точки зрения целесообразности их перевода на блокчейн, а также потенциальных выгод от такого перехода с учетом возможностей интеграции в

текущую банковскую инфраструктуру и специфику регуляторной, технологической и инфраструктурной среды Афганистана представлена в таблице 1.

Таблица 1

Оценка приоритетности основных услуг (бизнес-сегментов) «Нового Кабул Банка» для внедрения блокчейна

Продукты и услуги Нового Кабул Банка	Характеристика услуги (продукта)	Приоритетность внедрения блокчейна (+ / -), получаемые преимущества
Открытие корпоративного счета	Форма депозита до востребования для юридических лиц со свободным доступом к снятию средств	(-) Отсутствие спроса на сложные блокчейн-технологии
Открытие сберегательного счета	Базовый тип банковского счета для физических лиц, позволяющий вносить и снимать денежные средства	(-) Отсутствие влияния блокчейна на доходность вкладов
Организация экспресс-перевода денег	Услуга по осуществлению денежных переводов, в первую очередь, экспатриантов, работающих в саудовской Аравии и Кувейте	(+) Обеспечит ускорение переводов до минут, сокращение комиссии
Аккредитивы	Предоставление субъектам коммерческого сектора экспортных и импортных аккредитивов	(+) Обеспечение автоматизации аккредитивов, снижение риска мошенничества
Предоставление банковской гарантии	Поручительство банка за одну из сторон сделки для ценных заявителей	(+) Обеспечение прозрачности и верифицируемости банковских гарантий
Клиринговый центр	Организация межбанковских расчетов, взаиморасчетов между участниками финансового рынка	(+) Ускорение расчетов между банками
Предоставление кредитных и дебетовых карт	Услуги по предоставлению как Master Debit и Master Credit	(-) Зависимость карт от международных платежных систем, низкая распространенность карт

Проведенная оценка показала, что наиболее перспективным направлением для пилотного внедрения является сервис срочных денежных переводов, среди которых преобладают международные операции. Следующим по значимости сегментом для применения блокчейна была определена работа с аккредитивами для корпоративных клиентов, что важно, как для укрепления позиций самого банка, так и для усиления

роли Афганистана в международной торговле. Кроме того, в число приоритетных направлений вошли услуга по выдаче банковских гарантий, и организация деятельности клирингового центра.

Второй этап разработанного алгоритма внедрения блокчейна в отдельные бизнес-сегменты «Нового Кабул Банка» предполагает осуществление регуляторной и политической оценки данного внедрения (рис. 2).

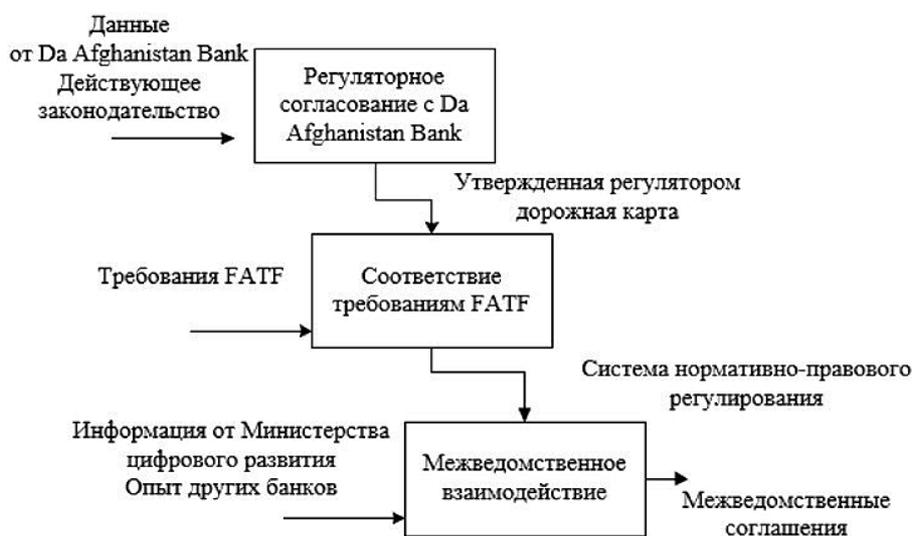

Рисунок 2 – Схема этапа регуляторной и политической оценки внедрения блокчейна в отдельные бизнес-сегменты «Нового Кабул Банка»

На данном этапе ключевой задачей становится выстраивание формализованного взаимодей-

ствия с центральным банком страны (Da Afghanistan Bank), выступающим главным регу-

лятором финансовой системы [6]. Данный процесс включает создание детального плана-графика, который предусматривает постепенную легализацию цифровых активов, формирование нормативной основы для смарт-контрактов и определение правового статуса криптовалют в рамках национальной платежной системы. Особую значимость приобретает согласование единых технических стандартов, гарантирующих совместимость новых блокчейн-решений с действующей финансовой инфраструктурой.

Одновременно необходим анализ соответствия предлагаемых изменений стандартам FATF, что особенно критично в свете пристального внимания мирового сообщества к финансовым операциям в Афганистане [8]. Реализация этого направления предполагает внедрение усовершенствованных процедур идентификации клиентов (еKYC), создание системы отслеживания транзакций в режиме реального времени с применением специализированных инструментов вроде Chainalysis, а также разработку прозрачных протоколов работы с зарубежными корреспондентскими банками. Для снижения регуля-

торных рисков предлагается учреждение в структуре банка специализированного комитета по блокчейн-комплаенсу.

Стратегическое сотрудничество с Министерством цифровых технологий должно развиваться в нескольких ключевых аспектах: совместное создание национальных стандартов цифровой идентификации, интеграция банковских блокчейн-решений с государственными цифровыми платформами и участие в разработке законодательной базы для цифровых активов. Значимым фактором становится координация действий с другими профильными министерствами для обеспечения комплексного подхода к цифровизации финансового сектора.

Важным практическим этапом алгоритма внедрения блокчейна в отдельные бизнес-сегменты «Нового Кабул Банка» рассматривается выбор подходящих блокчейн-платформ, дифференцированных в зависимости от каждого бизнес-сегмента, с учетом требований скорости, безопасности и регуляторного соответствия (табл. 2).

Таблица 2

Результаты выбора блокчейн-платформ для внедрения в бизнес-сегменты «Нового Кабул Банка»

Бизнес-сегмент	Рекомендуемая блокчейн-платформа	Альтернативная блокчейн-платформа	Эффект от внедрения
Организация экспресс-перевода денег	Stellar (XLM)	RippleNet (XRP)	Возможность снижения комиссии с 10 % до 1 %. Повышение скорости переводов до секунд
Аккредитивы	Hyperledger Fabric	R3 Corda	Возможности снижения сроков до 24 часов
Предоставление банковских гарантий	Ethereum Enterprise	Polygon	Автоматизация, снижение мошенничества
Клиринговый центр	Quorum	Hedera Hashgraph	Расчеты в реальном времени, снижение ошибок

Следующим этапом алгоритма внедрения блокчейна в отдельные бизнес-сегменты «Нового Кабул Банка» предлагается запуск пилотных проектов в выбранных бизнес-сегментах. В качестве стартовых направлений, обеспечивающих минимально жизнеспособного продукта (MVP) для последующего масштабирования, выбраны следующие:

1. Организация экспресс-перевода денег, предполагающая, в первую очередь, осуществление международных денежных переводов.

Для реализации пилота рекомендуется установить партнерские отношения с международной платежной системой (например, MoneyGram) или криптовалютной платформой (такой как Binance), которая сможет обеспечить ликвидность цифровых активов. С технической стороны проект предполагает интеграцию API платформы Stellar в мобильное приложение банка с организацией конвертации валютных пар USDT/AFN через сеть местных обменных пунктов в Кабуле, Кандагаре и Герате. Целевыми показателями эффективности являются обработка как минимум 500 транзакций ежемесячно со средним временем выполнения до 5 минут и комиссией

не более 3 %. Для снижения регуляторных рисков требуется предварительное согласование лимитов переводов и внедрение усовершенствованной системы верификации клиентов с использованием биометрических данных.

2. Аккредитивы.

Пилотную программу целесообразно ограничить работой с 10–15 ключевыми экспортерами, например, производителями сухофруктов и ковров ручной работы. Техническая архитектура должна объединять узлы банка, таможенной службы и трех зарубежных банков-корреспондентов из таких стран, как Пакистан и ОАЭ. Автоматизация процессов будет обеспечена за счет смарт-контрактов, синхронизирующих информацию из коносаментов, товарных накладных и аккредитивной документации. Основными метриками успеха станут сокращение времени обработки операций с 14 дней до 48 часов и уменьшение операционных расходов на 40 %. Особое внимание необходимо уделить юридическому признанию цифровых документов.

Оба пилотных проекта требуют формирования межфункциональной рабочей группы, включаю-

щей ИТ-специалистов, сотрудников compliance-службы и бизнес-аналитиков. Группа будет осуществлять еженедельный мониторинг трех категорий показателей: операционной эффективности (скорость и стоимость транзакций), уровня удовлетворенности клиентов (индекс NPS) и соответствия регуляторным нормативам (отчетность для Da Afghanistan Bank). По результатам трехмесячного тестового периода должна быть разработана стратегия масштабирования, учитывающая возможную модернизацию технической архитектуры и привлечение дополнительных участников системы.

После успешного тестирования пилотных проектов наступает этап масштабирования. Ключевыми задачами этого этапа становятся комплексное обучение персонала банка, внедрение мультиподписных кошельков для повышения безопасности активов и организация системы мониторинга транзакций с применением таких инструментов, как Chainalysis, для соблюдения стандартов AML/CFT.

Расширение применения блокчейн-технологий в бизнес-направлениях банка после успешного завершения экспериментальной стадии требует всестороннего подхода, учитывающего технологические, организационные и правовые аспекты. На основе изучения итогов пилотного внедрения Stellar для системы срочных переводов и Hyperledger Fabric для аккредитивов предлагается сконцентрироваться на трех основных направлениях развития:

Первое направление – технологическое развитие, предусматривающее последовательное наращивание возможностей действующих решений. Для платежной системы на Stellar это включает введение новых валютных пар (афгани/иранский риал, афгани/китайский юань), подключение дополнительных криптобирж и создание системы автоматической защиты от валютных рисков. Для платформы аккредитивов на Hyperledger Fabric необходимо внедрить многоязычный интерфейс (дари, пушту, английский) и обеспечить интеграцию с международными торговыми платформами. Приоритетной задачей является разработка унифицированного API-интерфейса для всех блокчейн-сервисов банка, что даст экономию на обслуживании до 25–30 %.

Второе направление – организационная интеграция, направленная на формирование сети взаимодействия с основными заинтересованными сторонами. В сфере платежей ключевым становится партнерство с местными телекоммуникационными компаниями для обеспечения доступности услуг через USSD-запросы. Для аккредитивов необходимо наладить прямые связи с банками Китая, Саудовской Аравии и ОАЭ, используя технологию атомарных свопов. Одновременно требуется реализовать программу обучения, сочетающую техническую подготовку сотрудников и просветительские мероприятия для клиентов.

Третье направление – нормативно-правовая адаптация, осуществляемая по двум линиям: внутренняя оптимизация банковских процессов и продвижение законодательных инициатив. На внутреннем уровне предполагается создание специализированного подразделения по блокчейн-технологиям в непосредственном подчинении правления банка. На национальном уровне необходимо участие в разработке законопроекта о цифровых активах, особенно в части правового статуса смарт-контрактов. На международной арене важно привести процедуры в соответствие с принципами исламского финансирования и стандартами FATF, что особенно актуально для возобновления корреспондентских связей с европейскими банками.

Завершающим этапом алгоритма по интеграции блокчейна в операционную деятельность «Нового Кабул Банка» становится формирование стратегических партнерств, призванных обеспечить успешное расширение проекта. Для финансирования цифровой трансформации перспективным представляется привлечение международных институтов развития – таких как Программа развития ООН (UNDP) [9] или Агентство США по международному развитию (USAID) [10]. Реализацию образовательных программ в области блокчейна может поддерживать благотворительный фонд Binance Charity [5].

Характеристика предлагаемых партнерств с целью внедрения и эффективного применения блокчейна в бизнес-сегментах «Нового Кабул Банка» представлена в таблице 3.

Таблица 3

Характеристика предлагаемых партнерств с целью внедрения и эффективного применения блокчейна в бизнес-сегментах «Нового Кабул Банка»

Уровень партнерства	Ключевые партнеры	Основные направления сотрудничества	Ожидаемые результаты
Международный	UNDP, Binance Charity, Enterprise Ethereum Alliance, Ripple, Islamic Development Bank	Технологический трансфер, стандартизация, исламские финансы	Доступ к передовым разработкам, соответствие шариату
Региональный	NIFT (Пакистан), Mashreq Neo (ОАЭ), Ant Group (Китай)	Адаптация готовых решений, мобильные платежи	Сокращение сроков внедрения, снижение затрат
Национальный	Министерство цифровых технологий, Афганская ассоциация банков	Нормативное регулирование, отраслевые стандарты	Создание благоприятной регуляторной среды
Отраслевой	Ассоциации экспортеров, торговые сети	Пилотные проекты	Формирование основной массы пользователей

Создание сети партнерских отношений выступает ключевым элементом успешного внедрения блокчейн-решений в афганской банковской сфере. Для «Нового Кабул Банка» построение эффективной партнерской экосистемы требует многоуровневого подхода, учитывающего технологические, регуляторные и рыночные особенности использования распределенных реестров.

Развитие сотрудничества с различными партнерами позволит банку существенно снизить риски внедрения, ускорить реализацию проектов и гарантировать долгосрочную устойчивость блокчейн-инициатив. Особое значение приобретает создание прозрачной системы управления партнерствами, предусматривающей регулярный контроль выполнения договоренностей и эффективные процедуры урегулирования разногласий [1]. Не менее важной задачей является разра-

ботка продуманной системы стимулирования для партнеров, которая может включать участие в распределении доходов от внедрения инновационных решений.

Заключение. Таким образом, разработанный алгоритм внедрения блокчейна предоставляет «Новому Кабул Банку» структурированный путь цифровой трансформации, позволяющий преодолеть текущие операционные и регуляторные барьеры. Реализация пилотных проектов в сегментах денежных переводов и аккредитивов с последующим масштабированием заложит основу для повышения эффективности, прозрачности и конкурентоспособности банка. Ключом к успеху станет построение многоуровневой системы стратегических партнерств, которая обеспечит устойчивое развитие блокчейн-инициатив в долгосрочной перспективе.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Бунич Г.А. Финансовые технологии и инновации в международной практике // *Мировая экономика и мировые финансы*. 2024. № 3. С. 37–44. DOI: 10.24412/2949-6454-2024-0250 EDN: DVSOYP
2. Зеленева Е.С. Развитие банковской системы под влиянием финансовых технологий // *Креативная экономика*. 2023. Т. 17. № 2. С. 661–667. DOI: 10.18334/ce.17.2.117074 EDN: TWVBWF
3. Оборин М.С. Инновационные финансовые технологии // *Научный вестник: финансы, банки, инвестиции*. 2022. № 1(58). С. 27–35. EDN: PSMYZE
4. Разлетовская В.В. Систематизация подходов к регулированию развития финансовых технологий // *Проблемы экономики и юридической практики*. 2023. № 3. С. 288–294. DOI: 10.33693/2541-8025-2023-19-3-288-294 EDN: XCKVDV
5. Binance Charity // *Официальный сайт*. URL : <https://www.binance.charity>
6. Da Afghanistan Bank // *Официальный сайт*. URL : <http://www.dab.gov.af>
7. New Kabul Bank // *Официальный сайт*. URL : <https://newkabulbank.af/index>
8. TradeMap // *Официальный сайт*. URL : https://www.trademap.org/Country_SelProductCountry
9. UNDP // *Официальный сайт*. URL : <https://www.undp.org/about-us>
10. USAID // *Официальный сайт*. URL : <https://www.usaid.gov>

References:

1. Bunich G.A. Financial technologies and innovations in international practice // *World economy and world Finance*. 2024. № 3. P. 37–44. DOI: 10.24412/2949-6454-2024-0250 EDN: DVSOYP
2. Zeleneva E.S. Development of the banking system under the influence of financial technologies // *Creative economy*. 2023. Vol. 17. № 2. P. 661–667. DOI: 10.18334/ce.17.2.117074 EDN: TWVBWF
3. Oborin M.S. Innovative financial technologies // *Scientific Bulletin: finance, banks, investments*. 2022. № 1 (58). P. 27–35. EDN: PSMYZE
4. Razletovskaya V.V. Systematization of approaches to regulating the development of financial technologies // *Problems of economics and legal practice*. 2023. № 3. P. 288–294. DOI: 10.33693/2541-8025-2023-19-3-288-294 EDN: XCKVDV
5. Binance Charity // *Official website*. URL : <https://www.binance.charity>
6. Da Afghanistan Bank // *Official website*. URL : <http://www.dab.gov.af>
7. New Kabul Bank // *Official website*. URL : <https://newkabulbank.af/index>
8. Trademark // *Official website*. URL : https://www.trademap.org/Country_SelProductCountry
9. UNDP // *Official website*. URL : <https://www.undp.org/about-us>
10. USAID // *Official website*. URL : <https://www.usaid.gov>

Информация об авторе

Джалили Абдул Кави
аспирант,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
qawi_karim@yahoo.com

Abdul Q. Jalili
Graduate Student,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
qawi_karim@yahoo.com

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 25.12.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 08.10.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.01.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-1-11>

УДК 336.6:378.4

Attribution

cc by

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РОСТА ДОХОДОВ ОРГАНИЗАЦИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Кроер Е.В.

Российский новый университет

Аннотация. Цель исследования – выявить ключевые ограничения, препятствующие устойчивому росту доходов негосударственных образовательных организаций, и определить стратегические направления их преодоления. Методологическую основу составляют системный подход, сравнительный анализ моделей управления доходами, а также экономико-управленческие методы оценки финансовой устойчивости. В ходе исследования выявлены рыночные, организационные, кадровые, регуляторные и финансовые факторы, негативно влияющие на доходность образовательных организаций. Проанализирована структура источников финансирования и особенности ценообразования, определено влияние маркетинговой стратегии и качества управления на финансовые результаты. Установлено, что диверсификация образовательных продуктов, развитие EdTech-решений, усиление маркетинга, проектного и стратегического менеджмента являются ключевыми условиями повышения финансовой устойчивости. Результаты могут быть использованы при разработке моделей управления доходами и формировании стратегий развития частных образовательных организаций.

Ключевые слова: доходы образовательной организации, негосударственное образование, ценообразование, финансовая устойчивость, маркетинг, EdTech, проектный менеджмент, диверсификация доходов.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

PROBLEMS OF ENSURING INCOME GROWTH IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

Ekaterina V. Kroer

Russian New University

Abstract. The purpose of the study is to identify key constraints that hinder the sustainable income growth of non-state educational organizations and to determine strategic directions for overcoming them. The methodological framework includes a systems approach, comparative analysis of income management models, and economic-managerial methods for assessing financial sustainability. The study reveals market, organizational, staffing, regulatory, and financial factors that negatively affect the revenue performance of educational institutions. The structure of funding sources and pricing specifics is analyzed, and the influence of marketing strategy and management quality on financial outcomes is determined. It is established that diversification of educational products, development of EdTech solutions, enhancement of marketing, and implementation of project and strategic management are essential conditions for strengthening financial sustainability. The results can be used in developing income management models and shaping development strategies for private educational organizations.

Keywords: educational organization income, non-state education, pricing, financial sustainability, marketing, EdTech, project management, income diversification.

Funding: Independent work.

Введение.

Ускоренные социально-экономические трансформации, цифровизация и усиление глобальной конкуренции формируют новые вызовы для системы образования России.

Финансовая устойчивость образовательных организаций – один из ключевых факторов повышения качества образовательных услуг и эффективности функционирования отрасли. Это особенно важно для негосударственных организаций, где доходность напрямую влияет на выживаемость и развитие [1; 2].

Несмотря на рост объёмов бюджетного финансирования, доля расходов на образование остаётся недостаточной [3], а негосударственный сектор испытывает зависимость от платных услуг, что повышает чувствительность к экономической конъюнктуре, спросу и рыночным изменениям. В этих условиях проблема обеспечения роста доходов приобретает стратегическое значение.

Цель статьи – выявить ключевые ограничения роста доходов негосударственных образовательных организаций и определить перспективные направления их преодоления.

Методология исследований включает сравнительный анализ подходов к управлению доходами, системный подход, а также экономико-управленческие методы оценки финансовой устойчивости.

Результаты.

Фундаментальным экономическим понятием, требующим детального рассмотрения в контексте особенностей функционирования образовательной организации, является «доход».

Понимание природы, структуры и источников дохода образовательных организаций критически важно для обеспечения их финансовой устойчивости, эффективности функционирования и стратегического планирования развития.

В общем экономическом смысле, доход представляет собой приток экономических выгод, который приводит к увеличению капитала организации [4]. В образовательной деятельности понятие дохода имеет свою специфику, хотя базируется на принципах предпринимательской деятельности и рыночных механизмах.

Доход образовательной организации – это совокупность денежных и иных поступлений, полученных в результате осуществления как основной (образовательной), так и сопутствующей деятельности, которые служат финансовой основой функционирования организаций и источником покрытия расходов, связанных с реализацией образовательных программ, содержанием имущества, оплатой труда персонала и развитием материально-технической базы [3; 5].

Группы источников доходов негосударственных образовательных организаций представлены на рисунке 1.

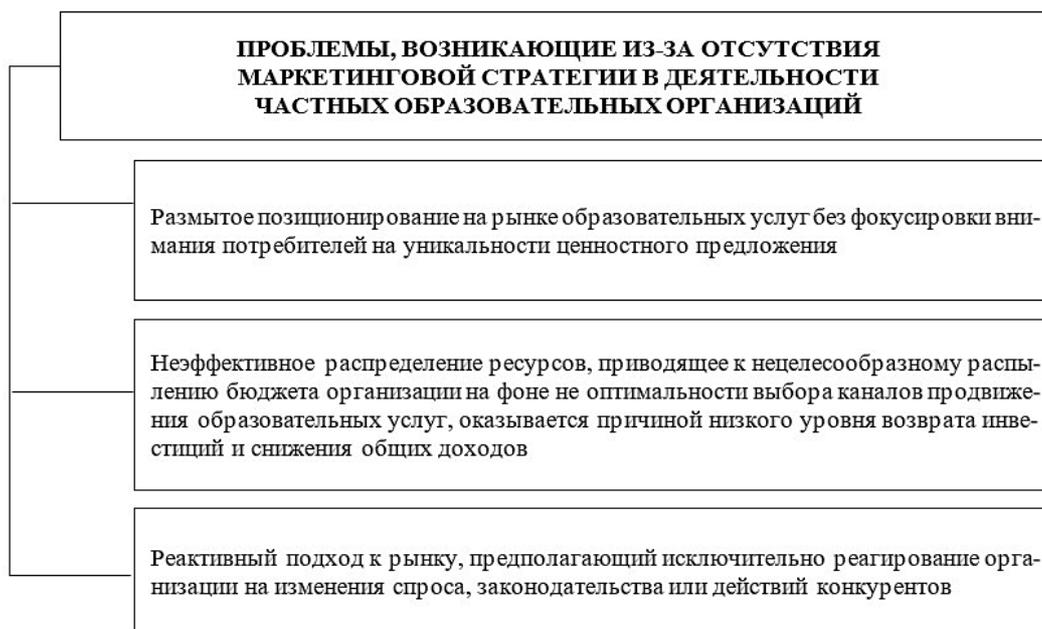

Рисунок 1 – Группы источников доходов негосударственных образовательных организаций

Помимо стандартных платных услуг, образовательная организация может получать доход от проектной деятельности. Это включает реализацию специализированных образовательных, научных или консалтинговых проектов по заказу коммерческих партнеров или некоммерческих организаций (НКО), что является важным инструментом интеграции учреждения с реальным сектором экономики:

- выполнение заказных исследований;
- разработка методических материалов;

– проведение экспертиз для сторонних организаций;

– оказание консалтинговых услуг для сторонних организаций.

Проектная и консалтинговая работа является стратегически важным направлением, поскольку позволяет образовательной организации монетизировать свой интеллектуальный потенциал, в частности, экспертные знания и практические наработки профессорско-преподавательского состава, тем самым формируя конкурентное преимущество на рынке экспертных услуг.

Следует отметить, что доходы в рамках грантового финансирования и проектной деятельности часто имеют непостоянный характер, несмотря на потенциально значительную прибыль. При этом для образовательной организации чрезвычайно важны репутационные приобретения, такие как позиционирование себя как успешной организации с высоким уровнем кадрового потенциала, наличие эффективной системы управления проектами, а также интеграция в профессиональное сообщество и развитие партнерских связей.

Таким образом, хотя грантовое финансирование и проектная деятельность приносят значимые репутационные и интеллектуальные дивиденды, их финансовое непостоянство требует от организации поиска и активизации других, более стабильных или разнообразных каналов дохода.

В связи с этим, для обеспечения финансовой устойчивости, внебюджетные поступления образовательной организации также могут включать следующий широкий спектр источников:

- доходы от сдачи в аренду имущества (помещений, оборудования, иных ресурсов);
- спонсорскую помощь (пожертвования) и благотворительные взносы (добровольные поступления от физических и юридических лиц);
- доходы от реализации сопутствующих товаров и услуг (продажа учебных материалов, организация питания, оказание транспортных услуг, предоставление услуг проживания);
- доходы от инвестиционной деятельности (от размещения временно свободных денежных средств, если это не противоречит уставу образовательной организации и действующему законодательству).

Финансовое благополучие негосударственной образовательной организации зависит от сбалансированного использования различных источников дохода.

Безусловно, объем доходов от реализации образовательной деятельности во многом определяется установленной ценой предлагаемых услуг. Цена является одним из весомых факторов принятия потребительских решений на рынке образовательных услуг, поскольку влияет на эластичность спроса. Кроме того, она является критически важным фактором обеспечения финансовой устойчивости и дальнейшего развития образовательной организации.

Поэтому критически важен выбор такой стратегии ценообразования, которая позволит образовательным организациям повысить свою конкурентоспособность при одновременном обеспечении роста доходов. При этом необходимо понимать, что процесс формирования цены на образовательные услуги, особенно в негосударственном секторе, является весьма сложным и

многоэтапным. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, ценообразование имеет ярко выраженную рыночную природу и существенно отличается от государственного сектора (где цены часто нормированы), а с другой — должно учитывать социальную значимость оказываемых услуг, их долгосрочный эффект, высокую степень государственного регулирования и контроля качества.

Основная особенность ценообразования для негосударственных образовательных организаций заключается в балансировании между финансовой устойчивостью организации (покрытием издержек, достижение рентабельности) и доступностью услуг для конечных потребителей при условии жесткой конкуренции.

Вместе с тем, следует учитывать и следующие факторы:

- негосударственные организации, как правило, обладают большей свободой в установлении и изменении цен, предоставлении скидок, акций и различных вариантов оплаты (например, рассрочка, пакетные предложения) для привлечения и удержания клиентов;
- цена часто коррелирует с воспринимаемым качеством образовательной услуги, квалификацией преподавателей, престижем организации и ее рейтингом более высокое качество и сильный бренд позволяют устанавливать более высокие цены на услуги;
- может применяться дифференциация цен для разных категорий обучающихся (например, для физических лиц и корпоративных клиентов) или для разных форматов обучения (очный, онлайн, индивидуальный).

Значительного внимания заслуживает, кроме прочего, вопрос зависимости ценообразования от спроса на образовательные услуги. Во многом этот рыночный показатель выступает тем фактором, который определяет верхнюю границу цены, находясь фактически в прямой зависимости от ряда составляющих, представленных в таблице 1.

Спрос определяет объем набора обучающихся на образовательные программы, что напрямую влияет на объем дохода, поэтому образовательные организации должны постоянно отслеживать тренды рынка, адаптировать свои программы и оперативно реагировать на изменения потребительских предпочтений, что требует высокой гибкости управленческих решений.

Финансовая устойчивость и развитие образовательной организации напрямую зависят от способности обеспечивать рост доходов, что сопряжено с рядом системных проблем, которые сопряжены как с внешними рыночными условиями, так и с внутренними управленческими процессами.

Таблица 1

Составляющие спроса на образовательные услуги

Составляющая спроса	Комментарий
Уровень доходов потенциальных потребителей	Спрос на платные образовательные услуги весьма чувствителен к макроэкономической ситуации и уровню реальных располагаемых доходов потенциальных потребителей. Поэтому, например, при наличии пользующихся популярностью образовательных услуг целесообразно постоянно пересматривать ценовую политику для разных сегментов потребителей (скидки для корпоративных клиентов, акции для ранней регистрации, специальные условия для социально незащищенных групп) с целью удержания имеющегося уровня доходов
Востребованность и актуальность предлагаемых образовательных программ	Например, образовательные программы, ведущие к получению дефицитных и высоко оплачиваемых профессий, имеют более высокий и менее эластичный по цене спрос, поэтому при прочих равных условиях организация может устанавливать более высокую цену для обучения по ним
Репутация и бренда организации	Высокий уровень доверия, признание качества и сильный бренд позволяют негосударственной образовательной организации устанавливать и держать более высокий уровень цен, так как потребитель готов платить за гарантии качества и престиж
Уникальности предложений	Наличие эксклюзивных программ, авторских методик или уникального преподавательского состава снижает эластичность спроса, позволяя образовательной организации устанавливать более высокую цену независимо от конкурентной среды

Рассмотрим основные проблемы роста доходов негосударственных образовательных организаций.

Во-первых, это рыночные ограничения. Несмотря на то, что в России в последние годы фиксируется рост популярности частного образования, одной из проблемных точек остаются ограничения спроса на платные образовательные услуги. Они являются следствием высокой чувствительности потребителей к ценовому фактору, особенно в периоды экономической нестабильности. Высокая стоимость образовательных услуг в частных организациях может сузить потенциальный рынок, сделав их недоступными для широких слоев населения.

Спрос зависит от демографической ситуации в стране или регионе. Например, прогнозируемое сокращение численности населения может повлечь уменьшение числа потенциальных обучающихся образовательной организации и, как следствие, послужит причиной снижения доходов.

Учета требует и фактор региональной неравномерности в распределении частных образовательных организаций, поскольку он отражает ограниченность доступности образовательных услуг и сказывается на уровне спроса.

Во-вторых, проблемы роста доходов частных образовательных организаций обусловлены конкуренцией с государственными. И хотя обе системы преследуют общую цель – предоставление качественного образования, они функционируют в разных условиях и сталкиваются с уникальными вызовами в процессе конкуренции за ресурсы, кадры и обучающихся. Государственные образовательные организации имеют преимущество в виде постоянного бюджетного финансирования, льгот и масштаба, могут предлагать бесплатные услуги и/или по более низким ценам, привлекая большее количество обучающихся.

Частные образовательные организации должны инвестировать в качество услуг, маркетинг и создание уникальных предложений, чтобы выделиться на фоне конкурентов, при этом они ограничены в доступе к государственным субсидиям. Они часто сталкиваются с более жесткими регуляторными требованиями, длительными процессами лицензирования и аккредитации, пристальным вниманием со стороны надзорных органов. Это административное бремя отвлекает ресурсы от основной образовательной деятельности.

В-третьих, для обеспечения высокого качества образования негосударственным организациям необходимы квалифицированные кадры – преподаватели и управленцы, привлечение и удержание которых требует высоких затрат, что увеличивает себестоимость образовательных услуг, то есть опосредованно влияет на их спрос и на уровень прогнозируемого дохода.

Нередки ситуации, когда частная образовательная организация, представляя новый продукт на рынок, заинтересовывает потенциальных потребителей, однако в дальнейшем их интерес ослабевает в силу снижения качества продукта из-за недостаточной квалификации педагога, что приводит в дальнейшем к оттоку обучающихся и снижению доходов.

Качество, квалификация и стабильность педагогического состава являются ключевыми факторами, определяющими репутацию образовательной организации и её способность привлекать и удерживать платежеспособных потребителей образовательных услуг. Квалифицированные и мотивированные педагоги обеспечивают высокое качество преподавания. Реализуемая ими учебно-методическая и воспитательная работа отличается высокой эффективностью. Такие специалисты стремятся к повышению инновационности учебного процесса при умелом сочетании современных и традиционных подходов, что является одним из ключевых факторов привлечения, обучающихся.

Кроме того, опытные преподаватели, способные разрабатывать и внедрять актуальные и востребованные рынком образовательные программы, формируют уникальное торговое предложение образовательной организации. Это позволяет ей укреплять конкурентные преимущества на рынке образовательных услуг и увеличивать доходы. Низкая обеспеченность кадрами или недостаточная квалификация персонала приводят к снижению качества образовательных услуг и ухудшению репутации организации.

В условиях слабого кадрового обеспечения, рост текучести персонала лишь усугубляет ситуацию, поскольку организации приходится осуществлять подбор и обучение новых сотрудников, что требует дополнительных финансовых затрат.

Таким образом, успешная кадровая политика и привлечение высококвалифицированных специалистов напрямую влияют на способность организации повышать стоимость обучения без оттока обучающихся.

В-четвертых, одним из «узких мест» в деятельности частных образовательных организаций в вопросах обеспечения доходности является недостаток адекватных маркетинговых стратегий и эффективного бренд-менеджмента.

Многие частные образовательные организации работают без формализованной, долгосрочной маркетинговой стратегии, полагаясь на устаревшие методы или ситуативные решения, что приводит к ряду проблем, представленных на рисунке 2 [10–14].

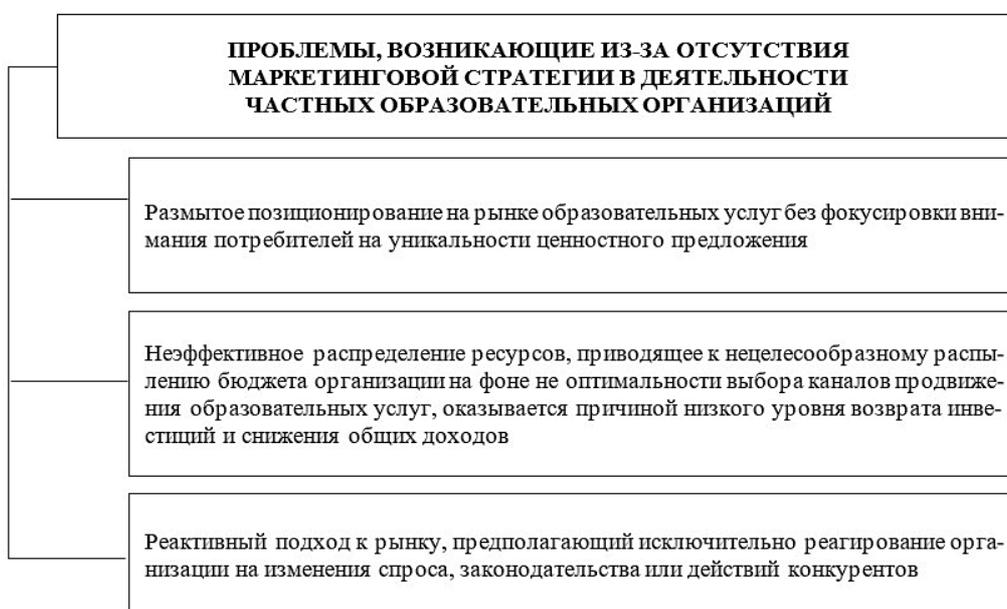

Рисунок 2 – Проблемы отсутствия маркетинговой стратегии в деятельности частных образовательных организаций

Образовательные организации часто недооценивают роль бренда как актива, способствующего росту доходов. Бренд образовательной организации – это не только логотип и фирменный стиль, но и ее репутация, ассоциации, которые она вызывает у целевой аудитории.

Эффективный бренд-менеджмент предполагает активное управление имиджем образовательной организации, что подразумевает либо формирование в образовательной организации команды специалистов, занятых данным направлением деятельности, либо обращение к сторонним компаниям соответствующего профиля.

Также среди причин, отрицательно влияющих на рост дохода образовательной организации, можно отметить недостаточное использование инструментов цифрового маркетинга, ограниченность присутствия образовательной организации в онлайн-среде, отсутствие системного подхода к привлечению и удержанию потребителей образовательных услуг.

Недостаток действенных маркетинговых стратегий и результативного бренд-менеджмента является не второстепенной, а критической причиной снижения доходов частных образовательных организаций. Игнорирование современных инструментов продвижения и управления имиджем в условиях рынка, перенасыщенного предложениями, равносильно добровольному отказу от конкурентной борьбы.

В-пятых, проблема роста доходов некоммерческой образовательной организации напрямую связана с эффективностью управления её финансовыми потоками [15, 16], поскольку именно уровень доходов определяет возможности формирования необходимого объёма финансовых ресурсов, достаточных для обеспечения текущей хозяйственной деятельности организации.

Многие образовательные организации, которые на начальных этапах вывода востребованного продукта на рынок демонстрируют значительный

рост доходов, со временем сталкиваются с ситуацией, когда операционные издержки – оплата труда, аренда, содержание помещений и оборудования – становятся высокими и стабильными, тогда как доходы от платных образовательных услуг начинают снижаться. Такая несбалансированность формирует финансовые риски, ограничивает возможности для инвестиций в развитие, модернизацию материально-технической базы и повышение квалификации персонала, что в конечном итоге замедляет дальнейший рост доходов. Следовательно, бизнес-модель образовательной организации должна постоянно актуализироваться с учётом возникающих вызовов и модернизироваться для повышения её эффективности.

Ключевым аспектом модели является поддержание баланса между структурой доходов (источниками финансирования) и структурой расходов (направлениями затрат). Несбалансированность этих структур часто становится основным барьером на пути развития и масштабирования организации. Её проявления включают зависимость доходов от одного источника финансирования, преобладание постоянных затрат, дисбаланс между операционными и инвестиционными расходами, а также отсутствие прозрачной системы управленческого учёта и финансового планирования.

Обсуждение.

Комплекс выявленных ограничений демонстрирует, что снижение доходности негосударственных образовательных организаций обусловлено не отдельными факторами, а совокупностью внешних и внутренних барьеров, формирующих системное неблагоприятное финансовое положение.

Рыночная нестабильность, усиление конкуренции, кадровые дефициты, регуляторные ограничения и недостаточная зрелость управленческих механизмов взаимно усиливают друг друга, создавая эффект накопления рисков.

В этих условиях обеспечение устойчивого роста доходов невозможно без перехода от фрагментарных управленческих решений к стратегически выверенной, многокомпонентной модели развития, основанной на диверсификации источников финансирования, укреплении конкурентных преимуществ и повышении качества управления. Это определяет необходимость рассмотрения стратегических направлений повышения доходов, способных обеспечить образовательным организациям долгосрочную финансовую устойчивость и адаптивность в условиях изменения рыночной среды.

Стратегическим направлением повышения доходов негосударственных образовательных организаций может стать диверсификация образовательных продуктов (рис. 3).

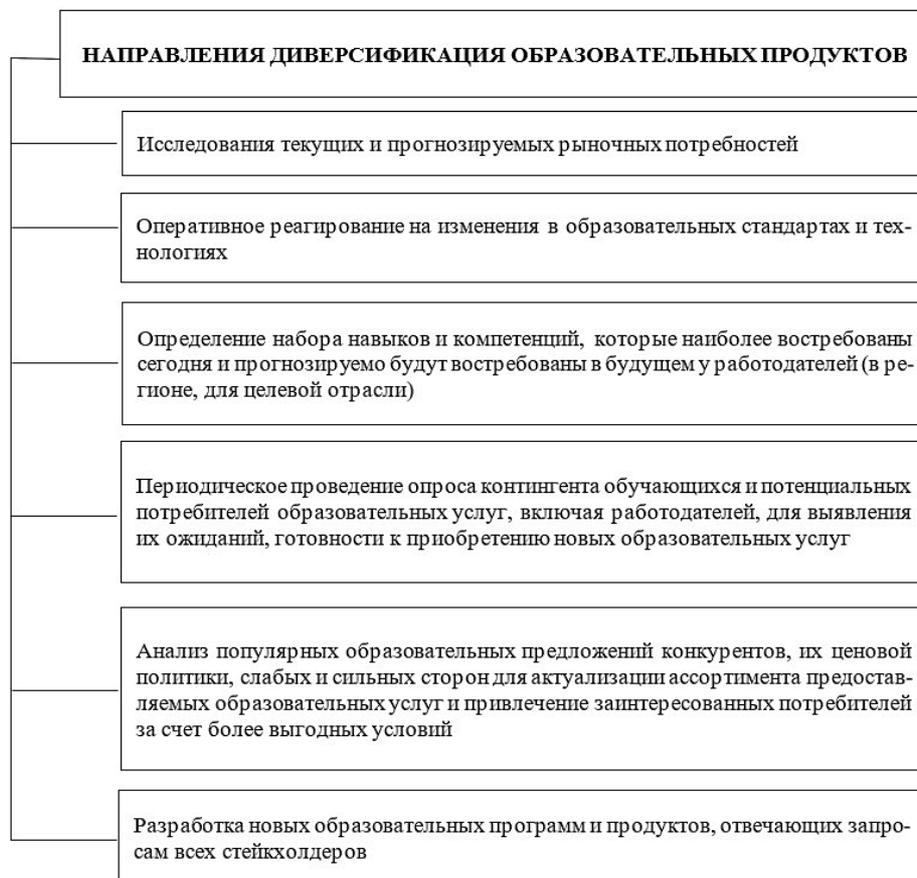

Рисунок 3 – Направления повышения доходов негосударственных образовательных организаций в рамках диверсификации образовательных продуктов

Необходим постоянный мониторинг качества образовательных программ. На рынке качество — это ключевой показатель их популярности среди обучающихся, который напрямую влияет на конкурентоспособность организации, её привлекательность и, в итоге, на доход.

При этом в широком смысле качество программ — это комплекс признаков: уникальное содержание, положительные отзывы, успешные карьерные траектории выпускников и их высокая рыночная ценность. Эти факторы формируют сильный бренд и положительную репутацию, что позволяет привлекать спонсоров, инвесторов и партнеров из бизнес-сообщества, открывая дополнительные источники финансирования (например, через проекты социального воздействия или целевые программы). В дополнение к мониторингу, необходимо диверсифицировать и разрабатывать новые образовательные программы. Это включает два ключевых направления: развитие партнерских моделей и углубление цифровизации, в том числе цифровых форматов и EdTech-решений.

На фоне популяризации тренда непрерывного обучения такой подход открывает следующие возможности:

- запуск краткосрочных курсов и программ повышения квалификации, что позволит оперативно реагировать на изменения рынка и привлекать взрослых слушателей, осуществляющих трудовую деятельность и стремящихся к профессиональному росту;
- развитие или совершенствование онлайн- и гибридных форматов обучения, что в силу их доступности и гибкости позволяет охватить более широкую аудиторию, повышая ценность предложения образовательной услуги и эффективность образовательного процесса при одновременном снижении операционных расходов;
- развитие корпоративного обучения для компаний через индивидуальные программы, направленные на формирование актуальных компетенций согласно запросам рынка труда;
- разработка специализированных тренингов, мастер-классов, вебинаров по узкопрофильным актуальным тематикам, которые могут, с одной стороны, выступать самостоятельным образовательным продуктом, а с другой — их можно презентовать в качестве «точки входа» для привлечения клиентов на более длительные программы;
- создание совместных программ в партнерстве с ведущими предприятиями и компаниями наукоемких отраслей, повышающее ценность программ и качество подготовки за счёт прямого соответствия их содержания реальным запросам бизнеса и производства;
- разработка и внедрение собственных EdTech-платформ и инструментов (системы

управления обучением, обеспечение интерактивности обучающего контента на основе внедрения симуляций, геймификации, VR/AR-решений, применение искусственного интеллекта), что снижает административные издержки, повышает вовлеченность в процесс обучения, персонализируя его, оптимизирует задействование кадровых ресурсов;

- расширение каналов продаж и партнерства.

Парадоксально, но, несмотря на растущий рынок образовательных услуг, основатели малых образовательных организаций не демонстрируют стремления к дальнейшим серьезным инвестициям, необходимым для перехода в категорию средних и крупных. Основной причиной этого является отсутствие готовности к внедрению стратегического и проектного менеджмента. Эффективное управление образовательной организацией требует применения инновационных и многофункциональных инструментов, которые позволяют анализировать экономические параметры и принимать обоснованные управленческие решения, соответствующие текущей ситуации на рынке.

Именно внедрение инструментов стратегического и проектного менеджмента становится тем решающим фактором, который переводит организацию из режима простого функционирования в режим динамичного развития, поскольку:

- позволяет руководству предвидеть развитие событий, определять долгосрочные цели и наилучшие алгоритмы их достижения (выявление и заполнение рыночных ниш, оптимизация ресурсов, обеспечение конкурентных преимуществ, работа с привлечением инвестиций);
- обеспечивает перевод стратегических целей в конкретные, управляемые проекты с четкими сроками, бюджетами и результатами (анализ и рост инновационного потенциала организации, повышение эффективности использования ресурсов, повышение прозрачности принимаемых решений, «проектность» решаемых задач, управление возможными рисками на ранних стадиях);
- способствует диверсификации источников дохода и повышению качества образовательных услуг.

Опыт зарубежных образовательных организаций также может быть ценен для поиска эффективных методов обеспечения устойчивого роста доходов коммерческих образовательных организаций России. В частности, анализ деятельности успешных зарубежных институтов демонстрирует, что ключевыми стратегиями обеспечения роста доходов являются расширение спектра образовательных продуктов, экспорт образовательных услуг и использование широкого арсенала инструментов для привлечения внешних инвестиций и управления финансами. Например, весьма популярным источником доходов является

ся организация летних лагерей, воркшопов, программ дополнительного образования и профессиональной переподготовки в узкоспециализированных областях (IT, искусство, спорт), функционирование электронных образовательных платформ.

В западных странах чрезвычайно развита стратегия привлечения спонсорских пожертвований и грантов, так как они играют решающую роль в большинстве учебных заведений для достижения ими точки безубыточности. За рубежом пожертвования и гранты считаются панацеей от финансовых проблем образовательной организации, а эндаумент-фонды выступают полноценным источником дохода многих университетов [17].

В Российской Федерации такие механизмы финансирования образовательных организаций как краудфандинг, франчайзинг, эндаументинг представлены фрагментарно и не развиты так, как за рубежом. Превалирующая часть российских эндаумент-фондов создана в сфере образования и науки (около 62 %), но большинство из них относится к государственным университетам, а не частным школам или вузам [18; 19]. Механизм краудфандинга, распространенный в странах Запада, предполагает функционирование платформ для привлечения дополнительных средств в сектор образования, однако в России специальной краудфандинговой платформы для образовательного сектора пока нет [20].

Традиционно франчайзинг в России был распространен в сфере услуг и общественного питания. Однако сегодня образовательные франшизы приобретают все большую актуальность. Тем не менее, в условиях финансовой нестабильности и волатильности экономики, учредители образовательных организаций действуют сдержанно, тщательно взвешивая все «за» и «против» этого бизнес-проекта как инструмента для увеличения дохода.

Стоит отметить, что в Российской Федерации культура благотворительности, в частности среди выпускников образовательных организаций, находится на этапе зарождения, а частный сектор и потенциальные инвесторы не всегда заинтересованы в инвестировании в негосударственное образование из-за длительного срока окупаемости, высоких рисков и низкой рентабельности по сравнению с другими отраслями экономики [21]. Данные факторы ограничивают приток капитала, необходимого для модернизации инфраструктуры, развития новых программ и внедрения инноваций.

Заключение.

Обеспечение устойчивого роста доходов негосударственных образовательных организаций является комплексной и многоплановой задачей, требующей одновременно стратегического видения, гибкости управленческих решений и готовности к инновациям.

Исследование показало, что доходность образовательных организаций формируется под воздействием целого спектра факторов – от макроэкономических условий и динамики потребительского спроса до внутренней зрелости управленческих процессов, качества педагогических кадров, эффективности маркетинга и способности диверсифицировать источники финансирования.

Рыночные ограничения, усиление конкуренции, кадровые дефициты, административные барьеры, высокая зависимость от платных образовательных услуг, а также несбалансированность финансовых потоков существенно снижают потенциал роста доходов.

В условиях экономической нестабильности и быстро меняющейся нормативной среды эти барьеры приобретают системный характер, формируя необходимость перехода к более продвинутым моделям управления и устойчивым механизмам финансирования.

Проведенный анализ подтвердил, что ключевым условием повышения доходности является диверсификация образовательных продуктов и источников финансирования. Развитие краткосрочных и модульных программ, онлайн-форматов, корпоративного обучения, внедрение EdTech-решений и расширение проектной деятельности открывают возможности для формирования новых каналов дохода и уменьшения зависимости от традиционных платных услуг. Важным направлением становится и развитие партнёрских моделей – сотрудничество с бизнесом, профессиональными сообществами, работодателями и научными организациями.

Существенным резервом роста является усиление маркетинговых и коммуникационных стратегий. Современный рынок образовательных услуг требует от организации не только качественного продукта, но и чёткого позиционирования, активной работы с брендом, использования цифровых инструментов продвижения и системного анализа данных о поведении целевой аудитории. Эффективный маркетинг способен трансформировать скрытый спрос, расширить охват аудитории и повысить лояльность потребителей, обеспечив долгосрочный рост доходов.

Не менее важным фактором выступает совершенствование финансового и стратегического менеджмента. Мировая практика показывает, что устойчивость образовательных организаций во многом определяется качеством стратегического планирования, организацией проектной деятельности, прозрачностью управленческого учёта и готовностью внедрять современные модели управления. Применение инструментов оценки рисков, финансового моделирования, проектного управления позволяет не только оптимизировать издержки, но и повышать инвестиционную привлекательность образовательной организации.

Опыт зарубежных образовательных учреждений демонстрирует значимость таких инструментов, как эндаумент-фонды, грантовая деятельность, франчайзинг и краудфандинг. Их адаптация к российским условиям может способствовать формированию дополнительных долгосрочных источников дохода. Однако успешная реализация этих подходов требует развития культуры благотворительности, повышения прозрачности финансовых процессов и формирования доверия между образовательными организациями, выпускниками, партнёрами и инвесторами.

Таким образом, устойчивый рост доходов негосударственных образовательных организаций возможен лишь при комплексном развитии всех ключевых элементов – от кадрового потенциала и качества образовательных услуг до маркетинга, инновационной деятельности, финансового управления и стратегического планирования. Только сочетание гибкости, инновационности и системного подхода позволит образовательным организациям адаптироваться к динамичным изменениям внешней среды, укрепить конкурентоспособность и обеспечить долгосрочную финансовую устойчивость.

Каждый из рассмотренных в статье подходов к обеспечению устойчивого роста доходов негосударственных образовательных организаций обладает значительным потенциалом, однако тре-

бует дальнейшей научной проработки и эмпирической проверки.

В этой связи, последующие исследования целесообразно сфокусировать на следующих направлениях:

1. Детализации и адаптации современных механизмов финансирования – государственно-частное партнёрство, венчурное и крауд-финансирование, разработка и практическое внедрение моделей эндаумент-фондов в образовательных организациях.

2. Разработки инструментов оптимизации расходов и повышения операционной эффективности, включая моделирование финансовых потоков, оценку рисков, повышение эффективности использования ресурсов.

3. Изучения маркетинговых стратегий и моделей управления спросом, направленных на повышение привлекательности образовательных услуг и формирование устойчивых каналов привлечения обучающихся.

Дальнейшая научная и практическая работа в указанных направлениях позволит сформировать комплексный набор управленческих и экономических инструментов, способствующих устойчивому финансовому развитию частного образовательного сектора России.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Блинова Т.Н. Перспективы частных вузов в России: новые образовательные программы, развитие науки или новые формы взаимодействия с работодателями? / Т.Н. Блинова, А.В. Федотов, Д.М. Логинов // Профессиональное образование и рынок труда. 2025. № 3(62). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-chastnyh-vuzov-v-rossii-novye-obrazovatelnye-programmy-razvitie-nauki-ili-novye-formy-vzaimodeystviya-s-rabotodatelayami> (дата обращения 11.11.2025). DOI: 10.52944/PORT.2025.62.3.010 EDN: QGOTKP
2. Иванова Е.В. Анализ и проблемы финансирования системы образования на региональном уровне. Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № (8-1). С. 67–73. URL : <https://vael.ru/ru/article/view?id=3624>. DOI: 10.17513/vael.3624 EDN: DSYAZW
3. Лемешонок О.Б. Особенности финансирования образования в рамках государственных программ // Философия хозяйства. 2024. № 6. С. 133–143. DOI: 10.5281/zenodo.14307956 EDN: JFBTTG
4. Финансовый менеджмент : учебник / Е.И. Шохин [и др.]; Под ред. Е.И. Шохина. М. : КноРус, 2023. 475 с. URL : <https://book.ru/book/947689>. ISBN: 978-5-406-11174-1
5. Савицкая, Г.В. Анализ хозяйственной деятельности : учебник. Мн. : РИПО, 2019. 374 с. URL : <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=600085>. ISBN: 978-5-16-006707-0 EDN: PQHXWN
6. Гранты как вектор развития образовательной организации / Р.А. Чмир [и др.] // Наука и образование. 2024. № 4. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/granty-kak-vektor-razvitiya-obrazovatelnoy-organizatsii> (дата обращения 02.12.2025). EDN: RXNRAC
7. Черных О.П. Грант как условие развития образовательного учреждения (на примере проекта «Ступени в профессию») / О.П. Черных, Л.А. Летучева // Инновационное развитие профессионального образования. 2020. № 3(27). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/grant-kak-uslovie-razvitiya-obrazovatel'nogo-uchrezhdeniya-na-primere-proekta-stupeni-v-professiyu> (дата обращения 02.12.2025). EDN: OMBUXR

8. Джамалова Т.Ю. Управление внебюджетными средствами общеобразовательной организации / Т.Ю. Джамалова, О.В. Яковлева // ТДР. 2015. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-vnebyudzhetnymi-sredstvami-obscheobrazovatelnoy-organizatsii> (дата обращения 02.12.2025). EDN: TXTVON
9. Клячко Т.Л. Тенденции в развитии образования в России // Народное образование. 2012. № 10. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-v-razviti-образованиya-v-rossii> (дата обращения 02.12.2025). EDN: PJQRDT
10. Маркетинг : учебник для студ. вузов, обучающихся по экон. спец. / Г.Л. Багиев [и др.]; Общ. ред. Г.Л. Багиев. 3-е изд., перераб. и доп. СПб. [и др.] : Питер, 2007. 733 с.
11. Панкрухин А.П. Маркетинг : учебник. М. : Омега-Л, 2009. 656 с.
12. Ильясова К.С. Сущность и особенности маркетинга в сфере образования / К.С. Ильясова, Р.С. Ильясова, М.М. Абубакарова // Индустриальная экономика. 2022. № 3. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-osobennosti-marketinga-v-sfere-obrazovaniya> (дата обращения 02.12.2025).
13. Аакер Д. Создание сильных брендов / Д. Аакер; Пер. с англ. 2-е изд. М. : ИД Гребенникова, 2008. 440 с.
14. Петруша П.Г. Цифровые инструменты управления репутацией университета // Практический маркетинг. 2017. № 7(245). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-instrumenty-upravleniya-reputatsiey-universiteta> (дата обращения 02.12.2025). EDN: YUBPWH
15. Кроер Е.В. Преимущества применения системного подхода для управления бюджетным дефицитом малых коммерческих организаций в сфере образования в современных условиях // Прикладные экономические исследования. 2024. № 3. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/preimuschestva-primeneniya-sistemnogo-podhoda-dlya-upravleniya-byudzhetyim-defitsitom-malykh-kommercheskikh-organizatsiy-v-sfere-obrazovaniya> (дата обращения 13.11.2025). DOI: 10.47576/2949-1908.2024.3.3.024 EDN: HCQFHW
16. Организация финансового контроля и регулирование денежных потоков в организации / Л.А. Ахмедова [и др.] // Индустриальная экономика. 2022. Т. 1. № 2. С. 13–17. DOI: 10.47576/2712-7559_2022_2_1_13 EDN: OECLQI
17. Кроер Е.В. Проблематика финансового равновесия организаций в сфере образования: зарубежный опыт // Вопросы экономики и управления. 2024. № 4. С. 169–176. DOI: 10.47629/2074-9201_2024_4_169_176 EDN: QPHPZS
18. Гайдай А.Н. Внебюджетные источники финансового обеспечения образовательных организаций / А.Н. Гайдай, Е.Ю. Куломзина // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Экономика. 2022. № 4(34). С. 143–148. DOI: 10.25688/2312-6647.2022.34.4.11 EDN: DFQACQ
19. Основы управления целевым капиталом: Этапы его формирования горовна / В.Е. Гладкова [и др.]. URL : <https://www.revistaespacios.com>
20. Кроер Е.В. Альтернативные источники финансирования организации в сфере образования // Финансовые рынки и банки. 2024. № 7. С. 125–130. EDN: JVSBIJ
21. Численность студентов частных вузов выросла до 194000 человек // Ведомости. URL : <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/07/07/1122480-chislennost-studentov-chastnih-vuzov-viroslo> (дата обращения 14.11.2025).

References:

1. Blinova T.N. Prospects of private universities in Russia: new educational programs, scientific development, or new forms of interaction with employers? / T.N. Blinova, A.V. Fedotov, D.M. Loginov // Vocational education and the labor market. 2025. № 3(62). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-chastnykh-vuzov-v-rossii-novye-obrazovatelnye-programmy-razvitiya-nauki-ili-novye-formy-vzaimodeystviya-s-rabotodatelyami> (date of application 11.11.2025). DOI: 10.52944/PORT.2025.62.3.010 EDN: QGOTKP
2. Ivanova E.V. Analysis and problems of financing the education system at the regional level. Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2024. № (8-1). P. 67–73. URL : <https://vaael.ru/ru/article/view?id=3624> DOI: 10.17513/vaael.3624 EDN: DSYAZW
3. Lemeshonok O.B. Features of financing education within the framework of state programs // Philosophy of economy. 2024. № 6. P. 133–143. DOI: 10.5281/zenodo.14307956 EDN: JFBTTG
4. Financial management : textbook / E.I. Shokhin [et al.]; Edited by E. I. Shokhin. M. : KnoRus, 2023. 475 p. URL : <https://book.ru/book/947689> ISBN: 978-5-406-11174-1
5. Savitskaya G.V. Analysis of economic activity : textbook. Mn. : RIPO, 2019. 374 p. URL : <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=600085> . ISBN: 978-5-16-006707-0 EDN: PQHXWN
6. Grants as a vector of educational organization development / R.A. Chmir [et al.] // Science and education. 2024. № 4. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/granty-kak-vektor-razvitiya-obrazovatelnoy-organizatsii> (date of application 02.12.2025). EDN: RXNRAC
7. Chernykh O.P. Grant as a condition for the development of an educational institution (on the example of the project «Steps into the profession») / O.P. Chernykh, L.A. Letucheva // Innovative development of vocational education. 2020. № 3(27). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/grant-kak-usloviye-razvitiya-obrazovatelnoy-uchrezhdeniya-na-primere-proekta-stupeni-v-professiyu> (date of application 02.12.2025). EDN: OMBUXR
8. Jamalova T.Yu. Management of extra-budgetary funds of an educational organization / T.Yu. Jamalova, O.V. Yakovleva // TDR. 2015. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-vnebyudzhetnymi-sredstvami-obscheobrazovatelnoy-organizatsii> (date of application 02.12.2025). EDN: TXTVON

9. Klyachko T.L. Trends in the development of education in Russia // Public education. 2012. № 10. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-v-razviti-i-obrazovaniya-v-rossii> (date of application 02.12.2025). EDN: PJQRDT
10. Marketing : textbook for students. universities studying economics. spec. / G.L. Bagiev [et al.]; General ed. by G.L. Bagiev. 3rd ed., revised and additional. SPb. [et al.] : St. Petersburg, 2007, 733 p.
11. Pankrukhin A.P. Marketing : textbook. M. : Omega-L, 2009. 656 p.
12. Ilyasova K.S. The essence and features of marketing in the field of education / K.S. Ilyasova, R.S. Ilyasova, M.M. Abubakarova // Industrial economics. 2022. № 3. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-osobennosti-marketinga-v-sfere-obrazovaniya> (date of application 02.12.2025).
13. Aaker D. Creating strong brands / D. Aaker; Transl. from English. 2nd ed. M. : Grebennikov Publishing House, 2008. 440 p.
14. Petrusha P.G. Digital tools for university reputation management // Practical marketing. 2017. № 7(245). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-instrumenty-upravleniya-reputatsiyey-universiteta> (date of application 02.12.2025). EDN: YUBPWH
15. Kroer E.V. The advantages of using a systematic approach to manage the budget deficit of small commercial organizations in the field of education in modern conditions // Applied economic research. 2024. № 3. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/preimuschestva-primeneniya-sistemnogo-podhoda-dlya-upravleniya-byudzhetyem-defitsitom-malyh-kommercheskih-organizatsiy-v-sfere> (date of application 11/13/2025). DOI: 10.47576/2949-1908.2024.3.3.024 EDN: HCQFHW
16. Organization of financial control and regulation of cash flows in an organization / L.A. Akhmedova [et al.] // Industrial Economics. 2022. Vol. 1. № 2. P. 13–17. DOI: 10.47576/2712-7559_2022_2_1_13 EDN: OECLQI
17. Kroer E.V. Problems of financial balance of organizations in the field of education: foreign experience // Issues of economics and management. 2024. № 4. P. 169–176. DOI: 10.47629/2074-9201_2024_4_169_176 EDN: QPHPZS
18. Gaidai A.N. Extra-budgetary sources of financial support for educational organizations / A.N. Gaidai, E.Yu. Kulomzina // Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Economics. 2022. № 4(34). P. 143–148. DOI: 10.25688/2312-6647.2022.34.4.11 EDN: DFCACQ
19. Fundamentals of target capital management: Stages of its formation / V.E. Gladkova [et al.]. URL : <https://www.revistaespacios.com>
20. Kroer E.V. Alternative sources of financing for organizations in the field of education // Financial markets and banks. 2024. № 7. P. 125–130. EDN: JVSBIJ
21. The number of private university students has grown to 194,000 // Vedomosti. URL : <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/07/07/1122480-chislennost-studentov-chastnih-vuzov-virosla> (date of application 14.11.2025).

Информация об авторе

Кроер Екатерина Валерьевна
аспирантка,
Российский новый университет, г. Москва
ORCID: 0009-0002-9240-0011
katrin-rim@rambler.ru

Ekaterina V. Kroer
Graduate Student,
Russian New University, Moscow
ORCID: 0009-0002-9240-0011
katrin-rim@rambler.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.11.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 29.12.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.01.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-1-19>

УДК 338.47

Attribution

cc by

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ГОРОДСКОЙ ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ: СИСТЕМАТИЗАЦИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ

Романов Е.Ю.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация. Статья посвящена систематизации и классификации методических подходов к анализу городской транспортной системы в условиях усложнения транспортных процессов и цифровой трансформации городской среды. Цель исследования заключается в обобщении существующих методов анализа городской транспортной системы и формировании классификационной основы, позволяющей структурировать методический инструментарий в зависимости от характера данных, уровня анализа, объекта исследования и целей применения. В качестве методологической базы использованы методы анализа и синтеза, сравнительного анализа, обобщения научных публикаций российских исследователей за период 2018–2025 гг. В результате исследования была определена совокупность методов, применяемых для анализа городской транспортной системы, и проведена их системная характеристика с точки зрения аналитического потенциала и практической применимости. Полученные выводы могут быть использованы при комплексной оценке состояния транспортных систем городов России, формировании стратегических документов и разработке программ модернизации городского транспорта, а также при обосновании управленческих решений в сфере городской мобильности.

Ключевые слова: управление транспортным развитием, методы анализа, городская мобильность, анализ транспорта, транспортная инфраструктура, цифровизация, умный город, методический инструментарий, транспортная система.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE ANALYSIS OF URBAN TRANSPORT SYSTEMS: SYSTEMATIZATION AND CLASSIFICATION

Egor Yu. Romanov

Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract. The article is devoted to the systematization and classification of methodological approaches to the analysis of urban transport systems under conditions of increasing complexity of transport processes and digital transformation of the urban environment. The purpose of the study is to generalize existing methods for analyzing urban transport systems and to develop a classification framework that allows structuring the methodological toolkit depending on the nature of data, level of analysis, object of research, and application goals. The methodological basis of the study includes methods of analysis and synthesis, comparative analysis, and a review of scientific publications by Russian researchers for the period 2018–2025. As a result, a set of methods applied to the analysis of urban transport systems was identified, and their systematic characterization was carried out in terms of analytical potential and practical applicability. The findings can be used for comprehensive assessment of the current state of urban transport systems in Russian cities, development of strategic planning documents, formulation of transport modernization programs, and substantiation of managerial decisions in the field of urban mobility.

Keywords: transport development management, analytical methods, urban mobility, transport analysis, transport infrastructure, digitalization, smart city, methodological framework, transport system.

Funding: Independent work.

Введение.

Городская транспортная система выступает одним из базовых факторов социально-экономического развития городской территории, поскольку обеспечивает функционирование хозяйственных связей, формирование мобильности населения и доступ к основным элементам городской инфраструктуры.

Как показывают исследования, посвящённые развитию транспортных систем, уровень организации транспортного комплекса напрямую влияет на динамику экономической активности, инвестиционную привлекательность и качество жизни в городе [1].

Транспортную систему целесообразно рассматривать как элемент городской среды, обеспечивающий пространственную связанность и устойчивость внутригородских процессов, эффективное функционирование которого формирует предпосылки для развития социальной, культурной и экономической сфер города, а также создаёт основу для комплексного и сбалансированного развития территории.

Городская транспортная система представляет собой сложное многоуровневое образование, включающее инфраструктурные элементы, транспортные потоки, управленческие механизмы, а также поведение пользователей.

Как отмечается в исследованиях, посвящённых концепции «умного города», отсутствие согласованного и научно обоснованного подхода к планированию и управлению транспортной инфраструктурой приводит к накоплению системных дисфункций, проявляющихся в росте транспортной перегруженности, увеличении временных издержек перемещения, ухудшении экологической ситуации и повышении уровня аварийности [2]. Подобные эффекты свидетельствуют о необходимости комплексного анализа транспортных процессов в структуре городской среды на основе научно обоснованных методов, позволяющих выявлять причины дисфункций и обосновывать управленческие решения [3].

В научных исследованиях городская транспортная система анализируется с позиций различных методических подходов, отражающих многомерный характер транспортных процессов. Однако разрозненное использование отдельных методов часто не позволяет получить целостное представление о состоянии и динамике транспортной системы, что актуализирует задачу их систематизации и классификации.

Цель данного исследования состоит в комплексном обобщении и систематизации методических подходов, применяемых для анализа городской транспортной системы. Особое внимание уделяется структурированию методов исследования в зависимости от объектов анализа, характера используемых показателей, типов данных и источников информации. Представленная систе-

матизация ориентирована на преодоление фрагментарности существующих исследований и формирование целостной методологической основы анализа транспортных процессов.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования результатов систематизации и классификации при комплексной оценке текущего состояния городской транспортной системы, обосновании управленческих решений и разработке программ её модернизации, а также в рамках научных исследований, посвящённых развитию городской мобильности, цифровой трансформации транспорта и совершенствованию механизмов транспортного управления.

Научная новизна исследования заключается в разработке классификации методических подходов к анализу городской транспортной системы, основанной на сочетании критериев характера данных, уровня анализа, объекта исследования, целей применения и степени интеграции методов.

Результаты.

Развитие транспортной инфраструктуры города определяется воздействием комплекса взаимосвязанных факторов, включающих природно-климатические условия, географическое положение территории, уровень ресурсной обеспеченности, а также социально-демографические характеристики городской среды.

Как подчёркивается в исследованиях, состояние транспортной инфраструктуры оказывает непосредственное влияние на устойчивость социально-экономического развития города [4]. Несбалансированное развитие отдельных элементов транспортной системы или игнорирование внешних и внутренних факторов городской среды может усиливать социальные и экономические диспропорции, что актуализирует необходимость комплексного анализа условий и последствий модернизации транспортной инфраструктуры.

Анализ современных исследований показывает, что транспортная система выступает не только функциональным элементом городской экономики, но и инструментом пространственной организации городской территории, определяющим эффективность использования территории, инвестиционную привлекательность и качество жизни населения. Реализация комплексных мер по развитию транспортной инфраструктуры способствует повышению уровня жизни, усилению связанности городской среды, согласованию интересов различных уровней территориального управления [5].

Одним из выводов проведённого анализа является обоснование необходимости организации системного и регулярного мониторинга состояния городской транспортной системы. В современных исследованиях подчёркивается, что эффективность управления транспортной инфра-

структурой напрямую связана с наличием структурированной системы показателей, позволяющей оценивать, как текущие параметры функционирования транспорта, так и его социально-экономические эффекты.

В аналитической практике такие показатели группируются по их функциональному назначению.

К первой группе относятся эксплуатационные показатели, отражающие характеристики транспортного процесса, включая время и стоимость перемещения, интервалы движения, пропускную способность и плотность улично-дорожной сети.

Вторая группа включает социально-экономические показатели, позволяющие оценить последствия функционирования транспортной системы для городской среды и населения, в том числе уровень удовлетворённости пользователей, влияние транспорта на занятость, экологическую нагрузку и качество жизни.

Проведённое обобщение методических подходов позволяет сделать вывод о невозможности всесторонней оценки городской транспортной системы без одновременного учёта параметров внешней и внутренней транспортной доступности.

Внешняя доступность характеризует степень включённости города в межрегиональные и национальные транспортные связи и определяется наличием аэропортов, федеральных автомобильных магистралей, транзитных железнодорожных направлений и логистических узлов.

Внутренняя транспортная доступность отражает качество организации внутригородской мобильности и включает такие показатели, как плотность улично-дорожной сети, среднее время поездки до ключевых центров притяжения, уровень охвата территории общественным транспортом и регулярность его работы.

Оценка эффективности функционирования городской транспортной системы требует интеграции социальных и экономических критериев.

Социальные показатели позволяют оценить степень удовлетворения транспортных потребностей населения и влияние транспорта на сокращение временных издержек повседневной мобильности, тогда как экономические показатели отражают производительность транспортного комплекса, себестоимость перевозок и формирование внешних эффектов, способствующих развитию городской экономики. Совмещение указанных критериев обеспечивает более полное понимание роли транспортной системы в обеспечении устойчивого развития городской территории.

Анализ научных публикаций за период 2018–2025 г. позволяет выявить устойчивую тенденцию к расширению методического инструментария исследований городской транспортной си-

стемы, особенно в условиях активной цифровизации [6].

В исследованиях процессов трансформации городского транспорта используется широкий спектр методических инструментов, охватывающих как качественные, так и количественные подходы.

К качественным методам относятся экспертные интервью, фокус-группы и кейс-анализ, позволяющие выявлять особенности восприятия решений различными группами участников транспортных процессов.

Количественные методы, включая анкетирование, статистическое и имитационное моделирование, а также индексный анализ, применяются для получения обобщённых оценок, выявления закономерностей и проведения сопоставлений между территориями или временными периодами.

Эмпирические исследования показывают, что наибольшую аналитическую ценность представляет сочетание различных методов в рамках единого исследовательского подхода к анализу городской транспортной системы [7].

Использование комбинированного подхода позволяет более полно оценить влияние цифровизации на инфраструктурные параметры транспортной системы, управленческие механизмы и поведенческие характеристики пользователей, обеспечивая комплексное изучение процессов трансформации городской мобильности.

В условиях усложнения городской транспортной системы и усиления роли цифровых технологий в управлении городской мобильностью возрастает значимость научно обоснованных методических подходов к её анализу.

Многообразие целей транспортного развития обуславливает необходимость применения различных исследовательских методов, отражающих функциональные, пространственные, социальные и управленческие аспекты функционирования транспортной системы [8].

Каждый метод обладает аналитическими возможностями и ограничениями, что требует осознанного выбора или комбинирования методик в зависимости от целей исследования, доступности эмпирических данных и характера управленческих задач [9].

В целях систематизации методического инструментария нам представляется целесообразным структурировать основные подходы к анализу городской транспортной системы по их сущности, типу используемых данных, преимуществам и ограничениям применения. Такое обобщение формирует целостное представление о возможностях и границах различных методов анализа и создаёт основу для их комплексного использования в практических исследованиях. Результаты систематизации методических подходов представлены в таблице 1.

Таблица 1

Систематизация методов анализа транспортной системы города

Методический подход	Сущность метода	Тип данных	Преимущества	Ограничения
Экспертные интервью	Получение оценок и интерпретаций от специалистов транспортной отрасли и органов управления	Качественные	Глубина анализа, выявление скрытых проблем	Ограниченная репрезентативность, субъективность
Фокус-группы	Групповое обсуждение транспортных проблем и решений	Качественные	Выявление латентных ожиданий и мотивов	Трудоёмкость, сложность обобщения
Кейс-анализ	Детальное изучение отдельных городов или проектов	Смешанные	Глубокий контекстный анализ	Ограниченная возможность обобщения результатов
Анкетирование	Массовый опрос населения или специалистов	Количественные	Репрезентативность, возможность статистической обработки	Вероятность поверхностности ответов
Статистическое моделирование	Количественная оценка взаимосвязей и эффектов	Количественные	Объективность, возможность прогнозирования	Требовательность к качеству данных
Имитационное моделирование	Моделирование сценариев транспортных процессов	Количественные	Анализ альтернативных сценариев управленческих решений	Сложность интерпретации результатов
Индексный анализ	Формирование интегральных показателей	Смешанные	Наглядность, прямое сравнение результатов	Потеря отдельных точечных аспектов и направлений
Сравнительный анализ	Сопоставление городов или периодов	Смешанные	Выявление структурных различий и факторов развития	Ограниченная сопоставимость результатов

Представленная систематизация демонстрирует, что ни один из рассмотренных методов не обладает универсальностью и не способен без сочетания с другими методами охватить все аспекты функционирования городской транспортной системы. Качественные методы обеспечивают глубину понимания управленческих и поведенческих процессов, тогда как количественные методы позволяют выявлять закономерности и оценивать эффекты, однако требуют качественной эмпирической базы. Это подтверждает целесообразность перехода от изолированного применения методов к их комбинированию в рамках проводимых исследований [10].

Анализ научных публикаций показывает, что методические инструменты существенно различаются по степени охвата и глубине анализа транспортных процессов. В ряде исследований методы применяются изолированно и ориентированы на решение конкретных прикладных задач, тогда как в других работах они сочетаются между собой, обеспечивая всестороннее рассмотрение транспортных процессов и их взаимосвязей.

Особое значение в современных исследованиях приобретает комбинирование качественных и количественных методов. Изолированное применение отдельных инструментов, таких как интервью или анкетирование, позволяет получить детализированную информацию по конкретным аспектам функционирования транспортной системы, но не всегда обеспечивает целостное представление о процессах городской мобильности. Комбинирование методов расширяет аналитические возможности и повышает обоснованность выводов [11].

С учётом выявленных различий в характере и области применения методов, возникает необходимость классификации методических подходов к анализу городской транспортной системы. Такая классификация позволяет упорядочить аналитический инструментарий и обосновать выбор методов с учётом специфики исследуемых объектов и задач анализа. Обобщённая классификация методических подходов представлена в таблице 2.

Таблица 2

Классификация методов анализа транспортной системы города

Критерий классификации	Классификационная группа	Методы
1	2	3
По характеру данных	Качественные	Экспертные интервью, фокус-группы, кейс-анализ
	Количественные	Анкетирование, статистическое и имитационное моделирование
	Смешанные	Индексный анализ, сравнительный анализ
По уровню анализа	Микроуровень	Анкетирование, фокус-группы
	Мезоуровень	Кейс-анализ, статистическое моделирование
	Макроуровень	Индексный и сравнительный анализ

1	2	3
По объекту исследования	Инфраструктура	Имитационное моделирование, статистический анализ
	Пользователи	Анкетирование, фокус-группы
	Управление	Экспертные интервью, кейс-анализ
По цели применения	Диагностика	Анкетирование, статистический анализ
	Прогнозирование	Статистическое и имитационное моделирование
	Сравнение	Индексный и сравнительный анализ
По степени интеграции	Изолированные	Экспертные интервью, фокус-группы, анкетирование
	Комбинированные	Кейс-анализ, сравнительный анализ
	Комплексные	Статистическое и имитационное моделирование, индексный анализ

Разработанная классификация методов анализа городской транспортной системы обеспечивает структурирование исследовательского инструментария и позволяет выбирать методы с учётом уровня анализа и специфики исследуемых процессов. Полученные результаты подтверждают, что наиболее обоснованные выводы достигаются при использовании комбинированных и комплексных подходов, интегрирующих качественные и количественные методы. Это формирует методическую основу для проведения прикладных исследований и разработки управленческих решений в сфере развития городской мобильности.

Обсуждение.

Проведённая систематизация методических подходов к анализу городской транспортной системы подтверждает, что её исследование требует многомерного и междисциплинарного подхода, основанного на сочетании качественных и количественных методов.

Использование исключительно количественных показателей не позволяет полностью учитывать субъективные аспекты восприятия транспортных услуг населением, тогда как опора только на качественные методы ограничивает возможности обобщения и сравнительного анализа [12].

Качественные методы, такие как экспертные интервью, фокус-группы и кейс-анализ, позволяют выявлять институциональные барьеры, управленческие проблемы и особенности внедрения цифровых решений в конкретных городах.

Вместе с тем, их ограниченная репрезентативность требует последующей верификации полученных выводов с использованием статистических данных и моделей. Количественные методы, включая анкетирование, статистическое и имитационное моделирование, а также индексные оценки, обеспечивают объективность измерений и возможность пространственно-временных сопоставлений, однако, остаются чувствительными к качеству исходных данных и выбранным методическим допущениям [13].

Особое место в современных исследованиях занимает индексный подход, позволяющий агрегировать разнотипные показатели в интегральные оценки уровня цифровизации и эффективности транспортных систем. Несмотря на высо-

кую наглядность и удобство сравнительного анализа, индексы требуют прозрачного обоснования структуры и весов показателей, поскольку чрезмерная агрегация может скрывать локальные проблемы отдельных элементов транспортной системы. В этой связи, оправданным нам представляется использование индексов в сочетании с детализированным анализом отдельных показателей и кейсов [14].

Существенным результатом проведённого анализа является выявление зависимости между выбором методического подхода и уровнем управленческих задач, решаемых в сфере городского транспорта. Методы микроуровня ориентированы преимущественно на анализ пользовательского поведения и качества транспортных услуг, тогда как мезо- и макроуровневые подходы применяются для оценки инфраструктурных решений, стратегий развития и межтерриториальных сопоставлений. Это свидетельствует о том, что универсального метода анализа городской транспортной системы не существует, а выбор инструментов должен определяться масштабом исследования и целями принимаемых управленческих решений.

Сформированная классификация методических подходов позволяет интерпретировать комбинирование исследовательских методов не как второстепенный или вспомогательный приём, а как самостоятельный и методологически обоснованный принцип анализа городской транспортной системы. Такой подход отражает объективную сложность современных транспортных процессов и необходимость одновременного учёта инфраструктурных, управленческих и поведенческих аспектов функционирования транспорта. В условиях цифровизации транспортной сферы, сопровождающейся увеличением объёмов доступных данных, ростом роли интеллектуальных систем управления и усложнением механизмов принятия решений, применение комплексных методических схем приобретает особую значимость.

Интеграция качественных и количественных методов позволяет более адекватно анализировать процессы трансформации городской мобильности, выявлять системные эффекты цифровых изменений и формировать обоснованные выводы, релевантные задачам стратегического управления развитием городского транспорта. С практической точки зрения, результаты исследо-

вания указывают на необходимость методически осознанного подхода к анализу развития городской транспортной системы, поскольку использование ограниченного набора показателей или методов может приводить к искажённой оценке эффективности принимаемых транспортных решений.

Следует отметить, что представленная систематизация и классификация методов не исчерпывает всего спектра возможных исследовательских подходов и требует дальнейшего уточнения по мере развития цифровых технологий и появления новых источников данных.

Заключение.

В статье обобщены и систематизированы методические подходы к анализу городской транспортной системы, что позволило сформировать структурированное представление о современном методическом инструментарии исследований в данной сфере. Показано, что развитие транспортной системы является ключевым фактором устойчивого социально-экономического развития города и требует комплексной оценки, учитывающей функциональные, пространственные, социальные и управленческие аспекты её функционирования.

Результаты исследования подтверждают целесообразность использования комбинированных методических подходов, позволяющих объеди-

нить аналитическую глубину качественных методов с обобщающим потенциалом количественного анализа. Сформированная классификация методических подходов обладает прикладным потенциалом и может быть использована в эмпирических и аналитических исследованиях при комплексной оценке текущего состояния городской транспортной системы.

Научная значимость полученных результатов заключается в уточнении и систематизации методического аппарата анализа городской транспортной системы с учётом современных тенденций цифровизации и усложнения транспортных процессов. Предложенный подход позволяет снизить фрагментарность исследований и способствует формированию целостной методологической основы для анализа городской мобильности в экономических и управленческих исследованиях.

Перспективы дальнейших исследований связаны с развитием интегрированных методических моделей анализа городской транспортной системы, основанных на использовании больших данных, цифровых платформ и инструментов пространственного моделирования. Расширение эмпирической базы и апробация предложенной классификации на материалах конкретных городов позволят уточнить её прикладной потенциал и повысить обоснованность управленческих решений в сфере развития городской транспортной инфраструктуры.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Гребенкина С.А. Интеллектуальные транспортные системы как фактор социально-экономического развития / С.А. Гребенкина, И.А. Гребенкина, А.Л. Благодир // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2020. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/intellektualnye-transportnye-sistemy-kak-faktor-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya> (дата обращения 20.12.2025). DOI: 10.15593/2224-9354/2020.2.23 EDN: WUZLHA
2. Мокрова Н.В. Концептуальный подход к проблематике умных городов. Промышленное и гражданское строительство. 2020. № 7. С. 32–40. DOI: 10.33622/0869-7019.2020.07.32-40 EDN: FCRANK
3. Нирман Д.С. Интеллектуальные транспортные системы и цифровизация в целом, как драйверы роста ВВП России // Инновации и инвестиции. 2018. № 5. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/intellektualnye-transportnye-sistemy-i-tsifrovizatsiya-v-tselom-kak-drayvery-rosta-vvp-rossii> (дата обращения 20.12.2025). EDN: UPADLT
4. Гребенкина С.А. Потенциальные риски внедрения цифровых технологий на транспорте в социальной и экономической сферах РФ / С.А. Гребенкина, И.А. Гребенкина // Вестник НГИЭИ. 2021. № 6(121). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsialnye-riski-vnedreniya-tsifrovyyh-tehnologiy-na-transporte-v-sotsialnoy-i-ekonomicheskoy-sferah-ff> (дата обращения 20.12.2025). DOI: 10.24412/2227-9407-2021-6-68-79 EDN: NGBBJV
5. Курчеева Г.И. Подходы к разработке концепции «цифровой город»: роль населения в управлении / Г.И. Курчеева, В.Б. Копылов // *т-Еconomy*. 2021. № 14(1). С. 21–33. DOI: 10.18721/JE.14102 EDN: ZOZRYT
6. Раков Д.А. Методы цифровизации, используемые при определении уровня развития городского хозяйства регионов Российской Федерации / Д.А. Раков, С. Юй, Е.К. Мисьяутова // Проблемы прогнозирова-

- ния. Российское экономическое развитие. 2023. № 5. С. 78–85. URL : <https://ideas.repec.org/a/gai/ruserr/r2343.html> (дата обращения 20.12.2025). EDN: COUMYX
7. Видясова Л.А. Оценка доверия жителей Санкт-Петербурга к использованию электронных каналов взаимодействия с властью. Государство и граждане в электронной среде / Л.А. Видясова, Я.Д.Тензина. 2019. URL : <https://doi.org/93-101.10.17586/2541-979X-2019-3-93-101>. EDN: JUTXSF
 8. Кузнецов С.А. Организационно-технические аспекты внедрения ИТС в агломерациях / С.А. Кузнецов, В.А. Николаев // Экономика и управление. 2025. № 31(6). С. 728–737. DOI: 10.35854/1998-1627-2025-6-728-737 EDN: RISOHW
 9. Аземша С.А. Разработка предложений по анкетированию пассажиров городского пассажирского транспорта регулярного сообщения / С.А. Аземша, В.М. Морозов // Вестник СибАДИ. 2022. № 3(85). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-predlozheniy-po-anketirovaniyu-passazhirovo-gorodskogo-passazhirskogo-transporta-regulyarnogo-soobscheniya> (дата обращения 20.12.2025). DOI: 10.26518/2071-7296-2022-19-3-344-357 EDN: HUYUKH
 10. Трегубов В.Н. Использование информации сотовых операторов в городских транспортных исследованиях // Сетевой электронный журнал «Транспортные системы и технологии». 2020. Т. 6. № 2. С. 20–33. DOI: 10.17816/transsyst20206220-33 EDN: UJIRSG
 11. Семячков К.А. Концептуальный алгоритм развития умных городов // Креативная экономика. 2022. Т. 16. № 9. С. 3419–3434. DOI: 10.18334/ce.16.9.116238 EDN: TYOZFG
 12. Сырцова Е.А. Эффекты внедрения интеллектуальных транспортных систем в регионах России. Государственное управление // Электронный вестник. 2023. № (101). С. 159–169. DOI: 10.24412/2070-1381-2023-101-159-169 EDN: RHWEQJ
 13. Балдин А.В. Цифровое моделирование практических задач на примере маршрутизации городской транспортной сети / А.В. Балдин, И.Д. Ерошок // Вестник науки. 2020. № 8(29). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoye-modelirovanie-prakticheskikh-zadach-na-primere-marshrutizatsii-gorodskoy-transportnoy-seti> (дата обращения 20.12.2025). EDN: RCOLEV
 14. Глебов С.Д. Оценка уровня цифровизации транспортного комплекса Москвы / С.Д. Глебов, М.С. Соколов // Вестник МГПУ, Серия «Экономика». 2024. № 2(30). С. 41–51. URL : <https://economics.mgpu.ru/wp-content/uploads/sites/3/2024/08/glebov-s-d-sokolov-m-s.pdf> (дата обращения 20.12.2025). DOI: 10.25688/2312-6647.2024.40.2.03 EDN: CSTUSU

References:

1. Grebenkina S.A. Intelligent transport systems as a factor of socio-economic development / S.A. Grebenkina, I.A. Grebenkina, A.L. Blagodir // Bulletin of PNRPU. Socio-economic sciences. 2020. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/intellektualnye-transportnye-sistemy-kak-faktor-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya> (date of application 12/20/2025). DOI: 10.15593/2224-9354/2020.2.23 EDN: WUZLHA
2. Mokrova N.V. A conceptual approach to the problems of smart cities. Industrial and civil engineering. 2020. № 7. P. 32–40. DOI: 10.33622/0869-7019.2020.07.32-40 EDN: FCRANK
3. Nirman D.S. Intelligent transport systems and digitalization in general as drivers of Russian GDP growth // Innovations and investments. 2018. № 5. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/intellektualnye-transportnye-sistemy-i-tsifrovizatsiya-v-tselom-kak-drayvery-rosta-vvp-rossii> (date of application 12/20/2025). EDN: UPADLT
4. Grebenkina S.A. Potential risks of introducing digital technologies in transport in the social and economic spheres of the Russian Federation / S.A. Grebenkina, I.A. Grebenkina // Bulletin of NGIEI. 2021. № 6(121). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsialnye-riski-vnedreniya-tsifrovyyh-tehnologiy-na-transporte-v-sotsialnoy-i-ekonomicheskoy-sferah-rf> (date of application 12/20/2025). DOI: 10.24412/2227-9407-2021-6-68-79 EDN: NGBBJV
5. Kurcheeva G.I. Approaches to the development of the digital city concept: the role of the population in governance / G.I.Kurcheeva, V.B. Kopylov // IT-Economy. 2021. № 14(1). P. 21–33. DOI: 10.18721/JE.14102 EDN: ZOZRYT
6. Rakov D.A. Digitalization methods used in determining the level of urban development in the regions of the Russian Federation / D.A. Rakov, S. Yu., E.K. Misyutova // Problems of forecasting. Russian economic development. 2023. № 5. P. 78–85. URL : <https://ideas.repec.org/a/gai/ruserr/r2343.html> (date of request: 12/20/2025). EDN: COUMYX
7. Vidyasova L.A. Assessment of St. Petersburg residents' confidence in the use of electronic channels of interaction with the authorities. The state and citizens in an electronic environment / L.A. Vidyasova, Ya.D. Tensina. 2019. URL : <https://doi.org/93-101.10.17586/2541-979X-2019-3-93-101> EDN: JUTXSF
8. Kuznetsov S.A. Organizational and technical aspects of ITS implementation in agglomerations / S.A. Kuznetsov, V.A. Nikolaev // Economics and management. 2025. № 31(6). P. 728–737. DOI: 10.35854/1998-1627-2025-6-728-737 EDN: RISOHW
9. Azemsha S.A. Development of proposals for the survey of passengers of urban passenger transport of regular service / S.A. Azemsha, V.M. Morozov // SibADI Bulletin. 2022. № 3(85). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-predlozheniy-po-anketirovaniyu-passazhirovo-gorodskogo-passazhirskogo-transporta-regulyarnogo-soobscheniya> (date of application 12/20/2025). DOI: 10.26518/2071-7296-2022-19-3-344-357 EDN: HUYUKH

10. Tregubov V.N. The use of information from cellular operators in urban transport research // Online electronic magazine «Transport Systems and Technologies». 2020. Vol. 6. № 2. P. 20–33. DOI: 10.17816/transsystr 20206220-33 EDN: UJIRSG
11. Semyachkov K.A. Conceptual algorithm for the development of smart cities // Creative Economy. 2022. Vol. 16. № 9. P. 3419–3434. DOI: 10.18334/ce.16.9.116238 EDN: TYOZFG
12. Syrtsova E.A. The effects of the introduction of intelligent transport systems in the regions of Russia. Public administration. Electronic Bulletin. 2023. № (101). P. 159–169. DOI: 10.24412/2070-1381-2023-101-159-169 EDN: RHWEOJ
13. Baldin A.V. Digital modeling of practical tasks using the example of urban transport network routing / A.V. Baldin, I.D. Eroshok // Bulletin of Science. 2020. № 8(29). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoye-modelirovanie-prakticheskikh-zadach-na-primere-marshrutizatsii-gorodskoy-transportnoy-seti> (date of application 12/20/2025). EDN: RCOLEV
14. Glebov S.D. Assessment of the level of digitalization of the Moscow transport complex / S.D. Glebov, M.S. Sokolov // Bulletin of the Moscow State Pedagogical University, Series «Economics». 2024. № 2(30). P. 41–51. URL : <https://economics.mgpu.ru/wp-content/uploads/sites/3/2024/08/glebov-s-d-sokolov-m-s.pdf> (date of application 12/20/2025). DOI: 10.25688/2312-6647.2024.40.2.03 EDN: CSTUSU

Информация об авторе

Романов Егор Юрьевич

аспирант,

Казанский (Приволжский) федеральный университет

yegorromanov@vk.com

Egor Yu. Romanov

Graduate Student,

Kazan (Volga Region) Federal University

yegorromanov@vk.com

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 09.01.2026.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.01.2026.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.01.2026.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-1-20>

УДК 338.46:796

Attribution

cc by

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ФИНАНСОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННОЙ АДАПТИВНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ В РЕГИОНЕ

Серпер С.А.

Приволжский государственный университет путей сообщения

Аннотация. В статье предложены институционально-финансовые механизмы управления персонализированной адаптивной физической культурой (АФК) как социально-значимой услугой региональной экономики. Цель исследования – обосновать модель управления, обеспечивающую согласование нормативных требований, ограниченности ресурсов и индивидуальных потребностей получателей услуги. Методологическая база включает инструментарий новой институциональной экономики, процессный подход к услуге и структурный анализ затрат на адаптивную физическую культуру и адаптивный спорт. Результаты представлены в виде управленческой модели из четырех контуров: институционального (правила, стандарты, ответственность), экономического (бюджетное и внебюджетное финансирование, проектное управление), организационно-процессного (персонализированная траектория, междисциплинарная команда) и контура управления качеством (планирование, обеспечение, оценка полезного эффекта). Показано, что ключевые ограничения связаны с доминированием затрат на оплату труда и содержание инфраструктуры при низкой доле внебюджетных поступлений; предложены направления диверсификации источников финансирования и повышения доказательности мониторинга результатов. Практическая значимость заключается в возможности применения предложенной модели при разработке региональных программ и стандартов предоставления персонализированных услуг АФК.

Ключевые слова: персонализированная адаптивная физическая культура, региональная экономика, социально-значимые услуги, институциональная среда, финансирование, качество услуг, социальная инфраструктура, государственно-частное партнерство, человеческий капитал, мониторинг результатов.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

INSTITUTIONAL AND FINANCIAL MECHANISMS FOR MANAGING PERSONALIZED ADAPTIVE PHYSICAL CULTURE IN A REGION

Sergey A. Serper

Volga State University of Railway Transport

Abstract. The paper proposes institutional and financial mechanisms for managing personalized adaptive physical culture (APC) as a socially significant service within a regional economy. The study aims to justify a management model that aligns regulatory requirements, resource constraints, and individual needs of service recipients. The methodology combines tools of new institutional economics, a process approach to service delivery, and a structural analysis of expenditures on adaptive physical culture and adaptive sport. The results are presented as a four-contour model: institutional (rules, standards, accountability), economic (budget and extra-budgetary financing, project governance), organizational-process (personalized trajectory and an interdisciplinary team), and quality management (planning, assurance, and evaluation of the service effect). The analysis shows that key constraints stem from the dominance of labor and infrastructure costs amid a low share of extra-budgetary revenues; policy directions for diversifying funding and strengthening evidence-based outcome monitoring are proposed.

Keywords: personalized adaptive physical culture, regional economics, socially significant services, institutional environment, financing, service quality, social infrastructure, public-private partnership, human capital, outcome monitoring.

Funding: Independent work.

© Серпер С.А.

Введение.

Персонализированная адаптивная физическая культура формируется на стыке социальной политики, отрасли физической культуры и спорта и рынка социально-значимых услуг. Для специальности 5.2.3 (региональная и отраслевая экономика) принципиально рассматривать АФК как элемент региональной социальной инфраструктуры и как комплекс услуг, в которых результат выражается через сохранение трудового потенциала и снижение долгосрочных социальных издержек.

Институциональный подход позволяет анализировать, каким образом формальные правила и неформальные нормы задают границы поведения участников и влияют на транзакционные издержки; в этой логике качество институтов выступает самостоятельным фактором экономической результативности услуги [1].

Методологическая рамка статьи опирается на положения новой институциональной экономики о связи выбора инструментов регулирования с издержками координации и мониторинга, а также на требования к строгому описанию предмета и методов институционального анализа [2].

Дополнительный теоретический ориентир дает экономическая социология, рассматривающая экономическое поведение как социально укорененное и зависящее от норм и ценностей, что важно для анализа спроса на персонализированные услуги АФК [3].

В практической плоскости, институциональные задачи управления АФК «вшиты» в государственную политику развития массового спорта: приоритеты вовлеченности, доступности инфраструктуры и организационной ответственности транслируются в региональные программы и показатели эффективности [4].

Однако внедрение новых механизмов управления на мезоуровне часто сдерживается инерционностью системы государственного управления и деформированной корпоративной культурой, что повышает издержки координации и мониторинга [8]. При этом ключевым ограничителем остается финансовая архитектура: высокие обязательные затраты (оплата труда, содержание объектов) сочетаются с низкой долей устойчивых внебюджетных поступлений. Одним из механизмов расширения ресурсной базы выступает государственно-частное партнерство, позволяющее распределять риски и привлекать частные инвестиции в инфраструктурные проекты [5]. Системно значимую роль сохраняют государственные инвестиции, поскольку именно они формируют базу доступности и «точку входа» для последующей коммерциализации отдельных сервисных компонентов без снижения социальной ориентации услуги [6].

С учетом рыночной среды и конкуренции за ресурсы, особое значение приобретают вопросы развития социальной инфраструктуры спортив-

ных организаций и ее адаптации к потребностям разных групп населения, включая инвалидов и лиц с ограничениями по здоровью. Потребительская вовлеченность в спортивно-оздоровительные практики в России во многом определяется социокультурными детерминантами и статусными моделями потребления, что следует учитывать при проектировании спроса на персонализированные сервисы АФК [7].

Цель статьи – предложить институционально-финансовую модель управления персонализированной АФК как социально-значимой услугой на уровне субъекта Российской Федерации.

Задачи:

1. Описать экономическую природу персонализированной услуги АФК.
2. Выявить ресурсные и институциональные ограничения на мезоуровне.
3. Предложить управленческую модель, увязывающую финансирование, процесс предоставления и качество результата.
4. Обозначить направления повышения доказательности мониторинга эффекта.

Материалы и методы.

Эмпирическая часть исследования основана на структурном анализе расходов на развитие адаптивной физической культуры и адаптивного спорта за 2024 год (региональный разрез), включая соотношение бюджетных и внебюджетных источников и распределение затрат по ключевым статьям.

Для интерпретации результатов применены:

- институциональный анализ (выделение участников, правил, механизмов ответственности и транзакционных издержек);
- процессный подход к услуге (описание цепочки действий, точек контроля качества и требований к персонализации);
- элементы программно-целевого и проектного управления (портфельная логика мероприятий и инфраструктурных проектов).

Логика построения модели управления предполагает выделение четырех взаимосвязанных контуров: институционального (правила и стандарты), экономического (структура ресурсов и инструментов финансирования), организационно-процессного (персонализированная траектория, междисциплинарная команда и маршрутизация услуг) и контура управления качеством (планирование и оценка полезного эффекта).

Результаты. Обсуждение.

1. Финансовый профиль и ресурсные ограничения.

Анализ структуры затрат показывает доминирование расходов на оплату труда и содержание спортивных сооружений, что характерно для услуг с высокой долей персонала и инфраструктуры. Одновременно внебюджетные поступления остаются ограниченными, а их планирование в государственных организациях спорта требует специальных методических подходов к оценке

потенциала доходности и управлению приносящей доход деятельностью [9].

В результате, устойчивость предоставления персонализированных услуг АФК на региональном уровне зависит от диверсификации источников (субсидии, гранты, целевые пожертвования, корпоративные программы) и от качества финансового планирования в учреждениях.

Таблица 1

Финансирование адаптивной физической культуры и спорта в 2024 г.
(пример регионального разреза), тыс. руб.

Статья расходов	Фактически выделено бюджетных средств	Получено из внебюджетных источников	Всего израсходовано
Всего расходов	29528315,7	1244623,4	25685535,2
Организация и проведение спортивных мероприятий среди инвалидов	1101056,3	67121,6	1168177,9
Организация и проведение физкультурных и массовых мероприятий среди инвалидов	399210,9	13579,1	412790,0
Приобретение оборудования, инвентаря и экипировки	1607544,0	88176,1	1695720,1
Капитальный ремонт спортивных сооружений	1731809,8	10029,4	1741839,2
Инвестиции на реконструкцию и строительство спортивных сооружений	764275,1	9249,4	773524,5
Заработная плата работников АФК и адаптивного спорта	14188111,8	595914,6	14122661,2
Содержание спортивных сооружений, доступных для занятий с инвалидами	3204951,8	319424,4	3524376,2
Прочие расходы	1433601,0	141128,8	1574729,8

Интерпретация таблицы подтверждает наличие «жесткого ядра» расходов, слабо поддающегося краткосрочной оптимизации без потери качества (кадры и эксплуатация объектов).

Следовательно, региональная модель управления должна предусматривать:

- программно-целевое бюджетирование с горизонтом не менее 3 лет;
- проектный контур для инфраструктурных мероприятий и закупок;
- правила приоритизации расходов с учетом социальной значимости, доступности и ожидаемого эффекта для целевых групп.

2. Организационно-процессный контур.

Персонализация услуги АФК предполагает формирование индивидуальной траектории (цели, ограничения, методы, динамика) и ее реализацию междисциплинарной командой.

Экономический смысл процессного управления состоит в снижении транзакционных потерь: уменьшении числа несогласованных решений между ведомствами и организациями, сокращении времени на маршрутизацию и повторное обследование, а также в повышении предсказуемости результата для получателя услуги.

В региональной практике это требует описания процессов «от запроса до результата», закрепления ролей и зон ответственности и введения измеримых показателей: доступность (время ожидания, территориальная близость), интенсивность (частота и длительность занятий), результативность (функциональные и социальные изменения) и безопасность.

3. Контур управления качеством и мониторинга эффекта.

Для персонализированной АФК критично различать «объем оказанных услуг» и «полезный эффект» (изменения функционального состояния и качества жизни). Практически это означает необходимость встраивания мониторинга в процесс оказания услуги: исходная оценка, промежуточный контроль, итоговая оценка и коррекция траектории.

Перспективным направлением является использование количественных подходов к оценке состояния организма, включая энтропийные модели, позволяющие интегрально описывать адаптационные возможности [10]. Одновременно, устойчивость качества зависит от кадрового обеспечения и подготовки тренеров-преподавателей к работе с адаптивными технологиями; для этого применимы специализированные модели подготовки и внутреннего контроля качества образовательного результата [11].

Заключение.

1. Персонализированная АФК в региональной экономике выступает как социально-значимая услуга с высокой долей трудоемкости и инфраструктурной зависимости, что требует специализированных финансовых и институциональных механизмов управления.

2. Структура расходов указывает на доминирование «жестких» статей затрат и ограниченность внебюджетных источников; повышение устойчивости возможно через диверсификацию ресурсов и развитие финансового планирования приносящей доход деятельности государственных организаций спорта.

3. Предложенная модель управления включает четыре контура (институциональный, экономический, процессный, качественный) и позволяет согласовывать нормативные требования и гибкость персонализированных траекторий на мезоуровне.

4. Повышение доказательности управленческих решений целесообразно обеспечивать через внедрение мониторинга эффекта (включая количественные интегральные показатели) и развитие кадровых компетенций специалистов АФК.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М. : Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с. (Современная институционально-эволюционная теория). ISBN: 5-88581-006-0 EDN: YQDVYE
2. Шаститко, А. Предметно-методологические особенности новой институциональной экономической теории // Вопросы экономики. 2003. № 1. С. 24–41. DOI: 10.32609/0042-8736-2003-1-24-41 EDN: PJEQLT
3. Экономическая социология / К.В. Воденко [и др.]. Ростов-н/Д. : ООО «Феникс», 2018. 157 с. ISBN: 978-5-222-30545-4 EDN: YRDNZD
4. Паршикова Н.В. Стратегические приоритеты государственной политики в области массового спорта / Н.В. Паршикова, С.И. Изаак, В.Н. Малиц // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2017. № 6(148). С. 167–171. EDN: ZDMLLR
5. Мельник Т.Е. Государственно-частное партнерство в области физической культуры и спорта // Журнал российского права. 2016. № 12(240). С. 133–141. DOI: 10.12737/22731 EDN: XBDQGF
6. Парамонова О.Б. Роль государственных инвестиций в физическую культуру и спорт / О.Б. Парамонова, М.Н. Налимова // OlymPlus. Гуманитарная версия. 2019. № 1(8). С. 73–75. EDN: VYCLPQ
7. The Sociocultural Determinants of Conspicuous Consumption in Russian Society in the Context of Spiritual Crisis / A.V. Vereshchagina [et al.] // The Turkish Online Journal of Design Art and Communication. 2018. Vol. 8. № S-SPTMSPCL. P. 2244–2251. DOI: 10.7456/1080SSE/298 EDN: FNTKXO
8. Гнатюк М.А. Проявление инерционности в системе государственного управления современной России в условиях деформированной корпоративной культуры // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 11. С. 204–208. EDN: YNXFIA
9. Сенова А.Х. Особенности планирования доходов в государственных организациях спорта // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14. № 12. С. 7835–7860. DOI: 10.18334/ep.14.12.122335 EDN: EAHRJX
10. Волов В.Т. Гипотеза об энтропийном инварианте для биологических организмов // Биофизика. 2021. Т. 66. № 3. С. 611–624. DOI: 10.31857/S0006302921020236 EDN: UTIRGG
11. Волов В.Т. Энтропийная модель подготовки тренеров-преподавателей адаптивных технологий оздоровления / В.Т. Волов, С.А. Серпер // Инновации в образовании. 2024. № 12. С. 16–25. EDN: BOUPPZ

References:

1. North D. Institutions, institutional changes and the functioning of the economy. M. : Foundation of the Economic Book «Beginnings», 1997. 180 p. (Modern institutional and evolutionary theory). ISBN: 5-88581-006-0 EDN: YQDVYE
2. Shastitko A. Subject-methodological features of the new institutional economic theory // Economic issues. 2003. № 1. P. 24–41. DOI: 10.32609/0042-8736-2003-1-24-41 EDN: PJEQLT
3. Economic Sociology / K.V. Vodenko [et al.]. Rostov-on/D. : Phoenix Limited Liability Company, 2018. 157 p. ISBN: 978-5-222-30545-4 EDN: YRDNZD

4. Parshikova N.V. Strategic priorities of state policy in the field of mass sports / N.V. Parshikova, S.I. Izaak, V.N. Malits // Scientific notes of the P.F. Lesgaft University. 2017. № 6(148). P. 167–171. EDN: ZDMLLR
5. Melnik I.e. Public-private partnership in the field of physical culture and sports // Journal of Russian Law. 2016. № 12(240). P. 133–141. DOI: 10.12737/22731 EDN: XBDQGF
6. Paramonova O.B. The role of public investments in physical culture and sports / O.B. Paramonova, M.N. Nalimova // OlymPlus. The humanitarian version. 2019. № 1(8). P. 73–75. EDN: VYCLPQ
7. The Sociocultural Determinants of Conspicuous Consumption in Russian Society in the Context of Spiritual Crisis / A.V. Vereshchagina [et al.] // The Turkish Online Journal of Design Art and Communication. 2018. Vol. 8. № S-SPTMSPCL. P. 2244–2251. DOI: 10.7456/1080SSE/298 EDN: FNTKXO
8. Gnatyuk M.A. The manifestation of inertia in the public administration system of modern Russia in the context of a deformed corporate culture // Socio-humanitarian knowledge. 2017. № 11. P. 204–208. EDN: YNXFIA
9. Senova A.H. Features of income planning in state sports organizations // Economics, entrepreneurship and law. 2024. Vol. 14. № 12. P. 7835–7860. DOI: 10.18334/epp.14.12.122335 EDN: EAHRJX
10. Volov, V. T. The hypothesis of an entropy invariant for biological organisms // Biophysics. 2021. Vol. 66. № 3. P. 611–624. DOI: 10.31857/S0006302921020236 EDN: UTIRGG
11. Volov B.T. The entropic model of training trainers and teachers of adaptive wellness technologies / B.T. Volov, C.A. Serper // Innovations in education. 2024. № 12. P. 16–25. EDN: BOUPPZ

Информация об авторе

Серпер Сергей Александрович
кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник,
Приволжский государственный университет
путей сообщения, г. Самара
sergeyserper@gmail.com

Sergey A. Serper
Candidate of Economic Sciences,
Senior Researcher,
Privolzhsky State Transport University, Samara
sergeyserper@gmail.com

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 05.01.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.01.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.01.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-1-22>

УДК 316.334.2

Attribution

cc by

ДУАЛИЗМ ВЛИЯНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ПОТРЕБЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

Снимщикова И.В.

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина

Аннотация. В статье рассматривается проблема особенностей институционализации потребления и дуализм воздействия этих процессов на экономический рост в России. Исследование показало, что современная институциональная трансформация потребления эффективна для управления кризисами и поддержания базовой стабильности. Такие ее компоненты, как регуляторный контроль, экономия, импортозамещение работают вразрез с необходимостью обеспечения устойчивого экономического роста, который должен быть основан на повышении реальных доходов, расширении потребительского выбора и стимулировании инноваций. Текущая модель демонстрирует парадоксальную ситуацию, где, с одной стороны, государство активно институционализирует цифровые каналы потребления, повышающие эффективность и доступность благ; с другой стороны, реальный спрос сдерживается, подавляя потребительский потенциал. Долгосрочный экономический рост будет зависеть от того, сможет ли государство найти баланс между необходимостью достижения стабильности и потребностью в развитии динамичного и конкурентоспособного потребительского рынка.

Ключевые слова: домохозяйство, институционализация потребления, формальные и неформальные институты, информатизация, цифровизация, экономический рост.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

DUALISM OF THE INFLUENCE OF INSTITUTIONALIZATION OF CONSUMPTION IN MODERN RUSSIA ON ECONOMIC GROWTH

Irina V. Snimshchikova

I. T. Trublin Kuban State Agrarian University

Abstract. The article examines the problem of the peculiarities of the institutionalization of consumption and the duality of the impact of these processes on economic growth in Russia. The study found that modern institutional transformation of consumption is effective in managing crises and maintaining basic stability. Its components, such as regulatory control, savings, and import substitution, work against the need to ensure sustainable economic growth, which should be based on increasing real incomes, expanding consumer choice, and stimulating innovation. The current model demonstrates a paradoxical situation where, on the one hand, the state actively institutionalizes digital consumption channels, increasing efficiency and accessibility; on the other hand, real demand is restrained, suppressing consumer potential. Long-term economic growth will depend on whether the state can find a balance between the need to achieve stability and the need to develop a dynamic and competitive consumer market.

Keywords: household, institutionalization of consumption, formal and informal institutions, informatization, digitalization, economic growth.

Funding: Independent work.

Введение

Анализ состояния институционализации потребления в России за период с 2020 по 2025 год выявляет фундаментальный сдвиг в природе формальных институтов. Вместо того чтобы служить механизмом, обеспечивающим свободу

выбора и эффективность рынка, государственная политика направлена на создание всеобъемлющей системы контроля, надзора и управления потоками товаров, услуг и финансовых средств. Этот процесс носит комплексный характер, охватывая как классическое законодательство о защите прав потребителей, так и новей-

шие стратегии цифровизации, которые становятся основным инструментом государственного управления в XXI веке. Одновременно неформальные институты потребления в России представляют собой сложную картину. С одной стороны, доминирующей нормой стало сбережение и экономия, обусловленная снижением реальных доходов. С другой стороны, потребители активно адаптируются к новой реальности, используя цифровые платформы для получения доступа к товарам и услугам. Эта технологическая адаптация создает новую, эффективную, но потенциально закрытую и концентрированную институциональную среду, которая будет играть решающую роль в формировании потребительского поведения в ближайшие годы. Такая институциональная трансформация потребления оказывает дуалистическое воздействие на современный экономический рост, демонстрирует тренд на его снижение.

Обсуждение

Санкционированные государством формальные институты потребления в современной России, то есть те, что созданы или одобрены государством, эволюционируют от рамок защиты граждан к инструментам обеспечения экономической стабильности и суверенитета.

Одним из наиболее ярких проявлений этой тенденции является беспрецедентная регуляторная активность в сфере защиты прав потребителей. Закон «О защите прав потребителей» стал объектом постоянных и масштабных изменений, которые можно условно разделить на два направления: расширение сферы применения и ужесточение контроля. За этот период в законодательство были внесены десятки поправок, затрагивающих практически каждый сегмент потребительского рынка. Наиболее значимым нововведением стало принятие Федерального закона № 194-ФЗ от 07 июля 2025 года, который вводит новые требования к продаже технически сложных товаров с предустановленным программным обеспечением.

Этот закон запрещает производителям ограничивать установку программ через единый магазин приложений, блокировать функциональные возможности предустановленного ПО, ограничивать способы оплаты или снижать производительность устройства при использовании сторонних программ. Это правило направлено на борьбу с недобросовестными практиками, ограничивающими конкуренцию и выбор потребителей, однако его реализация требует обязательной интеграции цифровых платформ с государственными системами, что усиливает централизованный контроль.

Еще одной ключевой реформой стало введение с 01 сентября 2025 года запрета на навязывание дополнительных платных товаров, работ или услуг при покупке основного товара или услуги. Поправки, внесенные Федеральным законом № 69-ФЗ от 07 апреля 2025 года в статью 16

ЗоЗПП, устанавливают, что согласие потребителя на такие услуги должно быть явным и оформлено в письменной форме, если иное не предусмотрено законом. Автоматические отметки о согласии или создание условий, предполагающих изначальное согласие, теперь являются незаконными. Бремя доказывания наличия согласия лежит исключительно на продавце.

Эта мера, на первый взгляд направленная на защиту потребителя, на практике превращает любое торговое взаимодействие в юридически документируемый процесс, что повышает административную нагрузку на бизнес и упрощает государственный надзор за соблюдением торговых практик. Штрафы за навязывание услуг также были значительно увеличены: для должностных лиц они составляют от 2000 до 40000 рублей, а для юридических лиц – от 20000 до 40000 рублей, что свидетельствует о серьезности намерений регулятора.

Параллельно с этим происходит экспансия государственного контроля за оборотом конкретных категорий товаров через систему разрешительных режимов и обязательной маркировки. Центральным элементом этой регуляторной архитектуры становится система «Честный знак». В рамках данной системы вводится разрешительный режим продажи широкого спектра товаров, начиная от безалкогольных напитков, энергетиков, зажигалок и ветеринарных препаратов, и заканчивая велосипедами, детскими игрушками, строительными материалами и даже техническими средствами реабилитации. Например, с 01 марта 2025 года введен разрешительный режим продажи некоторых безалкогольных напитков, при этом продажа невозможна без проверки действительности кода маркировки в системе «Честный знак». Аналогичные меры применяются к энергетическим напиткам и зажигалкам, продажа которых детям запрещена. Такой подход позволяет государству контролировать доступность, цены и качество этих товаров на каждом этапе их жизненного цикла – от производства до розничной продажи. Усиливается ответственность и за сохранение информации в системе: например, оператор «Честного знака» отказывает в приеме данных о никотинсодержащей продукции, если цена ниже установленного государственного минимума или отсутствуют данные для ее определения. Ее охват постоянно расширяется, включая новые категории товаров и усложняя процедуры передачи данных об обороте. Например, с 01 апреля 2025 года необходимо передавать данные о розничной продаже маркированного безалкогольного пива и икры, а с 01 сентября 2025 года – о пиве, кормах для животных, медицинских изделиях и технических средствах реабилитации. Для многих товаров вводятся жесткие сроки продажи немаркированных остатков: например, до 31 августа 2025 года можно продавать остатки одежды и белья, но после этого срока они должны быть промаркированы или полностью реализованы. Введенные меры не только направлены на борьбу с контра-

фактом, но и создают мощный институт сбора данных о каждом товаре, движущемся по территории России. Это позволяет государству осуществлять точный учет и контроль за потоками

товаров, что является важным элементом экономического суверенитета в условиях санкционного давления.

Таблица 1

Категория мер регулирования	Примеры мер	Дата вступления
Защита прав потребителей	Запрет на навязывание дополнительных услуг	1 сентября 2025 г.
Защита прав потребителей	Требования к технически сложным товарам с ПО	1 сентября 2025 г.
Цифровые платформы	Обязательство платформ возвращать деньги напрямую	1 сентября 2025 г.
Маркировка и контроль	Разрешительный режим продажи безалкогольных напитков	1 июня 2025 г.
Маркировка и контроль	Разрешительный режим продажи ветеринарных препаратов	1 сентября 2025 г.
Маркировка и контроль	Обязательная маркировка спортивного питания, игрушек, сладостей	1 сентября 2025 г.
Ценовое регулирование	Установление минимальных цен на алкоголь и табаки	1 января 2025 г.

Наряду с классическими методами регулирования, государство активно использует инструменты цифровизации для формирования нового уровня институционального контроля. Стратегическая цель здесь – переход от простого использования технологий к созданию самой технологии базовым ресурсом экономического роста. Запуск 26 февраля 2025 года нового национального проекта «Экономика данных, и цифровая трансформация государства» знаменует собой этот сдвиг. Проект, пришедший на смену завершённой программе «Цифровая экономика», делает акцент на данных как на новом «топливе» для экономики, предусматривая развитие искусственного интеллекта (ИИ), интернета вещей и робототехники. Цель последнего – создание низкоорбитальной спутниковой группировки для обеспечения интернетом всей территории России, что позволит достичь полного покрытия, в том числе отдалённых регионов и транспортных артерий. Это создаёт новый институт – гарантированный доступ к цифровому пространству, который может быть использован для управления и контроля.

Особое внимание уделяется институционализации платформенной экономики. Принятие Федерального закона «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики» в 2025 году является прямой попыткой вписать быстро растущие цифровые площадки, такие как Wildberries и Ozon, в единую государственную систему. Закон требует от платформ обеспечения прозрачности договоров, включая порядок расчета вознаграждения, доступ к информации о рейтинге и логистике. Он также вводит систему предварительного разрешения споров и обязывает платформы интегрироваться с государственными информационными системами, содержащими данные о сертификации, декларировании соответствия и маркировке продукции.

Это демонстрирует стремление государства ограничить автономию крупных игроков и сделать их частью общего механизма государствен-

ного надзора за качеством и безопасностью товаров. Маркетплейсы, которые сами по себе стали мощным институтом, стандартизирующим логистику, платежи и обратную связь, теперь становятся инструментом государственного контроля.

Если формальные институты потребления в России развиваются под давлением целенаправленной государственной политики, то неформальные институты – совокупность норм, ценностей, верований и поведенческих паттернов, которые регулируют социальное взаимодействие – претерпели еще более глубокие и фундаментальные трансформации. Эти изменения были вызваны двумя мощными факторами: последовательными внешними шоками, в первую очередь санкциями и специальной военной операцией, и внутренней экономической ситуацией, характеризующейся ростом цен и сокращением реальных доходов населения. В результате сформировалась новая, доминирующая модель потребительского поведения, которую можно охарактеризовать как сочетание осторожности, экономии, технологической адаптации и смещения потребительского спроса в сторону новых каналов.

Наиболее очевидным следствием внешних и внутренних кризисов стало доминирование «экономичного» потребительского образа жизни, переход к сберегательной модели потребления. Данные за период 2020–2023 годов наглядно демонстрируют этот сдвиг. Номинальный располагаемый доход на душу населения рос, увеличившись с 34600 до 43300 рублей, однако этот рост был полностью нивелирован высокой инфляцией, которая подняла потребительский ценовой индекс на 130,3 %. В результате реальные доходы снизились примерно на 4 %, что прямо соответствует «закону Энгеля» о том, что при снижении реальных доходов домохозяйства увеличивают долю расходов на продукты питания и снижают расходы на прочие товары и услуги.

Доля домохозяйств, тратящих более 50 % своего бюджета на еду и коммунальные услуги, выросла с 38,1 % до 49,3 %. Цена стала стабильным и ключевым фактором при совершении покупок, что привело к росту спроса на более дешевые магазины и собственные торговые марки (private label). Эта экономическая необходимость привела к заметному изменению структуры потребительских расходов. Доля расходов на импортные товары сократилась, а предпочтение отечественным товарам выросло. Этот сдвиг был обусловлен не только ценовыми факторами, но и фактическим дефицитом импортных продуктов и сознательным выбором, подпитываемым националистической повесткой. Одновременно с этим произошло сокращение трат на некритичные нужды. В 2020 году пиковый уровень отказа от услуг отдыха, досуга, путешествий и культурных мероприятий достиг значительных показателей: 49,6 % респондентов избегали занятий спортом и хобби, 37,1 % – ресторанов и кафе, 30,6 % – путешествий. Хотя эти показатели несколько снизились к 2023 году, они остаются выше, чем до пандемии. Даже в базовой сфере потребления наблюдались снижения: в период с 2020 по 2023 год сократилось потребление мяса, птицы, рыбы, сыра, а также свежих овощей и фруктов. Например, доля семей, потреблявших мясо, упала с 84,3 % до 76,4 %, а потребление свежих овощей и фруктов впервые зафиксировало рост числа не потребляющих домохозяйств до 12 %.

Инвестиционная активность также была подавлена. Спрос на дорогостоящие товары длительного пользования, такие как автомобили и дорогая электроника, значительно снизился. Автомобильная популярность падала, а владельцы смартфонов стали реже их менять, предпочитая старые устройства с хорошим техническим оснащением. Владельцы компьютеров и ноутбуков также стали реже их обновлять. Эта тенденция отражает общую склонность к минимизации рисков и сохранению сбережений в условиях экономической неопределенности.

Однако, несмотря на общую тенденцию к экономии и консерватизму, в потребительской сфере произошла мощнейшая технологическая трансформация, которая сформировала новую институциональную среду потребления. Ключевым элементом этого процесса стал бум электронной коммерции. Рынок интернет-торговли в России пережил взрывной рост, заняв в 2024 году уже более 20 % всего розничного рынка по объему. В 2024 году его объем вырос на 37–43 %, достигнув 11–11,3 трлн рублей.

Такой рост сделал e-commerce лидером по числу зарегистрированных новых компаний в России, обогнав даже строительство и грузоперевозки. Эта тенденция продолжилась и в 2025 году, когда электронная коммерция снова вошла в топ-5 ниш для начала бизнеса. Рост не просто меняет каналы продаж, он формирует новую социальную институцию — цифровое потребительское пространство, которое объединяет миллионы

продавцов и покупателей, стандартизирует процессы и создает новые возможности для потребления.

Центральную роль в этой трансформации играют маркетплейсы, такие как Wildberries и Ozon, которые функционируют не просто как интернет-магазины, а как «цифровые торговые центры», объединяющие множество продавцов и покупателей. Они решают ключевые проблемы потребителя, такие как логистика, удобство возврата (73 % пользователей считают возвраты на маркетплейсах удобнее) и конкурентоспособные цены (на 15–20 % ниже из-за агрегации спроса). Совокупная доля двух лидеров, Wildberries и Ozon, выросла с 50 % до 56,7 % рынка в 2024 году. Эта консолидация создает новую, более эффективную среду для потребления, которая особенно актуальна в условиях ограниченного доступа к офлайн-магазинам и дефицита товаров. Охват платформ среди населения старше 12 лет в 2025 году составлял 58% для Wildberries и 52 % для Ozon.

Технологическая адаптация породила новую модель потребления, которая можно охарактеризовать как «демократизированную». Цифровые платформы позволяют удовлетворить массовый, но часто недооцененный спрос на доступные товары. Ярким примером является рынок парфюмерии на маркетплейсах. В период с января по май 2025 года было куплено более 13 млн флаконов, причем средний чек на Wildberries снизился с 999 рублей в 2020 году до 580 рублей в 2025 году. Это свидетельствует о сдвиге потребительского спроса в сторону массового и доступного потребления, что ранее могло быть менее заметно в традиционных каналах.

Еще одним показателем является рост продаж продуктов питания онлайн, которые впервые в 2024 году заняли первое место по объему в e-commerce, наряду с товарами для дома и мебели. Это подтверждает факт того, что цифровые платформы стали незаменимым инструментом для удовлетворения базовых потребностей в новых условиях.

Результаты

Очевидная технологическая трансформация создает парадоксальную ситуацию. С одной стороны, она позволяет эффективно удовлетворять базовые потребности и адаптироваться к новым реалиям. С другой стороны, она может усугублять зависимости и ограничивать выбор. Концентрация рынка в руках нескольких крупных игроков и смещение импорта преимущественно в сторону Китая могут привести к тому, что потребители будут иметь дело с ограниченным кругом производителей и брендов. Высокая конкуренция на маркетплейсах, где в мае 2025 года на Wildberries активно продавалось около 5 % от всех загруженных позиций, а на Ozon — около 3 %, свидетельствует о низкой конверсии и высокой ценовой войне, что может подавлять интерес к новым и малым брендам.

Российская политика импортозамещения и реальные изменения в потребительском спросе находятся в сложной диалектической связи. С одной стороны, санкции и выход иностранных компаний создали вакуум, который пытаются заполнить как отечественные, так и азиатские производители. Это привело к сдвигу потребительского спроса в сторону альтернативных брендов и к росту экономики. С другой стороны, неспособность российской промышленности в короткие сроки обеспечить качественную и конкурентоспособную альтернативу для широкого круга товаров привела к дефициту, росту цен и дальнейшему сокращению потребительского спроса. Политика импортозамещения, таким образом, не только не стимулировала рост потребления, но и, по сути, вынудила потребителей адаптироваться к новым, более сдержанным реалиям, что в долгосрочной перспективе представляет серьезный вызов для развития потребительского рынка.

Дуализм влияния институционализации потребления в современной России на экономический рост состоит в том, что процесс трансформации формальных и неформальных институтов в сфере потребления представляет собой сложную систему, которая, с одной стороны, демонстрирует высокую степень адаптивности и эффективности в краткосрочной перспективе для управления кризисами, а с другой — содержит в себе ряд фундаментальных противоречий, которые создают серьезные риски для устойчивого экономического роста в долгосрочной перспективе. Анализ взаимосвязи между формальными и неформальными институтами потребления и макроэкономическими показателями показывает, что текущая модель является скорее системой сдерживания, гарантирующей стабильность в условиях шока, но одновременно тормозящей потенциал для развития, основанного на динамичном потребительском спросе.

В периоды внешних шоков, таких как пандемия COVID-19 и последующие санкции, государственные меры по поддержке населения и бизнеса сыграли ключевую стабилизирующую роль. Комплекс мер, направленных на увеличение располагаемого дохода семей с детьми (единовременные выплаты, туристический кешбэк), снижение долговой нагрузки (кредитные каникулы) и поддержку занятости (субсидии, налоговые каникулы для бизнеса), помогли сохранить платежеспособный спрос и предотвратить коллапс экономики. В этом контексте институциональные изменения, такие как усиление защиты прав потребителей и создание цифровых платформ для оказания госуслуг, могли повысить доверие к системе и способствовать сохранению стабильности. Экономический рост в 2021 году (+5,87 %) и 2023 году (+4,08 %) был во многом обеспечен именно этими стимулирующими мерами, высокими военными расходами и ростом государственных расходов в целом. В 2024 году рост GDP составил 4,3 %, что стало результатом совокупного влияния этих факторов. Однако в

среднесрочной перспективе складывающаяся модель институционализации потребления начинает демонстрировать признаки неэффективности и даже противоречивости по отношению к целям устойчивого экономического роста.

Во-первых, доминирующая неформальная норма экономии, вызванная снижением реальных доходов и высокой инфляцией, подкрепляется формальными институтами, которые дополнительно сдерживают спрос. Установление минимальных цен на крепкий алкоголь и табачную продукцию с 01 января 2025 года является прямым примером такой политики. В теории, основанной на институциональной экономике, потребление рассматривается не как конечная цель, а как ключевой двигатель экономической активности и национального дохода. Когда же формальные институты (регуляторный контроль, ценовые санкции) и неформальные нормы (экономика, страх) работают на сдерживание потребительского спроса, это создает серьезное препятствие для роста, который должен быть основан на внутреннем спросе.

Во-вторых, текущая модель не способствует росту инновационной составляющей экономики, которая является ключевым драйвером долгосрочного роста. Данные показывают, что доля инновационной продукции в продажах российских компаний снизилась с 8 % в 2015 году до 5 % в 2022 году. В высокотехнологичных отраслях лишь 0,1 % инноваций были новыми на мировом уровне. Эта тенденция связана с тем, что политика, основанная на импорте, параллельном импорте и защите отечественных производителей, не создает достаточных стимулов для исследований и разработок. Вместо этого экономика движется по пути технологического имитирования, что не обеспечивает конкурентоспособность на глобальном уровне.

В-третьих, существует серьезный риск финансовой неустойчивости. Несмотря на сдержанность потребительского спроса, уровень задолженности домохозяйств в России продолжает расти. По состоянию на январь 2025 года, ее объем составлял 395,3 млрд долларов США, что составляет 20,7 % от ВВП. Хотя в 2024 году наблюдалось замедление роста потребительского кредита и снижение процентных ставок, в первой половине 2025 года наблюдался рост необеспеченных кредитов до 12,1 % от общего объема потребительских кредитов. Это создает долгосрочную финансовую нестабильность, поскольку в случае дальнейшего снижения доходов или роста ключевых ставок ЦБ, рост задолженности может привести к увеличению числа неплатежей и кризису в банковском секторе.

Наконец, текущая модель экономического роста во многом зависит от государственных расходов и использования резервов, что ставит под сомнение ее устойчивость. Рост ВВП в 2024 году был обеспечен, в частности, ростом государственных расходов на оборону и безопасность,

которые в 2025 году составили около 40 % от всех государственных расходов. Для финансирования этих расходов использовались средства из Национального фонда (НФР), который к декабрю 2023 года сократился с пиковых 201 млрд долл до 133 млрд долл. Эта модель, основанная на истощении накоплений, а не на росте производительности и потребительского спроса.

Замедление темпов роста ВВП до 1–2 % в 2025 году уже прослеживалось на фоне ослабления

потребительского спроса и высоких процентных ставок, которые ЦБ использует для борьбы с инфляцией. Прогнозы на 2026–2027 годы также указывают на медленный рост, около 1 % в год.

В 2024–2025 годах экономический рост России демонстрирует значительное замедление после высоких показателей предыдущего года. Основные данные и прогнозы по ключевому показателю – годовому росту ВВП – представлены в таблице 2.

Таблица 2

Основные данные и прогнозы по показателю ВВП (% в год)

Период	Темпы роста ВВП (% в год)	Примечания и источники данных
1. 2024 год (итог)	+4.1 % / +4.3 %	Рекордный рост, во многом обеспеченный масштабными военными расходами
2. 2025 год (прогноз)	+1 % (консенсус-прогноз по итогам года)	Официальные прогнозы на конец 2025 г., Минэкономразвития – +1 %, Банк России – +0,5–1 %, МВФ – +0,6 %

Замедление экономики в 2025 году не было единовременным событием, а стало результатом устойчивой тенденции, наблюдаемой в течение года, что явилось следствием исчерпания предыдущей модели роста. Экономика столкнулась с пределами производственных мощностей и нехваткой трудовых ресурсов, а эффект от прошлых бюджетных стимулов начал ослабевать.

Основные причины падения темпов роста:

- **Снижение экспортных доходов**, поскольку на экономику повлияли низкие цены на нефть, сокращение экспорта и действие санкций;

- **Жесткая денежно-кредитная политика**, вызванная высокой ключевой ставкой Банка России

(удерживавшаяся на уровне 21 % в первой половине года), сдерживающая деловую активность и потребительский спрос;

- **«Фрагментированный»** рост, который был сосредоточен в ограниченном числе отраслей, связанных с госрасходами (напр., IT-сектор), в то время как многие гражданские отрасли, такие как легкая и мебельная промышленность, демонстрируют спад.

Следствием этого стало то, что в 2024–2025 годах потребление домохозяйств в России демонстрировало рост, однако к середине 2025 года намечилось замедление темпов и изменение потребительского поведения.

Таблица 3

Основные показатели динамики потребления домохозяйств в 2025 г.

Показатель	Период	Динамика	Примечания
1. Доля в ВВП	II кв. 2025	Рост до 52,7 %	Увеличилась с 50,1 % во II кв. 2024 года
2. Расходы домохозяйств	II кв. 2025	18962 млрд руб.	Выросли с 18383,6 млрд руб. в I кв. 2025 года
3. Оборот розницы, общепита и услуг	август 2025	Рост на 2,9 % (г/г)	Ускорение по сравнению с июлем (2,2 %)
4. Реальные расходы (СберИндекс)	июнь 2025 (г/г)	Рост на 1,4 %	При этом в месячном выражении – снижение на 0,2 %

Данные показатели являются следствием конкретных экономических причин, и демонстрируют новые тенденции в поведении потребителей.

Заключение

Можно резюмировать, что формальные и неформальные институты потребления в России представляют собой сложную картину. С одной стороны, доминирующей нормой стало сбережение и экономия, обусловленная снижением реальных доходов. С другой стороны, потребители

активно адаптируются к новой реальности, используя цифровые платформы для получения доступа к товарам и услугам. Эта технологическая адаптация создает новую, эффективную, но потенциально закрытую и концентрированную институциональную среду, которая будет играть решающую роль в формировании потребительского поведения в ближайшие годы.

Институционализация потребления в современной России – это своего рода «система сдержи-

вания». Она эффективна для управления кризисами и поддержания базовой стабильности, но ее компоненты – регуляторный контроль, экономия, импортозамещение – работают вразрез с необходимостью для устойчивого экономического роста, который должен быть основан на повышении реальных доходов, расширении потребительского выбора и стимулировании инноваций. Текущая модель создает парадоксальную ситуацию: с одной стороны, государство активно институционализирует цифровые каналы по-

требления, что повышает эффективность и доступность; с другой – оно сдерживает реальный спрос, подавляя потребительский потенциал. Будущее экономического роста России будет зависеть от того, сможет ли государство найти баланс между необходимостью стабильности и потребностью в развитии динамичного и конкурентоспособного потребительского рынка. Без этого баланса долгосрочный экономический рост будет оставаться под вопросом.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Брызгалин А.В. Группа компаний Налоги и финансовое право на 07 февраля 2025 / А.В. Брызгалин, А.Н. Головкин. URL : <https://www.cnfp.ru>
2. Снимщикова И.В. Поведенческая экономика : учеб. пособие. Краснодар : КубГАУ, 2024. 145 с.
3. Снимщикова И.В. Факторы деформации потребительского спроса населения России в условиях санкционных ограничений // Гуманитарные, социально-экономические науки. Краснодар, 2023. № 6. С. 270–276. DOI: 10.23672/SAE.2023.98.78.044 EDN: FPHORR
4. Снимщикова И.В. Тренд потребительского спроса в современных экономических реалиях России // Труды Кубанского государственного аграрного университета. Краснодар : КубГАУ, 2022. № 100. С. 70–73. DOI: 10.21515/1999-1703-100-70-73 EDN: QXVFRO

References:

1. Bryzgalin A.V. Group of Companies Taxes and financial law on 07 Feb 2025 / A.V. Bryzgalin, A.N. Golovkin. URL : <https://www.cnfp.ru>
2. Snimshchikova I.V. Behavioral economics: textbook. the manual. Krasnodar : KubGAU Publ., 2024. 145 p.
3. Snimshchikova I.V. Factors of deformation of consumer demand in Russia under the conditions of sanctions restrictions/Humanities, socio-economic sciences. Krasnodar, 2023. № 6. P. 270–276. DOI: 10.23672/SAE.2023.98.78.044 EDN: FPHORR
4. Snimshchikova I.V. The trend of consumer demand in the modern economic realities of Russia // Proceedings of the Kuban State Agrarian University. Krasnodar : KubGAU, 2022. № 100. P. 70–73. DOI: 10.21515/1999-1703-100-70-73 EDN: QXVFRO

Информация об авторе

Снимщикова Ирина Викторовна

доктор экономических наук,
профессор,
профессор кафедры институциональной экономики
и инвестиционного менеджмента
экономического факультета,
Кубанский государственный аграрный университет
им. И.Т. Трубилина
SPIN-код: 2954-0235
snimshchikovaiv@gmail.com

Irina V. Snimshchikova

Doctor of Economics,
Professor,
Professor of the Department
of Institutional Economics
and Investment Management
at the Faculty of Economics,
I.T. Trublin Kuban State Agrarian University
SPIN code: 2954-0235
snimshchikovaiv@gmail.com

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 25.12.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.01.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.01.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-1-23>

УДК 332

Attribution

cc by

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА В УСЛОВИЯХ ИННОВАТИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Таранов П.В., Рощина Л.Н.

Ростовский государственный экономический университет

Аннотация. Данная статья, посвященная теоретическому осмыслению мировой экономики в условиях инноватизации социально-экономических процессов, опирается на теории пост-индустриального общества, разработанного Д. Беллом, теории, являющейся глобальной концепцией развития мировой экономики. Актуальность исследования детерминирована стратегическим направлением развития экономики постиндустриального общества и конкурентоспособностью на мировом экономическом рынке. мировое постиндустриальное сообщество характеризуется процессами инноватизации социально-экономического развития, в котором основную роль в производстве, обмене информацией выполняют процессы цифровизации мирового экономического рынка. Под инноватизацией, в контексте социально-экономического развития мировой экономики, понимается процесс, стимулирующий ее экономико-технологическое развитие. Стратегия устойчивого развития выступает здесь комплексной системой взаимосвязанных мер, направленных на достижение долгосрочных задач. Процесс разработки и реализации таких стратегий в современных условиях протекает в сложной среде, характеризующейся неопределенностью и рискогенностью. Сущность инновационных стратегий многогранна: это и особый социально-экономический процесс, и результат соответствующих изменений, и, с позиций системного подхода, комплексная категория. Следовательно, центральный вывод авторов заключается в том, что стратегическим направлением для повышения эффективности и устойчивости развития мировой экономики служит процесс инноватизации, опирающийся на современные научно-технические достижения.

Ключевые слова: инновационные стратегии, инвестиционные стратегии, цифровизация, постиндустриальное общество, мировая экономика, инновации, устойчивое развитие, инновационное социально-экономическое развитие.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE WORLD ECONOMY IN THE CONTEXT OF INNOVATIVE SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Petr V. Taranov, Lidia N. Roshina

Rostov State University of Economics

Abstract. This article provides a theoretical analysis of the global economy through the lens of innovation in socio-economic processes. It draws on Daniel Bell's theory of post-industrial society as a foundational global concept for economic development. The study's relevance stems from the strategic trajectory of post-industrial economies and the imperative of maintaining competitiveness in the global market. This post-industrial stage is defined by innovation, with the digitalization of the economic market being a key driver of production and information exchange. Here, innovation is understood as a catalyst for economic and technological advancement. The strategy for sustainable development constitutes a comprehensive system of measures aimed at long-term goals, whose formulation and implementation today occur under conditions of significant uncertainty and risk. The nature of innovation strategies is multifaceted: they represent a distinct socio-economic process, an outcome of change, and, from a systems perspective, a complex category. Consequently, the authors contend that enhancing the efficiency and sustainability of global economic development requires a strategic focus on innovation driven by scientific and technological progress.

© Таранов П.В., Рощина Л.Н.

Keywords: innovative strategies, investment strategies, digitalization, post-industrial society, global economy, Innovation, sustainable development, innovative socio-economic development.

Funding: Independent work.

Введение.

В современной мировой экономике инновационное развитие, затрагивающее как социальную, так и экономическую сферы, стало главным трендом столетия и стратегическим курсом для постиндустриальных обществ.

В XXI веке как в науке, так и в практике зачастую встречаются такие понятия, как инновации, устойчивое развитие, инноватизация социально-экономического развития. «Все страны стремятся внедрять новые технологии, чтобы не отстать от современных лидеров и остаться конкурентоспособными на мировом рынке» [1, с. 3]. Однако стоит отметить дифференциацию реализации такого курса в разных странах. [1, с. 3]. Наиболее инновационными мировыми экономиками считаются такие развитые страны, как Япония, США, Республика Корея, Германия, Великобритания, Франция, Италия, а также новые развивающиеся индустриальные страны, экономика которых не является полностью развитой, но демонстрирующая стремительный рост промышленности и экспорт готовой продукции с учетом процессов инноватизации: Китай, Индия, Индонезия, Турция, Мексика и др.

Изучение мировой экономики (далее – МЭ), в контексте ее инновационного социально-экономического развития, становится все более актуальным под влиянием цифровизации. Последняя коренным образом меняет мировые технологические процессы, экономические отношения и формы социальной коммуникации [2].

Теоретическое обоснование.

Исходя из вышесказанного, актуальной задачей является развитие теоретико-методологической базы для анализа социально-экономического развития МЭ в условиях ее инновационной трансформации.

Теория постиндустриального общества Д. Белла может выступить ключевой концепцией для подобного анализа. Согласно данной теории, мировое постиндустриальное сообщество характеризуется процессами инноватизации социально-экономического развития и основную роль в производстве, обмене информацией выполняют процессы цифровизации мирового экономического рынка, создающие «основу для развития мировой торговли, международного движения капиталов и валютных отношений», применяющих на практике инвестиционные стратегии [3, с. 14].

Само понятие «инноватизация» в рамках социально-экономического развития МЭ подразумевает процесс стимулирования экономико-

технологического развития. Широкое распространение инноваций происходит, благодаря формированию глобальной высокотехнологичной среды, которая, в свою очередь, находится в состоянии трансформации и ускорения вместе с научно-техническим прогрессом.

Что касается задач интенсивного роста МЭ, они актуализируют поиск инновационных стратегий, а также форм и методов в управлении социально-экономического развития [4].

Инновационные стратегии можно рассматривать как:

- социально-экономический процесс;
- как результат социально-экономических изменений и роста экономики;
- а также исходя из положений системного подхода к инновационным стратегиям, их можно рассматривать как комплексную категорию.

Обсуждение. Результаты.

Инноватизационный путь развития МЭ нацелен на обеспечение процессов устойчивого, динамичного, сбалансированного социально-экономического развития экономики, причем актуальность стратегии устойчивого развития МЭ по программе ООН предусмотрена до 2030 года.

Стратегия устойчивого социально-экономического развития МЭ – это комплексная система взаимосвязанных мер, нацеленных на обеспечение ее долгосрочной стабильности и достижение ключевых социально-экономических целей.

В современных условиях мировые инвесторы, следуя стратегическим подходам к стимулированию инновационных процессов в МЭ, «активно сокращают объем инвестиций в компании, игнорирующие устойчивые стратегии. Все больше промышленных, инфраструктурных и социальных проектов, реализуемых бизнесом, оцениваются с точки зрения факторов устойчивого развития» [5, с. 8].

В. Йонген полагает, что в современной мировой экономике зарождается «новая экономическая парадигма: онлайн-ритейл» – модель, стирающая границы между онлайн- и офлайн-торговлей. По его оценке, эта мировая онлайн-торговля базируется на 4-х взаимосвязанных и дополняющих друг друга драйверах, каждый со своей динамикой: «умная экономика, экономика совместного потребления (шеринг-экономика), цикличная экономика и платформенная экономика» [6, с. 11]. Как раз, синергия инноваций инициирует большие изменения в социально-экономическом развитии МЭ [7].

Р. Флорида, изучая мировое экономическое и социальное взаимодействия, обнаружил, что развитые мировые постиндустриальные сообщества носят преимущественно креативный инновационный характер, в то время как развивающиеся индустриальные страны больше ориентированы на социальное взаимодействие и еще слабо ориентированы на инновационное технологическое развитие, а также высокий экономический рост. Поэтому, согласно выводам Р. Флориды, они движутся в несколько противоположных направлениях [8].

Современные социально-экономические условия носят двойственный характер: с одной стороны, они определяются динамикой и уникальностью креативных процессов в инновационной МЭ; с другой стороны, они испытывают влияние постоянно возникающих и обостряющихся кризисных явлений в социально-экономической сфере.

Среди основных факторов, создающих среду неопределенности и рисков для МЭ, стоит выделить:

— рост инновационно-инвестиционных рисков, связанных с разработкой и реализацией проектов развития. Это, в свою очередь, закономерно приводит к тому, что для поддержки программ социально-экономического развития требуется привлечение инвесторов, готовых к работе в условиях высокой волатильности и неопределенных результатов [9];

— сохраняется принципиальная трудность в прогнозировании и оценке итоговой эффективности стратегических инновационных инициатив.

Следовательно, необходимо иметь в виду, что разработка и реализация стратегий инновационного развития МЭ сопряжены с высоким уровнем неопределенности и рисков. Эти вызовы являются прямым следствием перехода к глобальному постиндустриальному укладу, который основан на инновационной экономике.

Успешное формирование такого общества требует постоянного освоения передовых научно-технических достижений. Речь идет о комплексном внедрении инноваций не только в технологической, но и в организационной, управленческой, экологической, маркетинговой и социальной сферах, что позволит адекватно реагировать на актуальные требования современности [9].

Как подчеркивается в монографии «Человеческие ресурсы в инновационной экономике: ретроспектива и перспектива развития», инноватизация социально-экономического развития является процессом «динамичного усовершенствования модели МЭ на основе перманентного внедрения достижений научно-технического прогресса, постоянного осуществления разработки и внедрения прогрессивных технологий, техники и продуктов на качественно новой основе» [9, с. 142].

С точки зрения Н.П. Мыцких, в XXI веке инновационные стратегии в рамках социально-экономического развития можно разделить на два основных типа – адаптивная стратегия и конкурентная стратегия.

Суть первой стратегии заключается в реактивном ответе на серьезные изменения рыночных условий путем разработки и внедрения, к примеру, цифровых инноваций. Конечной задачей в данной стратегии выступает удержание доли рынка для определенной сферы деятельности.

Вторая стратегия носит проактивный характер, и для нее крупные радикальные инновации выступают пусковым механизмом, обеспечивающим вывод на глобальный рынок новых цифровых продуктов. Ключевой задачей этой стратегии являются получение устойчивых конкурентных преимуществ и достижение стратегических социально-экономических целей [10].

По мнению Ж.С. Беляевой, А.М. Валей, Н.Б. Давидсона и др., цифровизация непосредственно оказывает влияние на все субъекты МЭ – государственное развитие, мировой бизнес, социально-экономические процессы, которые являются важнейшими «актерами цифровой трансформации мировой экономики. Согласно данному докладу о мировой конкурентоспособности» и конкурентных преимуществ и достижений целей социально-экономического развития, положительные «эффекты цифровизации не формируются автоматически и не являются гарантированными, однако во множестве случаев цифровые технологии могут создавать значительные преимущества» [11, с. 9].

Анализ научной литературы указывает на два типа стратегий социально-экономического развития через внедрение цифровизации и инновационных решений: локально-точечная инновационная стратегия и последовательно адаптивная стратегия социально-экономического развития.

Первая стратегия направлена на оптимизацию производственно-технологических процессов через последовательное и систематическое наращивание выпуска продукции в различных сферах мирового хозяйства. Ключевая характеристика таких стратегий – «аддитивный эффект», т.е. «свойство аддитивности», которое заключается в том, что: «каким бы образом ни был разбит объект на какие-либо элементы, значение их суммарной суммы, всегда будет равно суммарному их значению» [9, с. 144].

Вторая стратегия в МЭ направлена на преодоление структурных ограничений через выявление и устранение узких мест в глобальной производственно-технологической системе, что позволяет расширить ее потенциал. Результатом является достижение необходимого баланса в процессах изменений и повышение эффективности функционирования структуры МЭ. Действие этой стратегии проявляется, прежде всего, в минимизации крупных системных потерь. Это,

в свою очередь, создает основу для накопления мультипликативного эффекта от применения разнообразных инноваций.

В рамках теории постиндустриального общества существует авторская классификация инвестиционных стратегий, разработанная российским экономистом И.В. Афонимым. Он выделил три типа, определяющих инновационное развитие МЭ: инновационный, имитационный и венчурный [13].

Стратегия первого типа нацелена на обеспечение технологического лидерства за счет разработки и внедрения прорывных, наиболее радикальных инноваций.

Вторая стратегия ориентирована на быстрое воспроизводство и адаптацию технологических достижений лидеров с последующим внедрением в свободные, неосвоенные сегменты мирового рынка.

Третья стратегия основана на взаимодействии с компаниями мирового рынка, чья основная деятельность заключается в создании инноваций путем инвестирования в высокорисковые проекты.

М.В. Власов и М.О. Шардина в своей статье «Инновационная деятельность в контексте международных экономических отношений» приводят классификацию инноваций по различным критериям:

- степени новизны;
- содержанию;
- срокам разработки и реализации;
- специфическим особенностям создания;
- выходу на мировой экономический рынок;
- величине экономических затрат;
- результативности и эффективности;
- типологии инновационной экономической системы;
- влиянию на МЭ [14].

В рамках развития социально-экономических систем МЭ постиндустриального общества, можно выделить два ключевых типа моделей инновационных стратегий: модель имитационной стратегии и модель венчурной стратегии.

Имитационная модель основана на инвестировании в технологии и продукты, уже существующие в арсенале лидеров рынка или ранее применяемые в практике, с последующим их внедрением без кардинальных изменений. Эта стратегия направлена на сокращение издержек и времени выхода на рынок за счет использования проверенных решений.

Венчурная модель акцентирует внимание на особых формах организации инновационной деятельности. К ним относятся как узкоспециализированные компании, так и крупные интегрированные холдинги, которые совместно обеспечивают создание и вывод на глобальный рынок новых продуктов в различных отраслях МЭ [15].

В целом, по мнению Л.Л. Гишкаевой, И.Р. Черхигова и Г.Р. Юпаевой, в различных государствах возможно наблюдать применение различных моделей инновационных систем [16].

И.А. Монахов подчеркивает, что мировой социально-экономический кризис стал определенной «проверкой на прочность экономических систем стран-лидеров, а также эффективности, принятых их правительствами антикризисных мер» [17, с. 87]. Согласно исследованиям И.А. Монахова, в 24 % предприятий на мировом рынке, для которых инновации были главным источником доходов, «наблюдалось снижение расходов на инновации» [17, с. 87].

Таким образом, обобщая различные научные точки зрения на сущность инновационных стратегий развития МЭ, можно сделать следующие выводы:

- Подходы, рассматриваемые в научной литературе, базируются на общих принципах классификации;
- Существующие различия в определении и формах проявления категории «инновационная стратегия» объясняются спецификой теоретических позиций авторов, которые, опираясь на теорию постиндустриального общества, анализируют разные аспекты: технический, технологический и экономический;
- Системное изучение инновационных технологий в условиях современного развития должно строиться на понимании их внутреннего единства и взаимодополняемости, что отражает особенности различных сегментов мирового рынка «и аспекты проблемы формирования и развития стратегий инновационного развития и стратегий инноватизации» [9, с. 146].

Заключение.

Разработка и реализация инновационной стратегии служат действенным инструментом для достижения целей социально-экономического развития. Появление новых инноваций в мировой экономике напрямую влияет на расстановку приоритетов в этом развитии.

Таким образом, можно заключить, что именно процесс инноватизации мировой экономики, основанный на внедрении современных достижений научно-технического прогресса, является стратегическим направлением для повышения ее эффективности и устойчивости.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.
Литература:	
<ol style="list-style-type: none">1. Тенденции инновационного развития мировой экономики / Т.В. Сидоренко [и др.]; Под ред. Е.Б. Стародубцева, В.Н. Миронова. М. : КноРус, 2021. 198 с.2. Таранов П.В. Мировая экономика в контексте концепции устойчивого развития / П.В. Таранов, Л.Н. Рощина, Е.И. Хубулури // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 6. С. 272–277. DOI: 10.24412/2220-2404-2024-6-46 EDN: KIXWZR3. Пашковская М.В. Мировая экономика / М.В. Пашковская, Ю.П. Господарик. М. : Университет «Синергия», 2019. 768 с.4. Коновалова К.Ю. Региональная экономика и управление социально-экономическим развитием территорий. М. : ИНФРА-М, 2025. 258 с. DOI: 10.12737/2105262 ISBN: 978-5-16-019307-6 EDN: TUDNUH5. Казакова Н.А. ESG-концепция производственного учета и управление устойчивостью развития промышленной организации : монография / Н.А. Казакова, Л.В. Пермитина. М. : ИНФРА-М, 2024. 251 с. DOI: 10.12737/2049716 ISBN: 978-5-16-018717-4 EDN: YDCOBI6. Йонген В. Onlife. Ритейл будущего: что нужно сделать сегодня.7. Чтобы быть лидером отрасли завтра / Пер. Д.А. Шалаевой. М., 2021 320 с.8. Таранов П.В. Инноватизация как ключевой курс развития цикличной экономики постиндустриального общества // В сборнике: Инфраструктура рынка: проблемы и перспективы. Ученые записки. Ростов-н/Д., 2024. С. 130–134. EDN: EEMZHC9. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида; Пер. с англ. М. : Издательский дом «Классика XXI», 2015. 300 с.10. Человеческие ресурсы в инновационной экономике: ретроспектива и перспектива развития : монография / Под ред. А.А. Степанова, М.В. Савиной. М., 2024. 240 с.11. Мыцких Н.П. Инновационные стратегии в государственном антикризисном регулировании экономики. Мн. : Академия управления при Президенте РБ, 2017.12. Мировая экономика: цифровизация и устойчивое развитие / Ж.С. Беляева [и др.]; Под ред. Ж.С. Беляевой. Екатеринбург : УРФУ, 2023. 198 с. ISBN: 978-5-7996-3714-9 EDN: NGYPDL13. Микольский К.И. Инновации и экономический рост. М. : Наука, 2012.14. Афонин И.В. Инновационный менеджмент. М. : Гардарики, 2005. ISBN: 5-8297-0209-6 EDN: QQICZH15. Власов М.В. Инновационная деятельность в контексте международных экономических отношений / М.В. Власов, М.О. Шардина // Журнал экономические теории. 2021. Т. 18. № 2. С. 300–307. DOI: 10.31063/2073-6517/2021.18-2.11 EDN: DYOENA16. URL : http://www.bibliofond.ru/view.asph?id=125142 (дата обращения 15.12.2025).17. Гишкаева Л.Л. Инновационные процессы на современном этапе развития экономики / Л.Л. Гишкаева, И.Р. Черхигоев, Г.Р. Юпаева // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 9-1(79). С. 62–65. DOI: 10.24412/2411-0450-2021-9-1-62-65 EDN: UATKKE18. Монахов И.А. Инновационные стратегии государств-лидеров – важнейшее условие преодоления кризиса и устойчивого развития на перспективу // Инновации. 2021. № 10. С. 87–94.	

References:

1. Trends in the innovative development of the world economy / T.V. Sidorenko [et al.]; Edited by E.B. Starodubtsev, V.N. Mironov. M. : KnoRus, 2021. 198 p.
2. Taranov P.V. The world economy in the context of the concept of sustainable development / P.V. Taranov, L.N. Roshchina, E.I. Khubuluri // Humanities, socio-economic and social sciences. 2024. №. P. 272–277. DOI: 10.24412/2220-2404-2024-6-46 EDN: KIXWZR
3. Pashkovskaya M.V. World Economy / M.V. Pashkovskaya, Yu.P. Gospodarik. M. : University of Synergy, 2019. 768 p.
4. Konovalova K.Y. Regional economics and management of socio-economic development of territories. M. : INFRA-M, 2025. 258 p. DOI: 10.12737/2105262 ISBN: 978-5-16-019307-6 EDN: TUDNUH
5. Kazakova N.A. ESG-the concept of production accounting and management of the sustainability of industrial organization development : monograph / N.A. Kazakova, L.V. Permitina. M. : INFRA-M, 2024. 251 p. DOI: 10.12737/2049716 ISBN: 978-5-16-018717-4 EDN: YDCOBI
6. Yongen V. Onlife. Retail of the future: what needs to be done today.
7. To be a leader in the industry tomorrow / Transl. by D.A. Shalaeva. M., 2021, 320 p.

8. Taranov P.V. Innovatization as a key course of development of the cyclical economy of a post-industrial society // In the collection: Market infrastructure: problems and prospects. Scientific notes. Rostov-on/D., 2024. P. 130–134. EDN: EEMZHC
9. Florida R. The creative class: people who are changing the future / R. Florida; Transl. from English. M. : Publishing House «Classics XXI», 2015. 300 p.
10. Human resources in the innovative economy: a retrospective and development perspective : monograph / Edited by A.A. Stepanov, M.V. Savina. M., 2024. 240 p.
11. Mytskikh N.P. Innovative strategies in state anti-crisis regulation of the economy. M. : Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, 2017.
12. The World economy: digitalization and sustainable development / Zh.S. Belyaeva [et al.]; Edited by J.S. Belyaeva. Yekaterinburg : URFU, 2023. 198 p. ISBN: 978-5-7996-3714-9 EDN: NGYPDL
13. Mikolsky K.I. Innovation and economic growth. M. : Nauka, 2012.
14. Afonin I.V. Innovation Management. M. : Gardariki, 2005. ISBN: 5-8297-0209-6 EDN: QQICZH
15. Vlasov M.V. Innovation activity in the context of international economic relations / M.V. Vlasov, M.O. Shardina // Journal of Economic Theory. 2021. Vol. 18. № 2. P. 300–307. DOI: 10.31063/2073-6517/2021.18-2.11 EDN: DYOENA
16. URL : <http://www.bibliofond.ru/view.asph?id=125142> (date of application 12/15/2025).
17. Gishkaeva L.L. Innovative processes at the present stage of economic development / L.L.Gishkaeva, I.R. Cherkhigov, G.R. Yupaeva // Economics and Business: theory and practice. 2021. № 9-1(79). P. 62–65. DOI: 10.24412/2411-0450-2021-9-1-62-65 EDN: UATKKE
18. Monakhov I.A. Innovative strategies of the leading states – the most important condition for overcoming the crisis and sustainable development in the future // Innovation. 2021. № 10. P. 87–94.

Информация об авторах

Таранов Петр Владимирович

доктор экономических наук,
профессор кафедры международной торговли
и таможенного дела,
Ростовский государственный
экономический университет
kmtitd@yandex.ru

Petr V. Taranov

Doctor of Economics,
Professor of the Department of International Trade
and Customs Affairs,
Rostov State University of Economics
kmtitd@yandex.ru

Рощина Лидия Николаевна

доктор экономических наук,
профессор кафедры международной торговли
и таможенного дела,
Ростовский государственный
экономический университет
kmtitd@yandex.ru

Lidiya N. Roshchina

Doctor of Economics,
Professor of the Department of International Trade
and Customs Affairs,
Rostov State University of Economics
kmtitd@yandex.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.12.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 14.01.2026.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.01.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Сетевое издание / Online edition

№ 1 от 23.01.2026

Выходит 12 раз в год
Все статьи рецензируются

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
академик Российской академии наук, д-р социол. наук,
д-р с.-х наук, профессор
Харитонов Евгений Михайлович

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
канд. филос. наук, доц.
Бугаенко Юлия Юрьевна

ШЕФ-РЕДАКТОР
д-р соц. наук, проф.
Попов Михаил Юрьевич

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ
Шелкова Елена Андреевна

Корректор – Попов М.Ю.

Оригинал макет – Шелкова Е.А.

Сдано в набор 21.01.2026
Подписано к публикации 23.01.2026

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации СМИ:
Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Комплекс работ выполнен ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7 (918) 415–05–71

e-mail: id-yug@id-yug.com